

НОВАЯ

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ» И ИДЕЯ ОБЩЕСТВЕННОГО БОГАТСТВА ОТ УИЛЬЯМА ПЕТТИ ДО АДАМА СМИТА

DE OFFICIO BONI REGIS APHORISMUS. К ПУБЛИКАЦИИ РУКОПИСИ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА «ПОЛИТИКА»

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА КАК ГЕРЦОГА ГОЛЬШТЕЙН-ГОТТОРПСКОГО В СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ПОНЯТИЕ «ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО» В РЕФОРМАТОРСКИХ ПРОЕКТАХ ЕКАТЕРИНЫ II

РОССИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В БРЮССЕЛЕ О ПОЛИТИКЕ ЛЕОПОЛЬДА I В ПЕРИОД АВСТРО-ИТАЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ 1859 года

РОЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦИИ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ДИПЛОМАТА (сентябрь 1870 года – май 1871 года)

«ЗАПИСКА» КОНСУЛА В БАСРЕ К.В. ИВАНОВА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОСТОКА В РОССИЙСКОМ МИД НАЧАЛА XX века

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФБР НЕМЕЦКИМ И ЯПОНСКИМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В США (1941–1945)

БЕРЛИН – КУБА: ВЗАИМОСВЯЗЬ КРИЗИСОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ СВЕРХДЕРЖАВ (1961–1962)

КОРОЛЕВСТВО САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МОДЕЛИ АРАБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

6

2023

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ II НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 6
НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ**

2023

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор В.С. Мирзеханов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Одд Арне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), **Николаус Катцер** (Германия), **Доминик Ливен**
(Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия), **В.С. Мясников** (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция),
Дональд Рейли (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь И.А. Фадеев

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 6
NOVEMBER–DECEMBER
2023

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Репина Л.П. «Политическая анатомия» и идея общественного богатства от Уильяма Петти до Адама Смита	5
Козлов Д.В. Джеймс Харрингтон и его восприятие истории — от нарратива к теории	18

НОВОЕ ВРЕМЯ

Петрова М.А. Легитимация великого князя Петра Федоровича как герцога Гольштейн-Готторпского в Священной Римской империи	34
Плавинская Н.Ю. Понятие «общественное благо» в реформаторских проектах Екатерины II....	49
Хорошева А.О. Российское посольство в Брюсселе о политике Леопольда I в период австро-итало-французской войны 1859 года	61
Черкасов П.П. Рождение Третьей республики во Франции глазами русского дипломата (сентябрь 1870 года — май 1871 года)	77

XX ВЕК

Ларин А.Б. «Записка» консула в Басре К.В. Иванова: постановка вопроса об изучении Востока в российском МИД начала XX века	95
Левин Я.А. Противодействие ФБР немецким и японским националистическим организациям в США (1941–1945)	109
Шубин А.В. Женевская конференция 1954 года: кто выиграл?	122
Магадеев И.Э. Берлин — Куба: взаимосвязь кризисов холодной войны в стратегических оценках сверхдержав (1961–1962)	136
Щелчков А.А. Чилийская революция и СССР: взгляд на Сальвадора Альенде из кабинетов ЦК КПСС	151

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Королевство Саудовская Аравия: к определению модели арабской государственности	165
Иванова Л.В. Сомалийский региональный штат Эфиопии. История и перспективы развития.....	180

ПУБЛИКАЦИИ

Юсим М.А. De officio boni regis Aphorismus. К публикации рукописи Юрия Крижанича «Политика»	193
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Любин В.П. Еще раз о неудавшихся революциях и реформах ([He] законченные революции и реформы: политическая практика и историческая реальность (опыт США и Европы). М., 2022)	206
Прокопенко Л.Я. Новое слово в историческом анализе феномена нации в постколониальных странах Азии и Африки (Д.М. Бондаренко. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М., 2022)	209

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гуськов Е.А., Барина Е.П. «Искусство управления»: империи и империализм в истории и современности (дискурсы и практики)	212
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Новая и новейшая история» в 2023 году	216

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Repina L.P. “Political Anatomy” and the Idea of Public Wealth from William Petty to Adam Smith.....	5
Kozlov D.V. James Harrington and His Perception of History: From Narrative to Theory.....	18

MODERN HISTORY

Petrova M.A. Legitimation of Grand Duke Peter Fedorovich as Duke of Holstein-Gottorp in the Holy Roman Empire.....	34
Plavinskaja N.Yu. The Concept of the Public Good in the Reform Projects of Catherine II	49
Khorosheva A.O. Russian Embassy in Brussels on the Policy of Leopold I During the Franco-Austrian War, 1859	61
Cherkasov P.P. The Birth of the Third Republic in France Through the Eyes of a Russian Diplomat, September 1870 – May 1871	77

20th CENTURY

Larin A.B. The “Note” of the Consul in Basra Konstantin Ivanov: Addressing the Question of the Study of the East in the Russian Foreign Ministry of the Early Twentieth Century.....	95
Levin Y.A. FThe FBI’s Counteraction to German and Japanese Nationalist Organizations in the United States (1941–1945).....	109
Shubin A.V. The 1954 Geneva Conference: Who Won?	122
Magadeev I.Ed. Berlin – Cuba: The Interrelationship of the Cold War Crises in the Strategic Assessments of the Superpowers 1961–1962	136
Schelchikov A.A. The Chilean Revolution and the USSR: A Look at Salvador Allende from the Offices of the CPSU Central Committee.....	151

CONTEMPORARY HISTORY

Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. Kingdom of Saudi Arabia: Defining the Model of Arab Statehood.....	165
Ivanova L.V. The Somali Regional State of Ethiopia: History and Prospects for Development.....	180

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

Youssim M.A. De Officio Boni Regis Aphorismus: On the Publication of Juraj Križanić’s “Politics”	193
--	-----

REVIEWS

Ljubin V.P. On Failed Revolutions and Reforms Once Again ([In]complete Revolutions and Reforms: Political Practice and Historical Reality (The Experience of the USA and Europe). Moscow, 2022).....	206
Prokopenko L.Ya. New Ideas in the Historical Analysis of the Nation Phenomenon in the Post-Colonial Countries of Asia and Africa (D.M. Bondarenko. Post-Colonial Nations in the Historical and Cultural Context. Moscow, 2022).....	209

ACADEMIC LIFE

Guskov E.A., Barinova E.P. “The Art of Management”: Empires and Imperialism in History and Modernity. Discourses and Practices	212
Index of Materials Published in the Journal “Modern and Contemporary History” in 2023.....	216

DOI: 10.31857/S013038640028923-3

© 2023 г. Л.П. РЕПИНА

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ» И ИДЕЯ ОБЩЕСТВЕННОГО БОГАТСТВА ОТ УИЛЬЯМА ПЕТТИ ДО АДАМА СМИТА

Репина Лорина Петровна — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН; Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия); Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия).

E-mail: lorinarepina@yandex.ru

Scopus Author ID: 39764477500; ORCID: 0000-0002-8008-9388; Researcher ID: A-8518-2018

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

Аннотация. В статье предпринимается попытка решить три взаимосвязанные задачи. Во-первых, предлагая новое прочтение ключевых текстов, принадлежащих ведущим британским мыслителям и представителям разных направлений экономической мысли XVII столетия, автор исследует зарождение теории трудовой стоимости в интеллектуальном контексте научной революции XVII в. и под влиянием ее идеолога Фрэнсиса Бэкона. Во-вторых, в предлагаемой статье ставится вопрос о том, в какой именно форме получила свое первоначальное воплощение идея труда как источника и основы общественного богатства, высказанная ирландским землевладельцем Уильямом Петти (автором «Политической анатомии Ирландии», «Трактата об Ирландии» и других статистических трудов), активным критиком господствовавшей в то время доктрины меркантилизма и одним из основоположников английской политической экономии, а также «искусства чисел» — количественных методов экономической и демографической статистики, в своей первой экономической работе «Трактат о налогах и сборах», увидевшей свет в 1662 г. В-третьих, экономические идеи и предложения Уильяма Петти и его единомышленников рассматриваются как неотъемлемая составная часть их политических воззрений и представления об «общественной пользе» и практическом значении научных знаний для совершенствования государственного управления. Особое внимание в статье уделено связи экономических взглядов Уильяма Петти и клойнского епископа, крупнейшего философа своего времени Джорджа Беркли с оценкой перспектив развития и будущего устройства Ирландии, а также с предложениями об объединении двух и даже всех трех королевств (Англии, Ирландии и Шотландии).

Ключевые слова: Англия, Ирландия, экономическая мысль, политическая экономия, статистика, государственное управление, общественное богатство, Уильям Петти, Джордж Беркли, Адам Смит.

L.P. Repina

“Political Anatomy” and the Idea of Public Wealth from William Petty to Adam Smith
Lorina Repina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

E-mail: lorinarepina@yandex.ru

Scopus Author ID: 39764477500; ORCID: 0000-0002-8008-9388; Researcher ID: A-8518-2018

The article is part of the project № 22-18-00488 “The Crisis of Values and Strategies for Overcoming It: The Idea of the “Common Good” in the Intellectual Discourse of Britain and Russia (1650–1750)”, supported by the Russian Science Foundation.

Abstract. In the article, the author attempts to solve three interrelated problems. First, by offering new readings of key texts authored by leading British thinkers and representatives of different strands of seventeenth-century economic thought, she explores the emergence of the labour theory of value in the intellectual context of the seventeenth-century Scientific Revolution and under the influence of its inspirer, Francis Bacon. Secondly, the author considers the exact form in which the idea of labour as the source and foundation of social wealth, expressed by William Petty, an active critic of the doctrine of mercantilism and one of the founding fathers of English political economy, was initially embodied, along with the concept of the “art of numbers” — quantitative methods of economic and demographic statistics, in his first economic work — “A Treatise on Taxes and Contributions”, published in 1662. Thirdly, the author examines and evaluates the economic ideas and proposals of William Petty and his associates as an integral part of their political views and ideas about “social wealth” and the importance of scientific knowledge for the improvement of public administration. She pays particular attention to the connection between the economic views of William Petty, a major Irish landowner, as set out in “The Political Anatomy of Ireland”, “A Treatise on Ireland, 1687”, and other statistical works, and George Berkeley, Bishop of Cloyne, with the assessment of the prospects for the development and future arrangement of Ireland, as well as with proposals for the unification of the two and even all three Kingdoms.

Keywords: England, Ireland, economic thought, political economy, statistics, public administration, public wealth, William Petty, George Berkeley, Adam Smith, economists.

Уильям Петти родился 25 мая 1623 г., а Адам Смит, автор всемирно известного труда «Исследование о природе и причинах богатства народов», появился на свет практически ровно через сто лет — 5 июня 1723 г. Таким образом, в нынешнем году оба они — юбиляры: одному четыре века, другому — три. Каждый по-прежнему знаменит, хотя и в разной степени.

Имя Петти, как правило, связывают с понятием «политическая экономия», хотя он его употребил лишь однажды при рассмотрении конкретного вопроса о так называемом «естественном уравнении» между трудом и землей¹. Вообще авторы экономических сочинений XVII в., которые издавались на английском языке, это понятие практически не использовали, ограничиваясь такими словами, как «торговля», «богатство» и т.п. Так, сочинение лондонского купца Томаса Мана, избранного в 1615 г. управляющим Ост-Индской компании, которого специалисты считают крупнейшим английским экономистом до Уильяма Петти, было озаглавлено: «Богатство Англии от внешней торговли, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства». Этот труд был написан Томасом Маном около 1630 г., но опубликован посмертно его сыном только в 1664 г. Второе издание трактата «Богатство Англии от внешней торговли» появилось уже в 1669 г., третье — в 1698 г.; четвертое — в 1700 г.; пятое — в 1713 г. во время дискуссии по поводу предложенного министром иностранных дел лордом Болингброком торгового договора с Францией; а шестое издание вышло в свет в Глазго в 1755 г.², и точно установлено, что экземпляр этого издания присутствовал в библиотеке Адама Смита. Современным читателям трактат Томаса Мана известен главным образом по его упоминанию Адамом Смитом в первой главе четвертой книги «Богатства народов»³, где автор отметил, что название книги Томаса Мана, которое он, по всей видимости, преднамеренно указал как *England's Treasure in (sic) Foreign Trade*, стало фундаментальным постулатом в политической экономии.

Таким образом, само заглавие сочинения Томаса Мана, особенно в транскрипции Адама Смита, выражает его главную идею — идею меркантилизма, который в XVII–XVIII вв. был ведущей экономической доктриной в Западной Европе и определял торговую политику государств. Ее основной принцип состоял в том, чтобы обеспечивать активное сальдо

¹ См.: *Petty W.* Политическая анатомия Ирландии // Экономические и статистические работы. Т. I–II. М., 1940. Т. I. С. 122.

² *Mun Th.* England's treasure by foreign trade. Or, the balance of our foreign trade is the rule of our treasure. Written by Thomas Mun of London, Merchant. First Published by his Son in the Year M.DC.LXIV. Glasgow, 1755.

³ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and the Causes of the Wealth of Nations. Book IV. Ch. 1. Indianapolis (Indiana), 1981. P. 431–435. (Repr. of Glasgow edition 1776).

внешнеторгового баланса, покрываемое притоком драгоценных металлов в страну. Изобилие денег в стране меркантилисты считали важнейшим условием успешного экономического развития, а производство рассматривали только как необходимое средство для обеспечения торгового оборота и получения торговой прибыли.

В трудах Уильяма Петти нет никаких следов знакомства с этим трактатом Томаса Мана. Зато есть критика меркантилизма, хотя считается, что Петти как мыслитель проделал значительную эволюцию, лишь постепенно освобождаясь от меркантилистских идей с его первых сочинений 1640-х годов вплоть до работ 1680-х годов, и более основательными в критике меркантилизма признаются заслуги Дадли Нортона (1641–1691), автора одного из выдающихся экономических сочинений конца XVII в. («Рассуждения о торговле: особенно касательно процента, монетной системы, сокращения и увеличения массы денег»), который резко критиковал меркантилизм и к тому же выступал за свободу торговли⁴. Особенности мировоззрения Уильяма Петти обычно связывают с влиянием знаменитого политического философа Томаса Гоббса (1588–1679). Но это следует понимать лишь в самом общем — философском смысле. Гораздо заметнее на его научных взглядах и методах анализа эмпирического материала сказалось влияние Фрэнсиса Бэкона (1561–1626). Что касается экономического мышления Уильяма Петти, то его оригинальность и творческая самостоятельность ярко проявилась прежде всего в идее трудовой стоимости, которая была впервые высказана им в «Трактате о налогах и сборах» в метафорической форме следующим образом:

«Here we are to remember in consequence of our opinion, **that Labour is the Father and active principle of Wealth, as Lands are the Mother** that the State by killing, mutilating, or imprisoning their money, and withal punish themselves; wherefore such punishments ought (as much as possible) to be avoided and commuted for pecuniary mulcts, which will **increase labour and publick wealth**»⁵.

«Здесь мы должны, следуя нашему убеждению, что **Труд — это Отец и действительный источник Богатства, тогда как Земля — Мать**, напомнить, что государство, убивая, калеча или заключая в тюрьму своих подданных, вместе с тем наказывает себя; поэтому таких наказаний следует (насколько возможно) избегать и заменять денежными штрафами, которые **увеличат труд и общественное богатство**»⁶.

Уильяму Петти удалось выделить стоимость как самостоятельную категорию, дать ей обоснование⁷, а также за столетие до Адама Смита показать значение разделения труда для экономического развития страны. Именно поэтому (и в свете оценок, данных идеям о стоимости Уильяма Петти Карлом Марксом, присвоившим сэру Уильяму титулы «отца политической экономии» и «изобретателя статистики»⁸) экономической составляющей его творчества много внимания было уделено в трудах советских ученых — исследователей истории экономической мысли⁹. При этом немало чернил было потрачено с целью распутать «клубок заблуждений» и «ошибок»¹⁰, обнаруженных в концепции Уильяма Петти по сравнению с марксовской теорией, хотя стоит заметить, что сам Маркс называл «ошибочную» идею Петти о «естественном уравнении» труда с деньгами «гениальным заблуждением» (курсив мой. — Л.Р.)¹¹.

Впрочем, оставим экономические проблемы экономистам и историкам экономической науки и обратимся непосредственно к трудам Уильяма Петти, к той самой «странный форме»

⁴ North D. Discourses Upon Trade: Principally Directed to the Case of the Interest, Coynage, Clipping, Increase of Money. London, 1691.

⁵ Petty W. A Treatise of Taxes and Contributions. Ch. X. § 10 // The Economic Writings of Sir William Petty / ed. C.H. Hull: in 2 vols. Vol. 1. Cambridge, 1899. P. 68.

⁶ Петти В. Трактат о налогах и сборах // Петти В. Экономические и статистические работы. Т. 1. С. 55.

⁷ Там же. С. 79–82.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 282.

⁹ См. прежде всего: Птуха М. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945; Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1971; Аникин А.В., Аникин В.А. Уильям Петти. М., 1986, и др.

¹⁰ См., например: Аникин А.В., Аникин В.А. Указ. соч. С. 38–40.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. Ч. 1. С. 364.

выражения его идей, о которой писали ученые — специалисты по политической экономии, в основном критически, но подчас и метафорически, как, например, в посвященном У. Петти труде А.В. и В.А. Аникиных: «Многие идеи Петти выражены в странной, с нашей точки зрения, форме, они порой “утоплены” в его упражнениях по политической арифметике»¹². Метафора, несомненно, удачная: в трактатах Петти многие интереснейшие и подлинно новаторские идеи отчасти скрываются под покровом его оригинальной терминологии, буквально «тонут» в волнах статистических выкладок и таблиц, и выловить их оттуда непросто. Но сначала стоит хотя бы кратко остановиться на важных этапах его биографии.

Уильям Петти получил степень доктора медицины в 1650 г. в Оксфорде, а в 1651 г. стал врачом при командующем английской армией в Ирландии, где благодаря покровительству Генри Кромвеля, удачному подряду по землеустроительным работам и сомнительным финансовым операциям превратился к концу 1650-х годов в одного из крупнейших землевладельцев острова. Сумев сохранить свою собственность после Реставрации Стюартов, Петти получил в 1661 г. титул баронета. Его британские биографы красочно повествуют о разносторонних талантах и полной крутых поворотов жизни сына бедного суконщика, неудавшегося юнги, прилежного ученика иезуитов, студента-медика в Утрехте, Лейдене, Амстердаме и Париже, секретаря Томаса Гоббса, профессора анатомии и профессора музыки, армейского врача и подрядчика-авантюриста, богатого лендлорда, искусного картографа, изобретателя, судостроителя, а также гениального ученого — статистика и экономиста, который считал, что «величайшим и блаженнейшим является труд мышления»¹³.

Один из членов — учредителей Лондонского Королевского общества, Уильям Петти стоял у истоков не только английской классической политической экономии, но был одним из создателей как статистической, так и демографической наук, которые называл по очевидным содержательным и формальным признакам «политической арифметикой» (такое название Петти дал одному из своих основных трудов¹⁴, хотя этот термин входил и в названия некоторых менее известных и значимых работ). Впрочем, универсальные ученые эпохи Просвещения были далеки от представления науки в категориях современных предметных специализаций. Интересы Уильяма Петти не ограничивались и тем, что мы сегодня назвали бы «обществознанием», или «социальными науками»: он получил естественнонаучное образование, и долгое время его профессиональная деятельность была связана с медициной.

Стоит обратить внимание и на то, что в тщательно продуманной терминологии Уильяма Петти, зафиксированной в названиях его главных трудов, автор акцентировал внимание не на предмете изучения, а на избранном им методе исследования. В общенаучном смысле это был метод бэконовский — экспериментальный и индуктивный, а цели и задачи предпринятых конкретных исследований и всей научной деятельности сэра Уильяма были в своей основе социально ценностными и, как мы могли бы сейчас их определить, практико-ориентированными. Вот, например, как он разъясняет свое понимание «политического» в «Предисловии автора» к тому трактату 1672 г., который он назвал «Политическая анатомия Ирландии»¹⁵:

«Сэр Фрэнсис Бэкон в своей работе *Advancement of Learning*¹⁶... провел весьма правильную во многих отношениях параллель между *физическим* телом и *телом политическим* и между искусством поддержания здоровья как для того, так и для другого. Столь же справедливо и то, что анатомия является наилучшей основой как одного, так и другого. ... Итак, поскольку знание *анатомии* необходимо не только врачам, но и полезно

¹² Аникин А.В., Аникин В.А. Указ. соч. С. 33.

¹³ См.: Hull C.H. Introduction // The Economic Writings of Sir William Petty... P. XIII—XXXIII; Strauss E. Sir William Petty. Portrait of a Genius. London, 1954. См. также: Аникин А.В., Аникин В.А. Указ. соч. С. 13—26.

¹⁴ Петти В. Политическая арифметика // Петти В. Экономические и статистические работы. Т. 1. С. 154—266.

¹⁵ Петти В. Политическая анатомия Ирландии. С. 90—153.

¹⁶ «О достоинстве и приумножении наук». См.: Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. Т. 1. М., 1971. С. 85—546.

каждому лицу, занимающемуся философией какого бы то ни было рода, я (хотя и не занимаюсь политикой) попытался из любопытства набросать в общих чертах *первый очерк политической анатомии*. ...Правда, это любопытное занятие препарирования трупов не может быть произведено без наличия различного рода специальных инструментов. Между тем я имел в своем распоряжении лишь простой *нож* и ветошку вместо всего того несравненно большего количества орудий, которого требует такая работа»¹⁷.

Таким «простым ножом», «специальным инструментом», избранным сэром Уильямом для анализа социально-экономического состояния Ирландии в 1672 г., стал количественный (статистический) метод, который в его более поздних работах получил имя «политической арифметики». Что же обнаружил Уильям Петти в результате «вскрытия», произведенного с помощью своего «простого ножа» с целью и в надежде — следуя заветам Фрэнсиса Бэкона — послужить «делу мира и процветания моей страны»¹⁸, которая, в его понимании, территорией Ирландии, разумеется, не ограничивалась?

Проведя исчисления площади земель Ирландии, стоимости экспортируемых товаров, имущества, скота, вывозившегося из Ирландии в Англию, таможенных пошлин на экспортируемые и импортируемые из Англии в Ирландию товары и проч., он сформулировал выводы из полученных данных в виде 14 позиций и предложил использовать их «для устранения недостатков и трудностей, испытываемых торговлей Ирландии». Отметим, что среди его рекомендаций, помимо «увеличения достоинства монет», снижения процента, пересмотра патентов, совершенствования производства и улучшения качества экспортируемых товаров, восстановления торговли с колониями, развития мореходства и т.п., присутствуют некоторые соображения иного, сугубо политического свойства, например:

«Если Ирландия до настоящего времени всегда была лишь источником расходов для Англии; если на подавление последнего восстания Англия израсходовала в совокупности людьми и деньгами втрое больше того, что стоит все имущество всей страны в целом; если справедливо, чтобы лица, родившиеся в Англии и владеющие там имуществом, были, проживая в Ирландии, представлены в органах законодательной власти и чтобы ирландцев не судили те, кто, как они считают, захватил их владения, — то было бы, по-видимому, справедливо и удобно, *чтобы оба королевства были объединены и подчинены одной и той же законодательной власти* (курсив мой. — Л.Р.). И нетрудно показать, как это может быть проведено практически и каким образом можно удовлетворить, вознаградить и утихомирить тех, кто заинтересован в противном или настроен против предлагаемого мероприятия»¹⁹. ...В Англии должны быть приложены усилия к тому, чтобы добиться объединения королевств под управлением одной законодательной власти, с соблюдением соответствующих пропорций, как это было когда-то успешно проведено по отношению к Уэльсу²⁰. ...*Если все эти реформы будут проведены и если будут упрочены имущественные права, то можно надеяться, что люди, видя, что им более выгодно жить в Ирландии, чем где-нибудь в другом месте, могут согласиться переселиться сюда и таким образом восполнить недостаток населения, являющийся самым крупным и наиболее серьезным пороком этого королевства*»²¹.

Термин «Политическая анатомия» из последующих работ Петти ушел, и на первый план выдвинулась «Политическая арифметика». Но целеполагание автора оставалось неизменным: «политическая анатомия» и «политическая арифметика» давали рациональное обоснование проектам реформ, предлагаемым интеллектуалами высшей власти. Эти проекты затрагивали как экономические и демографические, так и политические вопросы — в духе государственного строительства.

¹⁷ Петти В. Политическая анатомия Ирландии. С. 90–91.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 148–150.

²⁰ Там же. С. 152.

²¹ Фраза выделена курсивом в оригинале. Там же. С. 153.

С учетом конкретных социально-исторических условий как политического, так и экономического развития страны становится вполне понятно, почему «политическая арифметика» родилась именно в Англии в середине XVII в. и быстро получила широкое распространение, предоставляя правительству необходимые сведения о динамике доходов, структуре населения, богатстве страны. А тема одной из самых ранних и успешных публикаций сэра Уильяма Петти «Трактат о налогах и сборах...» вовсе не нуждалась в обосновании своей актуальности. О востребованности этих новых знаний красноречиво говорит то, что брошюра о налогах и сборах четыре раза переиздавалась при жизни автора (1662, 1667, 1679, 1685) и еще дважды вскоре после его смерти (1689, 1690), а также в середине XVIII в. — в сборнике наиболее известных трактатов У. Петти, вышедшем в свет в 1769 г.²²

Друг У. Петти, купец-галантерейщик, капитан лондонской милиции Джон Граунт (1620—1674) на основе изучения бюллетеней смертности, введенных еще в XVI в. в связи с эпидемиями чумы, построил первую таблицу смертности: число умирающих и число доживающих до определенного возраста. Новаторский труд Джона Граунта *Natural and political observations upon the bills of Mortality of the city of London* был издан в 1662 г. при активном участии У. Петти. Книга «Наблюдения над бюллетенями смертности города Лондона» имела успех не только в среде интеллектуалов, она также сразу привлекла благосклонное внимание верховной власти. По рекомендации самого короля Карла II Джон Граунт был в том же 1662 г. избран членом Королевского общества, причем «Веселый король» не преминул дать «специальное поручение своему Обществу, в случае, если найдут больше таких купцов... непременно принять их всех, без всяких колебаний»²³.

Понимание практического значения своего исследования для демографической политики и государственного управления в целом Граунт красноречиво выразил в обращении к президенту Королевского общества:

«Я представляю себе, что неплохо пэру парламента или члену Королевского совета знать, как мало из тех, кто просит милостыню, действительно голодает; что антирелигиозные предложения некоторых увеличить население путем полигамии вместе с тем неразумны и бесполезны; что тягостная изоляция во время чумы не является лекарством, а покупается за большие неудобства; что самые большие эпидемии чумы в городе быстро компенсируются селом; что потеря мужчин вследствие войны и колонизации не нарушает должной пропорции между ними и женщинами; что мнения о том, якобы эпидемия чумы сопровождается вступлением на престол королей, неправильно и мятежно; что Лондон, столица Англии, — голова, быть может, чрезмерно большая для туловища и, вероятно, чересчур сильная; что эта голова растет вдвое быстрее, чем туловище, которому она принадлежит, т.е. население ее удваивается в третью часть времени; ...что мужчин, способных носить оружие, хватит в Лондоне на три такие армии, какие могут быть использованы на этом острове»²⁴.

Граунт видел искусство управления в том, чтобы «сохранять подданных в мире и многочисленности», а основу честной политики — в учете соотношения земельных участков и рабочих рук на данной территории и различий между ними, а также таких условий, как, например,

²² См.: *The Economic Writings of Sir William Petty... Vol. 2. P. 634—637, 650.* Стоит привести полное название, раскрывающее содержание этой небольшой работы: *A treatise of Taxes & Contributions. Shewing the Nature and Measures of Crown-Lands. Assessments. Customs. Poll-Moneys. Lotteries. Benevolence. Penalties. Monopolies. Offices. Tythes. Raising of Coins. Harth-Money. Excize, etc. With several intersperst Discourses and Digressions concerning Warres. The Chuch. Universities. Rents & Purchases. Usury & Exchange. Banks & Lombards. Registries for Conveyances. Beggars. Ensurance. Exportation of Money/Wool. Free-Ports. Coins. Housing. Liberty of Conscience, etc. The same being frequently applied to the Present State and Affairs of Ireland.* Перевод трактата на русский язык см.: *Петти В.* Экономические и статистические работы. С. 4—78.

²³ *Sprat T.* *The History of the Royal Society of London. For the Improving of Natural Knowledge.* 3rd ed., corrected. London, 1722. P. 67.

²⁴ *Hull C.H.* *Graunt's Life // The Economic Writings of Sir William Petty... Vol. 1. P. 320.*

свойства почвы, близость к «хорошему рынку», половозрастная структура местного населения и проч. Королю и его министрам следует также знать, «какая часть населения занята необходимыми видами труда и профессиями». Граунт утверждал, что знание «всех этих особенностей и многих других необходимо для хорошего, уверенного и легкого управления и даже для уравнивания партий и групп как в церкви, так и в государстве»²⁵.

Уильям Петти, как и Джон Граунт, проводил подсчеты роста численности населения, вероятной смертности в Лондоне в случае новой эпидемии чумы и проч., особенно в поздних трудах (включая те, что остались в рукописях), но его подход к изучению населения имел прежде всего социально-экономическую направленность: акцент переносился на то, что население является субъектом, который приводит в движение экономику и составляет большую часть национального богатства. Это позволило некоторым исследователям утверждать, что Петти интересовался населением «только как основным фактором производительных сил»²⁶.

Но в последние годы жизни Петти, уже после смерти своего друга, продолжил исследования, начатые им ранее вместе с Граунтом. В 1680-х годах он опубликовал серию работ, в которых, в частности, рассматривал вопрос о населении земного шара и больших городов Западной Европы (Лондона, Парижа, Рима, Амстердама и др.) в сравнительной перспективе. Известны также разработанные им специальные программы исследований в этой области, в которых, по сути, предлагалась методика комплексного анализа демографических, экономических и социальных проблем. Вот наиболее важные пункты одной из таких программ: «Выяснить, как велико число людей, живущих за счет дохода со своей земли, и сколько живет за счет дохода с их движимого имущества, торговли, а также за счет искусства и труда. Сколько людей живет за счет благотворительности, сколько — на доход от должностей и службы в государственных учреждениях. Сколько — за счет мошенничества и воровства. Сколько имеется немощных детей и дряхлых стариков... Сколько людей в Англии уплачивают подушную подать по повышенным ставкам и сколько — по обычным. Сколько мужчин и женщин имеют детей, и сколько имеется женатых мужчин и замужних женщин, и сколько неженатых мужчин и незамужних женщин. ... Каким образом 10 тыс. людей могут быть расселены в какой-либо колонии с наибольшей пользой». У. Петти также интересовало, сколько лет потребуется на то, чтобы полностью заселить не только Англию и Германию, но также всю Америку и даже всю пригодную для жилья землю. Но его система приоритетов раскрывалась в оценке возможных итогов этой грандиозной исследовательской программы: «Будет ли быстрое заселение земного шара служить: во-первых, благу человечества; во-вторых, исполнению объявленной воли бога; в-третьих, какому государю или государству это принесет наибольшую выгоду»²⁷.

Петти призывал к организации переписей населения с регистрацией возраста, пола, звания, профессии и т.д. Он прекрасно понимал, что сама по себе значительная численность населения еще не является залогом успешного экономического развития страны, поскольку очень многое зависит от распределения населения по профессиям, от занятости имеющихся рабочих рук, от пропорции «бедных» и «богатых», тех, кто трудится, и тех, кто присваивает плоды чужого труда. Его волновали социальные и социально-правовые проблемы «тех, кто трудится», необеспеченность «жителей жалких лагун», многочисленность нищих и бродяг. «Необходимо внушить мировым судьям, — настаивал сэр Уильям в своих рекомендациях, — чтобы они защищали трудолюбивых людей и не допускали, чтобы их труд испытывал помехи от притеснительных и легкомысленных приговоров»²⁸. В связи с Великой лондонской чумой 1665 г. Петти сделал расчет вероятной

²⁵ Natural and Political Observations upon the Bills of Mortality. By Capt. J. Graunt. 5th ed. London, 1676. Printed in: The Economic Writings of Sir William Petty... Vol. 2. P. 395–397.

²⁶ Аникин А.В., Аникин В.А. Указ. соч. С. 72.

²⁷ Петти В. Другой опыт по политической арифметике, рассматривающий рост города Лондона // Петти В. Экономические и статистические работы. Т. II. С. 218–219.

²⁸ Там же. С. 153.

смертности в случае новой эпидемии, оценил предполагаемые убытки в сумму около 13 млн ф.ст. и, ссылаясь на то, что любые расходы по предотвращению эпидемии окупятся, предложил программу санитарных мер. К тому же он предлагал создать сеть больниц, домов для престарелых, родильных домов, воспитательных приютов для сирот²⁹. Наличие нищенства и воровства в Англии и то, что «некоторых людей это обстоятельство доводит до виселицы и голодной смерти», он объяснял «недостатком порядка», считал «результатом ошибок и недочетов управления и воспитания»³⁰.

Связь трудовых ресурсов населения и общественного богатства создавала прочный фундамент рассуждений Уильяма Петти, идеалом которого было привлечение всего населения к полезному, производительному труду. По его расчетам, «половина населения может путем затраты незначительного количества труда сильно обогатить королевство и увеличить его славу, выделяя значительные суммы на общественные нужды. Но затруднения вызывает вопрос: производством каких продуктов они должны заняться?». Петти отвечает на этот вопрос в общей форме: «Производством пищи и средств жизненной необходимости для всего населения страны посредством затраты труда небольшого числа людей». И он уже видит два способа достичь этого — «либо путем большего напряжения труда, либо путем применения средств, сокращающих и облегчающих труд»³¹.

В предисловии к своему труду «Политическая арифметика» Петти в столь же общей форме «проговорился» о собственном стремлении «в качестве члена общества (as a Member of the Common-Wealth) установить, в чем действительно заключается общая выгода», и о своих «надеждах на общественное благополучие (my hopes of the publick Welfare)»³². Гораздо подробнее он формулирует особый способ реализации своей непосредственной задачи в этой работе — доказать, что «интересы и дела Англии отнюдь не находятся в плачевном положении»:

«Способ, каким я взялся сделать это, однако, не обычный, ибо, вместо того чтобы употреблять слова только в сравнительной и превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер (я уже давно стремился пойти по этому пути, чтобы показать пример политической арифметики), употребляя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе. Те же, которые зависят от непостоянства умов, мнений, желаний и страстей отдельных людей, я оставляю другим. ...Замечания или положения, выраженные посредством чисел, весов и мер, на которых я основываю нижеследующие рассуждения, являются или верными, или не явно ложными, а если они не являются уже верными, надежными и очевидными, то они все же *могут стать таковыми при содействии верховной власти*» (курсив мой. — Л.Р.)³³.

Обращение к «верховой власти» — неотъемлемый атрибут «политических арифметик», в которых рассуждения неизменно переходили от статистики, т.е. «мнений на языке чисел, весов и мер», к аргументированным выводам и в конечном счете к практическим рекомендациям, в том числе по проблемам административно-политического характера. «Десять основных выводов» в «Политической арифметике» Петти не ограничивались расчетами и оценками «населения и территорий, подвластных английскому королю», его «богатства и силы», с одной стороны, и перечнем «препятствий на пути к величию Англии» — с другой. Логика рациональных рассуждений привела автора к «вопросу о прерогативах короля, привилегиях парламента, неясных различиях между законом и справедливостью, а также между гражданской и церковной юрисдикцией». Среди препятствий «правильному функционированию органов власти» было упомянуто не только

²⁹ Подробнее см.: Аникин А.В., Аникин В.А. Указ. соч. С. 55–58.

³⁰ Там же. С. 88, 129.

³¹ Там же. С. 88–89.

³² Петти В. Политическая арифметика. С. 154; Petty W. Political Arithmetick // The Economic Writings of Sir William Petty... Vol. 1. P. 241.

³³ Петти В. Политическая арифметика. С. 156.

неравенство территорий графств, епископств, приходов, церковных имений и др., но также непропорциональность представительства от населения в парламенте³⁴.

Впрочем, все выявленные препятствия были представлены как случайные, точнее, Петти объяснял их сугубо исторически:

«Все они возникли таким же образом, каким образуются неправильности в постройках, если одна часть их была построена в одно время, а другая — в другое; а также благодаря изменению положения вещей по сравнению с тем, каким оно было в соответствующее время, когда установления, на которые мы жалуемся, были впервые введены; возможно также, что они являются лишь искривлениями первых установлений, происшедшими под влиянием времени»³⁵.

И поскольку эти исторически сложившиеся препятствия процветанию страны и «общественному спокойствию» случайны, то их можно устранить, для чего, разумеется, требуется не только обоснованная и тщательно разработанная программа политических реформ, но также и политическая воля — желание и усилия власти:

«Разве не могут три королевства объединиться в одно и иметь одинаковое представительство в парламенте? Разве не могут различного рода подданные короля одинаково жить вперемешку? Разве нельзя лучше уравнивать приходы и другие территориальные подразделения? Разве нельзя сделать более определенными и надлежащим образом установленными юридические и всякие другие права правительства? Разве нельзя равномерно распределить налоги и использовать их непосредственно для их конечной цели? Разве нельзя дать свободу диссидентам в вопросах религии, раз они оплачивают содержание военных отрядов, необходимых для поддержания общественного спокойствия? Я скромно осмеливаюсь утверждать, что все это может быть сделано, если этого захочет верховная власть»³⁶.

В этих своих размышлениях об общем благе и пользе для всех, кто трудится и создает богатство страны, Уильям Петти со всей очевидностью вышел за пределы своих экономико-статистических компетенций.

Непосредственным продолжателем идей Уильяма Петти в области экономической и демографической статистики был Грегори Кинг (1648—1712), который также интересовался населением как показателем богатства и могущества страны и делил все население на две большие части — на тех, кто увеличивает богатство королевства, и тех, кто его уменьшает. Первые — из доходов от земли, ремесел и промышленности не только содержат себя, но также ежегодно прибавляют кое-что к национальному капиталу и, помимо прочего, содействуют содержанию второй группы, которая лишь частично содержит себя своим трудом, а это в большинстве своем женщины и дети, больные, слабые или ленивые, бродяги и нищие, которые питаются за счет других, в то время как потребленные ими продукты могли бы увеличить общий национальный капитал. Грегори Кинг распределил население страны по социальному составу, полу, возрасту, семейному состоянию, определил средний состав семьи, число семей, ежегодный доход, расходы и накопления³⁷.

«Политическая арифметика» как первая форма политико-экономических³⁸ и социально-демографических знаний получила лаконичное и очень точное определение своего метода в работе представителя меркантилизма, читавшего и комментировавшего сочинения Петти, Чарльза Давенанта (1656—1714) «Два рассуждения о публичных доходах и торговле Англии»

³⁴ Там же. С. 184—193.

³⁵ Там же. С. 195—196.

³⁶ Там же. С. 196.

³⁷ Подробно см.: *Птуха М.* Указ. соч. С. 184—193.

³⁸ Выражение «политическая экономия» как обозначение принципов управления хозяйством страны было введено Антуаном де Монкретьеном (1575—1621) в «Трактате политической экономии» (1615). Монкретьен одним из первых начал развивать идеи о том, что рост населения ведет к увеличению благосостояния нации, поддерживает военную мощь государства, приумножает приток налогов и пошлин в казну. См.: *Слудковская М.А.* Политическая экономия Антуана де Монкретьена (К 400-летию выпуска «Трактата по политической экономии») // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 2. С. 111.

(1698): «Под политической арифметикой мы разумеем искусство аргументировать числами, применяемое к предметам, *относящимся к управлению*» (курсив мой. — Л.Р.)³⁹. Именно Чарльз Давенант как практик государственного управления (уполномоченный по акцизам с 1678 по 1689 г., генеральный инспектор по импорту и экспорту с 1703 по 1714 г.⁴⁰) предъявляет, причем уже в развернутой форме, сугубо прагматическое обоснование значения этого «искусства»:

«Большой помощью для всякого правителя, без сомнения, является полное разумеение той силы, которой он руководит и которую направляет. Поэтому ему необходимо знать число людей, пригодных для ведения войны, какое количество рук поддерживает государство своим трудом и усердием и кто из людей является нерадивым и бесполезным для него... Таким образом, если численность населения действительно можно установить, если его можно распределить на соответствующие состояния и классы, если можно будет распознать, кто является богатым, кто зажиточным, кто еле может существовать или кто по бедности может вносить мало налогов и оказывать другую помощь обществу — если все это полностью учесть при установлении всякого рода акцизов или новых налогов, можно будет составить исчисления, сколько такие поступления дадут правительству, если только они будут тщательно собираться и пребывать под хорошим управлением»⁴¹.

Без наращивания человеческих ресурсов и «хорошего управления» рост национального капитала не представлялся возможным. Давенант видел основу для роста населения в обеспечении свободы и собственности, а также в поощрении людей ко вступлению в брак, предоставлении льгот многодетным семьям и т.п.⁴²

Как считают специалисты, в первой половине XVIII в. развитие «политической арифметики» в Британии приостановилось — ведущие мастера «искусства исчислений» сосредоточились на сугубо практических операциях по страхованию жизни⁴³. Однако в это время можно обнаружить присутствие некоторых политико-экономических идей, созвучных тем, которые впервые высказал Петти еще в середине XVII в., и в первую очередь его ключевого тезиса о том, что именно производительный труд (прежде всего в приложении к земле, но не только) составляет основу богатства нации. Стоит в этой связи, но, разумеется, с учетом существенно изменившихся социально-экономических и политических реалий обратить внимание на некоторые труды выдающегося англо-ирландского философа Джорджа Беркли (1685–1753). Например, в своем сочинении «Эссе о предотвращении разорения Великобритании» (1721), которое было однозначно закреплено исследователями в категории «морально-философских», Беркли постулирует: «Труд — вот естественный и верный путь к богатству». Как мы помним, Петти еще в 1662 г. (в «Трактате о налогах и сборах») заявил, что труд является источником всякого богатства⁴⁴, но Беркли идет дальше:

«Деньги ровно настолько полезны для общества, насколько они способствуют развитию производства, а кредит, обладающий тем же эффектом, имеет такую же ценность, что и деньги, но деньги и кредит, которые обращаются в стране из рук в руки, не поощряя труд и прилежание в ее жителях, — это просто азартная игра»⁴⁵.

В своем эссе Беркли, как и его предшественники, радуя за «богатство нации» и интересы государства, прямо, хотя весьма кратко, затрагивает и проблемы социально-демографического характера: «Численность населения, — пишет он, — является одновременно и

³⁹ The Political and Commercial Works of that Celebrated Writer Charles D'Avenant / coll. and rev. by Sir Ch. Whitworth. London, 1771. Vol. 1. P. 128.

⁴⁰ См.: Waddell D. Charles Davenant (1656–1714). A Biographical Sketch // Economic History Review. New Series. 1958. Vol. 11. № 2. P. 279–288.

⁴¹ The Political and Commercial Works... Vol. 1. P. 138–140.

⁴² Ibid. P. 142, 185, 190.

⁴³ Птуха М. Указ. соч. С. 120.

⁴⁴ См.: Petty W. A Treatise of Taxes and Contributions... Ch. X. § 10. P. 68.

⁴⁵ Berkeley G. An Essay towards preventing the Ruin of Great Britain // The Works of George Berkeley, D.D.; Formerly Bishop of Cloyne, Including his Post-humous Works / ed. A. Campbell Fraser: in 4 vols. Oxford, 1901. Vol. 4. P. 323.

средством, и стимулом для развития производства. Поэтому следует поощрять размножение, предоставляя какую-либо награду или же привилегию тем, кто имеет определенное количество детей, и, с другой стороны, устанавливая законом, что общество должно наследовать половину незавещанного имущества всех лиц обоего пола, кто умрет, не состоя в браке»⁴⁶.

Можно по-разному расставлять акценты и интерпретировать вышеприведенные тезисы Беркли в этом конкретном произведении. Нет сомнения в том, что затронутые в данном тексте вопросы экономики и законодательного регулирования репродуктивного поведения населения рассматриваются в особой, столь свойственной Беркли перспективе, а именно сквозь призму этики и морали. Однако тот же автор, кстати уже будучи епископом (он стал епископом Клойна в Ирландии после возвращения из Америки в 1734 г.), другую свою известную работу, озаглавленную «Вопрошатель», посвятил главным образом социально-экономическим проблемам⁴⁷. Это сочинение в форме риторических вопросов было впервые опубликовано анонимно в трех частях в 1735, 1736, 1737 гг., а затем — с изменениями, сокращениями и с прямо выраженным намерением автора «принести своими трудами некоторую пользу человечеству» — в 1750 г. (всего при жизни автора «Вопрошатель» издавался не менее 10 раз)⁴⁸. И здесь мы встречаем уже хорошо знакомый постулат о том, что подлинным источником богатства является труд, причем сформулированный гораздо более четко и обстоятельно, особенно в следующих вопросах (под номерами 38, 42, 43, 44):

«38. Разве не было бы ошибочным думать, что земля сама по себе есть богатство? и разве мы не должны рассматривать прежде всего трудовую деятельность народа как то, что образует богатство и делает богатством даже землю и серебро, которые не имели бы никакой стоимости, если бы они не были средствами и стимулами к трудовой деятельности?»...

42. Если человеческий труд является подлинным источником богатства, то разве не следует из этого, что в разумно [устроенном] государстве должно прежде всего препятствовать праздности?

43. Разве не окажутся губительными для страны даже золото и серебро, если они уменьшают трудолюбие жителей? И разве Испания не служит примером этого?

44. Разве убеждения и вытекающее из них трудолюбие людей не являются подлинным богатством Голландии, а отнюдь не серебро, которое, как полагают, хранится в Амстердамском банке?»⁴⁹.

И наконец, совершенно однозначно: «Разве богатство страны не прямо пропорционально мастерству и трудолюбию ее жителей?»⁵⁰. Таков, хотя и не последний, но, по сути, подытоживающий рассуждения о труде и богатстве, 553-й вопрос, поставленный епископом Джорджем Беркли перед современниками.

Комплекс идей, составляющих основное содержание «Вопрошателя», включает как общие проблемы экономики, торговли и финансов, так и размышления о способах исправления ситуации в Ирландии, и их конкретизация не ограничивается сугубо этическими позициями епископа-философа. Причины экономических кризисов Джордж Беркли видел в разложении нравов, а не в сфере экономики⁵¹, но в определении конкретных путей преодоления отсталости Ирландии он опирался не в последнюю очередь на сугубо экономические «рецепты», такие как развитие местного производства, сокращение ввоза и рост экспорта товаров, создание Ирландского национального банка.

⁴⁶ Ibid. P. 324.

⁴⁷ Berkeley G. The Querist containing several queries proposed to the consideration of the public // The Works of George Berkeley... Vol. 4. P. 415–476.

⁴⁸ См.: Advertisement by the Author // The Works of George Berkeley... Vol. 4. P. 421; Editor's Preface to the "Querist" // Ibid. P. 417–418.

⁴⁹ Беркли Дж. Вопрошатель, содержащий ряд вопросов, предлагаемых на всеобщее рассмотрение // Беркли Дж. Сочинения / сост., общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. М., 2000. С. 477.

⁵⁰ Berkeley G. The Querist containing several queries proposed to the consideration of the public // The Works of George Berkeley... Vol. 4. P. 473.

⁵¹ См. об этом, например: Бесседин А.П. Моральная философия Беркли и ее развитие // Историко-философский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 112.

Наш сюжет, похоже, закольцовывается: рассказ о развитии идеи о производительном труде как действительном источнике богатства страны, рожденной гениальным прозрением Уильяма Петти, начался с анализа «политической анатомии» Ирландии и постепенно подошел к новым рекомендациям в отношении преодоления ее социально-экономической отсталости и средств обретения более благополучного будущего. Однако этим обстоятельством, конечно, история интеллектуального прогресса исходной идеи не завершается. Примечательно, что текст «Вопрошателя» Джорджа Беркли (в редакции 1750 г.) был переиздан в Глазго в 1751–1752 гг., т.е. именно тогда, когда Адам Смит стал профессором Университета Глазго (1751) и, возможно, принял участие в этом издании⁵².

Книга «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита, изданная в 1776 г., стала первым систематическим изложением трудовой теории стоимости, в ней были сформулированы и концепция производительного труда как источника богатства наций, и принцип разделения и специализации труда как способа повысить его производительность, увеличивая тем самым общественное богатство. Автор при этом не считал нужным упомянуть имя Уильяма Петти и дать ссылки на труды своих предшественников.

В середине XIX в. озарениям Уильяма Петти еще предстояло «очиститься» от его «гениальных заблуждений», а теории великого Адама Смита — от ее очевидных и скрытых логических противоречий. Но эта долгая история, разумеется, не завершилась и после того, как идея, которая в XVII в. получила эмпирическое обоснование в лоне «политической арифметики», превратилась через два столетия в теорию прибавочной стоимости в марксовом «Капитале» (его первый том вышел в свет в 1867 г.). Именно Карл Маркс впервые ввел в оборот понятие «классическая политическая экономия», связав ее начало с именем Уильяма Петти.

Между тем вклад Петти в экономическую мысль Нового времени не ограничивается концепцией трудовой стоимости — он гораздо объемнее, поскольку включает разработку общего метода количественного анализа данных. Статистические расчеты Петти и других «политических арифметиков» положили начало становлению методологии и инструментария трех наук — собственно статистики, демографии и экономической науки. Вспомним, что именно «простой нож», т.е. доступный и адекватный аналитический инструментарий, выбрал хорошо знакомый с анатомией доктор медицины и бывший врач английской армии в Ирландии Уильям Петти для своеобразного препарирования «политического тела» страны, ссылаясь при этом, естественно, не на постулаты политической философии Томаса Гоббса, у которого в молодости почти год (в 1645–1646 гг.) служил секретарем в Париже, а на общенаучный метод сэра Фрэнсиса Бэкона, государственного деятеля, политика и философа, отважившегося на фундаментальный пересмотр всей системы знаний, идеолога экспериментальной науки, цель которой — «быть полезной человечеству». Интересно, что трактат Фрэнсиса Бэкона «О достоинстве и приумножении наук», на авторитет которого ссылался Уильям Петти, обосновывая аналогию «между физическим телом и телом политическим»⁵³, был впервые издан ровно 400 лет назад, в октябре 1623 г.⁵⁴ — в год рождения будущего отца-основателя классической политической экономии.

Библиография

- Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1971.
Аникин А.В., Аникин В.А. Уильям Петти. М., 1986.
Беркли Дж. Сочинения / сост., общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. М., 2000.
Беседин А.П. Моральная философия Беркли и ее развитие // Историко-философский ежегодник. 2016. М., 2016.
Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. / Сост., общ. ред. и вступит. статья А.Л. Субботина. Т. 1. М., 1971.
Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23; Т. 26. Ч. 1.

⁵² См.: Editor's Preface to the "Querist" // The Works of George Berkeley... Vol. 4. P. 421.

⁵³ Петти В. Политическая анатомия Ирландии. С. 90.

⁵⁴ Bacon F. The Works of Francis Bacon / coll. and eds J. Spedding, R.L. Ellis, D.D. Heath. New York, 1968. Vol. 1. С. 436.

- Pettit B.* Экономические и статистические работы. Т. I–II / пер. под ред. М. Смит. М., 1940.
- Птуха М.* Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945.
- Слудковская М.А.* Политическая экономия Антуана де Монкретьена (К 400-летию выпуска «Трактата по политической экономии») // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 2. С. 107–118.
- Bacon F.* The Works of Francis Bacon / coll. and eds J. Spedding, R.L. Ellis, D.D. Heath. Vol. 1. New York, 1968.
- Davenant Ch.* The Political and Commercial Works of that Celebrated Writer Charles D'Avenant / coll. and rev. by Sir Ch. Whitworth. Vol. 1. London, 1771.
- Mun Th.* England's treasure by foreign trade. Or, the balance of our foreign trade is the rule of our treasure. Written by Thomas Mun of London, Merchant. First Published by his Son in the Year M.DC. LXIV. Glasgow, 1755.
- North D.* Discourses Upon Trade: Principally Directed to the Case of the Interest, Coinage, Clipping, Increase of Money. London, 1691.
- Smith A.* An Inquiry into the Nature and the Causes of the Wealth of Nations. Book IV. Ch. 1. Indianapolis (Indiana), 1981.
- Sprat T.* The History of the Royal Society of London. For the Improving of Natural Knowledge. 3rd ed., corrected. London, 1722.
- Strauss E.* Sir William Petty. Portrait of a Genius. London, 1954.
- The Economic Writings of Sir William Petty / ed. C.H. Hull. Vol. 1. Cambridge, 1899.
- The Works of George Berkeley, D.D.; Formerly Bishop of Cloyne, Including his Post-humous Works / ed. A. Campbell Fraser: in 4 vols. Oxford, 1901.
- Waddell D.* Charles Davenant (1656–1714). A Biographical Sketch // Economic History Review. New Series. 1958. Vol. 11. № 2. P. 279–288.

References

- Anikin A.V.* Yunost' nauki. Zhizn' i idei myslitelei-ekonomistov do Marksa [The youth of science. Life and ideas of economic thinkers before Marx]. Moskva, 1971. (In Russ.)
- Anikin A.V., Anikin V.A.* Uil'yam Petti [William Petty]. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Bacon F.* Sochineniya v dvukh tomakh [Works in two volumes] / sost., obshch. red. i vstup. st. A.L. Subbotina. T. 1. Moskva, 1971. (In Russ.)
- Berkeley J.* Sochineniya [Works] / sost., obshch. red. i vstup. st. I.S. Narskogo. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Besedin A.P.* Moral'naya filosofiya Berkli i ee razvitie [Berkeley's moral philosophy and its development] // Istoriko-filosofskii ezhegodnik [Historical and Philosophical Yearbook]. 2016. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Marks K., Engels F.* Sochineniya [Works]. 2-e izd. T. 23; T. 26. Ch. 1. (In Russ.)
- Petti V.* Ekonomicheskie i statisticheskie raboty [Economic and statistical works]. T. I–II / per. pod red. M. Smit. Moskva, 1940. (In Russ.)
- Ptuha M.* Ocherki po istorii statistiki XVII–XVIII vekov [Essays on the history of statistics of the 17th–18th centuries]. Moskva, 1945. (In Russ.)
- Sludkovskaya M.A.* Politicheskaya ekonomiya Antuana de Monkret'ena (K 400-letiyu vypuska "Traktata po politicheskoy ekonomii") [Political Economy of Antoine de Montchretien (To the 400th anniversary of the publication of the "Treatise on Political Economy")] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika [Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics]. 2016. № 2. S. 107–118. (In Russ.)
- Bacon F.* The Works of Francis Bacon / coll. and eds J. Spedding, R.L. Ellis, D.D. Heath. Vol. 1. New York, 1968.
- Davenant Ch.* The Political and Commercial Works of that Celebrated Writer Charles D'Avenant / coll. and rev. by Sir Ch. Whitworth. Vol. 1. London, 1771.
- Mun Th.* England's treasure by foreign trade. Or, the balance of our foreign trade is the rule of our treasure. Written by Thomas Mun of London, Merchant. First Published by his Son in the Year M.DC.LXIV. Glasgow, 1755.
- North D.* Discourses Upon Trade: Principally Directed to the Case of the Interest, Coinage, Clipping, Increase of Money. London, 1691.
- Smith A.* An Inquiry into the Nature and the Causes of the Wealth of Nations. Book IV. Ch. 1. Indianapolis (Indiana), 1981.
- Sprat T.* The History of the Royal Society of London. For the Improving of Natural Knowledge. 3rd ed., corrected. London, 1722.
- Strauss E.* Sir William Petty. Portrait of a Genius. London, 1954.
- The Economic Writings of Sir William Petty / ed. C.H. Hull. Vol. 1. Cambridge, 1899.
- The Works of George Berkeley, D.D.; Formerly Bishop of Cloyne, Including his Post-humous Works / ed. A. Campbell Fraser: in 4 vols. Oxford, 1901.
- Waddell D.* Charles Davenant (1656–1714). A Biographical Sketch // Economic History Review. New Series. 1958. Vol. 11. № 2. P. 279–288.

© 2023 г. Д.В. КОЗЛОВ

ДЖЕЙМС ХАРРИНГТОН И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИИ – ОТ НАРРАТИВА К ТЕОРИИ

Козлов Дмитрий Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

E-mail: mimoirk@hist.isu.ru

Scopus Author ID: 57192025641; ORCID: 0000-0001-9170-5644

Аннотация. В статье прослеживается эволюция взглядов на исторический процесс известного английского политического деятеля и философа XVII в. Джеймса Харрингтона на основе анализа ряда текстов самого Харрингтона и его оппонентов. При этом теоретические подходы к истории рассматриваются в широком контексте изменения отношения к этой науке в Европе в период Ренессанса и раннего Нового времени. В работах Харрингтона можно найти сочетание традиционных взглядов, в соответствии с которыми история являлась набором фактов о прошлом человечества, призванных обосновать правильность политических позиций автора, и новых, связанных с осознанием глубоких различий между прошлым и настоящим, и невозможности прямого переноса исторических моделей социального и государственного устройства в современные реалии. Автор рассматривает ряд дискуссий Харрингтона с другими мыслителями, посвященных анализу разных исторических событий и явлений, в частности политических моделей античной Спарты и Древнего Израиля, а также влияние этих дискуссий на сложный процесс выработки отношения философа и его оппонентов к различным типам государственного правления. Харрингтон смог найти новые подходы к анализу причин Гражданской войны в Англии в XVII в., а предлагаемые им интерпретации динамики развития общества во многом связаны с его видением взаимодействия экономических условий (баланса земельной собственности) и форм политической власти (монархия, аристократия, республика). Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что Харрингтон в своих исторических подходах интересным и оригинальным образом сочетает простое описание фактов и стремление к созданию и развитию политической теории, претендующей на анализ динамики исторических событий и на выработку различных позиций, связанных с республиканской традицией.

Ключевые слова: Джеймс Харрингтон, историки, историческая наука, исторические исследования, историография английская, методология истории, республика, Англия, утописты.

D.V. Kozlov

James Harrington and His Perception of History: From Narrative to Theory

Kozlov Dmitry, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

E-mail: mimoirk@hist.isu.ru

Scopus Author ID: 57192025641; ORCID: 0000-0001-9170-5644

Abstract. In the article, the author tracks the dynamics of the views on history of the well-known seventeenth-century English politician and philosopher James Harrington, considering and

analysing them in the broad context of changing attitudes to history in Europe during the Renaissance and Early Modern period. The author maintains that in Harrington's texts one can find a combination of traditional approaches, characterised by an attitude to history as a set of historical arguments in favour of different political positions, and new approaches, associated with an awareness of the differences between the past and the present and the impossibility of direct application of historical models to the present. He examines a number of discussions between Harrington and his contemporaries devoted to analysing various historical events and processes. In particular, the author examines the different assessments of the political structure of ancient Sparta and ancient Israel. He demonstrates the influence these assessments had on the complex formation of Harrington's and his contemporaries' attitudes towards different models of political government, such as the republic. The author examined the novelty of Harrington's position in terms of analysing the causes of the Civil War in seventeenth-century England. New interpretations of the dynamics of societies' political development proposed by Harrington are largely related to his vision of the interaction between economic conditions (balance of land ownership) and political power in its various forms (monarchy, aristocracy, republic). A key conclusion of the study is that Harrington's historical approaches combine, in an intriguing and imaginative way, mere historical description as a narrative practice with a desire to create and develop a political theory that claims to analyse the dynamics of historical events and to elaborate the various political positions associated with the republican tradition.

Keywords: James Harrington, historians, historical science, historical research, English historiography, methodology of history, republic, England, utopians.

Работы известного английского политического философа и общественного деятеля XVII в. Джеймса Харрингтона (1611–1677) наполнены различными историческими описаниями и отсылками к событиям и процессам, происходившим в Античности и в Средневековье. Все они связаны с республиканской политической теорией этого мыслителя и предлагаемой им конституционной системой утопического государства «Океания», устройство которого базируется на доминирующим режиме собственности на землю («аграрный баланс»). Целью нашего исследования является анализ взглядов Харрингтона на историю. В соответствии с данной целью можно выделить следующие задачи: 1) анализ специфики подходов философа к историческим изменениям; 2) рассмотрение оценок Харрингтоном отдельных примеров конституционного строя в прошлом (Древний Израиль, Спарта) и дискуссий, связанных с этими оценками; 3) выявление новизны его интерпретаций политического кризиса в Англии в XVII в.; 4) раскрытие особенностей подходов мыслителя к методологии исследования исторической трансформации общества.

В основном труде Харрингтона «Республика Океания», опубликованном в 1656 г., описание утопического идеального государства дополняется анализом исторического развития двух эпох: «древней мудрости» и «современной мудрости». В то же время за названием «Океания» скрывается современная Харрингтону Англия. Интерпретация философом конкретных исторических событий, а также описание им конституционных моделей прошлого вызвала острые дискуссии с современниками. В этой связи можно упомянуть споры о специфике политического устройства Древнего Израйля с Мэтью Реном и Питером Хейлином или о «правильном» понимании формы правления в античной Спарте с теми же мыслителями и Генри Стаббом, речь о которых пойдет ниже.

Дискуссии об истории в XVII в. носили и более общий методологический характер. По мнению ряда исследователей, в рассматриваемый период идеалы Ренессанса с его преклонением перед Античностью как источником идей и моделей в разных сферах общественной жизни сталкивались с набирающей мощь концепцией историзма¹. Представление о резко отличии прошлого от настоящего получало все более широкое распространение. В этом контексте было гораздо сложнее использовать античные идеи для

¹ Эти изменения подробно рассмотрены в книге: *Burrow J.W. A History of Histories: Epics, Chronicles, Romances & Inquiries from Herodotus and Thucydides to the Twentieth Century.* Harmondsworth, 2007.

разрешения актуальных проблем. В произведениях Харрингтона прослеживается влияние ренессансного отношения к истории. В частности, речь идет о попытке применения исторических моделей в целях решения современных политических вопросов. Вместе с тем его тексты отличает и более сложный подход к анализу государственного устройства, а также к вопросу зависимости формы правления от уровня социально-экономического развития общества. Согласно Харрингтону, политическое развитие нельзя свести лишь к проецированию античных моделей на реалии XVII в.

В эпоху Ренессанса изучение классических текстов все больше развивается от *vita contemplativa* (лат. — созерцательная жизнь) к *vita activa* (лат. — деятельная жизнь). Писать о прошлом стараются уже не только в теологическом, астрологическом или апокалиптическом контекстах, но и с учетом моральных аспектов, с соответствующими предположениями и примерами. История рассматривается как источник разнообразных политических моделей. В то же время ее изучение дает основание для вынесения нравственных суждений и выводов в отношении тех или иных форм правления и государственного устройства.

При изучении классических текстов все чаще используются познания в области филологии и архивные поиски. Данный подход переносится и на прочтение библейских текстов, а затем и на попытки осмысления европейского прошлого, включая правовые основы и институты западной цивилизации. Римское право начинает рассматриваться как «продукт истории». Изучение прошлого развивается в направлении поиска истоков общественного развития, прав, прецедентов для последующего использования полученных знаний в политических и конституционных дебатах. Историки до сих пор спорят о времени возникновения этих подходов. Одни специалисты относят их появление к XIX в., другие — к более раннему периоду. Например, исследователи классического республиканизма Ханс Барон и Джон Гревилл Агард Покок указывают на поздний Ренессанс и раннее Новое время². При этом для всех мыслителей, отстаивавших республиканскую форму правления, время остается цикличным. Отсюда постулируется сходство моделей в прошлом и настоящем, их потенциальная применимость к современным условиям, а также возможность существования и воспроизведения знаменитого «момента Макиавелли» Покока³.

Итальянский мыслитель Леонардо Бруни, представитель классического Ренессанса, считал, что история важна не сама по себе, а с точки зрения ее «полезности» для современной жизни⁴. Для Никколо Макиавелли события прошлого служили источником политических уроков, а не основой для анализа динамики перманентных изменений⁵. Подобно Макиавелли, Харрингтон пытается использовать историю в политических целях. Его модель утопического государства Океании строится на основе анализа конституционного опыта древних и «новых» республик. Глава Океании Лорд Архонт призван использовать архивы «древней мудрости». Исследователь творчества Харрингтона Чарльз Блитцер утверждает, что у философа отсутствовала развитая историческая методология. По мнению ученого, в «Республике Океания» и других произведениях Харрингтона прошлое предстает как перечень фактов, знание которых можно использовать по собственному усмотрению⁶. Другие специалисты оспаривают данную точку зрения, указывая, в частности, что в этих трудах

² Pocock J. G. A. *Politics, Language and Time: Essays in Political Thought and History*. Cambridge, 1971. P. 80–103; Baron H. *In Search of Florentine Civic Humanism: in 2 vols. Vol. 2. Essays on the Transition from Medieval to Modern Thought*. Princeton, 1988. P. 55–71.

³ В классической работе Покока под «моментом Макиавелли» понимается ситуация неизбежного коллапса республиканского политического устройства, обусловленного кризисом добродетели и комплексным социальным процессом разложения государств с этой формой правления. См. русский перевод монографии: Покок Д. Г. А. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020.

⁴ Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. М., 1977. С. 118–135.

⁵ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде правления Тита Ливия // Макиавелли Н. Сочинения. СПб., 1998. С. 123–198.

⁶ Blitzer C. *An Immortal Commonwealth: The Political Thought of James Harrington*. New Haven, 1960. P. 284.

присутствует идея использования истины исторического опыта⁷. Так, например, Совет законодателей Океании занимается не только изучением политических моделей прошлого, но и их оценкой, пытаясь определить, какая из них больше всего подходит для республики⁸.

Обсуждение вопросов, связанных с понятием *The Commonwealth of Israel* (англ. — «Содружество Израиля» или «Республика Израиля»), встречается в разных произведениях философа, например в «Республике Океании» и «Искусстве законодательства». Само использование ветхозаветной социальной и политической модели вызывало у критиков Харрингтона множество возражений. Они указывали, что события древней истории Израиля вообще бессмысленно проецировать на другие страны и эпохи. В частности, отмечалась уникальность ветхозаветного опыта, связанного с Божественным Откровением. С точки зрения оппонентов Харрингтона, в данном случае речь шла о деяниях Господних, а не человеческих. К тому же указывалось на эксклюзивность «республики» (имеется в виду домонархический период истории Израиля) и ее конституционных структур, предназначенных только для евреев, подобно обрезанию, субботе или кошерной пище⁹. Размышляя о Древнем Израиле, Харрингтон не отрицает важность Божественного начинания. При этом с точки зрения типологии политической модели он ставит «ветхозаветную республику» в один ряд с Римом, Спартой и Афинами. Объединение греческой и римской мысли с христианской этикой и политическими институтами Древнего Израиля встречается как у итальянских гуманистов, так и у деятелей Реформации, например у Эразма Роттердамского, Жана Бодена, Теодора Безы¹⁰. Некоторые мыслители постреформационного периода, например Гуго Гроций, Бенедикт Спиноза, Джон Селден, Джон Толанд, Петрус Куней, также использовали Пятикнижие Моисея для обоснования конституционной модели¹¹. Подобный синкретизм традиционно восходит к еврейскому историку I в. Иосифу Флавию, автору написанных на греческом языке произведений «Иудейские древности» и «Иудейская война». Флавий рассказывал о прошлом народа Израиля, используя понятия классической политической философии, включая такой термин, как «теократия» или «правление Господа». Его «Иудейская республика» не вписывалась в аристотелевские концепты «правильных» и «извращенных» форм правления, однако автор встраивал ее в ряд других античных моделей. Таким образом, размышления о «Республике Израиля» образуют целую историческую традицию.

С точки зрения Харрингтона, библейский «юбилейный закон» являлся воплощением *lex Agraria Hebraeorum* (лат. — «Еврейский земельный закон»¹²). Отталкиваясь от интерпретации ветхозаветных заповедей, касающихся режима владения землей, как аграрного закона, данного Господом, голландским христианским мыслителем Петрусом Кунеем, Харрингтон получал возможность проводить параллель между ними и предлагаемыми им моделями фиксации и контроля баланса собственности в идеальном государстве¹³.

⁷ *Smith N.* Literature and Revolution in England, 1640–1660. New Haven, 1994. P. 166.

⁸ *Harrington J.* The Political Works of James Harrington: in 2 vols. Vol. 1 / ed. J.G.A. Pocock. Cambridge, 1977. P. 69–71.

⁹ *Harrington J.* Pian Piano. Or, Intercourse between H. Ferne, Dr. in Divinity and J. Harrington, Esq. Upon occasion of the Doctors Censure of the Common-Wealth of Oceana. London, 1656/57. P. 2–3, 13–16; *Wren M.* Considerations on Mr. Harrington's Common-wealth of Oceana. London, 1657. P. 39–40; *Heylyn P.H.* Certamen Epistolare, or the Letter-Combate. London, 1659. P. 266, 275.

¹⁰ Итальянская исследовательница Леа Кампос Боралеви использует понятие «синкретизм» для обозначения этого феномена. См.: *Boralevi L.C.* James Harrington's "Machiavellian" anti-Machiavellism // *History of European Ideas*. 2011. Vol. 37. № 2. P. 113–119.

¹¹ *Nelson E.* The Hebrew Republic: Jewish Sources and the Transformation of European Political Thought. Cambridge, 2010. P. 89.

¹² В данном случае речь идет о разных режимах владения землей в Древнем Израиле, которые основывались на заповедях из 25 главы библейской Книги Левит. Так называемый «юбилейный год» также связан с предписанием из этой главы: «...И освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратится в свое племя» (Лев. 25:10).

¹³ Как мы уже указывали, по Харрингтону, политическое устройство любого государства всегда связано с доминирующим режимом собственности на землю («аграрным балансом»).

А это уже не было конвенциональным даже для республиканцев — и Никколо Макиавелли, и Марчмонт Нидхэм отрицали аграрные законы. Другая важная особенность интерпретации Кунея была связана с его эрастианством¹⁴. По мнению голландского мыслителя, Бог наделил властью и в гражданских, и в религиозных делах лишь один институт — светский магистрат. С его точки зрения, одна юридическая инстанция также лучше двух — и это Синедрион¹⁵. Такое представление, связанное с «Республикой Израиля», было достаточно распространено — его придерживались Томас Эраст, Гуго Гроций, Джон Селден и Томас Гоббс. Харрингтон был ближе к данному направлению, подчеркивавшему необходимость подчинения церковных институтов светским властям, чем к религиозным республиканцам — Джону Мильтону, Генри Вону, Генри Стаббу, которые выступали за теократическое правление, но при этом проводили различие между «Республикой Израиля», законы которой были дарованы Господом, и современными им республиками. С их точки зрения, в актуальных на тот момент условиях следовало придерживаться четкого разделения государства и Церкви. К следам эрастианского влияния относится и идея восприятия Моисея как светского законодателя. На форзаце книги Джона Толанда, посвященной Харрингтону, Моисей изображен вместе с Солоном и Ликургом¹⁶. Харрингтон подчеркивает, что при формировании конституционной модели Древнего Израиля пророк получал советы от своего тестя Иофора, язычника. Автор «Республики Океания» видит в этом проявление готовности Господа использовать для законодательного строительства человеческую мудрость без всяких ограничений, а также довод в пользу возможности рассмотрения ветхозаветного Израиля в контексте других сообществ с республиканской формой правления, таких как Венеция или Рим. По мнению современного исследователя Э. Нельсона, возрождение интереса к данной тематике в XVI–XVII вв. способствовало развитию политической аргументации идеи исключительности республиканского строя как в самой Англии, так и в ее американских колониях¹⁷. Нельсон указывает, что существует множество талмудических толкований отрывков из Второзакония и Первой книги Царств, касающихся обращения израильтян к Богу с просьбой о царе. В одном из таких толкований обосновывается идея, согласно которой Господу было угодно лишь монархическое правление. Однако существует и иная интерпретация этих библейских текстов, связанная в том числе с Иосифом Флавием: обращаясь к Господу с чаянием о царе, израильтяне в данном вопросе отходят от Его законов и стремятся к подчинению не Божественной, а человеческой власти, становясь виновными в грехе идолопоклонства. Это формирует взгляд на монархию как на изначально богопротивную форму политического устройства. Э. Нельсон относит Харрингтона к представителям данной традиции¹⁸. Он подчеркивал наличие республиканских элементов в иудейской конституционной системе, в отличие от тех мыслителей, которые обосновывали идею доминирования в Древнем Израиле монархического строя. Оппоненты Харрингтона, Ферн и Хейлин, вслед за Т. Гоббсом указывают на то, что Моисей был «царем» (если не титулованным, то фактическим), имевшим возможность править еврейским народом по собственному

¹⁴ Эрастианство — направление религиозной мысли в Англии и Шотландии XVI–XVII вв., представители которого считали, что церковные организации не должны иметь никакой дисциплинарной власти над своими членами. Названо по имени Томаса Эраста, немецкого и швейцарского протестантского богослова, естествоиспытателя и врача. Под флагом эрастианства часть мелкого английского дворянства боролась как против пуританской, так и против католической аристократии.

¹⁵ Boralevi L.C. Op. cit. P. 113–119.

¹⁶ Форзац книги: *Harrington J. The Oceana and other works of James Harrington Esq; Collected, Methodiz'd, and Review'd, with an Exact Account of his Life Prefixed, by John Toland. To which is added, an Appendix, containing all the Political Tracts wrote by this Author, Omitted in Mr. Toland's Edition.* London, 1737.

¹⁷ Nelson E. Op. cit. P. 23–56.

¹⁸ Ibidem.

соизволению¹⁹. Для Ферна и Хейлина семьдесят старейшин, избранных Моисеем по совету Иофора, были скорее судьями низшего ранга, помощниками Моисея в деле отправления правосудия, чем персонами, облеченными властью в соответствии со своими правами. Согласно Харрингтону, семьдесят членов Синедриона избирались всенародно, а не назначались сверху. Наличие народного согласия относительно деятельности судей было для него критически важным. Этот общественный консенсус проявлялся не только в выборе членов Синедриона, но и в принятии законов. Поэтому Харрингтон рассматривал Израиль не только как республику, но и как демократическое государство²⁰. Все это отличает его отношение от подходов Мильтона и других республиканцев. С точки зрения Харрингтона, ключевой особенностью конституционного устройства «Республики Израйля» являлось не отсутствие царя, а наличие народовластия²¹. Философ проводит интересные параллели между свободой совести человека и институтом голосования. Божественные законы могут быть приняты только при условии наличия свободы совести, т.е. путем голосования²². Согласно Харрингтону, Божественное волеизъявление связано скорее не с республиканской моделью, а с демократической. Изначально Господь основал Израиль как республику, или режим народного правления, а институт монархии является более поздним «человеческим изобретением». Ответ Господа на просьбу израильтян о том, чтобы ими правил смертный царь, демонстрирует подчинение Бога воле народа. Несмотря на то что содержание просьбы может не нравиться Господу, Он удовлетворяет ее²³. Харрингтон пытался обосновать пользу демократической модели государственного устройства, связанной с народным согласием.

Другим примером проявления специфики исторических взглядов Харрингтона является его интерпретация конституционной модели Спарты. По мнению исследовательницы Элизабет Роусон, изучавшей рецепцию спартанского наследия в Европе, рассказ Харрингтона о Лакедемонской республике необычайно содержателен для того времени²⁴. Обращение к опыту этого античного государства играет важную роль в его политической теории. Текст «Республики Океании» изобилует ссылками на историю Спарты. Как и в случае с Древним Израилем, ее изучение давало возможность разработки социально-политической модели, в рамках которой «квазибожественный» единоличный законодатель начинает свою конституционную деятельность с юридического закрепления народного раздела земли²⁵.

Харрингтон выделял два основных критерия демократического государства — свободное избираемый сенат и право народа влиять на конечное решение. По его мнению, оба этих элемента являлись частью спартанской политической системы. Большинство сената (за исключением двух наследственных царей) избиралось свободным народным голосованием из числа старейших членов общества. Этот законосовещательный орган обладал всеми полномочиями по проведению дебатов, касавшихся ключевых для Спарты вопросов. Окончательное решение по данным вопросам оставалось за Народным собранием. При этом цари и магистраты несли ответственность за принятие законов. Таким образом, описание Харрингтоном спартанской политической системы имело поразительное сходство с его собственным идеальным государством — Республикой Океания. Чтобы провести эту параллель, мыслителю пришлось творчески подойти к исторической хронологии. Например, у него была склонность стирать различия между системой, учрежденной Ликургом, и той, которая существовала после введения в Спарте института «пяти эфоров» (выборные должностные лица, обладавшие широким и не всегда четко зафиксированным кругом полномочий) более ста лет спустя, в середине VIII в. до н.э. Харрингтон

¹⁹ Heylyn P.H. Certamen Epistolare... P. 266, 275. Harrington J. Pian Piano... P. 2—3, 13—16.

²⁰ Harrington J. The Art of Law-giving: in 3 vols. Vol. II. London, 1659. P. 9—12.

²¹ Harrington J. The Prerogative of Popular Government. London, 1657/58. P. 37.

²² Harrington J. The Art of Law-giving. P. 9—12.

²³ Ibidem.

²⁴ Rawson E. The Spartan Tradition in European Thought. Oxford, 1969. P. 191.

²⁵ Ibid. P. 193.

использовал свидетельства древнегреческого философа и оратора Исократа для характеристики Спарты как народного или демократического государства, не указывая при этом, что в произведениях последнего приводится описание реалий, относящихся к более позднему периоду истории этого античного города, а не ко времени его основания²⁶.

Интерпретация Харрингтоном конституционного строя Спарты обсуждалась его противниками не только в лагере республиканцев, но и роялистов, в том числе такими философами, как Рен и Хейлин. Рен при этом не предлагал альтернативного объяснения спартанской социально-политической системы, а лишь оспаривал ключевые моменты описания Харрингтона, в частности идею юридического закрепления народного раздела земли²⁷. Хейлин, в свою очередь, подчеркивал важность и положительную роль монархических элементов в той конституционной модели, которая сформировалась в Спарте²⁸.

Следует принять во внимание, что в работе «Камень преткновения непослушания и бунта, хитро поставленный Кальвином на пути подданных, обнаруженный, порицаемый и устраненный» Хейлин обсуждает отличия конституционной системы Древнего Израиля от спартанской лишь эпизодически. Последней была посвящена отдельная глава, написанная для опровержения предположения Жана Кальвина о том, что эфоры в Спарте являлись народными магистратами, избираемыми для контроля за деятельностью царей и даже возможного суда над ними (обращение к этому опыту использовалось Кальвином как аргумент в пользу того, чтобы представители разных сословий могли играть аналогичную роль в современных ему европейских странах)²⁹. Харрингтон дал ответ своему оппоненту в тексте «Камень преткновения для непослушания и бунта, хитро приписываемый П.Х. Кальвину, удаленный в письме упомянутому П.Х. от Дж. Х.», где, в свою очередь, вновь доказывал, что Спарта может рассматриваться как республика³⁰.

Харрингтон поставил под сомнение несколько аспектов интерпретации Хейлином Спартанской республики. Во-первых, оспаривалось утверждение о том, что цари Лакедемона являлись абсолютными монархами до периода правления Эврипонта (Еврипонта) в X–IX вв. до н.э., когда в целях завоевания расположения народа они отказались от части властных полномочий. Харрингтон представил действия Эврипонта как свидетельство слабости монархии, а это Хейлин решительно отрицал³¹. Второй аспект касался абсолютного характера власти спартанских царей. С точки зрения Харрингтона, баланс собственности, существовавший в Лакедемоне, означал наличие политических функций, связанных с управлением государством, не только у монарха, но и у представителей знати, и у народа. Поскольку баланс земель был не в пользу царей, и поскольку они не обладали собственным войском, размещенным в военных колониях Спарты, которое могло бы помочь им укрепить личную власть, то у них не было возможности игнорировать требования знати и народа³². Хейлин скептически отнесся к этой идее, настаивая на том, что спартанские цари пришли к власти в Лакедемоне путем завоевания, став абсолютными владыками, и имея достаточно сильную армию для поддержания своего политического статуса³³. Оппонент Харрингтона также высказал предположение, что народ Спарты мало что выиграл от перехода к республике, в итоге получив тридцать (двое царей и 28 членов сената) хозяев вместо первоначальных двух³⁴. На это последовало возражение, связанное

²⁶ *Harrington J.* The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion... P. 5.

²⁷ *Wren M.* Considerations on Mr. Harrington's... P. 1–5.

²⁸ *Heylyn P.H.* Certamen Epistolare... P. 230.

²⁹ *Heylyn P.H.* The Stumbling-Block of Disobedience and Rebellion, Cunningly laid by Calvin in the Subjects way, Discovered, Censured, and Removed. London, 1658. P. 38–69.

³⁰ См.: *Harrington J.* The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion... P. 2. В данном произведении Харрингтон ставит под сомнение отсылки Хейлина к Кальвину.

³¹ *Heylyn P.H.* Certamen Epistolare... P. 233, 247.

³² *Harrington J.* The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion... P. 38.

³³ *Heylyn P.H.* Certamen Epistolare... P. 231–236.

³⁴ *Ibidem.*

с тем, что при переходе к республике большинство жителей государства приобрели право влиять на принятие решений по ключевым социальным и политическим вопросам. Это давало народу суверенную власть. В поддержку данного утверждения Харрингтон привел довольно тенденциозный и надуманный аргумент, что, поскольку древнегреческий философ и историк Плутарх ссылается на собиравшийся народ³⁵, при этом прямо заявляя, что последний не обладал правом на дебаты, должно быть, граждане все же имели право голоса, иначе не было бы смысла собираться. Была также использована цитата из произведения Исократ, подчеркивавшая народный характер лакедемонского правления³⁶.

Стабб также стремился интерпретировать конституционный строй Спарты в соответствии с собственными политическими убеждениями. В то время как Харрингтон и Хейлин подчеркивали его демократические и монархические элементы, Стабб в работе «Республика Океания, взвешенная и признанная слишком легкой» отстаивал взгляд на спартанскую форму правления как на олигархическую³⁷. Он утверждал, что политический строй Лакедемона был более совершенным, чем афинская демократия. Кроме того, Стабб одобрял современные ему олигархические режимы. Эта позиция развивалась на фоне политического хаоса в Англии в 1659–1660 гг., связанного с кризисом и падением Протектората, а также дебатов о том, следует ли вводить в конституционную систему новый законодательный институт (сенат или иное собрание представителей наряду с «охвостьем»³⁸) и можно ли доверять осуществление государственной власти всем гражданам республики.

С самого начала дискуссии Харрингтон обвинил Стабба и его соратников в поддержке олигархии. В своем первом ответе на это обвинение Стабб пытался отстаивать такие идеи, как выборный сенат и ограниченное избирательное право³⁹. Однако, как продемонстрировала в статье «Спарта и Английская республика» британская исследовательница Рэйчел Фоксли, в примечании на полях письма, адресованного Харрингтону, Стабб использовал аргумент, к которому он будет неоднократно прибегать впоследствии, признав, что термин «олигархия» употреблялся им в соответствии с общепринятым негативным определением, но что его также можно понимать и в более нейтральной коннотации. В доказательство этого Стабб привел источник, на который опирались и он, и Харрингтон: «Республика Лакедемон» датского историка Нильса Крага⁴⁰. Краг использовал понятие «олигархия» в нейтральном смысле для описания специфики политического устройства Спарты.

Описание Стаббом спартанского конституционного строя совпадает со взглядами его оппонента на политическую систему, установленную Ликургом, которая, по утверждению Харрингтона, состояла из сената, предлагающего законопроекты, и народа, представленного собранием («апеллой») и принимающего окончательное решение по тем или иным вопросам. Однако Стабб не называет эту форму правления демократической и настаивает на том, что она просуществовала всего 100–130 лет, после чего произошел решительный поворот Спарты в направлении аристократии. По словам Стабба, это было обусловлено тем, что Народное собрание принимало плохие решения. Как следствие, правление было

³⁵ Harrington J. The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion... P. 5.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Foxley R. Sparta and the English Republic // Classical Reception. 2016. Vol. 8. № 1. P. 54–70.

³⁸ «Охвостье» — принятое в исторической литературе название английского парламента в период с 1648 по 1652 г. После смерти Оливера Кромвеля 3 сентября 1658 г. его третий сын Ричард вступил в должность лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии. В 1659 г. он собирает так называемый «парламент Третьего Протектората». Этот парламент не смог сформировать стабильное правительство, и через семь месяцев армия отстранила его от власти. 6 мая 1659 г. парламент Третьего Протектората переформировался в «охвостье». В некоторых источниках данное собрание именуется как «восстановленное охвостье».

³⁹ Stubbe H. A Letter to an officer of the Army concerning a select senate mentioned by them in their proposals to the late Parliament. The necessity and prudentialness of such a Senate is here asserted by reason and history. Whereunto are added sundry positions about government, and an essay towards a secure settlement. London, 1659. P. 2.

⁴⁰ Foxley R. Op. cit. P. 65.

передано в руки тридцати сенаторов, которые избирались пожизненно. Стабб считал, что именно аристократическая модель оказалась наиболее устойчивой в политическом плане и продержалась впоследствии более 700 лет⁴¹. Ответ Харрингтона на письмо Стабба с приведенной выше аргументацией, пренебрежительный по форме и содержанию, был озаглавлен «Достаточный ответ мистеру Стаббу». Он являлся приложением к тексту произведения «Валериус и Публикола» и не был опубликован отдельным изданием⁴².

В уже упомянутой работе «Республика Океания, взвешенная и признанная слишком легкой» Стабб развивает интерпретацию Спарты и ее истории, представленную в его первом письме Харрингтону⁴³. Однако он идет дальше. Во-первых, опираясь на примечание на полях письма и воспринимая конституционный строй Спарты как олигархический, Стабб обращается к авторитету различных античных авторов, включая Демосфена и Платона, в поисках свидетельств в поддержку приводимых им аргументов. «Поэтому очевидно, что Лакедемон был не океанической республикой, а олигархией... как называет это Демосфен в том же месте»⁴⁴.

Во-вторых, Стабб четко сформулировал вызовы, которые такой политический строй означал для теории Харрингтона в более общем плане. Тот факт, что систему Ликурга пришлось пересмотреть спустя 130 лет после ее утверждения, поставил под сомнение не только тезис Харрингтона о долговечности изначальной формы правления, но также и его предположение о том, что законодательный институт народного собрания всегда является оптимальным решением для политического развития государства⁴⁵. Кроме того, если Спарта была олигархией, но основывалась на народном балансе земельной собственности, это ставило под сомнение верность всей доктрины Харрингтона о балансе в целом.

В этих условиях решающее значение приобретало корректное историческое объяснение социально-политического феномена Спарты. Согласно предположению Стабба, Харрингтон основывался на ошибочной исторической интерпретации. Славившийся своим знанием греческого языка и цитировавший античные произведения, Стабб указывал на ошибки во взглядах своего оппонента, раскритиковав последнего за то, что тот не обращался к первоисточникам: «Все, что я могу сказать в его оправдание, заключается в том, что, будучи незнакомым с греческим языком и несведущим в истории, он, обращаясь к вторичным источникам, был в данном случае введен в заблуждение»⁴⁶. Харрингтон в ответ утверждал, что непонимание языка является меньшим преступлением, чем непонимание здравого смысла. Он ставил под сомнение как метод рассуждений Стабба, так и его анализ исторических источников⁴⁷.

Очевидно, что Спарта, как и Древний Израиль, в XVII в. являлась объектом разнообразных идеологических интерпретаций и исторических споров. Эти дебаты были связаны с политикой. Хейлин, Стабб и Харрингтон отстаивали каждый свою версию конституционной системы Спарты в целях апологетики тех форм правления, которые казались им предпочтительными в реалиях Англии второй половины XVII столетия — монархии, олигархии или демократии. Модель Лакедемона была в этом смысле весьма привлекательной по причине длительной истории существования этого античного государства. Тем не менее, хотя Спарта, безусловно, обладала ключевыми преимуществами

⁴¹ *Stubbe H.* A Letter to an officer of the Army concerning a select senate... P. 4–6.

⁴² См.: *Harrington J.* Valerius and Publicola: or, the True Form of a Popular Commonwealth Extracted E purs Naturalibus. London, 1659. Текст данного произведения написан в форме диалога, содержащего размышления о республиканской системе правления. При этом в роли Публиколы выступает сам Харрингтон, а в роли Валериуса — его критик.

⁴³ *Stubbe H.* The Common-Wealth of Oceana put into the Balance and Found too Light. Or an Account of the Republic of Sparta, with occasional Animadversions upon Mr. James Harrington and the Oceanistical Model. London, 1660. P. 13–14.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid. P. 10.

⁴⁶ Ibid. P. 6.

⁴⁷ *Harrington J.* A Letter Unto Mr. Stubs in answer to his Oceana weighed, &c. London, 1659. P. 2–4.

как политическая система, она также воплощала в себе явный недостаток, о котором свидетельствуют дебаты между этими мыслителями. Данный недостаток заключался в том, что, будучи «смешанным» государством, Спарта была открыта для самых разных идеологических интерпретаций.

Хотя ни один из обсуждаемых здесь мыслителей не придерживался универсального взгляда на Спарту как на аристократическое или «смешанное» государство, позиция Харрингтона была, пожалуй, наиболее уязвимой — не только по причине его ограниченных знаний греческого языка, но и из-за эксклюзивного характера его интерпретации. Институт царской власти отличал Лакедемон от большинства других республиканских моделей. Это предполагало возможность использования данного факта сторонниками монархии, такими как Хейлин, в их полемике с оппонентами. Выделяя монархические элементы спартанской конституционной системы и подчеркивая их стабилизирующий эффект, Хейлин мог приводить данный пример не только в контексте выступлений против ограничений королевской власти, но и для укрепления идеи, что монархия — лучшая форма политического правления. Позиция Стабба была еще более предпочтительной, поскольку в полемике с оппонентами он мог опираться на опыт аристократических институтов Спарты. Ассоциация же этого античного государства с олигархией восходила к древним временам. Главная трудность для Стабба состояла в том, чтобы преодолеть негативное отношение к олигархии, свойственное его эпохе. Однако лишь интерпретация Харрингтона вызвала критику со всех сторон. Новизна его подхода бросала вызов существовавшему на тот момент научному знанию. В то же время Харрингтон ставит под сомнение и некоторые современные ему предассудки. Например, в XVII в. демократия воспринималась многими политическими мыслителями так же негативно, как и олигархия. Почему Харрингтон обратился к спартанской конституционной системе? Можно предположить, что он намеренно бросал вызов традиционному подходу к истории как к источнику моделей, используемых для дальнейшего продвижения тех или иных политических концепций. Опыт Спарты мог быть очень актуальным в этом контексте. Возможно, в таком случае Харрингтон указывал на предпринимаемые его современниками попытки манипулирования историей в политических целях? Однако существует и другое объяснение. Его интерпретация Спарты как демократического государства, хотя и являлась новаторской и не всегда могла быть убедительно обоснована, служила очень важной задаче. Ассоциируя демократию со Спартой, Харрингтон получал возможность не только связать эту форму правления с политической стабильностью и долговечностью, но также поставить под сомнение более традиционный вариант демократии — афинский⁴⁸. По его мнению, демократия в Афинах на самом деле являлась анархией, так как допускала дебаты в Народном собрании. Как мы уже указывали, подобно Гоббсу, Харрингтон полагал, что предоставление этому институту права обсуждения политических вопросов может привести к хаосу. Таким образом, он стремился переопределить концепцию демократии, сместив акцент со свободных дебатов на народный суверенитет, выражавшийся в его основной форме принятием или отклонением законов. Прославление спартанской «демократии» в противовес афинской «анархии» превращалось в мощное средство политической апологетики идеи народовластия.

Можно утверждать, что для Харрингтона прошлое оставалось крепко связанным с настоящим и различием между разными временными периодами философ мог пренебречь. В то же время он расширял границы традиционного подхода к истории. Английский мыслитель делал это с помощью новых интерпретаций конституционных систем республик Древнего Израиля и Спарты и попыток применения данных моделей в современных ему реалиях. Кроме того, Харрингтон использовал опыт античных государств для создания

⁴⁸ В рассматриваемый период подобные идеи можно было встретить у известного республиканца М. Нидхэма, продвигавшего их в своем журнале *Mercurius Politicus*. См.: *Mercurius Politicus*. 1651. № 71. P. 1125—1126; № 73. P. 1158.

теорий, которые могли рассматриваться как в качестве исторической методологии, так и в качестве основы для будущих политических программ. Ключевой идеей, почерпнутой им в процессе изучения истории, являлась фундаментальная взаимосвязь между распределением земли и властью. С целью ее обоснования приводились описания Древнего Израиля и Спарты. В экономическом отношении они основывались на относительно равном разделе земли между гражданами, что обеспечивало, согласно Харрингтону, «аграрный народный баланс»⁴⁹.

Связь между экономическим укладом и политической властью была выявлена не только на основании анализа опыта Древнего Израиля и Спарты. Аналогичные выводы были сделаны и на примере римской истории. Харрингтон использовал свою теорию для объяснения как падения республики, так и нестабильности империи в Риме. По-новому трактуя предположение Макиавелли, что именно земельные проблемы привели к разрушению Римской республики, Харрингтон, опираясь на идеи Куня, настаивал на том, что отсутствие аграрного баланса обуславливает всю специфику развития Древнего Рима⁵⁰.

Харрингтон широко использовал свою теорию экономических основ политической власти для описания прошлого его родной Англии. При этом, как отмечает Покок, он в значительной степени опирался на труды тех исследователей, которые в рассматриваемый период изучали историю феодализма. Ученый считает, что знание Харрингтоном позднего Средневековья было недостаточным, однако он признает успехи, которых добился английский мыслитель в расширении традиционных исторических подходов эпохи Ренессанса и попытке рассмотрения примеров прошлого как звеньев в общей цепи причинно-следственных связей. Принцип, касающийся взаимосвязи и взаимозависимости земли и власти, превратился в трудах Харрингтона в «ключ, открывающий устройство всего хода западной истории»⁵¹. По мнению последнего, готы и вандалы, разрушившие Римскую империю, наделили значительной экономической властью свою знать. Именно эта «готская» система пришла в Англию с саксами в V–VI вв. Хотя в более поздний период английской истории Вильгельм Завоеватель и некоторые из его преемников стремились к абсолютизму, им не удалось достичь своих целей, так как экономические основы государственного устройства страны не соответствовали создаваемой ими политической системе. Вместо этого средневековая Англия была охвачена конфликтом между знатью и королем. Харрингтон считал, что народное представительство в «витане» (законосовещательном органе при короле) имело место при саксах. После нормандского завоевания его роль значительно уменьшилась. В конечном итоге конфликт между знатью и монархом привел к краху всей политической системы. Опираясь на изложение английской истории Фрэнсисом Бэконом, Харрингтон утверждал, что данный процесс начался в период правления Генриха VII (1485–1509)⁵². «Этот король благодаря своей природной утонченности, сразу же приняв во внимание масштаб власти баронов и непостоянство их благосклонности, начал находить еще один изъян в таком виде правления, который также отмечал Макиавелли, а именно, что на трон, поддерживаемый знатью, не так трудно взойти, как сделать его своим насыщенным местом»⁵³... В результате Панург (в системе «зашифрованных» имен Харрингтона это король Генрих VIII. — *Д.К.*), ослабляя власть дворянства, стал причиной того, что ситуация изменилась в пользу народа. Это произошло благодаря тем нескольким статутам, вышедшим в его правление, которые были приняты в поддержку народа, против вассалов и в пользу огораживания»⁵⁴.

⁴⁹ *Harrington J.* The Political Works of James Harrington. P. 107.

⁵⁰ *Ibid.* P. 106–107.

⁵¹ *Pocock J.G.A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge, 1957. P. 128, 139, 144.

⁵² *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII / пер. с англ. В.Р. Рокитянский и др.; ст. и общ. ред. М.А. Барг; коммент. В.Р. Рокитянский. М., 1990. С. 49–50.

⁵³ Отсылка к четвертой главе «Государя» Макиавелли. См.: *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 12–13.

⁵⁴ *Harrington J.* The Political Works of James Harrington. P. 54–55.

Можно утверждать, что все рассмотренные примеры подразумевают подход к прошлому с точки зрения историзма. Это означает, что Харрингтон принял идею развития, постепенных изменений, происходящих с течением времени. Он понимал, что экономические и социальные основы Англии в XVII в. коренным образом отличались от таковых в Средневековье. Отсюда следовало признание того, что для его эпохи уместна иная политическая система, чем для предшествовавших исторических периодов. Однако это не делает прошлое неактуальным для настоящего, поскольку именно те явления, которые произошли в прошлом, вызвали цепь причинно-следственных связей и определили форму правления, которая существует в настоящем. Постепенно Харрингтон пришел к идее выявления данных причинно-следственных связей. Главная цель «Второй части предварительных замечаний» в трактате «Республика Океания» состояла в том, чтобы объяснить причины Гражданской войны в Англии⁵⁵. Подход Харрингтона к этой проблематике отличался от подходов подавляющего большинства политических мыслителей его эпохи.

Наиболее распространенным аргументом, который использовали современники Харрингтона, пытаясь объяснить трагические события середины XVII в. в Англии, был провиденциальный. Обе стороны конфликта описывали Гражданскую войну как наказание свыше за аморальное или безбожное поведение. Харрингтон при рассмотрении причин войны также иногда использовал язык Божественного права, но он был склонен подчинять его своим экономическим аргументам. Полемизируя с Хейлином в одной из своих работ, он признавал, что монархия существует в соответствии с Божественным правом, но баланс собственности при этом соответствует данной форме правления⁵⁶.

Однако существовали и другие объяснения истоков конфликта, более соответствующие современному пониманию исторической причинности. Советник королей Карла I и Карла II, лорд-канцлер Англии в 1658–1667 гг., 1-й граф Кларендон Эдвард Хайд в своей книге «История мятежа» предвосхитил ревизионистские интерпретации Гражданской войны исследователей XX в., сосредоточившись на ее краткосрочных причинах и подчеркнув роль, которую сыграли в развязывании этого конфликта случайности и непредвиденные обстоятельства: «Ибо я не так зорек, как те, кто разглядел этот мятеж, затеавшийся со смерти королевы Елизаветы (если не раньше) и разжигаемый несколькими принцами и великими государственными министрами в христианском мире до того времени, когда он прекратился»⁵⁷.

Понимание Харрингтоном истоков Гражданской войны было иным. Во-первых, при анализе ее начального периода он уделял мало внимания случайностям и непредвиденным обстоятельствам. Во-вторых, в отличие от графа Кларендона, Харрингтон отдавал предпочтение долгосрочным, а не краткосрочным причинам, прослеживая истоки Гражданской войны вплоть до социально-политических изменений, произошедших в периоды правления Генриха VII и Генриха VIII (1509–1547), т.е. более чем за столетие до 1642 г. В-третьих, и это самое важное, Харрингтон признает гораздо более сложную взаимосвязь между человеческим фактором и структурными изменениями в разных сферах. Внутренняя политика Генриха VII, направленная на ограничение власти дворянства, запустила процесс, в ходе которого начался переход земельной собственности от аристократии к народу. Роспуск монастырей Генрихом VIII и передача церковных земель частным владельцам способствовали этому процессу. Следовательно, если в XV в. структура землевладения в Англии соответствовала ее политической системе — «смешанной» монархии, к XVII в. это было уже далеко не так. По сравнению с предшествовавшими столетиями в рассматриваемый период народ владел большим количеством земли, чем монарх, дворянство и Церковь, вместе взятые, что привело к изменению аграрного баланса и способствовало кризису монархии

⁵⁵ Ibid. P. 43–68.

⁵⁶ Heylyn P.H. The Stumbling-Block of Disobedience and Rebellion... P. 12.

⁵⁷ Hyde E. Earl of Clarendon, Selections from the History of the Rebellion & the Life by himself / ed. H. Trevor-Roper. Oxford, 1978. P. 3.

и становлению республики. Гражданская война являлась прямым следствием этой долгосрочной экономической трансформации, служившей, согласно Харрингтону, основанием для осознания народом своей политической силы⁵⁸.

Некоторые современники Харрингтона критиковали его исторические методы. Например, Рен обвинял своего оппонента в том, что он «рассуждает о несущественном и неуместном или утверждает, что, если чего-то еще не было, этого не может быть никогда»⁵⁹. Данное обвинение было частью более широкой дискуссии относительно вопроса о том, в чем может выражаться истинная и достоверная презентация научных фактов или естественных явлений. Рен и его коллеги были склонны настаивать на механических объяснениях последних и утверждать, что законы природы, ими управляющие, могут быть представлены только математическим путем. Харрингтон не был в этом убежден. Он настаивал, что существуют другие надежные формы доказательств, помимо математических⁶⁰. Харрингтон также полагал, что даже Гоббс признает его правоту, поскольку утверждает в «Элементах философии», что «всякое истинное рассуждение, которое берет свое начало из истинных принципов, порождает науку и является истинной демонстрацией»⁶¹. Харрингтон настаивал на том, что Гоббс относит данное утверждение к искусству и политике, а также к математике. В данном случае он лукавил, поскольку в «Элементах» Гоббс различает два типа знания: благоразумие и разумность. Первое, основанное на фактическом опыте, позволяет «строить догадки по-настоящему о том, что было в прошлом и что грядет». По-видимому, это похоже на то, к чему Харрингтон стремился в своем изучении истории. Однако целью Гоббса в «Элементах» было продемонстрировать превосходство разума, который философ определял, как «знание об истинности утверждений и о том, как называются вещи», а также его применимость не только в рамках естественных наук, но и в «гражданской науке» или политике⁶².

Харрингтон изложил основной принцип собственных политических рассуждений в следующих терминах: «То, что всегда было так и никак иначе и все еще остается так и никак иначе, всегда останется так и никак иначе». В этом, по его мнению, мы можем быть так же уверены, как и в других научных принципах⁶³. Харрингтон использовал аналогию Гоббса, которую приводил в начале своей «Республики Океания». Гоббс критиковал Аристотеля и Цицерона за то, что они строили свой анализ конституционных систем, отталкиваясь не от законов природы, а от политических практик, актуальных для их государств, что можно сравнить с действиями грамматиков, извлекающих правила языка из произведений поэтов. Харрингтон дополняет критику Гоббса собственной аналогией, предположив, что ситуацию можно уподобить утверждению, что Уильям Гарвей открыл циркуляцию крови не на основе законов природы, а исходя из анатомии конкретного тела. При этом Харрингтон указывает, что речь идет об очень важных вещах. Во-первых, он оспаривает мысль Гоббса, что древним было недоступно постижение законов природы и политики. Во-вторых, он утверждает, что законы, будь то научные или политические, не могут основываться только на абстрактных рассуждениях. В обоих случаях имеет смысл учитывать конкретные примеры. Для анатомов, подобных Гарвею, это человеческие тела. Для политических мыслителей (или «политических анатомов», по выражению философа), таких как сам Харрингтон, примерами служат исторические и современные ему конституционные модели и опыт их развития⁶⁴.

⁵⁸ *Harrington J.* The Political Works of James Harrington. P. 54–55.

⁵⁹ *Wren M.* Monarchy asserted, or The State of monarchicall and popular Government; in Vindication of the Considerations upon Mr. Harrington's Oceana. 2nd ed. London, 1660. P. 149.

⁶⁰ *Harrington J.* Politicaster: Or, a Comical Discourse, in Answer unto Mr. Wren's Book, Intituled, Monarchy Asserted, Against Mr. Harrington's Oceana. London, 1659. P. 39–40.

⁶¹ *Ibid.* P. 41.

⁶² *Hobbes T.* The Elements of Law Natural and Politic / ed. F. Tonnes. Cambridge, 1928. P. 19–20, 139; *Skinner Q.* Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge, 1996. P. 259–260.

⁶³ *Harrington J.* Politicaster... P. 47–48.

⁶⁴ *Ibidem.*

* * *

Таким образом, споры об истории имели решающее значение для политической теории Харрингтона. Эта полемика давала ему возможность повторять и продвигать собственные идеи и представлять их читательской аудитории. В дебатах с другими политическими мыслителями Харрингтон нередко прибегал к таким приемам, как риторические уколы оппонентов в выборе формата текстов и в их названиях. Однако были и другие способы, посредством которых исторические споры становились инструментом для подтверждения и дальнейшего развития политических аргументов и теории философа. Анализируя республиканские формы правления в Древнем Израиле и Спарте, Харрингтон сознательно подчеркивал их демократический характер, что, в свою очередь, использовалось для поддержки его призывов к народовластию. В своей апологетике демократии философ указывал на стабильность и долговечность двух представленных выше моделей. Однако речь шла о чем-то большем, чем традиционное использование конституционных систем прошлого для развития политической аргументации, так как характеристика Харрингтоном Древнего Израиля и Спарты была во многом уникальной и включала в себя не только новую интерпретацию их государственного строя, но и трансформацию самого языка политики. Ассоциируя демократию со Спартой, а не Афинами, Харрингтон пытался сместить акценты в общепринятом определении этого термина с практики народных дебатов в сторону суверенитета народа как основы республиканского строя. Интерпретируя «Республику Израиля» как демократическую, он обращался к возможности использования Божественной санкции для легитимации наиболее справедливой, с его точки зрения, политической системы.

Харрингтон также использовал собственный анализ исторической динамики процессов и явлений для разработки политических теорий. Его описание событий прошлого предоставляло средства для раскрытия принципов, влияющих на устойчивость или хрупкость конституционных систем. В рамках исторического подхода Харрингтона моральная несостоятельность человека и провиденциальная воля всемогущего Бога уступают место материальным (и, следовательно, неморальным) причинам и скорее интеллектуальным, чем моральным провалам и достижениям людей. Упомянутая в статье известная теория Харрингтона о взаимосвязи между экономической и политической властью основывалась на историческом анализе и применялась как для объяснения событий прошлого, так и для обоснования будущих политических действий. Как мы видели, он использовал эту теорию для объяснения кризиса 40–50-х годов XVII в. в Англии. Объяснение Харрингтоном причин Гражданской войны было характерным для его времени, но одновременно напоминающим современные исторические интерпретации. Ричард Генри Тоуни и некоторые другие исследователи рассматривали Харрингтона как предшественника материалистической концепции истории, развитой затем Марксом и его последователями⁶⁵. При этом интересно отметить, что обоснованность и целостность аргументации Харрингтона пережили даже упадок марксистских исторических интерпретаций в конце XX в. Безусловно, описание английским философом упадка феодализма в XVII в. неприемлемо для нынешних ученых. Его терминология отличается от современной, а объяснения носят достаточно упрощенный и схематичный характер. Однако, по мнению ряда исследователей, заявка Харрингтона на общую характеристику всего хода европейской истории с помощью анализа ряда причинно-следственных связей имевших место в прошлом событий и процессов не может не вызывать уважения и действенного научного интереса к его интеллектуальному наследию и в наши дни.

⁶⁵ Tawney R.H. Harrington's Interpretation of His Age // Proceedings of the British Academy. 1941. Vol. 27. P. 199–223. Хорошее классическое историографическое описание идей Харрингтона с точки зрения развития материалистической интерпретации истории на русском языке можно найти в монографии Юрия Михайловича Сапрыкина. См.: Сапрыкин Ю.М. Политическое учение Харрингтона: из истории идейно-политической борьбы в годы Английской буржуазной революции XVII века. М., 1975. С. 6–14.

Таким образом, описание Харрингтоном прошлого включало в себя как старые, так и новые подходы. С одной стороны, он отталкивался от традиционной методологии, ориентированной на настоящее и рассматривающей историю как «служанку политики». В ее рамках целью обращения к событиям прошлого становилось как осмысление настоящего, так и создание лучшего будущего. С другой стороны, Харрингтон обладал развитым ощущением и пониманием исторической динамики. Он демонстрировал осведомленность о социальных и политических процессах, имевших место в прошлом, и причинно-следственных связях между ними. В некотором отношении его аргументы превосходят более поздние, развитые исторические интерпретации. В случае с Харрингтоном интересен тот факт, что разные составляющие его концепции, его общий подход к предмету часто расходятся с республиканской традицией и практикой других авторов того времени, относящихся к этому направлению. Его взгляд на Спарту отличался от взгляда Стабба. В противоположность Мильтону Харрингтон использует модель «Республики Израила», чтобы отстаивать демократический суверенитет, а не республиканскую исключительность. Более того, его отношение к аграрным законам и той роли, которую они играли в Древнем Риме, прямо противоречит взглядам, выраженным Макиавелли и Нидхэмом. Он также был склонен давать скорее материальные объяснения историческим изменениям, чем моральные, которые удобнее вписывались в концепцию развития и упадка республиканской этики добродетели. Наконец, несмотря на его почтение к Макиавелли, очевидно, что Харрингтон в какой-то степени отошел от позиции, согласно которой прошлое и настоящее являются неразрывным целым. Хотя Римская республика оставалась полезным арсеналом для выбора данных, на основе которых Харрингтон мог разрабатывать и проверять свои теории, в его работах она уже не рассматривается как модель для политических действий, как это было у Макиавелли. Подобное использование как древних, так и современных для его эпохи политических практик и поиск золотой середины между различными идеологическими позициями, например между республиканцами и роялистами, можно рассматривать как важную особенность работ Харрингтона, проявляющуюся в его подходах не только к истории.

Библиография / References

- Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. М., 1977.
- Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII / пер. с англ. В.Р. Рокитянский и др.; ст. и общ. ред. М.А. Барг; коммент. В.Р. Рокитянский. М., 1990.
- Макиавелли Н. Государь. М., 1990.
- Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде правления Тита Ливия // Макиавелли Н. Сочинения. СПб., 1998.
- Покок Д.Г.А. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020.
- Сапрыкин Ю.М. Политическое учение Харрингтона: из истории идейно-политической борьбы в годы Английской буржуазной революции XVII века. М., 1975.
- Bacon F. Istoriia pravlenia korolia Genriha VII [The history of the reign of king Henry the Seven] / per. s angl. V.R. Rokitianskii i dr.; st. i obshch. red. M.A. Barg; komment. V.R. Rokitianskii. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Bragina L.M. Italiiskii gumanizm. Eticheskie uchenia XIV–XV vekov [Italian humanism. Ethical teachings of the 14th–15th centuries]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Machiavelli N. Gosudar' [The Prince]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Machiavelli N. Rassugdenia o pervoy deкаде pravlenia Tita Livia [The Discourses on the First Ten of Titus Livy] // Machiavelli N. Sochinenia [The Works]. Sankt-Peterburg, 1998. (In Russ.)
- Pocock J.G.A. Moment Machiavelli. Politicheskaya mysl' Florentsii i atlanticheskaja respublikanskaia traditsiia [The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Saprykin Yu.M. Politicheskoe uchenie Garringtona: iz istorii ideino-politicheskoi bor'by v gody Angliiskoi burzhuaanoi revoliutsii XVII veka [The political doctrine of Harrington: from the history of the ideological and political struggle during the years of the English bourgeois revolution of the 17th century]. Moskva, 1975. (In Russ.)

- Baron H.* In Search of Florentine Civic Humanism: in 2 vols. Vol. 2. Essays on the Transition from Medieval to Modern Thought. Princeton, 1988.
- Blitzer C.* An Immortal Commonwealth: The Political Thought of James Harrington. New Haven, 1960.
- Boralevi L.C.* James Harrington's "Machiavellian" anti-Machiavellism // History of European Ideas. 2011. Vol. 37. № 2. P. 113–119.
- Burrow J.W.* A History of Histories: Epics, Chronicles, Romances & Inquiries from Herodotus and Thucydides to the Twentieth Century. Harmondsworth, 2007.
- Foxley R.* Sparta and the English Republic // Classical Receptions. 2016. Vol. 8. № 1. P. 54–70.
- Harrington J.* Pian Piano. Or, Intercourse between H. Ferne, Dr. in Divinity and J. Harrington, Esq. Upon occasion of the Doctors Censure of the Common-Wealth of Oceana. London, 1656/57.
- Harrington J.* The Prerogative of Popular Government. London, 1657/58.
- Harrington J.* The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion Cunningly imputed by P.H. unto Calvin, removed in a Letter to the said P.H. from J.H. London, 1658.
- Harrington J.* The Art of Law-giving: in 3 vols. Vol. II. London, 1659.
- Harrington J.* A Letter Unto Mr. Stubbs in answer to his Oceana weighed, &c. London, 1659.
- Harrington J.* Politicaster: Or, a Comical Discourse, in Answer unto Mr. Wren's Book, Intituled, Monarchy Asserted, Against Mr. Harrington's Oceana. London, 1659.
- Harrington J.* Valerius and Publicola: or, the True Form of a Popular Commonwealth Extracted E purs Naturalibus. London, 1659.
- Harrington J.* The Oceana and other works of James Harrington Esq; Collected, Methodiz'd, and Review'd, with an Exact Account of his Life prefixed, by John Toland. To which is added, an Appendix, containing all the Political Tracts wrote by this Author, Omitted in Mr. Toland's Edition. London, 1737.
- Harrington J.* The Political Works of James Harrington: in 2 vols. Vol. 1 / ed. J.G.A. Pocock. Cambridge, 1977.
- Heylyn P.H.* The Stumbling-Block of Disobedience and Rebellion, Cunningly laid by Calvin in the Subjects way, Discovered, Censured, and Removed. London, 1658.
- Heylyn P.H.* Certamen Epistolare, or the Letter-Combate. London, 1659.
- Hobbes T.* The Elements of Law Natural and Politic / ed. F. Tonnies. Cambridge, 1928.
- Hyde E.* Earl of Clarendon, Selections from the History of the Rebellion & the Life by himself / ed. H. Trevor-Roper. Oxford, 1978.
- Nelson E.* The Hebrew Republic: Jewish Sources and the Transformation of European Political Thought. Cambridge, 2010.
- Pocock J.G.A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge, 1957.
- Pocock J.G.A.* Politics, Language and Time: Essays in Political Thought and History. Cambridge, 1971.
- Rawson E.* The Spartan Tradition in European Thought. Oxford, 1969.
- Skinner Q.* Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge, 1996.
- Smith N.* Literature and Revolution in England, 1640–1660. New Haven, 1994.
- Stubbe H.* A Letter to an officer of the Army concerning a select senate mentioned by them in their proposals to the late Parliament. The necessity and prudentialness of such a Senate is here asserted by reason and history. Whereunto are added sundry positions about government, and an essay towards a secure settlement. London, 1659.
- Stubbe H.* The Common-Wealth of Oceana put into the Balance and Found too Light. Or an Account of the Republic of Sparta, with occasional Animadversions upon Mr. James Harrington and the Oceanistical Model. London, 1660.
- Tawney R.H.* Harrington's Interpretation of His Age // Proceedings of the British Academy. 1941. Vol. 27. P. 199–223.
- Wren M.* Monarchy asserted, or The State of monarchicall and popular Government; in Vindication of the Considerations upon Mr. Harrington's Oceana. 2nd ed. London, 1660.
- Wren M.* Considerations on Mr. Harrington's Common-wealth of Oceana. London, 1657.

DOI: 10.31857/S013038640026774-9

© 2023 г. М.А. ПЕТРОВА

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА КАК ГЕРЦОГА ГОЛЬШТЕЙН-ГОТТОРПСКОГО В СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Петрова Мария Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019

Аннотация. В статье, основанной на неопубликованных материалах Архива внешней политики Российской империи, рассматриваются три связанных между собой сюжета. Первый касается признания в 1745 г. великого князя Петра Федоровича как герцога Гольштейн-Готторпского совершеннолетним на год раньше 18-летия в связи с его переходом в православие и опасений, что изменение вероисповедания может стать препятствием для вступления во владение герцогством. Второй сюжет посвящен переговорам о предоставлении Гольштейн-Готторпу индивидуального голоса в Коллегии князей рейхстага Священной Римской империи. Переговоры велись с перерывами в течение почти двух десятилетий и не увенчались успехом из-за противоречий между Гольштейн-Готторпом и курфюршеством Брауншвейг-Люнебург, которым владел британский король. Третий сюжет связан с получением инвеституры на владение герцогством, от которой Петр Федорович фактически отказался из-за нежелания императрицы Елизаветы Петровны, чтобы представитель цесаревича участвовал в традиционном церемониале, предусматривавшем коленопреклонение перед императором. Однако отказ не помешал великому князю утвердить свой статус в Священной Римской империи и не поставил под сомнение его право на владение герцогством.

Ключевые слова: рейхстаг, Священная Римская империя, Елизавета Петровна, Г.К. фон Кейзерлинг, Российская империя, дипломатия, дипломатические отношения, инвеститура, династия Гольштейн-Готторпов, германские княжества, Германия, Петр Федорович.

М.А. Petrova

Legitimation of Grand Duke Peter Fedorovich as Duke of Holstein-Gottorp in the Holy Roman Empire

Maria Petrova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019

Abstract. In the article, the author, drawing on unpublished materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, examines three related subjects. The first subject concerns the recognition in 1745 of Grand Duke Peter Fedorovich as Duke of Holstein-Gottorp and as an adult a year ahead of his coming of age due to his conversion to Orthodoxy and fears that a change of religion could become an obstacle to taking possession of the Duchy. The second subject concerns the negotiations to grant Holstein-Gottorp an individual vote (Virilstimme) in the College of Princes of the Imperial Diet of the Holy Roman Empire. The negotiations continued intermittently for almost two decades and were not successful due to conflicts between Holstein-Gottorp and the Electorate of Brunswick-Lüneburg, which was held by the King of Great Britain. The third subject is related to the receipt of investiture for

the possession of the Duchy, which Peter Fyodorovich in fact refused due to the reluctance on the part of Empress Elizabeth Petrovna to have the Tsesarevich's representatives participate in the traditional ceremony, which involved kneeling before the Emperor. However, the refusal did not prevent the Grand Duke from asserting his status in the Holy Roman Empire or compromise his right to hold the Duchy.

Keywords: Imperial Diet, Holy Roman Empire, Elizabeth Petrovna, Hermann Karl von Keyserlingk, Russian Empire, diplomacy, diplomatic relations, investiture, Holstein-Gottorp dynasty, German principalities, Germany, Peter Fedorovich.

Возникновение голштинского вопроса (в немецкой историографии также готторпский вопрос) во внешней политике России относится к 1725 г., когда дочь Петра I цесаревна Анна вышла замуж за герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха. Их сын Карл Петер Ульрих (1728–1762), потерявший при рождении мать, а в 11 лет – отца, был претендентом на шведскую и российскую корону, так как приходился внучатым племянником шведскому королю Карлу XII и внуком российскому императору Петру I. Выбор за Карла Петра Ульриха сделала его родная тетка – российская императрица Елизавета Петровна, которая вскоре после переворота 25 ноября (6 декабря) 1741 г. вызвала его в Петербург, так как нуждалась в упрочении своего положения на престоле, в том числе через предъявление подданным законного наследника. В ноябре 1742 г. герцог Гольштейн-Готторпский, будучи вассалом императора Священной Римской империи, принял православие, став великим князем под именем Петра Федоровича и наследником престола Российской империи. Поскольку на момент смены религии герцог был несовершеннолетним, у Елизаветы Петровны возникли опасения, что он может лишиться наследственных владений в Германии. Цель настоящей статьи – показать, какие усилия предприняла российская дипломатия, чтобы подтвердить право Петра Федоровича на владение Гольштейн-Готторпом, тем самым узаконив его статус в Священной Римской империи. Эта юридическая и политическая коллизия до настоящего времени предметом специального исследования не становилась, хотя сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) источники позволяют восстановить некоторые ее подробности.

Карл Петер был одним из претендентов на российскую корону в силу завещания своей бабушки Екатерины I, скончавшейся в 1727 г., преемником которой по нему стал старший внук Петра I Петр II. После его смерти в 1730 г. потомство первого российского императора было на некоторое время отстранено от престолонаследия: Верховный Тайный совет призвал на царство Анну Иоанновну, дочь царя Ивана V. Наследником Анны Иоанновны, скончавшейся в октябре 1740 г., стал ее внучатый племянник малолетний Иоанн VI Антонович – с ноября 1740 г. при регентстве своей матери принцессы Брауншвейг-Люнебургской Анны Леопольдовны. Наличие в далекой Голштинии еще одного наследника по линии Петра Великого вызывало беспокойство в Петербурге. В январе 1741 г. была воссоздана самостоятельная дипломатическая миссия в Гамбурге при Нижнесаксонском округе Священной Римской империи, ранее подчиненная миссии в Копенгагене. Среди прочего резиденту в Гамбурге Иоганну Дитриху Гейнсону предписывалось внимательно следить за происходящим в Голштинии и при первой возможности обзавестись агентами в Киле, которые могли бы снабжать Петербург сведениями о поведении Карла Петра Ульриха и внешнеполитических планах его окружения¹.

Никаких важных сведений из Голштинии Гейнсон за 1741 г. передать не успел. А когда 25 ноября (6 декабря) 1741 г. на российский престол в результате переворота взошла Елизавета Петровна, она в тот же день отправила дипломату рескрипт с распоряжением

¹ Инструкция И.Д. Гейнсону от 31 января 1741 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 44. Сношения России с Гамбургом. Оп. 1. 1741. Д. 3 (Анна Леопольдовна). Л. 4–4 об. Даты документов указаны в соответствии с оригиналом: в делопроизводстве Коллегии иностранных дел использовался старый стиль, иногда двойные даты; европейские документы датированы новым стилем.

немедленно ехать в Киль и передать ее племяннику, герцогу Карлу Петеру, официальное известие о переменах при российском дворе². В реляции Елизавете Петровне от 15 (26) декабря 1741 г., написанной по итогам встречи с герцогом, Гейнсон оставил его подробный портрет, по нашим сведениям, ранее не публиковавшийся. Приведем его в переводе, сделанном в Коллегии иностранных дел:

«Что же касается до персоны Его Высочества, то я признать должен, что все портреты, которые я видел, того изобразить не могли, что я ныне щастие имел персонально видеть; Его Высочество по летам своим нарочито высокого росту, тонкого и изрядно пропорционального стану. Изображение лица приятнее быть не может. Живость в очах и протчия в лице линияменты (черты. — М.П.) проницательства разума показывают, которое сей Государь во молодых своих letech являет. Воспитание его изрядное, и все его поступки свидетельствуют, что приложенное о нем попечение небезплодно и бесполезно было, и тако я очевидно удостоверен, что прежде имевшиеся ведомости отчасти несовершенно, отчасти же неосновательны были; по всем видам Его Высочество великоростен и дороден будет, и первое руки и ноги по обыкновению свидетельствуют, а второе экзерции (упражнения. — М.П.) корпусом, которые умерено отправляются, придать могут. Також презрядныя власы имеет, которые особливо на другой день преизрядно убраны были и их натуральною долготою великую красоту подавали.

В вечеру по получении радостной ведомости Его Высочество, идучи опочивать, на колени став, Бога всеусердно благодарил, а молил, дабы он Вашего Императорского Величества возприятное покровительство до глубочайшей старости щастием награждать и благословлять соблаговолил. Дежурной камер-юнкер мне при том сказал, что он, видя сего молодого государя собою и по собственному побуждению такое христианское благоговение с великою ревностью отправляющего, едва от слез удержаться мог.

Его Высочество изрядно говорит и на все с разсуждением и разумом отвечает; *обретаются при нем кавалеров и служителей любит и жалует, и ежели кто из последних в чем погрешит и штрафован быть имеет, то об упущении ему вин паче просит, нежели исполнения наказания видеть желает, чем его щедрое и к милосердию склонное сердце довольно оказывается. Понятность же его во учении обер-маршал Бриммер³ мне довольно выхвалить не мог. И тако при дарованных ему от Бога качествах и при имеющейся к нему⁴ Вашего Императорского Величества благосклонности он людей и подданных щастливыми учинит⁵.*

В 1728 г. Гейнсон ездил с дипломатическим поручением в Стокгольм — официально сообщить шведскому двору о рождении Карла Петера. Юному герцогу стало известно об этом факте, и в беседе с дипломатом он выразил удовольствие, что едва ли не самое важное в его жизни известие, вызвавшее всеобщее ликование при дворе, привез в Киль именно Гейнсон⁶. Переехав в Петербург в феврале 1742 г., теперь уже великий князь Петр Федорович не забыл о Гейнсоне: по просьбе племянника Елизавета Петровна в мае того же года увеличила жалованье дипломату на 1 тыс. руб. Оно составило 3 тыс. руб. в год⁷. Это было одно из первых распоряжений великого князя, свидетельствующее, что он умел быть благодарным.

С 1739 г. герцогством Гольштейн-Готторп управлял опекун Карла Петера — принц-администратор Адольф Фридрих, его двоюродный дядя, с 1727 г. — князь-епископ Любека, с 1743 г. — наследник шведского престола, проживавший в Стокгольме. В Киле от его имени действовал Тайный правительствующий совет (Geheimes Regierungs-Conseil zu Kiel).

² См.: Рескрипт И.Д. Гейнсону от 25 ноября 1741 г., отправленный в день переворота // Там же. Д. 2 (Елизавета Петровна). Л. 1–2 об.

³ Бриммер, Отто Фридрих — воспитатель Карла Петера Ульриха, гофмаршал его двора в Киле, впоследствии переехал с герцогом в Петербург.

⁴ Выделенный курсивом фрагмент отчеркнут красным карандашом. Здесь и далее в русских текстах XVIII в. сохранена орфография оригинала, пунктуация модернизирована.

⁵ АВПРИ. Ф. 44. Оп. 1. 1741. Д. 3. (Елизавета Петровна). Л. 15 об.—16 об.

⁶ Там же. Л. 14—14 об.

⁷ Рескрипт И.Д. Гейнсону от 20 мая 1742 г. // Там же. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 72—72 об.

Полномочия Адольфа Фридриха должны были прекратиться в день совершеннолетия великого князя 10 (21) февраля 1746 г. Однако по мере приближения к этой дате, а значит, и скорому вступлению Петра Федоровича в отцовское наследство, у Елизаветы Петровны росли опасения, что он не сможет закрепить за собой Гольштейн-Готторп из-за перехода в православие, поскольку в имперских законах, в том числе Вестфальских мирных договорах 1648 г., являвшихся юридической основой политического устройства Священной Римской империи во второй половине XVII–XVIII вв., православие не было упомянуто в числе разрешенных на ее территории вероисповеданий. В октябре 1744 г. российский посланник в Дрездене граф Герман Карл фон Кейзерлинг, назначенный в июле полномочным министром в Мюнхен, ко двору императора Священной Римской империи Карла VII из баварской династии Виттельсбахов⁸, получил указание «бденно наблюдать» за возможными «происками и внушениями» германских князей против великого князя при императорском дворе и доносить о них в Петербург, чтобы там могли своевременно принять меры⁹.

После скоропостижной смерти Карла VII 9 (20) января 1745 г. необходимость в создании российской миссии в Мюнхене отпала и Кейзерлинг посоветовал Елизавете Петровне направить аккредитованного представителя во Франкфурт-на-Майне, где вскоре должны были начаться заседания Коллегии курфюрстов для выборов нового императора. Пребывание во Франкфурте этого представителя позволило бы добиться признания за российскими монархами императорского титула, оспариваемого Священной Римской империей с 1721 г.¹⁰ Рескриптом от 16 февраля 1745 г. Елизавета Петровна доверила эту миссию именно Кейзерлингу, а заодно предписала ему выяснить, каким образом «по ближнему великого князя совершенству лет» его права и преимущества «при нынешнем его достоинстве согласены и сохранены быть могли и не полезно ли настоящими обстоятельствами воспользоваться, не токмо для объявления его майорином (совершеннолетним. — *М.П.*), но и получения по тому на герцогство Гольштейнское надлежащей инвеституры»¹¹. «Настоящими обстоятельствами» Елизавета Петровна называла период междоусобицы, когда после кончины старого и до выборов нового императора курфюрст Саксонский и курфюрст Пфальца становились викариями Священной Римской империи, т.е. фактически местоблюстителями престола, обладавшими широкими правами: первый — в землях саксонского права, второй — в землях салического права (швабских, рейнских, франконских). Инвеститурой назывался акт передачи ленной грамоты (т.е. на принятие земельного владения), вручаемой императором Священной Римской империи своим вассалам, которыми имперские штаты¹² продолжали считаться и в XVIII в.

В реляции от 12 (23) марта 1745 г. Кейзерлинг привел немало примеров из юридической практики XVI–XVIII вв., когда имперские князья были признаны совершеннолетними в 17 и даже в 16 лет: среди последних — герцог Вюртембергский Карл Евгений (1728–1793) и баварский курфюрст Максимилиан III Иосиф (1727–1777), сын покойного императора Карла VII. По словам дипломата, в истории Священной Римской империи не было прецедентов, когда совершеннолетие жаловалось викариями. При этом пятая глава фундаментального закона империи — Золотой буллы 1356 г., посвященная правовому положению викариев, не упоминала пожалование совершеннолетия ни в числе прав,

⁸ Рескрипт от 27 июля 1744 г. о назначении // Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1744. Д. 46. Л. 59–59 об.

⁹ Рескрипт Г.К. фон Кейзерлингу от 27 октября 1744 г. // Там же. Л. 166 об.—167.

¹⁰ См. об этом: *Петрова М.А.* Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 6. С. 89–109.

¹¹ См. оригинал рескрипта и его перевод на немецкий язык: АВПРИ. Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 12 об.—13 об., 30 об.—31.

¹² Имперские штаты (в российской историографии также имперские сословия или имперские чины) — общее название для всех лиц и корпораций, входивших в состав Священной Римской империи, к которым относились курфюрсты, избиравшие императора, имперские князья, графы, прелаты и другие духовные и светские правители, рыцарские ордена, вольные и имперские города.

принадлежавших им, ни в числе так называемых резерватных, или исключительных, прав императора. Из чего Кейзерлинг делал вывод, что если вопрос о пожаловании совершеннолетия викариями обойден молчанием в имперских законах, то они обладают этим правом. При этом курфюрст Саксонии Фридрих Август II (он же польский король Август III), будучи союзником России по договору от 24 января (4 февраля) 1744 г., уже подтвердил свою готовность признать Петра Федоровича совершеннолетним. Дипломат советовал не упускать момент и получить как можно скорее викариатский диплом, чтобы на ближайшем заседании рейхстага Священной Римской империи в Регенсбурге¹³, утверждавшего выборы нового императора, никто не мог бы поставить под сомнения права Петра Федоровича как герцога Гольштейн-Готторпского из-за его перехода в православие.

Кейзерлинг был уверен, что новый император утвердит все решения, принятые викариями, в противном случае они будут бороться за соблюдение своих прав, как это всегда делали их предшественники. При этом ленная грамота на владение наследственными землями вручалась соискателям исключительно императорами, а о церемониале вступления в инвеституру нужно было договариваться с императорским двором. Дипломат предлагал принять за основу тот церемониал, который используют короли Дании и Швеции, имевшие личные владения в Священной Римской империи: первый — Гольштейн-Глюкштадт, второй — Гессен-Кассель. Кейзерлинг также считал необходимым, чтобы курфюрст Саксонии подписал «викариатский патент к опекуновенному правительству» Гольштейн-Готторпа, «дабы все Его Императорское Высочество за своего государя признавали, его повеления и запрещения подобающе и с покорностью исполняли, також по воззребованию оного обыкновенную присягу верности учинили»¹⁴.

Реляция Кейзерлинга была получена 27 марта (7 апреля) 1745 г. На следующий день Елизавета Петровна приказала Коллегии иностранных дел подготовить от имени Петра Федоровича грамоту польскому королю и саксонскому курфюрсту как викарию Священной Римской империи с просьбой о пожаловании совершеннолетия раньше положенного срока¹⁵. Нам не удалось обнаружить в АВПРИ такой документ, но там хранится черновик грамоты самой императрицы от 30 апреля 1745 г., в которой она рекомендует Августу III своего племянника, свидетельствуя «о его многоотличных качествах и о превозходящих нынешние его лета разума и души дарованиях», а также выражая уверенность в том, что король и курфюрст прислушается к этой рекомендации и провозгласит Петра Федоровича совершеннолетним «обыкновенным и имперскими конституциями узаконенным порядком»¹⁶. В середине мая 1745 г. викариатский диплом и грамота саксонского курфюрста великому князю, датированные 7 мая по новому стилю¹⁷, прибыли в Петербург. В них отсутствовало обращение «королевское высочество», обычно употребляемое

¹³ Изначально рейхстаг был периодически созываемым собранием всех штатов Священной Римской империи. В 1663 г. его заседания начали проводиться на постоянной основе, и в них теперь принимали участие не сами имперские штаты, а их представители, поэтому рейхстаг называли конгрессом посланников (Gesandtenkongress). Заседания рейхстага проходили в трех коллегиях — Коллегии курфюрстов, Коллегии князей и Коллегии имперских городов.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 36. Л. 36 об.—44.

¹⁵ Протоколы заседаний императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии Иностранных дел в 1745 г. / публ. К.А. Писаренко // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XVI. М., 2007. С. 103.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1745. Д. 1. Л. 8–8 об.

¹⁷ Оригиналы документов, вероятно, хранятся в Архиве земли Шлезвиг-Гольштейн в Шлезвиге. Во всяком случае, в описи значится дело за 1745 г. под названием «Совершеннолетие великого князя Российского и герцога Шлезвиг-Гольштинского Петра Федоровича». См.: Landesarchiv Schleswig-Holstein. Abt. 8.1. Geheimes Regierungs-Conseil zu Kiel 1720–1773. № 2013. Отпуск грамоты (чистовая копия) Фридриха Августа II от 7 мая 1745 г. хранится в Главном государственном архиве в Дрездене. См.: Sächsisches Staatsarchiv. Hauptstaatsarchiv Dresden. Bestand 10025. Geheimes Konsilium. Loc. 05230/25 (Ihrer kaiserlichen Hoheit des Großfürsten aller Reußen als Herzog zu Holstein Majorennitätserklärung [betrifft späteren Kaiser Peter III. von Russland]).

в императорских грамотах к голштинским герцогам. Елизавета Петровна приказала полученные документы в Дрезден не возвращать, но попросила саксонский двор прислать новые, включив в титулатуру обращение «императорское и королевское высочество»¹⁸. 15 (26) июня саксонский резидент Иоганн Сигизмунд фон Пецольд вручил документы в первоначальной редакции Петру Федоровичу. В тот же день о совершеннолетии великого князя и о «пресечении поднесень опекунской регенции (правления. — М.П.)» уведомили всех российских дипломатов за рубежом¹⁹. Тайному Правительствующему совету в Киле был направлен указ Петра Федоровича, а принцу-администратору Адольфу Фридриху — грамота о начале самостоятельного правления великого князя как герцога Гольштейн-Готторпского²⁰. Сам он поблагодарил Августа III за оказанную милость грамотой от 18 июня²¹, а Елизавета Петровна — грамотой от 19 июля 1745 г.²²

В конце июля 1745 г. саксонский курфюрст прислал в Петербург новые диплом и грамоту — теперь уже с титулом императорского и королевского высочества, но передал через резидента Пецольда, что считает нецелесообразным повторно отправлять грамоты принцу-администратору Адольфу Фридриху в Стокгольм и Правительствующему совету в Киль, поскольку не все курфюрсты и имперские князья признавали за голштинскими герцогами право именоваться королевским высочеством. Замена грамот могла вызвать на ближайшем заседании рейхстага в Регенсбурге ненужные толки, поставив под сомнение не только сами документы, но и признание совершеннолетия великого князя. Елизавета Петровна с этими доводами согласилась²³.

И все-таки в Петербурге продолжали беспокоиться, что из-за перехода Петра Федоровича в православие имперские штаты на рейхстаге в Регенсбурге оспорят его признание совершеннолетним, хотя ни в одном имперском законе не говорилось, что государь или принц греческого исповедания не может иметь владений в Священной Римской империи. К тому же опекунское правление в Гольштейн-Готторпе было повсеместно признано в Германии, и никаких вопросов у имперских штатов в связи с переменой вероисповедания герцога к его опекуну до сих пор не возникало. Елизавета Петровна вменяла в обязанность приехавшему в мае 1745 г. во Франкфурт графу Кейзерлингу «чинимые иногда противные рассуждения и толкования опровергать и доказывать, что Греческой закон родительским наследством в Германии владеть нашему племяннику никак не препятствует». Если же паче чаяния этот вопрос будет вынесен на обсуждение рейхстагом и решить его быстро не получится, то основной стратегией российского дипломата должно было стать затягивание спора на долгие годы²⁴.

Кейзерлинг в очередной раз развеял опасения Елизаветы Петровны, ссылаясь на свободу вероисповедания в Священной Римской империи, установленную Аугсбургским религиозным миром 1555 г., хотя действие его распространялось только на католиков, кальвинистов и лютеран. Дипломат подчеркивал, что при смене вероисповедания ни один имперский князь не лишился своих владений и не имел права заставлять подданных следовать его примеру. Кейзерлинг выразил уверенность, что решение саксонского курфюрста как викария империи будет вписано в избирательную капитуляцию нового императора²⁵, что и произошло в сентябре 1745 г., когда главой империи был избран великий герцог Тосканский Франц Стефан (1708—1765) под именем Франца I, супруг эрцгерцогини Австрии, королевы Венгрии и Богемии Марии Терезии²⁶.

¹⁸ См. об этом в докладе коллегии от 21 мая 1745 г.: Протоколы приемов... С. 119—120.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 3а. Л. 114—115.

²⁰ Протоколы приемов... С. 132—133.

²¹ Черновики грамоты на русском и немецком языках // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1745. Д. 3. Л. 1—3 об.

²² Там же. Д. 1. Л. 16—17 об.

²³ Доклад от 2 августа 1745 г.: Протоколы приемов... С. 161—162.

²⁴ Рескрипт Г.К. фон Кейзерлингу от 22 июня 1745 г. // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 3а. Л. 120—123 об.

²⁵ Перевод реляции Г.К. фон Кейзерлинга от 16 (27) июля 1745 г. // Там же. Д. 4. Л. 278 об.—280 об.

²⁶ См.: Wahlkapitulation Franz' I., Frankfurt am Main, 13. September 1745 // Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519—1792 / Bearb. von W. Burgdorf. Göttingen, 2015. S. 470.

Еще в июле 1745 г. Кейзерлинг попросил Коллегию иностранных дел подготовить для него кредитивную (верительную) грамоту (ранее такая грамота была прислана ему для аккредитации при Коллегии курфюрстов во Франкфурте-на-Майне) для получения официального статуса при рейхстаге Священной Римской империи в Регенсбурге, чтобы не только добиваться признания за Елизаветой Петровной императорского титула, но и «интерес Его Императорского Высочества в разсуждении Германских его наследных земель тамо наблюдать и, что к поспешествованию оного служить может, в действо производить». Дипломат также обещал похлопотать, чтобы перед началом работы рейхстага Петр Федорович как герцог Гольштейн-Готторпский получил от нового императора «созывательный лист» (Concovations-Schreiben), т.е. приглашение принять участие в заседании²⁷. Такие приглашения традиционно рассылались императорами имперским князьям после выборов, хотя в XVIII в. в работе рейхстага принимали участие уже их представители. Получил ли великий князь «созывательный лист» от Франца I, пока установить не удалось.

Общаясь с имперскими дипломатами, Кейзерлинг пришел к выводу, что для отстаивания интересов Петра Федоровича на рейхстаге нужен представитель, аккредитованный от его имени. В литературе есть упоминания, что с 1739 по 1749 г. Гольштейн-Готторп и Восточную Фрисландию на рейхстаге представлял Иоганн Каспар фон Погарелл унд Кучерборвиц²⁸. Но судя по тому, что его имя в переписке Кейзерлинга с российским двором не встречается, эти сведения ошибочны. Представитель Петра Федоровича должен был вести переговоры о включении Гольштейн-Готторпа в число имперских штатов, имеющих индивидуальный голос (Virilstimme) в светской курии (Weltliche Bank — с немецкого дословно «светская скамья») Коллегии имперских князей (Reichsfürstenrat) рейхстага²⁹. Менее значимые имперские штаты, например имперские графства, имели только общий, куриатный, голос (Kuriatstimme). К концу XVIII в. в Коллегии князей насчитывалось 94 индивидуальных и 6 куриатных голосов.

Право индивидуального голоса распределялось между так называемыми старо- и новокняжескими домами, т.е. получившими свое достоинство от императоров и голос в Коллегии князей до или после 1582 г., когда на рейхстаге начал действовать территориальный принцип распределения голосов: если умирал последний представитель династии, его голос закреплялся за территорией независимо от того, кому она переходила. Таким образом некоторые имперские князья имели столько голосов на рейхстаге, сколько владений с правом голоса они сумели унаследовать или приобрести.

Коллегия князей была ареной споров о старшинстве или первенстве (Praecedenz), другими словами, какое место в иерархии должен получать каждый новый голос. Ранжирование территорий проявлялось в определении порядка рассадки и голосования, а также в расположении подписей под итоговым постановлением рейхстага (Reichsabschied — с немецкого дословно «имперское прощание»), которое по окончании его работы император должен был зачитать. Критериями были древность и происхождение рода, количество титулов, власть, богатство и многое другое. Поэтому все попытки императора и рейхстагов установить хотя бы обязательные правила рассадки терпели поражение. Проблему решали единственным возможным способом — ежедневно пересаживаться с места на место, чтобы каждый мог на какое-то время приблизиться к председательствующему.

В 1576 г. Померанский, Вюртембергский, Гессенский и Баденский дома заключили соглашение о вечной «альтернации», или чередовании голосов, т.е. зафиксировали порядок рассадки, председательства и голосования по очереди на заседаниях светской курии

²⁷ АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 280 об.—281 об.

²⁸ Düwel S. Ad bellum Sacri Romano-Germanici Imperii solenne decernendum: Die Reichskriegserklärung gegen Brandenburg-Preußen im Jahr 1757. Das Verfahren der “preußischen Befehlungssache” 1756/57 zwischen Immerwährendem Reichstag und Wiener Reichsbehörden: 2 Bde. Reihe: Geschichte. Bd. 130. Münster, 2016. S. 206.

²⁹ Перевод реляции от 30 августа (10 сентября) 1745 г. // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 5. Л. 122.

Коллегии князей. В 1676 г. к соглашению присоединился Мекленбург³⁰. На протяжении нескольких десятилетий получить свое место среди этих пяти старокняжеских домов пытался Гольштейн-Глюкштадт, принадлежавший датским королям (так называемый Гольштейн королевской линии династии Ольденбургов). Претензии Гольштейн-Глюкштадта оспаривали герцогство Саксен-Лауэнбург, принадлежавшее курфюрстам Брауншвейг-Люнебургским, или ганноверским по названию столицы, которые с 1714 г. были королями Великобритании, и княжество Минден, находившееся во владении прусских королей. Только 2 (13) августа 1740 г., после того как Саксен-Лауэнбург и Минден согласились признать первенство Гольштейн-Глюкштадта, семь имперских штатов, принадлежавших к вышеуказанным пяти домам (Верхняя Померания, Нижняя Померания, Вюртемберг, Гессен-Кассель, Гессен-Дармштадт, Баден-Баден, Баден-Дурлах), заключили с Гольштейн-Глюкштадтом договор о его включении в число голосов, чередующихся на заседаниях Коллегии князей.

Договор содержал сепаратный артикул о герцогстве Гольштейн княжеской линии династии Ольденбургов, т.е. о Гольштейн-Готторпе. Согласно этому артикулу, участники договора были готовы предоставить голос Гольштейн-Готторпу, если ему удастся преодолеть некоторые не названные в тексте препоны³¹. Как пояснил Кейзерлинг в реляции от 30 августа (10 сентября) 1745 г., речь шла о противодействии Саксен-Лауэнбурга и Миндена, хотя Гольштейн-Готторп обладал такими же правами и привилегиями, как и Гольштейн-Глюкштадт: императорский диплом 1474 г., даровавший графству Гольштейн статус герцогства, продолжал действовать и после его раздела в 1544 г. между наследниками датской короны, ставшими родоначальниками различных линий дома Ольденбургов. Чтобы преодолеть сопротивление Саксен-Лауэнбурга и Миндена, Петру Федоровичу необходимо было, по мысли российского дипломата, направить на рейхстаг своего уполномоченного, «которой бы персональным занятием места на княжеской лавке преимущества его императорского высочества яко Герцога Голштинского подкреплять и производить искал»³².

Ознакомившись с предложением Кейзерлинга, Елизавета Петровна назначила представителем великого князя на рейхстаге графа З.Г. Чернышева, хотя высказала сомнения, что он как православный будет принят и аккредитован при рейхстаге³³, и потому велела не сообщать ему о цели поездки в Германию. Инструкциями Чернышева должен был снабдить во Франкфурте Кейзерлинг³⁴. Выбор молодого и явно не подготовленного человека для столь трудного поручения немало удивил дипломата, о чем он не побоялся деликатно сообщить канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину в письме от 21 октября (1 ноября) 1745 г. Переговоры на рейхстаге — долгий процесс, требующий превосходного знания немецкого языка, законодательства Священной Римской империи и азов публичного права. По поводу православного вероисповедания Чернышева Кейзерлинг не мог сказать что-то определенное, но предполагал, что это тоже может стать препятствием³⁵.

Приехавший в ноябре 1745 г. во Франкфурт Чернышев произвел на Кейзерлинга приятное впечатление. Старый дипломат был готов всячески ему помогать, но вновь написал Бестужеву, что германское «статское право» в академиях изучают не один год, а по окончании курса выходит, что полученных теоретических знаний недостаточно и необходима ежедневная практика³⁶. В реляции Елизавете Петровне от 15 (26) ноября 1745 г. Кейзер-

³⁰ См. подробнее: *Brüser J. Württemberg und das Reich. Die Bemühungen der Herzöge von Württemberg um eine Reichstagsstimme für das Herzogtum Teck zwischen 1653 und 1803 // Zeitschrift für württembergische Landesgeschichte. 2018. Bd. 77. S. 195–203.*

³¹ Текст договора и его перевод на русский язык см.: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 5. Л. 114–116 об., 124–129.

³² Там же. Л. 120–123.

³³ Протоколы приемов... С. 177.

³⁴ Там же. С. 180, 188–189; Рескрипт Чернышеву от 30 сентября 1745 г. // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 6. Л. 23–23 об.

³⁵ См. перевод письма: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 5. Л. 354–355.

³⁶ Перевод письма Кейзерлинга А.П. Бестужеву от 15 (26) ноября 1745 г. // Там же. Л. 414–415 об.

линг сформулировал основную задачу Чернышева на ближайшем заседании рейхстага: «О заседании и голосе с древними княжескими домами согласиться, дабы герцогско-голштинской министр в самом начале в ранг королевско-голштинского вступить мог, не будучи подтвержден прекословию заинтересованных в том, ибо в таком случае единственно толко способ протестации остается, чем, однако ж, ничего не получено, но паче Голстиния по пражному выключена была б»³⁷.

Чтобы пресечь возражения со стороны Саксен-Лауэнбурга, Кейзерлинг неофициально поговорил с ганноверским посланником на рейхстаге Людольфом Дитрихом Хуго фон Хуго, который обнадеежил его, что направит своему государю представление о желании Петра Федоровича получить голос в Коллегии князей. Так как прусский король и курфюрст Бранденбурга Фридрих II в выборах императора в 1745 г. не участвовал, выступая против кандидатуры Франца I (напомним, что в Европе продолжалась Война за австрийское наследство 1740–1748 гг.), прусский министр во Франкфурте отсутствовал и, по мнению российского дипломата, вряд ли приехал бы на заседание рейхстага. Поэтому препятствие со стороны Миндена вроде бы устранялось само собой.

Кейзерлинг считал, что решению дела поспособствовало бы получение датским министром на рейхстаге соответствующих инструкций и указов от своего двора, «ибо Дания по тому ж основанию свои преимущества и правости с Герцогско-Голштинским домом производит». Но самым разумным и необходимым решением, по мысли российского дипломата, стало бы отправление великим князем циркулярной грамоты (т.е. грамоты идентичного содержания) ко всем заинтересованным древним княжеским домам с просьбой оказать содействие: «Сей знак аттенции их к тому толь наипаче побудит, яко древность и высочество сего герцогского дома, на что княжеская лавка толь зело оглядывается, за оной дом сами говорят, да и его преимущества и ранг пред многими другими княжескими домами на основаниях древних времен известей и доказательств весьма неподвижно утверждается»³⁸.

Реляция Кейзерлинга дала Елизавете Петровне и канцлеру Бестужеву-Рюмину немало пищи для размышлений, однако каких-то распоряжений по горячим следам не последовало. Рескриптом от 31 декабря 1745 г. дипломату предписывалось до дальнейших указов голштинские интересы «надлежащим образом наблюдать и по вашему лутшему знанию оныя поспешествовать искать»³⁹. Однако и в следующем году никаких подробных инструкций, как вести себя на рейхстаге, Кейзерлинг так и не получил, продолжая действовать на свой страх и риск. 4 (15) февраля 1746 г. он сообщал, что по его просьбе прибывший во Франкфурт прусский посланник Адам Генрих Польшман написал к своему двору и ожидал, что король Фридрих II как князь Миндена пойдет на уступки великому князю⁴⁰.

25 февраля (8 марта) 1746 г. Елизавета Петровна приняла решение отозвать З.Г. Чернышева из Франкфурта, приказав ему без промедления вернуться в Россию. В качестве причины была указана «различность религии», о незнании немецкого языка в рескрипте не упоминалось⁴¹. До назначения нового представителя великого князя дело о голштинском голосе на рейхстаге было поручено Кейзерлингу⁴². В Коллегии иностранных дел, очевидно, не очень понимали специфику законодательства и юридическую практику Священной Римской империи, поэтому все вопросы, возникавшие у российского дипломата, были переадресованы «Голштинскому великокняжескому совету», находившемуся при Петре Федоровиче как герцог Гольштейн-Готторпском. Фактически это была Петербургская канцелярия Тайного Правительствующего совета, продолжавшего действовать от имени великого князя в Киле. Руководителем канцелярии до 1757 г. был барон

³⁷ Там же. Л. 405–406.

³⁸ Там же. Л. 406–407 об.

³⁹ Там же. Д. За. Л. 263–263 об.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. 1746. Д. 2. Л. 75–76 об.

⁴¹ Там же. Оп. 1. 1745. Д. 6. Л. 24–24 об. (в деле есть документы за 1746 г.)

⁴² Там же. Оп. 1. 1746. Д. 1. Л. 5–6 об.

Иоганн фон Пехлин, который выступал в роли посредника между Петром Федоровичем и «сиятельным российским императорским министерством».

12 (23) апреля 1746 г. коллегия направила Голштинскому совету ноту с просьбой обеспечить Кейзерлинга необходимыми инструкциями для работы на рейхстаге⁴³. В фонде «Сношения России с Голштинией» АВПРИ, где хранятся оригиналы нот Пехлина российскому министерству, нам не удалось найти его ответ на ноту коллегии. Судя по реляциям Кейзерлинга за 1746 г., этот ответ так и не был подготовлен, поэтому на рейхстаге, куда дипломат прибыл 30 мая (10 июня) 1746 г., он продолжал действовать исходя из собственного понимания ситуации, беседуя как бы от себя лично с представителями имперских штатов (например, Пфальца и Гессен-Касселя), которые могли бы оказать ему поддержку.

В реляции от 14 (25) июля 1746 г. дипломат попросил, чтобы Петр Федорович снабдил его официальными полномочиями на проведение переговоров, и вновь напомнил Елизавете Петровне о необходимости направить на рейхстаг голштинского министра, а также советовал, чтобы великий князь написал прусскому и британскому королям как владельцам Миндена и Саксен-Лауэнбурга. Заседания рейхстага должны были возобновиться через шесть недель, за это время документы могли быть получены всеми заинтересованными сторонами. Гольштейн-Готторп, по мнению Кейзерлинга, должен был лишь вернуть принадлежавшее ему по праву: ведь в 1480 г. на рейхстаге в Нюрнберге герцог Голштинский занимал место перед герцогами Клевским и Гелдернским, ландграфом Гессенским и маркграфом Баденским, хотя и после герцогов Померанского и Мекленбургского. Пока герцоги Голштинские принимали участие в заседаниях рейхстага, подписывали его постановления, их старшинство под сомнение не ставилось. Как только они стали пропускать заседания, то сами подали повод другим домам, например графству Вюртемберг, получившему статус герцогства, лишить себя права голоса и других преимуществ⁴⁴.

Наступил ноябрь, а Петр Федорович так и не направил Кейзерлингу запрашиваемых полномочий, а прусскому и британскому королям — грамоты с просьбой пойти на уступки в вопросе о голштинском голосе. В ожидании рекредитивной (отпускной) грамоты от рейхстага, содержавшей императорский титул Елизаветы Петровны, Кейзерлинг убеждал представителей древних княжеских домов в необходимости поддержать право Гольштейн-Готторпа на голос в Коллегии князей. Между тем срок пребывания дипломата в Регенсбурге был ограничен — Елизавета Петровна предписала ему по получении грамоты рейхстага без промедления ехать в Берлин⁴⁵, куда назначила его своим посланником еще 11 мая 1746 г.⁴⁶

Неожиданный вариант решения проблемы со стороны Миндена предложил через своего представителя на рейхстаге прусский король Фридрих II. Он разрешил Кейзерлингу самому написать ему письмо с просьбой о содействии в голштинском вопросе, не дожидаясь официальной грамоты великого князя, что дипломат и сделал⁴⁷. В письме Фридриху II от 3 ноября 1746 г. Кейзерлинг назвал себя уполномоченным российской императрицы и попросил принять «без всякой кондиции» Гольштейн-Готторп «в число переменяющихся на имперском сейме древних княжеских домов» в связи с тем, что права Гольштейн-Готторпа и Гольштейн-Глюкштадта «на одном основании находятся» и, следовательно, «что Гольштейн-Гликштату дозволено, то и Гольштейн-Готторпу равномерным образом тем пользоваться надлежит»⁴⁸. Фридрих II в письме российскому дипломату от 14 ноября 1746 г. выразил готовность допустить Гольштейн-Готторп к голосованию в Коллегии князей и признать его первенство перед Минденом, а также разрешил использовать

⁴³ Там же. Ф. 51. Сношения России с Голштинией. Оп. 7. 1742–1759. Д. 4. Л. 50–51 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1746. Д. 2. Л. 256–258 об.

⁴⁵ См. об этом в письме к А.П. Бестужеву-Рюмину от 30 октября (10 ноября) 1746 г. // Там же. Л. 403–403 об.

⁴⁶ Там же. Оп. 1. 1746. Д. 1. Л. 27–30.

⁴⁷ Перевод реляции Г.К. фон Кейзерлинга от 17 (28) ноября 1746 г. // Там же. Д. 2. Л. 419–421 об.

⁴⁸ Копия и перевод письма Г.К. фон Кейзерлинга // Там же. Л. 414–414 об., 425–426 об.

это письмо в качестве официальной декларации, по поводу чего дал соответствующие инструкции своему посланнику Польману как представителю Верхней Померании⁴⁹.

О решении Фридриха II Кейзерлинг проинформировал представителей имперских князей на рейхстаге и президента ганноверского правительства барона Герлаха Адольфа Мюнхгаузена. Тот обещал написать своему государю⁵⁰. Британский король Георг II через ганноверского министра на рейхстаге Хуго вроде бы выразил готовность пойти на уступки со стороны Саксен-Лауэнбурга и признать первенство голштейн-готторпского голоса, но выдвинул Петру Федоровичу ряд условий: во-первых, хлопотать перед древними княжескими домами, и особенно перед датским двором, о том, чтобы Саксен-Лауэнбург был включен в число чередующихся голосов; во-вторых, чтобы великий князь оплатил долги герцогства перед Люнебургской соляной конторой, располагавшейся в курфюршестве; в-третьих, отменить недавно введенную для его жителей таможенную пошлину на границе с Гольштейн-Готторпом.

Кейзерлинг, не посвященный в детали финансовых противоречий между герцогствами, постарался убедить Хуго передать это дело на рассмотрение голштинскому правительству в Киле, а сейчас ограничиться вопросом о принятии голоса, выразив уверенность, что великий князь из уважения к британскому королю и ганноверскому курфюрсту не откажется похлопотать о включении Саксен-Лауэнбурга в состав голосующих. Кейзерлинг не сомневался, что еще до своего отъезда из Регенсбурга получит декларацию Георга II, аналогичную той, что прислал Фридрих II. Однако британский король и курфюрст решил не отступать от формальностей: через посланника Хуго он предложил великому князю заключить договор, в котором отказывался от «неоспоримого права первенства» саксен-лауэнбургского голоса перед голштейн-готторпским взамен на перечисленные выше уступки, и все это из особой любезности к великому князю⁵¹.

После разговора с Хуго Кейзерлинг, за неимением необходимых сведений и полномочий вступать в обсуждение финансовых дел Петра Федоровича, составил 20 (31) декабря 1746 г. промеморию, адресованную всем «переменяющимся по очереди домам», в которой сообщил о декларации прусского короля и потенциальной готовности британского короля (пока не обремененной в форму документа из-за того, что «некоторые приватные в делах обстоятельства за краткость времени здесь окончаны быть не могут») урегулировать спорный вопрос, попросив принять резолюцию по делу о голштейн-готторпском голосе⁵².

В тот же день в квартире гессен-кассельского посольства в Регенсбурге состоялась специальная конференция по делу о голосе Гольштейн-Готторпа. На нем представители Гессен-Касселя, Гессен-Дармштадта, Гольштейн-Глюкштадта, Мекленбурга, Верхней и Нижней Померании, Баден-Дурлаха и Баден-Бадена, рассмотрев промеморию Кейзерлинга, постановили, что после устранения препятствия со стороны британского короля Гольштейн-Готторп сможет занимать по очереди свое место на заседаниях Коллегии князей⁵³. Возражения возникли только у Мекленбурга в силу давнего конфликта с Гольштейн-Готторпом, не имевшего отношения к делу. Кейзерлингу было важно инициировать это обсуждение, чтобы к протоколу конференции как одному из актов рейхстага была приобщена декларация прусского короля. Тем самым снимался вопрос о вероисповедании Петра Федоровича, ибо декларация была сделана уже после перехода великого князя в православие. Дипломат считал, что уступку со стороны Ганновера можно было получить, если бы Елизавета Петровна сделала представление британскому королю через своего министра в Лондоне. Кейзерлинг даже высказал предположение, что Георг II ничего не знает о финансовых условиях, выдвинутых Петру Федоровичу, что «сие

⁴⁹ Копия и перевод письма Фридриха II // Там же. Л. 415–415 об., 427–428.

⁵⁰ Перевод реляции Г.К. фон Кейзерлинга от 17 (28) ноября 1746 г. // Там же. Л. 422–423 об.

⁵¹ Реляция Г.К. фон Кейзерлинга от 6 (17) января 1747 г., составленная в Дрездене по дороге из Регенсбурга в Берлин // Там же. Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Оп. 1. 1747. Д. 4а. Л. 38–44.

⁵² Промемория и ее перевод // Там же. Л. 17–17 об., 51–52 об.

⁵³ Протокол конференции и его перевод // Там же. Л. 13–14, 48–50.

единственным делом гановерского министерства есть, которое при снисхождении оного государя на доходы его смотрит»⁵⁴.

Рескриптом от 14 февраля 1747 г. Елизавета Петровна поблагодарила дипломата за труды, однако по существу предоставленных им сведений и соображений ничего не ответила. В реляции от 2 (13) мая 1747 г. Кейзерлинг вновь напоминал императрице о необходимости направить официальное представление британскому королю⁵⁵. Нам остается только предполагать, почему она не последовала совету дипломата, а Коллегия иностранных дел не снабдила соответствующими инструкциями посланника в Лондоне П.Г. Чернышева. Во всяком случае, нам не удалось найти никаких распоряжений за 1747–1748 гг., адресованных ему по этому поводу, хотя в рассматриваемый период Россия и Великобритания вели переговоры о заключении конвенции о военных субсидиях и вполне могли обсудить еще и вопрос о голосе на рейхстаге. Возможно, Елизавета Петровна следовала принятой ранее позиции — не вмешиваться в дела великого князя как герцога Гольштейн-Готторпского, а он весьма болезненно воспринимал любые попытки лишить погрязшее в долгах герцогство пусть даже небольших средств.

Кроме того, после признания Петра Федоровича совершеннолетним в 1745 г. российской и голштинской дипломатии предстояло решать другую важнейшую для легитимации великого князя задачу — получения от императора Священной Римской империи инвеституры на владение Гольштейн-Готторпом. Церемония передачи ленной грамоты требовала участия официального представителя Петра Федоровича. В сентябре 1746 г. его уполномоченным был назначен российский чрезвычайный посланник в Вене Людвик Ланчинский, которому по просьбе голштинской канцелярии Елизавета Петровна выделила 5 тыс. руб. на необходимые расходы⁵⁶. Рескриптом от 6 ноября 1746 г. императрица приказала Ланчинскому узнать, не изменилась ли церемония «леноприятия» при венском дворе. Ее исторически сложившийся еще средневековый вариант предполагал, что в ходе передачи грамоты представители курфюрстов и имперских князей вставали на колени перед императором и выходили из зала, пятясь назад. Елизавета Петровна просила выяснить, нельзя ли избежать коленопреклонения, дабы не уронить императорское достоинство российского двора⁵⁷.

В подробной реляции от 25 ноября 1746 г. Ланчинский сообщил, что надежд на изменение церемониала нет. 4 ноября 1741 г. прусский король Фридрих II заключил соглашение о титуле с баварским курфюрстом Карлом Альбрехтом (будущим императором Карлом VII), который в обмен на голос Бранденбурга на предстоящих выборах обещал отменить обычай коленопреклонения как «несходный» с достоинством курфюрстов, имевших королевский титул. Помимо прусского короля им обладали курфюрст Саксонии как король Польши, курфюрст Брауншвейг-Люнебурга как король Великобритании, король и курфюрст Богемии. Соглашение было тайным, а поскольку за свое короткое правление, пришедшееся на Войну за австрийское наследство, Карл VII никому инвеституры не жаловал, то так и осталось неизвестным, согласился бы он сделать исключение ради прусского короля или нет. 7-я статья Дрезденского мирного договора, подписанного Пруссией с Австрией и Саксонией 14 (25) декабря 1745 г., гласила среди прочего, что милости, оказанные Карлом VII прусскому королевскому дому, должны быть утверждены его преемником Францем I. Ланчинский, видимо, считал сомнительным, что Фридриху II удастся включить в число этих милостей изменение церемониала.

Об отношении императора Франца I к нарушению обычая ярко свидетельствует следующий факт. Он не принял прошения о пожаловании инвеституры со стороны

⁵⁴ Реляция Г.К. фон Кейзерлинга от 6 (17) января 1747 г. // Там же. Л. 45–47.

⁵⁵ Там же. Л. 208 об.

⁵⁶ Выписка из рескрипта Л. Ланчинскому от 20 сентября 1746 г. // Там же. Ф. 51. Оп. 7. 1749–1759. Д. 1. Выписка о деньгах, данных Российскому Послу Ланчинскому для принятия Гольштинии в качестве лена от Императора Римско-Католического. Л. 1 об.—2 об.

⁵⁷ Перевод рескрипта, переданный Гольштинскому совету // Там же. Оп. 7. 1742–1759. Д. 4. Л. 53–54 об.

курфюрстов Саксонии, Ганновера и Бранденбурга, подписанные не ими самими, как это было всегда, а их представителями. Остальные курфюрсты и так называемые старые князья не осмелились нарушить обычай и направили императору прошения за своей подписью. По свидетельству Ланчинского, за год, прошедший со времени вступления Франца I на престол, состоялись только две церемонии ленопринятия — для графства Ламберг и Немецкого ордена. Представители обоих получали инвеституру коленопреклоненно, хотя великий магистр Немецкого ордена (Deutscher Orden) Клеменс Август Баварский, брат покойного императора Карла VII, являлся одновременно курфюрстом Кёльна. Открытым оставался вопрос, как будет происходить церемония принятия лена на курфюршество Богемии, которым владела супруга императора Мария Терезия.

На основании вышеизложенного, Ланчинский задавался вопросом, не угодно ли будет Петру Федоровичу назначить своим представителем не российского императорского министра, а голштинского кавалера или кого-то другого. Пока же дипломат считал необходимым сообщить венскому двору, что сам он не может коленопреклоненно получать ленную грамоту, чтобы не уронить императорское достоинство российского двора⁵⁸. Получив вексель на 5 тыс. руб., Ланчинский выручил 9204 гульдена. Часть денег сразу была потрачена на подготовку необходимых документов в Имперской надворной канцелярии, остальные — на покупку шор для лошадей, серебряных ливрейных позументов и на ремонт кареты⁵⁹.

В Петербурге, по-видимому, решили подождать, как будут проходить церемонии вступления в инвеституру у других имперских штатов, поэтому никаких распоряжений Ланчинскому по горячим следам сделано не было. В ноябре 1747 г. Пехлин получил сообщение из Вены, что пока ни курфюрсты, ни древние княжеские дома не принимали ленов от Франца I, который велел объявить, что «никакой новой церемониал никогда не дозволит и что те, коим оной предосудительным кажется, крепко о том уверены быть могут». Зная об обещании, данном Карлом VII Фридриху II, другие курфюрсты, имевшие королевский титул, требовали, чтобы и им было предоставлено право не преклонять колена перед императором, а прочие курфюрсты «в том хуже королей быть не хотят», так как последние принимают лен не в качестве королей, а в качестве курфюрстов. Светские древние княжеские дома заняли выжидательную позицию⁶⁰.

2 (13) августа 1749 г. Франц I, недовольный тем, что имперские штаты медлят с принятием имперских ленов, приказал Имперскому надворному совету (Reichshofrat) установить трехмесячный срок для получения инвеституры после смены владельца, обещая в противном случае направить нарушителям строгие внушения⁶¹. Ланчинский, приславший в Петербург императорскую резолюцию при реляции от 12 (23) августа 1749 г., сообщил, что пока никакой реакции курфюрстов и имперских князей на это предупреждение не последовало⁶².

По прошествии трех месяцев выяснилось, что имперские штаты по-прежнему не торопятся исполнять решение Франца I, а ввиду изменившейся расстановки сил внутри империи в XVIII в. и ослабления императорской власти ему не удастся настоять на своем. Тем не менее в ноябре 1749 г. Голштинский совет в лице Пехлина обратился к Елизавете Петровне с просьбой все-таки назначить представителя Петра Федоровича для принятия лена, так как установленный Францем I срок получения инвеституры истек. Пехлин не сомневался, что на церемонии принятия лена представителю великого князя придется преклонить колена перед императором. Отсюда возникал вопрос: согласится ли Елизавета Петровна, чтобы это делал ее министр Ланчинский, пусть исключительно в статусе уполномоченного герцога Гольштейн-Готторпского, или предпочтет кандидатуру,

⁵⁸ Там же. Л. 206–212 об.

⁵⁹ Счет расходам см.: Там же. Оп. 7. 1749–1759. Д. 1. Л. 8 об.—10.

⁶⁰ Оригинал и перевод сообщения имперского агента Мидделбурга от 22 декабря 1747 г. // Там же. Оп. 7. 1747–1750. Д. 1. Л. 23–23 об.

⁶¹ Печатный экземпляр резолюции Франца I и его перевод на русский язык // Там же. Л. 281–282, 287–288 об.

⁶² Там же. Оп. 7. 1742–1759. Д. 4. Л. 203–203 об.

предложенную Петром Федоровичем, — голштинского тайного советника Фридриха Бухвальда. Если выбор будет сделан в пользу второго, то ему необходимо передать выделенные первому деньги⁶³. Императрица поддержала предложенную кандидатуру и велела Ланчинскому передать Бухвальду по приезду в Вену остаток средств, а также оказывать ему помощь в подготовке к церемонии и получении необходимых документов в Имперской надворной канцелярии⁶⁴.

Время шло, а Бухвальд в Вену по неизвестным нам причинам не ехал. По свидетельству Ланчинского, лошади одрахлали, серебряные позументы на ливреях начали темнеть, а шоры — ржаветь⁶⁵. И вот уже новые российские представители в Вене — сначала Г.К. фон Кейзерлинг, затем М.П. Бестужев-Рюмин — спрашивали, что делать с ливреями, шорами, каретой, лошадьми. Елизавета Петровна, отличавшаяся известной практичностью и даже скупостью, разрешила дипломатам пользоваться купленными вещами и лошадьми (раз их невозможно продать по сопоставимой цене), но аккуратно — вдруг еще пригодятся для заявленной цели⁶⁶. После 1759 г. вопрос о «голштинском леноприятии» уходит из дипломатической переписки. Таким образом, Петр Федорович, ставший в 1762 г. императором, не получил инвеституру на владение Гольштейн-Готторпом, что тем не менее не ставило под сомнение его статус в Священной Римской империи.

Вопрос о голштинском голосе в Коллегии князей вновь возник в 1756 г. при назначении на рейхстаг очередного посланника Петра Федоровича Йозефа Карла Вильгельма Тойфеля фон Пиркензее. Из составленной для него инструкции следует, что этот вопрос по-прежнему был увязан с финансовыми претензиями курфюршества Ганновер, которые великий князь попытался удовлетворить в 1749 г., но так и не довел переговоры до конца⁶⁷. При этом в январе 1757 г. на общем собрании рейхстага представитель Петра Федоровича проголосовал за резолюцию, предложенную императором Францем I об объявлении Фридриху II имперской войны (Reichskrieg).

В феврале 1757 г. Россия открыла свое представительство в Регенсбурге, направив туда резидента Георга Генриха Бютнера, прусского подданного, около 20 лет находившегося на российской службе. В его обязанности, среди прочего, входило «поспешествовать голштинско-готторпские сеймовые (сеймом в русских источниках называли рейхстаг. — М.П.) дела и помогать во всем голштинскому представителю»⁶⁸. Как свидетельствует переписка Коллегии иностранных дел с голштинскими министрами, вопрос об участии Гольштейн-Готторпа в голосовании на Коллегии князей не был решен в пользу великого князя ни в ходе его короткого царствования в качестве императора Петра III, ни в первые годы правления Екатерины II — вновь из-за препятствий со стороны Саксен-Лауэнбурга. В 1767 г. Гольштейн-Готторп был передан Дании от имени великого князя Павла Петровича взамен на графства Ольденбург и Дельменгорст, правителями которых стали впоследствии представители младшей ветви династии Ольденбургов⁶⁹.

Представленный материал еще требует своего осмысления — прежде всего в контексте функционирования институтов Священной Римской империи и сохранения традиционных

⁶³ Перевод ноты И. фон Пехлина от 29 ноября 1749 г. // Там же. Оп. 7. 1747—1750. Д. 1. Л. 283—286 об.

⁶⁴ Перевод ноты Коллегии иностранных дел И. фон Пехлину от 10 декабря 1749 г. // Там же. Оп. 7. 1742—1759. Д. 4. Л. 219—221.

⁶⁵ Реляции Ланчинского от 9 июня 1750 г., 16 марта, 20 августа и 9 сентября 1751 г. // Там же. Оп. 7. 1749—1759. Д. 1. Л. 10—11 об., 12 об.—15.

⁶⁶ См. реляции за 1752—1759 г. // Там же. Л. 15 об.—20.

⁶⁷ Экстракт из инструкции // Там же. Оп. 7. 1759—1761. Д. 1. Л. 277—282 об.

⁶⁸ Соответствующий рескрипт от 31 января 1757 г. был направлен Бютнеру после представления Пехлиным промемории российскому министерству от 9 января 1757 г. Текст промемории см.: Там же. Л. 138—138 об.

⁶⁹ Об отношениях России и Дании в связи с голштинским вопросом см.: *Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse: die gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik, 1741—1773.* Neumünster, 1984; *Стегний П.В.* Голштинский вопрос в дипломатии Екатерины II // *Российская дипломатия: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа.* М., 2001. С. 169—198.

процедур, вызывавших все большее раздражение имперских штатов. Коллизия с получением Гольштейн-Готторпом индивидуального голоса в Коллегии князей, пусть и закончившаяся неудачей, свидетельствует, что рейхстаг оставался важным местом коммуникации имперских штатов, а порядок старшинства и чередования голосов был предметом переговоров, в которых стороны готовы были идти на уступки друг другу. Необходимо подчеркнуть, что при решении таких сложных проблем российская дипломатия действовала профессионально, строго в правовом поле Священной Римской империи и добилась существенных результатов. Великий князь Петр Федорович был признан совершеннолетним на год раньше положенного срока, а переход в православие и фактический отказ от получения ленной грамоты не поставили под сомнение его право на владение герцогством Гольштейн-Готторп. Возможно, свою роль здесь сыграл и политический вес Российской империи.

Библиография

Петрова М.А. Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 6. С. 89–109.

Протоколы приемов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии Иностранных дел в 1745 г. / publ. К.А. Писаренко // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XVI. М., 2007.

Стегний П.В. Голштинский вопрос в дипломатии Екатерины II // Российская дипломатия: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа. М., 2001. С. 169–198.

Brüser J. Württemberg und das Reich. Die Bemühungen der Herzöge von Württemberg um eine Reichstagsstimme für das Herzogtum Teck zwischen 1653 und 1803 // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. 2018. Bd. 77. S. 195–233.

Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519–1792 / Bearb. von W. Burgdorf. Göttingen, 2015.

Düwel S. Ad bellum Sacri Romano-Germanici Imperii solenne decernendum: Die Reichskriegserklärung gegen Brandenburg-Preußen im Jahr 1757. Das Verfahren der “preußischen Befehlungssache” 1756/57 zwischen Immerwährendem Reichstag und Wiener Reichsbehörden: 2 Bde. Reihe: Geschichte. Bd. 130. Münster, 2016.

Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse: die gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik, 1741–1773. Neumünster, 1984.

References

Petrova M.A. German Karl fon Keizerling i priznanie imperatorskogo titula rossijskich gosudarej Svyaschennoj Rimskoj imperiej germanskoj nacii v 1745–1746 gg. [Hermann Karl von Keyserling and the recognition of the imperial title of Russian sovereigns by the Holy Roman Empire of the German Nation in 1745–1746] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin Moscow State Institute of International Relations]. 2021. Vol. 14. № 6. S. 89–109. (In Russ.)

Protokoly priemov imperatritsej Elizavetoj Petrovnoj rukovodstva Kollegii Inostrannykh del v 1745 g. [Records of receptions by Empress Elisabeth of the leadership of the College of Foreign Affairs in 1745] / publ. K.A. Pisarenko // Rossijskij Arkhiv. Istorija Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Al'manakh [Russian Archive. History of the Fatherland in sources and documents of the 18th–20th centuries. Almanac]. Vol. XVI. Moskva, 2007. S. 61–250. (In Russ.)

Stegnij P.V. Golshtinskij vopros v diplomatii Ekateriny II [The Holstein Question in the Diplomacy of Catherine II] // Rossijskaja diplomatija: Istorija i sovremennost'. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvjashchennoj 450-letiju sozdaniya Posol'skogo prikaza [Russian Diplomacy: History and Modernity. Materials of the scientific-practical conference dedicated to the 450th anniversary of the creation of the Ambassadorial Chancery]. Moskva, 2001. S. 169–198. (In Russ.)

Brüser J. Württemberg und das Reich. Die Bemühungen der Herzöge von Württemberg um eine Reichstagsstimme für das Herzogtum Teck zwischen 1653 und 1803 // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. 2018. Bd. 77. S. 195–233.

Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519–1792 / Bearb. von W. Burgdorf. Göttingen, 2015.

Düwel S. Ad bellum Sacri Romano-Germanici Imperii solenne decernendum: Die Reichskriegserklärung gegen Brandenburg-Preußen im Jahr 1757. Das Verfahren der “preußischen Befehlungssache” 1756/57 zwischen Immerwährendem Reichstag und Wiener Reichsbehörden: 2 Bde. Reihe: Geschichte. Bd. 130. Münster, 2016.

Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse: die gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik, 1741–1773. Neumünster, 1984.

ПОНЯТИЕ «ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО» В РЕФОРМАТОРСКИХ ПРОЕКТАХ ЕКАТЕРИНЫ II

Плавинская Надежда Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: nplav@mail.ru

Scopus Author ID: 56152173800; ORCID: 0000-0002-6491-2805

Аннотация. Общественное благо было одним из ключевых понятий политического дискурса Просвещения, хотя его содержание ускользало от точных дефиниций, теряясь между «общим благом», трактуемым с христианской и моральной точек зрения, и «общими интересами», лежащими в основе общественного договора. Большинство философов и писателей XVIII столетия рассматривали его как поле деятельности суверена, как государев долг, и лишь Монтескье связал его не с образом идеализированной монархии, а с размышлениями о республиканском устройстве государства, трансформировав идею общественного блага в принцип коллективной добродетели, которая является основой единства граждан и сферой их коллективной ответственности. Общественное благо оказалось и одним из важнейших понятий в законодательном лексиконе Екатерины II, наряду с понятиями Отечество и патриотизм, с которыми оно было тесно связано. Императрица активно внедряла его в российский политический дискурс. Однако проведенный в данной статье анализ преамбул законов, сопровождавших ее административные, экономические или образовательные реформы, позволяет увидеть, что в ее интерпретации общественное благо систематически отождествлялось с личными интересами государыни и легко смешивалось с интересами государственных. Можно утверждать, что Екатерина II, называвшая себя ученицей Монтескье, не усвоила предложенный подход автором «Духа законов», который рассматривал общественное благо как политическую добродетель и сферу коллективной ответственности граждан, и осталась в рамках старой парадигмы, трактующей общественное благо как долг государя и как благодеяние, которое он оказывает своим подданным.

Ключевые слова: Россия, общественное благо, Ш.Л. Монтескье, Екатерина II, административные реформы, экономические реформы, образовательные реформы, политическая риторика, законотворчество.

N.Yu. Plavinskaia**The Concept of the Public Good in the Reform Projects of Catherine II***Nadezda Plavinskaia, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: nplav@mail.ru**Scopus Author ID: 56152173800; ORCID: 0000-0002-6491-2805*

Abstract. The public good was one of the key concepts of Enlightenment political discourse, although its content eluded precise definitions, being lost between the “common good”, interpreted from Christian and moral perspectives, and the “common interest” underlying the social contract. Most philosophers and writers of the eighteenth century regarded it as a field of action of the sovereign, as a sovereign’s duty, and only Montesquieu connected it with reflections on the republican structure of the state rather than with the image of an idealised monarchy, transforming the idea of the public good into the principle of collective virtue, which is the basis of citizens’ unity and the sphere of their collective responsibility. The public good turned out to be one of the most important concepts in the legislative vocabulary of Catherine II, along with the concepts of the Fatherland and patriotism, with which it was closely connected. The empress actively introduced it into the Russian political discourse. However, the analysis in this article of the preambles to the laws accompanying her administrative, economic or educational reforms allows one to see that in her interpretation the public good was systematically identified with the personal interests of the sovereign and was easily confused with state interests. The author suggests that Catherine II, who considered herself to be Montesquieu’s disciple, did not adopt the approach proposed by her mentor in “*De l’esprit des lois*”, an approach that viewed the public good as a political virtue and a sphere of collective responsibility of citizens, remaining within the old paradigm that treated the public good as a duty of the sovereign and as a favour he bestows on his subjects.

Keywords: Russia, public good, Charles Louis Montesquieu, Catherine II, administrative reforms, economic reforms, educational reforms, political rhetoric, lawmaking.

Проблематика культурного трансфера в эпоху Просвещения и связанного с ним процесса формирования общественно-политических понятий в русской лексике XVIII в. издавна привлекает внимание историков. Сегодня интерес к ней, безусловно, находится на подъеме: целый ряд исследовательских проектов¹, научных конференций и публикаций последних лет обогатили наши представления о том, как входила в русский язык и укоренялась в нем политическая терминология, возросшая на европейском культурном поле, какую роль в ее усвоении играли конкретный социальный и политический контекст и особые культурные практики, например практики перевода². Данная статья анализирует процесс внедрения в русскую лексику одного из ключевых понятий просветительского дискурса — общественное благо — через практику законодательства, в частности через законодательные акты Екатерины II.

¹ «Русско-французские культурные связи, интеллектуальный обмен и проекты реформ в России во второй половине XVIII в.» (Институт исследований Возрождения, XVII века и Просвещения, Монпелье; рук. Ж. Дюлак, С. Карп); «Россия и Западная Европа: культурные трансферы и судьба общеевропейских культурных традиций с начала XVIII в. до конца 1920-х годов» (Национальный центр научных исследований Франции, Университет Поля Валери; рук. Ж. Дюлак, С. Карп); «История понятий и историческая семантика» (Германский исторический институт в Москве (ГИИМ); рук. И. Ширле, Д. Сдвижков); «Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России в XVIII в.» (ГИИМ; рук. В. Ржеуцкий, С. Польской); «Корпус русских переводов общественно-политических сочинений» (ГИИМ; URL: <https://krp.dhi-moskau.org>).

² См., например: «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. I, II. М., 2011–2012; Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Т. I, II. М., 2014; Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую культуру XVIII в. Екатеринбург, 2016; Ширле И. Понятие политического в России XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 2. С. 7–33; Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / под ред. С.В. Польского, В.С. Ржеуцкого. М., 2022.

В политическом языке Европы XVIII столетия формула «общественное благо» (*bien public*) не нова. Активно использовавшаяся в предыдущие века, в эпоху Просвещения она свободно кочевала из королевских указов в судебные акты, из философских трудов в произведения художественной литературы. Однако содержание этой формулы оставалось нечетким и ускользало от точных дефиниций, теряясь между «общим благом» (*bien commun*), трактуемым с христианской и моральной точек зрения, и «общими интересами» (*intérêt général*), которые Ж.-Ж. Руссо поставил в основу общественного договора.

Французские тезаурусы, появившиеся на рубеже XVII–XVIII вв., не выделяли для этого понятия отдельной рубрики. Словарь Ришле (издавался с 1679 г.) использовал его, чтобы проиллюстрировать существительное *bien*, интерпретируемое как «интерес» (*intérêt*) или «польза» (*utilité*)³, а прилагательное *public* трактовал как «известное» (*connu*) или «очевидное» (*manifeste*)⁴. Словарь Французской академии (издавался с 1694 г.) также был лаконичен: на его страницах слово *bien* характеризовало все, что являлось «хорошим, желательным, подходящим», и формула «общественное благо» являла лишь один из множества примеров⁵. Термин *public* раскрывался несколько шире, поскольку захватывал в числе прочего и социальное измерение: *public* — это то, «что принадлежит целому народу, что касается всего народа». Однако пример, иллюстрировавший использование выражения *bien public*, звучал предостерегающе: «все восстания обычно оправдываются общественным благом»⁶, а значит оно не всегда является безусловной ценностью и может служить сомнительным целям. Универсальный словарь Антуана Фуретьера (издавался с 1690 г.) и следовавший в его фарватере Словарь Треву (издавался с 1704 г.) помещали общественное благо в сферу морали как понятие, охватывающее «все, что относится к добродетели, честности, доблести, удаче»⁷, и в то же время в область гражданского, поскольку прилагательное «гражданский» объясняло все, «что касается общественного порядка, общественного блага, спокойствия, царящего среди граждан»⁸.

Однако до Французской революции общественное благо редко воспринималось как сфера, в которой действует само общество, т.е. граждане, осознающие свои коллективные интересы. И хотя корпорации, вовлеченные в политическую жизнь (например, французские парламенты), охотно и обильно использовали это понятие в своих документах, философы и писатели рассматривали общественное благо в первую очередь как поле деятельности суверена, как государев долг. Локк, заявляя о необходимости распределения полномочий в «хорошо организованном государстве, где общественное благо уважается должным образом»⁹, утверждал, что власть «передана в руки принца, чтобы он обеспечивал общественное благо»¹⁰. «Мудрый король», которого Локк противопоставлял королю-тирану, «издает законы, ограничивающие его власть, и рассматривает общественное благо как конечную цель своего правления»¹¹. Согласно Фенелону, боги возводят человека на монарший престол не для удовлетворения личных амбиций, а для того, чтобы сделать его «человеком, представляющим народы»: «Именно народам он обязан отдавать все свое время, всю свою заботу, всю свою привязанность; он достоин короны лишь до тех пор, пока, забывая о себе, посвящает себя общественному благу»¹². Боссюэ, в свою

³ *Richelet P.* Dictionnaire français. Genève, 1680. P. 76.

⁴ *Ibid.* P. 230.

⁵ Dictionnaire de l'Académie française. 4-ème éd. T. I, II. Paris, 1762. T. I. P. 173.

⁶ *Ibid.* T. II. P. 494.

⁷ *Furetière A.* Dictionnaire universel. T. I. La Haye; Rotterdam, 1690. P. 267; Dictionnaire universel français et latin. T. I. Trévoux, 1721. P. 1029.

⁸ *Furetière A.* Op. cit. P. 548; Dictionnaire universel français et latin. P. 1840.

⁹ *Locke J.* Du gouvernement civil, où l'on traite de l'origine, des fondements, de la nature, du pouvoir, et des fins des sociétés politiques. Traduit de l'anglais. Amsterdam, 1691. P. 186.

¹⁰ *Ibid.* P. 205.

¹¹ *Ibid.* P. 259.

¹² *Fénélon F.* Aventures de Télémaque, fils d'Ulysse. T. I. Bruxelles, 1700. P. 81.

очередь, утверждал, что из всех людей именно государи благодаря своему верховному положению «наиболее заинтересованы в общественном благе»¹³. На том же настаивал аббат Дюге: государь, в сущности, не принадлежит себе, он «уполномочен Господом действовать на благо народа»¹⁴, т.е. априори «предназначен для осуществления общественного блага»¹⁵. Мармонтель мечтал о просвещенном монархе, жаждущем «быть полезным миру»¹⁶, опьяненным своим «воодушевлением от общественного блага» и «безоговорочно отдающимся этому смелому чувству»¹⁷. «Ничем не ограниченный в своем могуществе» такой государь нацеливает все свои усилия лишь на «любовь к порядку, общественному благу и миру»¹⁸. Вольтер утверждал: «Всякий король, любящий славу, любит общественное благо»¹⁹. И даже «Энциклопедия», признавая, что земледелец заинтересован в общественном благе более всех остальных²⁰, суммировала смысл этого понятия в трех кратких предложениях: «Общественное благо... — это... то, что выгодно людям или обществу... Если общественный интерес вступает в противоречие с интересом одного или нескольких частных лиц, предпочтение должно отдаваться общественному интересу... Охрана общественного интереса возложена на суверена и чиновников, которых он уполномочил»²¹. При таком подходе общественное благо почти полностью лежало в сфере компетенций монарха — главного защитника и главного архитектора блага, которое тем не менее рассматривалось как всеобщее.

В этом дружном хоре выделялся один голос — Монтескье. Его теория форм государственной власти связала концепцию общественного блага не с образом идеализированной монархии, а с размышлениями о республиканском устройстве общества. Разумеется, трактат «О духе законов» можно рассматривать как политическое руководство, адресованное государям, — руководство, которое учило монархов «великому искусству царствовать»²², и опыт обращения к нему российской императрицы свидетельствует об этом как нельзя лучше. Овладение искусством царствовать должно было привести подданных этих государей к всеобщему благополучию. Однако всеобщее благополучие в глазах философа не было эквивалентно общественному благу.

Монтескье трансформировал идею общественного блага в принцип политической добродетели — доминирующую «страсть» республиканского правления, определяемую «добровольным подчинением частных интересов общественным»²³. В сборнике «Мои мысли» Монтескье записал: «Чтобы создать республику, нужны добродетель и любовь к общественному благу»²⁴. В «Духе законов» он подчеркивал, что в монархии каждый человек стремится к общему благу лишь тогда, когда преследует личные интересы²⁵, хотя принцип «чести» — доминирующей страсти монархического правления — в понимании Монтескье был не вполне чужд общественному благу²⁶. Напротив, дух народного правления, дух

¹³ Bossuet J.B. *Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte*. Paris, 1709. P. 242.

¹⁴ Duguet J.J. *Institution d'un prince, ou Traité des qualités, des vertus et des devoirs d'un souverain*. Londres, 1740. P. 21.

¹⁵ Ibid. P. 65.

¹⁶ Marmontel J.F. *Bélisaire*. Paris, 1767. P. 112.

¹⁷ Ibid. P. 97.

¹⁸ Discours prononcés à l'Académie française le jeudi 22 décembre MDCCLXIII à la réception de M. Marmontel. Paris, 1763. P. 13.

¹⁹ Voltaire. *Le siècle de Louis XIV*. T. I. Francfort, 1753. P. 28.

²⁰ Boucher d'Argis A.G. *Représentants // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. T. XIV. Neufchastel [Paris], 1765. P. 145.

²¹ Encyclopédie. T. XIII. [Paris], 1765. P. 550.

²² Монтескье Ш.Л. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 335.

²³ Spector C. *Honneur // Dictionnaire Montesquieu / sous la dir. de C. Volpilhac-Augier*. ENS de Lyon, 2013. URL: <http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376474900/fr/> (дата обращения: 25.07.2023).

²⁴ Montesquieu Ch.L. *Pensées*. Le Spicilège / éd. L. Desgraves. Paris, 1991. P. 409.

²⁵ Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 184.

²⁶ Kingston R.E. L'intérêt et le bien public au parlement de Bordeaux // *Le Temps de Montesquieu. Actes du colloque international de Genève (28–31 octobre 1998)* / eds M. Porret, C. Volpilhac-Augier. Genève, 2002. P. 187–204.

республики заменяет индивидуалистические устремления благородным и альтруистическим порывом коллективной добродетели: республика требует, чтобы каждый гражданин стал «человеком, стремящимся к политическому благу»²⁷, чтобы он проявлял «безграничное рвение к общественному благу»²⁸. В то же время эта политическая добродетель, по мнению Монтескье, устанавливала границы для расширения демократически устроенных государств, поскольку она могла развиваться только в ограниченном пространстве. «Республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится. ...В большой республике... общее благо подчинено тысяче разных соображений; не все могут им пользоваться; оно зависит от случайностей. В небольшой республике общее благо живее чувствуется, яснее сознается, ближе к каждому гражданину»²⁹, поэтому в малых республиках «любовь к общественному благу может быть... не слабее, а даже сильнее всех других чувств»³⁰. Таким образом, общественное благо не равно имущественному благополучию и материальному процветанию, возрастающих или снижающихся в зависимости от политики суверена. Оно воплощает коренной смысл существования всех граждан, является основой их единства и сферой их коллективной ответственности, поэтому определяющим критерием становится их совместное участие в поддержании этого общественного блага.

Разделяла ли подобный подход к идее общественного блага Екатерина II, писавшая Фридриху Мельхиору Гримму, что из всех людей обладает «самой республиканской душой»³¹, и гордившаяся тем, что, сочиняя «Наказ»³², она «обобрала» своего учителя Монтескье «во благо двадцати миллионов людей, которое из того последует»?³³ В 1970-х годах американский историк Д. Гриффитс, исследовавший республиканские черты самоидентификации императрицы, обнаружил, что она считала себя (по крайней мере, до 1789 г.) суверенной самодержицей, правящей в республиканском духе³⁴. Одним из главных признаков ее республиканизма была приверженность идее общественного блага. Г.В. Ибнеева, изучающая формирование имперской политики Екатерины II, подчеркивает, что царица не только лично прониклась идеей общественного блага, интерпретируемого как общественное согласие, гражданский мир³⁵, уважение государственных институтов и общественное образование³⁶, но и внесла своей политической практикой значительный вклад во внедрение этой концепции в сознание своих подданных³⁷.

Действительно, анализ законодательных актов Екатерины II выявляет весьма частое использование понятия «общественное благо». Оно неоднократно встречается в

²⁷ Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 162.

²⁸ Там же. С. 230.

²⁹ Там же. С. 263–264.

³⁰ Там же. С. 511.

³¹ Catherine II à Grimm, le 2 juin 1776 // Catherine II de Russie, Friedrich Melchior Grimm. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. T. I. 1764–1778 / éd. S. Karp. Moscou, 2016. P. 73.

³² Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II: первоначальный конспект Наказа, источники, переводы, тексты / изд. подготовлено Н.Ю. Плавинской. М., 2018.

³³ Екатерина II – Д'Аламберу [1765] // Сборник императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). 1872. Т. 10. С. 30–31.

³⁴ Griffiths D.M. Catherine II: The Republican Empress // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N.F. 1973. Bd. 21. N. 3. P. 336; Гриффитс Д.М. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М., 2013. С. 79.

³⁵ Ибнеева Г.В. Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж. Ф. Мармонтеля «Велизарий» // Известия Иркутского университета. Серия «История», 2014. Т. IX. С. 24.

³⁶ Ибнеева Г.В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2007 // URL: <https://pandia.ru/text/77/447/4276.php> (дата обращения: 25.07.2023).

³⁷ Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: концепция «общего блага» в освоении имперского пространства // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 89–111.

«Наказе», который в концентрированном виде формулировал программу задуманных ею реформ. Текст «Наказа» в значительной мере опирался на заимствования из «Духа законов» Монтескье, комментариев к нему Эли Люзака, трактата Беккариа «О преступлениях и наказаниях», «Политических установлений» Бильфельда и некоторых статей из «Энциклопедии». Поэтому в ряде случаев апелляция к общественному благу в «Наказе» восходила к этим его источникам. Так обстояло дело, например, со статьями, почерпнутыми у Беккариа: в них целями «народного блага» (*bien public*)³⁸ обосновывалась соразмерность наказаний преступлениям (ст. 225), а любое действие, направленное против «общего блага» (*bien public*), определялось как незаконное (ст. 228).

Императрица использовала риторику общественного блага также и в тех статьях «Наказа», которые были сформулированы ею самой. Так, она подчеркивала, что намечаемые ею законы должны вести «к достижению самого большого для людей блага» (*leur plus grand bien*) (ст. 43). Главным правилом воспитания будущих граждан она считала внушение им любви к Родине, почтения к законам, а также почтение к «правительствам своего отечества, как пекущимся по воле Божией о благе (*bien-être*) их на земле» (ст. 352). Надеждой на то, что намечаемые ею «великие перемены в народе» послужат «к великому оно-го добру» (*pour son plus grand bien*), она подкрепила идею, заимствованную у Монтескье (ст. 60). Однако мы видим, что в «Наказе» общественное благо не имеет ничего общего с той коллективной добродетелью, о которой размышлял автор «Духа законов»: оно связано исключительно с намерениями или действиями императрицы, дарующей общественное благо своим подданным лично или через свои «правительства».

Мы также видим, что формула *bien public* в екатерининскую эпоху не имела устойчивого русского эквивалента. С начала XVIII в. формирование политической терминологии в России шло в основном через проникновение в империю текстов европейских авторов, и «Корпус русских переводов» приводит по крайней мере 13 различных вариантов перевода *bien public* с французского на русский³⁹. Поэтому в текстах екатерининских законов понятие «общественное благо» чаще всего заменялось иными формулами: «общее благо», «благосостояние», «благополучие», «благоденствие», «польза» или просто «добро». Эти термины всегда сопровождались определениями или дополнениями, которые подчеркивали собирательный характер понятия: екатерининские законы апеллировали к «общему благосостоянию», «благополучию государства», «благоденствию империи», народа или подданных, или же к «благосостоянию земель и городов». Но наиболее часто используемой конструкцией в преамбулах законов было «благополучие и тишина Отечества». В ней идея общественного блага соединялась с другим очень важным и относительно новым понятием — понятием Отечества, которое вошло в русский политический лексикон в начале XVIII в., но приобрело широкое распространение только с 1760-х годов, в начале правления Екатерины II⁴⁰.

Общественное благо, понимаемое как «внутренняя тишина Отечества», социальный мир, гражданское согласие и целостность страны, стало лейтмотивом всех ее административных преобразований, наиболее значимыми из которых были сенатская, судебная, полицейская, губернская и городская реформы. Они имели целью придание большей гибкости структурам государственного управления при одновременном укреплении

³⁸ Здесь и далее лексика «Наказа» приводится как по русскому оригиналу, так и по французскому переводу 1770 г.

³⁹ Благо общества, благо обществу, народная польза, народное благо, народное добро, общая польза, общее благо, общее благосостояние, общественная польза, общественное благо, польза народа, польза обществу. См.: Корпус русских переводов // Проект Германского исторического института в Москве. URL: https://krp.dhi-moskau.org/ru/simple_search?utf8=-&search_string=bien+public (дата обращения: 25.07.2023).

⁴⁰ См.: Schierle I. "Otečestvo" — der russische Vaterlandsbegriff im 18. Jahrhundert // Kultur in der Geschichte Russland. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten / Hrsg. B. Pietrow-Ennker. Göttingen. 2007. S. 143–162.

императорский власти. Так реформа Сената (декабрь 1763 г.) лишила этот орган его бывших законодательных прерогатив (они перешли к императрице), доверив ему лишь право надзора и функции высшей судебной инстанции. Преамбула манифеста объявляла целью этих мер «благосостояние государства», основанное на «внутреннем спокойствии и благоденствии обитателей» и «добром учреждении внутренних распорядков», и дважды апеллировала к «народной пользе»⁴¹.

Еще в 1764 г. в «Наставлении губернаторам» Екатерина объявляла о своих «неусыпных попечениях к приращению благоденствия подданным Нашим и к приведению всей Нашей империи в желанное благосостояние», которые должны объединить «разные пользы как к приращению Нашего интереса, так и к общему добру служащие»⁴². Масштабная губернская реформа, провозглашенная в 1775 г. манифестом об «Учреждениях для управления губерний», была направлена на повышение эффективности местного самоуправления, особенно актуальное в контексте недавнего Пугачевского восстания. В преамбуле к закону реформа представлялась как «приятнейший сердцу» императрицы труд, который сможет «снабдить империю нужными и полезными учреждениями для умножения порядка всякого рода»⁴³. Новый закон, утверждавший «общую тишину и безопасность, снабжая разными выгодами частное и личное состояние и пребывание в недрах государства живущих разного рода и поколения людей», объявлял о «человеколюбивом призрении» императрицы к народу и ее «горячем попечении об общем благе и добром устройстве». При этом Екатерина выражала надежду, что «всяк благоразумный человек и всяк ревностный сын отечества усердно стремиться будет соответствовать нашему благому намерению» и тем докажет свою признательность за дарованные народу «благоденствия»⁴⁴. Таким образом, выступая созидателем и гарантом общественного блага, понимаемого как монаршая милость, она побуждала подданных соучаствовать в его достижении. Текст закона пять раз повторял формулу «служба Императорского Величества, дело общего блага и сила законов» (с. 288, 289, 293, 301, 304), в котором служение государыне ставилось впереди общественного блага.

Судебная реформа 1775 г., бывшая составной частью реформы губернской и продолженная, в свою очередь, полицейской (1782), а затем и коллегиальной (1784–1786) реформами, стала попыткой отделить судебную власть от исполнительной и модернизировать ее, хотя реалии российской жизни не позволили придать судебному процессу универсальный характер: екатерининская система функционировала в рамках жесткого сословного деления. Реформа полиции, намеченная еще в 1767 г. в «Наказе», привела к принятию в 1782 г. «Устава благочиния»⁴⁵, составленного с опорой на иностранные правовые договоры. Этот акт, определявший компетенцию полицейских структур и содержавший дидактические инструкции, служившие улучшению нравов нации, повторял уже устоявшуюся формулу — «служба Императорского Величества, дело общего блага и сила законов».

Наконец, городская реформа, начатая еще в 1763 г. указом «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо»⁴⁶, вылилась в 1785 г. в принятие «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи», которая устанавливала правовой статус городских поселений и «городских обывателей». Жалованная грамота особо подчеркивала, что города «не токмо для живущих в них, но и для общественного блага основаны суть», поскольку «подают подданным способы к приобретению имущества посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла»⁴⁷. Таким

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. I—XXII. СПб., 1830. Т. XVI. С. 462. № 11989 (15 декабря 1763 г.).

⁴² Там же. С. 716—717. № 12137 (21 апреля 1764 г.).

⁴³ Там же. Т. XX. С. 230. № 14392 (7 ноября 1775 г.).

⁴⁴ Там же. С. 231.

⁴⁵ Там же. Т. XXI. С. 461. № 15379 (8 апреля 1782 г.).

⁴⁶ Там же. Т. XVI. С. 319. № 11883 (25 июля 1763 г.).

⁴⁷ Там же. Т. XXII. С. 367. № 16188 (21 апреля 1785 г.).

образом, помимо спокойствия и гражданского мира, общественное благо также связывалось с экономическим развитием страны, и все законодательные акты, сопровождавшие екатерининские реформы в этой области, будь то секуляризация церковной собственности, денежная реформа или введение свободы предпринимательства, регулярно к нему апеллировали. Например, «Указ о разделении духовных имений» (1764), который поставил владения православной церкви под государственный контроль и вернул личную свободу более чем миллиону монастырских крестьян⁴⁸, объявлял, что императрица почитает «общее народа Нашего благо» за собственное «благополучие»⁴⁹. В секуляризационных мерах можно усматривать намечавшийся пролог к освобождению крестьян⁵⁰, но, по мнению А.Б. Каменского, задуманная Екатериной модернизация империи осталась незавершенной именно потому, что сохранение и даже усиление крепостного права замедлило реализацию других пунктов ее программы⁵¹. Мы не будем анализировать здесь исторические причины этого процесса, но напомним, что в 1765 г. Екатерина II одобрила создание Вольного экономического общества (ВЭО), задавшего целью изучить состояние отечественного земледелия и совершенствовать его. В 1766 г. ВЭО объявило конкурс, впервые открывший публичные дебаты по крестьянскому вопросу и вызвавший огромный интерес как в России, так и в Европе⁵². Сама формулировка темы, вынесенной на конкурс, прочно связала идею наделения крестьян имущественными правами с идеей общественного блага, поскольку вопрос формулировался следующим образом: «Для пользы общества, в чем состоять долженствует собственность земледельца, в недвижимом ли (имуществе. — Н.П.) или в движимом, или в обоих, и какое он на то или на другое иметь может право?».

Аргумент общественного блага использовался также в финансовой политике: манифест от 29 декабря 1768 г., учреждавший первые российские банки в Москве и Санкт-Петербурге, подчеркивал, что введение ассигнаций в России является доказательством «материнского попечения» императрицы, которая «вменяет себе в долг устраивать все к пользе» державы и заботиться о «благоденствии народа и цветущем состоянии торговли»⁵³. Учреждение в 1786 г. Государственного заемного банка усиленно подчеркивало «сердца матернего... деятельную щедроту во благо сынов Отечества», которая побудила императрицу «бодрственно пешись и трудиться неусыпно во всех предприятиях, которых цель... есть едино добро общее, настоящее и будущее»⁵⁴.

В целом, риторика общественного блага в екатерининских актах систематически сочеталась с риторикой материнской заботы о подданных: ее законы изобиловали напоминаниями о «матернем старании», «матерней милости» и «матернем попечении» императрицы. Так, подписанный в марте 1775 г. закон о свободе предпринимательства, названный «Манифестом о высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою», обосновывал реформу общей predisположенностью императрицы к благодеяниям и ее желанием «благополучие и общее любезного Отечества Нашего и каждого особо Нашего верноподданного возвести на высшую степень совершенства»⁵⁵.

⁴⁸ Они были переведены в категорию крестьян «экономических», слившуюся к концу столетия с «государственными крестьянами».

⁴⁹ ПСЗ. Т. XVI. С. 551. № 12060 (26 февраля 1764 г.).

⁵⁰ Kamenski A. Les vicissitudes du servage en Russie, XVIIIe siècle — 1861 // Nouveaux servages et société en Europe, XIIIe–XXe siècles. Rennes, 2011. P. 393.

⁵¹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 2001. С. 467.

⁵² См., в частности: Сомов В.А. Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества (две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 г.) // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования памяти Г.С. Кучеренко. М., 2001. С. 37–99.

⁵³ ПСЗ. Т. XVIII. С. 787. № 13219 (29 декабря 1768 г.).

⁵⁴ Там же. Т. XXII. С. 614. № 16407 (28 июня 1786 г.).

⁵⁵ Там же. Т. XX. С. 82. № 14275 (17 марта 1775 г.).

В екатерининском проекте модернизации ее империи значительная роль отводилась реформе национальной системы образования. По мнению Д. Гриффитса, именно в этой области «республиканизм» императрицы проявился с наибольшей силой, ведь в отличие от деспотизма, основанного на невежестве и страхе, республика требует поддержки просвещенных граждан. Не случайно в своем «Наказе» она вслед за Беккариа утверждала, что «самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучшими, есть приведение в совершенство воспитания»⁵⁶, и разделяла мнение Монтескье, что «правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами»⁵⁷. Не случайно и то, что на определенном этапе этой реформы, в 1775 г., она обратилась к педагогическому опыту «господ философов», попросив Гримма и Дидро составить ей «учебный план для молодежи от А, В, С до университета включительно»⁵⁸.

Все законодательные акты, регулировавшие систему образования, настойчиво указывали на общественное благо как на главную цель реформы. Так, в манифесте об учреждении в Москве Воспитательного дома для «приносных детей» (1764) говорилось, что целью новой институции было не только «призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей», но и побуждение «детей Отечества» к прямому участию посредством пожертвований в «общем добродетельном деле», в «общей пользе»⁵⁹. Сенатский указ 1766 г. о выделении 2,5 млн руб. на воспитание дворянских и мещанских девиц, в свою очередь, подчеркивал, что благодаря екатерининской «щедроте» укоренение добродетели и утверждение просвещения в юношестве обоего пола способствует умножению «общего благополучия»⁶⁰. Устав Сухопутного кадетского корпуса (1766), составленный И.И. Бецким при личном участии Екатерины II, апеллировал к «пользе и благосостоянию государства Нашего»⁶¹. План Воспитательного училища для купеческих детей (1772), составленный тем же Бецким, подчеркивал ориентированность нового учреждения на «пользу государственную» и на «общее благополучие»⁶². Наконец, создание в 1786 г. системы народных училищ, открывших жителям российских городов доступ к трем уровням бесплатного образования, аргументировалось тем, что образование молодежи является «единым средством утвердить благо общества гражданского», которое, наряду с «непоколебимой верностью Государю» и «истинной любовью к отечеству и своим согражданам», представляет собой «главные подпоры общего государственного благосостояния»⁶³.

Мы очень кратко рассмотрели здесь лишь некоторые наиболее важные административные, экономические и образовательные реформы Екатерины II. Разумеется, ее законодательство было неизмеримо обширнее, ведь за 34 года своего правления она подписала почти 6 тыс. указов и манифестов. Но даже такой беглый обзор позволяет сделать определенные выводы. Мы можем убедиться, что общественное благо представляло собой важнейшее понятие в законодательном лексиконе Екатерины II, наряду с понятием Отечества, с которым оно было тесно связано. Ее реформы действительно способствовали его внедрению в российский политический дискурс, о чем свидетельствует Национальный свод русского языка: с 1767 г. он фиксирует резкое увеличение частоты использования выражения «общее благо»; лишь в конце екатерининского царствования, после

⁵⁶ Наказ... С. 199 (ст. 248).

⁵⁷ Наказ... С. 211 (ст. 348).

⁵⁸ В ответ на эту просьбу Гримм написал «Эссе об образовании в России», а Дидро составил «План университета для российского правительства».

⁵⁹ ПСЗ. Т. XVI. С. 343–344. № 11908 (1 сентября 1764 г.).

⁶⁰ Там же. Т. XVII. С. 700. № 12652 (19 мая 1766 г.).

⁶¹ Там же. С. 959. № 12741 (11 сентября 1766 г.).

⁶² Там же. Т. XIX. С. 674. № 13916 (6 декабря 1772 г.).

⁶³ Там же. Т. XXII. С. 646. № 16421 (5 августа 1786 г.).

1792 г., отмечается его снижение⁶⁴. Безусловно, институт крепостного права накладывал свои ограничения на содержание термина «общественный», и мы не должны преувеличивать его масштабы в российском контексте. Верно также и то, что в интерпретации императрицы общественное благо систематически отождествлялось с ее личным интересом и с государственными интересами. Можно признать, что Екатерина II не восприняла подход, предложенный Монтескье, оставаясь в рамках прежней парадигмы общественного блага, понимаемого как долг государя, как благодеяние, которое монарх дарует своим подданным.

Но настойчивость, с которой она пыталась объяснить в преамбулах своих законов обоснованность реформ, свидетельствовала о желании привлечь подданных на свою сторону, убедить их разделить общее благо, к которому она стремилась. Императрица признавалась Вольтеру, что, по ее мнению, «единственный существенный путь ввести голос рассудка, когда дать ему в основание общественное спокойствие, в котором всякий отдельный член постоянно чувствует потребность и пользу»⁶⁵.

Конечно, мы не можем игнорировать тот факт, что обращение Екатерины II к тезису об общественном благе нередко служило риторическим приемом. В определенной степени это было неременным условием законодательного дискурса того времени, и ее статус просвещенной государыни делал использование этого элемента неизбежным. Но все же вспомним мнение В.И. Ключевского: «Власть, кажется, никогда еще не принимала в России такого облика и не становилась в такое отношение к обществу, как в екатерининских указах первых лет и в... „Наказе“. ...Общее благо, прежде поглощаемое властью, теперь в ней олицетворялось. Она (императрица. — *Н.П.*) непосредственно обращалась к народу или с признаниями в принимаемых на себя обязанностях, или с проповедью новых руководящих ею начал и понятий. Ее указы — чаще изложение оснований общежития, уроки политического благонравия или обличения чиновничьих и общественных пороков, чем повелительные законы: они ...больше просвещают умы и наклоняют волю к добру, чем предписывают действия или устанавливают отношения»⁶⁶.

Библиография

Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую культуру XVIII в. Екатеринбург, 2016.

Гриффитс Д.М. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М., 2013.

Ибнеева Г.В. Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж. Ф. Мармонтеля «Велизарий» // Известия Иркутского университета. Серия «История». 2014. Т. IX. С. 24–29.

Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: концепция «общего блага» в освоении имперского пространства // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 89–111.

Ибнеева Г.В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Казанский государственный университет. 2007 // URL: <https://pandia.ru/text/77/447/4276.php> (дата обращения: 25.07.2023).

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 2001.

Ключевский В.И. Императрица Екатерина II (1729–1796). URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/history/klyuchevskij-ekaterina-ii/glava-iv.htm> (дата обращения: 25.07.2023).

Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / под ред. С.В. Польского, В.С. Ржеуцкого. М., 2022.

Монтескье Ш.Л. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.

«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. I, II. М., 2011–2012.

⁶⁴ URL: https://processing.ruscorpora.ru/graphic.xml?sort-gr_tagging&text-lexform&mycorp-amp;mode-main&nodia-1&req-общее%20блага&graphic_from_result-1&startyear-1700&endyear-1850&smoothing-3 (дата обращения: 25.07.2023).

⁶⁵ Екатерина II — Вольтеру, 9/20 июля 1766 // СИРИО. 1872. Т. 10. С. 95; *Voltaire, Catherine II. Correspondance 1763–1778 / texte présenté et annoté par A. Stroev. Paris, 2006. P. 54.*

⁶⁶ Ключевский В.И. Императрица Екатерина II (1729–1796) // URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/history/klyuchevskij-ekaterina-ii/glava-iv.htm> (дата обращения: 25.07.2023).

Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Т. I, II. М., 2014.

Сомов В.А. Вольтер на конкурсе Вольного экономического общества (две рукописи, присланные из Швейцарии в 1767 г.) // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. Материалы и исследования памяти Г.С. Кучеренко. М., 2001. С. 37–99.

Шурле И. Понятие политического в России XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 2. С. 7–33.

Bossuet J.B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte. Paris, 1709.

Boucher d'Argis A.G. Représentants // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. XIV. Neufchâtel [Paris], 1765.

Catherine II à Grimm, le 2 juin 1776 // Catherine II de Russie, Friedrich Melchior Grimm. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. T. I. 1764–1778 / éd. S. Karp. Moscou, 2016.

Dictionnaire de l'Académie française. 4-ème éd. T. I, II. Paris, 1762.

Dictionnaire universel français et latin. T. I. Trévoux, 1721.

Discours prononcés à l'Académie française le jeudi 22 décembre MDCCLXIII à la réception de M. Marmontel. Paris, 1763.

Duguet J.J. Institution d'un prince, ou Traité des qualités, des vertus et des devoirs d'un souverain. Londres, 1740.

Fénélon F. Aventures de Télémaque, fils d'Ulysse. T. I. Bruxelles, 1700.

Furetière A. Dictionnaire universel. T. I. La Haye; Rotterdam, 1690.

Griffiths D.M. Catherine II: The Republican Empress // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1973. N.F. Bd. 21. H. 3. P. 323–344.

Kamenski A. Les vicissitudes du servage en Russie, XVIIIe siècle – 1861 // Nouveaux servages et société en Europe, XIIIe–XXe siècles. Rennes, 2011. P. 383–402.

Kingston R.E. L'intérêt et le bien public au parlement de Bordeaux // Le Temps de Montesquieu. Actes du colloque international de Genève (28–31 octobre 1998) / éd. M. Porret, C. Volpilhac-Augier. Genève, 2002. P. 187–204.

Locke J. Du gouvernement civil, où l'on traite de l'origine, des fondements, de la nature, du pouvoir, et des fins des sociétés politiques. Traduit de l'anglais. Amsterdam, 1691.

Marmontel J.F. Bélisaire. Paris, 1767.

Montesquieu Ch.L. Pensées. Le Spicilège / éd. L. Desgraves. Paris, 1991.

Richelet P. Dictionnaire français. Genève, 1680.

Schierle I. "Otečestvo" – der russische Vaterlandsbegriff im 18. Jahrhundert // Kultur in der Geschichte Russland. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten / Hrsg. B. Pietrow-Ennker. Göttingen, 2007. S. 143–162.

Spector C. Honneur // Dictionnaire Montesquieu / sous la dir. de C. Volpilhac-Augier. ENS de Lyon, 2013. URL: <http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376474900/fr/> (дата обращения: 25.07.2023).

Voltaire, Catherine II. Correspondance 1763–1778 / texte présenté et annoté par A. Stroev. Paris, 2006.

Voltaire. Le siècle de Louis XIV. T. I. Francfort, 1753.

References

Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel': integraciya evropejskogo vliyaniya v rossijskuyu kul'turu XVIII v. [Natural law and virtue: Integration of European influence into Russian culture of the 18th century]. Ekaterinburg, 2016. (In Russ.)

Griffiths D.M. Ekaterina II i ee mir: stat'i raznyh let [Catherine II and her World: Articles from different years]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Ibneeva G.V. Formirovanie imperskoj politiki Possii vo vtoroj polovine XVIII v.: opyt politicheskogo vzaimodejstviya Ekateriny II i imperskogo prostranstva [The formation of the imperial policy of Russia in the second half of the 18 century: the experience of political interaction between Catherine II and the Imperial space]: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Kazan, 2007. URL: <https://pandia.ru/text/77/447/4276.php> (access date: 25.07.2023). (In Russ.)

Ibneeva G.V. Obshchestvennoe vospitanie v politicheskoy praktike Ekateriny II: k istorii perevoda romana Zh.F. Marmontelya "Velizarij" [Public education in the political practice of Catherine II: towards the history of translation of J.F. Marmontel's novel "Belisaire"] // Izvestiya Irkutskogo universiteta. Seriya "Istoriya" [Izvestiya Irkutsk University. The series "History"]. 2014. T. IX. S. 24–29. (In Russ.)

Ibneeva G.V. Puteshestviya Ekateriny II: koncepciya "obshchego blaga" v osvoenii imperskogo prostranstva [Catherine II's Travels: the concept of the "common good" in the development of Imperial Space] // Rossijskaya imperiya: strategii stabilizacii i opyty obnovleniya [The Russian Empire: Stabilization strategies and Innovation Experiences]. Voronezh, 2004. S. 89–111. (In Russ.)

Kamenskij A.B. Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka [From Peter I to Paul I. Reforms in Russia of the 18th century]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Klyuchevskij V.I. Imperatrica Ekaterina II (1729–1796) [Empress Catherine II (1729–1796)] // URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/history/klyuchevskij-ekaterina-ii/glava-iv.htm> (access date: 25.07.2023). (In Russ.)

Laboratoriya ponyatij: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka [Laboratory of Concepts: Translation and languages of Politics in Russia of the 18th century] / pod red. S.V. Pol'skogo, V.S. Rzhueckogo. Moskva, 2022. (In Russ.)

Montes'k'e Sh.L. O duhe zakonov [On the spirit of laws] // Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moskva, 1955. (In Russ.)

“Ponyatiya o Rossii”: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda [“Concepts about Russia”: on the historical semantics of the imperial period]. T. I, II. Moskva, 2011–2012. (In Russ.)

Schierle I. Ponyatie politicheskogo v Rossii XVIII veka [The concept of the political in Russia of the 18th century] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serie 12, Politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow university. Political sciences]. 2018. № 2. S. 7–33. (In Russ.)

Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatij. Izbrannye stat'i [Dictionary of basic historical concepts. Selected articles]. T. I, II. Moskva, 2014. (In Russ.)

Somov V.A. Vol'ter na konkurse Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva (dve rukopisi, prislannye iz Shvejtsarii v 1767 g.) [Voltaire at the competition of the Free Economic Society (two manuscripts sent from Switzerland in 1767)] // Russko-francuskie kul'urnye svyazi v epohu Prosveshcheniya. Materialy i issledovaniya pamyati G.S. Kucherenko [Russian-French cultural ties in the Age of Enlightenment. Materials and research of G.S. Kucherenko's memory]. Moskva, 2001. S. 37–99. (In Russ.)

Bossuet J.B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte. Paris, 1709.

Boucher d'Argis A.G. Représentants // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. XIV. Neufchastel [Paris], 1765.

Catherine II à Grimm, le 2 juin 1776 // Catherine II de Russie, Friedrich Melchior Grimm. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. T. I. 1764–1778 / éd. S. Karp. Moscou, 2016. Dictionnaire de l'Académie française. 4-ème éd. T. I, II. Paris, 1762.

Dictionnaire universel français et latin. T. I. Trévoux, 1721.

Discours prononcés à l'Académie française le jeudi 22 décembre MDCCLXIII à la réception de M. Marmontel. Paris, 1763.

Duguet J.J. Institution d'un prince, ou Traité des qualités, des vertus et des devoirs d'un souverain. Londres, 1740.

Fénélon F. Aventures de Télémaque, fils d'Ulysse. T. I. Bruxelles, 1700.

Furetière A. Dictionnaire universel. T. I. La Haye; Rotterdam, 1690.

Griffiths D.M. Catherine II: The Republican Empress // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1973. N.F. Bd. 21. H. 3. P. 323–344.

Kamenski A. Les vicissitudes du servage en Russie, XVIIIe siècle – 1861 // Nouveaux servages et société en Europe, XIIIe–XXe siècles. Rennes, 2011. P. 383–402.

Kingston R.E. L'intérêt et le bien public au parlement de Bordeaux // Le Temps de Montesquieu. Actes du colloque international de Genève (28–31 octobre 1998) / éd. M. Porret, C. Volpilhac-Augier. Genève, 2002. P. 187–204.

Locke J. Du gouvernement civil, où l'on traite de l'origine, des fondements, de la nature, du pouvoir, et des fins des sociétés politiques. Traduit de l'anglais. Amsterdam, 1691.

Marmontel J.F. Bélisaire. Paris, 1767.

Montesquieu Ch.L. Pensées. Le Spicilège / éd. L. Desgraves. Paris, 1991.

Richelet P. Dictionnaire français. Genève, 1680.

Schierle I. “Otečestvo” – der russische Vaterlandsbegriff im 18. Jahrhundert // Kultur in der Geschichte Russland. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten / Hrsg. B. Pietrow-Ennker. Göttingen. 2007. S. 143–162.

Spector C. Honneur // Dictionnaire Montesquieu / sous la dir. de C. Volpilhac-Augier. ENS de Lyon, 2013. URL: <http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376474900/fr/> (access date: 25.07.2023).

Voltaire, Catherine II. Correspondance 1763–1778 / texte présenté et annoté par A. Stroev. Paris, 2006.

Voltaire. Le siècle de Louis XIV. T. I. Francfort, 1753.

© 2023 г. А.О. ХОРОШЕВА

РОССИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В БРЮССЕЛЕ О ПОЛИТИКЕ ЛЕОПОЛЬДА I В ПЕРИОД АВСТРО-ИТАЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ 1859 года

Хорошева Александра Олеговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: alexas23@yahoo.com

Scopus Author ID: 57205765063; Researcher ID: AAB-7328-2021

Аннотация. По окончании Крымской войны 1853–1856 гг. оказавшаяся в изоляции Российская империя искала способы восстановления утраченных геополитических позиций. В сложившейся ситуации Санкт-Петербург рассматривал Брюссель как удобное место получения информации о положении дел в Европе. Кроме того, учитывая активную внешнеполитическую деятельность короля Бельгии, Россия испытывала определенный интерес к Леопольду I и рассчитывала на его посредничество в выстраивании отношений с Великобританией и налаживании связей с Наполеоном III, который рассматривался Александром II как потенциальный союзник. Однако Леопольд I, несмотря на улучшение отношений Бельгии с Францией в период Крымской войны, опасался внешнеполитических амбиций и аннексионистских планов французского императора. В статье автор ставит задачу проанализировать документы посольства России в Брюсселе с целью исследования деятельности Леопольда I на международной арене в период Австро-итало-французской войны 1859 г. Изучение депеш отечественных посланников, хранящихся в фондах Архива внешней политики Российской империи и впервые вводимых в научный оборот, показывает, что король Бельгии с подозрением отнесся к русско-французскому сближению, и, активно выступая за союз Англии, Пруссии и Австрии, в ходе конфликта поддержал последнюю, что не могло не отразиться негативным образом на его отношениях с Россией. Проведенные исследования позволяют существенно дополнить политический портрет Леопольда I, а также открыть новые страницы в истории как российско-бельгийских взаимоотношений, так и дипломатических переговоров между европейскими государствами в период итальянского кризиса 1859 г.

Ключевые слова: Бельгия, Россия, Леопольд I, Александр II, королева Виктория, Наполеон III, Австро-итало-французская война 1859 г., дипломатические отношения, дипломатические переговоры, внешняя политика.

A.O. Khorosheva**Russian Embassy in Brussels on the Policy of Leopold I During the Franco-Austrian War, 1859***Alexandra Khorosheva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: alexas23@yahoo.com**Scopus Author ID: 57205765063; Researcher ID: AAB-7328-2021*

Abstract. After the Crimean War of 1853–1856, the isolated Russian Empire was looking for ways to recover its lost geopolitical standing. Given these circumstances, St Petersburg saw Brussels as a convenient place to gather information about the state of affairs in Europe. In addition, the role of King Leopold I of the Belgians on the eve of the Crimean War was quite noticeable. In addition, considering the active foreign policy of the King of the Belgians, Russia had a certain interest in Leopold I and counted on his mediation in fostering relations with Great Britain and establishing ties with Napoleon III, who was seen as a potential ally by Alexander II. However, Leopold I, despite Belgium's improved relations with France during the Crimean War, feared the foreign policy ambitions and annexationist plans of the French emperor. The King of the Belgians was suspicious of the Franco-Russian rapprochement and, actively advocating the alliance with Great Britain, Austria, and Prussia, supported Austria in the war of 1859, which was bound to lead to the deterioration of his relations with Russia. The analysis of the dispatches of the Russian envoys in Brussels, introduced into academic circuit, allows one to study the activities of Leopold I in the international arena and considerably enrich the political portrait of the king, as well as to open new pages in the history of both Belgian-Russian relations and diplomatic negotiations of European states during the Italian crisis of 1859.

Keywords: Belgium, Russia, Leopold I, Alexander II, Queen Victoria, Napoleon III, Franco-Austrian War of 1859, diplomatic relations, diplomatic negotiations, foreign policy.

По окончании Крымской войны установленные совсем незадолго до этого, в 1853 г., дипломатические отношения между Россией и Бельгией находились на прежнем, достаточно высоком уровне. Стороны демонстрировали взаимный интерес. Официальный Санкт-Петербург оценил усилия, предпринятые королем Леопольдом I в попытке остановить войну¹ и способствовать мирному урегулированию конфликта². В знак особого расположения в 1856 г. наследник бельгийского престола принц Леопольд, герцог Брабантский был награжден высшим российским орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Сообщая об этом в письме Леопольду I, российский император Александр II подчеркивал, что «во время европейского кризиса отношения между странами развивались на взаимной дружеской основе и общем доверии, они в то же время послужили делу мира в Европе»³.

В июле 1856 г. первый посланник Российской империи в Бельгии Михаил Иринеевич Хрептович⁴ получил назначение отбыть в Лондон с целью восстановления дипломатических связей, прерванных Крымской войной. На приеме у Леопольда по случаю окончания своей миссии М.И. Хрептович выразил надежду, что король сможет повлиять на

¹ О политике короля Бельгии в этот период см.: *Хорошева А.О.* Леопольд I и политика Бельгии накануне Крымской войны // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 83–94. DOI: 10.31857/S013038640020486-2

² Archives du Ministère des Affaires Etrangères Belges. Classement B. Dossier № 47. Relations de la Belgique avec la Russie 1831–1914. Aperçu fait pas la service des archives.

³ Проект письма подписан Александром II 8 сентября 1856 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 15. Л. 17.

⁴ См.: *Намазова А.С.* Российская империя и Королевство Бельгия: установление дипломатических отношений и первые посланники // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 100. DOI: 10.31857/S013038640020486-2

отношение английского кабинета к удовлетворению нерешенных между Россией и подписантами Парижского мирного договора вопросов⁵.

Однако мог ли действительно быть полезен России в решении данного вопроса король бельгийцев, и что входило в его планы? В этом предстояло разобраться новому посланнику в Бельгии Александру Борисовичу Рихтеру (1803—1859). Его донесения, как и депеши других сотрудников российской миссии в Брюсселе, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, ранее не рассматривались исследователями при изучении политики Леопольда. Следует отметить, что, в отличие от указанных документов, в обширной литературе, посвященной дипломатическим переговорам периода Австро-итало-французской войны, не отражена роль бельгийского короля в попытке урегулирования конфликта. В связи с этим стоит подчеркнуть особую ценность, которую представляют исследуемые источники.

Александр Борисович Рихтер (Кристоф Мельхиор Александр фон Рихтер) родился в Риге 16 февраля 1803 г. В 1825 г. окончил юридический факультет Дерптского университета, написав диссертацию «О морской торговле нейтральных стран». Завершив курс в Императорском Царскосельском лицее, в 1826 г. поступил на службу в министерство иностранных дел. В 1838 г. был пожалован в звание камер-юнкера Высочайшего двора, с 1832 по 1842 г. являлся старшим секретарем при миссии в Дрездене. В январе 1843 г. Рихтер получил чин статского советника, с 1845 по 1847 г. был младшим советником МИД и членом Главного управления цензуры (Верховный цензурный комитет). В 1847—1855 гг. он управлял Третьей экспедицией особой канцелярии при министерстве иностранных дел. 17 июля 1856 г. был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при короле бельгийцев. Рихтер должен был вступить в должность в сентябре 1856 г.

В проекте инструкций Рихтеру, подписанном императором 21 августа 1856 г., утверждалось, что Брюссель остается важным местом наблюдения за европейской политикой, посланнику предписывалось «собирать точную информацию о внутреннем положении в странах (Франции, Англии и Германии)»⁶. Отмечалось, что посольство в столице Бельгии располагает преимуществом, которым на подобном уровне не обладает российская миссия в Париже. Этой миссии, дабы не вызывать опасений со стороны французского правительства, было «необходимо проявлять глубокую сдержанность в общении с людьми, которые являются не симпатичными для последнего»⁷. В документе отдавалось должное уважение мудрости и политическому такту короля и предписывалось добиться его расположения: «Его большой опыт в делах, уважение, которым он окружен, обязывают Вас приложить усилия, чтобы лично понравиться его величеству». Отмечалось также, что «суждения, которые король высказывает, имеют большую ценность, поскольку узы родства и близость, которая его объединяет с английским двором, продолжительные отношения, которые он поддерживает с наиболее влиятельными людьми этой страны, длительное пребывание там дают ему возможность глубокого знания английских интересов и предоставляют в его распоряжение ценные сведения»⁸. В этих строках читается весьма точная характеристика Леопольда. В документе давались четкие указания, которым Рихтер будет следовать на протяжении трех с половиной лет своей миссии в Брюсселе.

Несмотря на сложившуюся во время Крымской войны благоприятную для Бельгии международную ситуацию, ставшую следствием выгодного для нее англо-французского соглашения, Леопольд продолжал с подозрением относиться к Франции, называя императора Наполеона III «опасным соседом»⁹, и рассчитывал на поддержку Великобритании в случае обострения франко-бельгийских отношений. Король был уверен, что Наполеон не мог навсегда оставить идею восстановления «естественных границ» Франции за счет

⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 23. Л. 142.

⁶ Там же. Д. 15. Л. 260.

⁷ Там же. Л. 261.

⁸ Там же. Л. 262.

⁹ Там же. Д. 23. Л. 131.

Бельгии, и отношения между соседними государствами были натянутыми¹⁰. Поводы для их обострения возникали не раз, одним из них являлись нападки бельгийской прессы на французского императора, а отсутствие жесткой цензуры в королевстве лишь усугубляло эту ситуацию¹¹. Кроме того, в послевоенные годы наметился интерес Наполеона к итальянскому вопросу, за которым скрывалось его желание изменить международный порядок, установленный договорами 1815 г. С точки зрения Леопольда, любые активные действия Франции во внешней политике угрожали как миру в Европе, так и целостности Бельгии. Испытывая недоверие к Франции, бельгийский король рассматривал союз великих держав — Великобритании, Австрии и России — самым ценным залогом мира и безопасности¹². К этому возможному альянсу Леопольд рассчитывал привлечь Пруссию.

Пытаясь добиться еще более тесного сближения Австрии и Англии, король намеревался оказывать влияние на Венский двор через семейные связи. Габсбурги в то же время рассчитывали использовать в своей внешней политике отношения Леопольда с Лондоном, учитывая собственные родственные узы с правящей в Бельгии династией. Еще в августе 1853 г. состоялось бракосочетание сына короля герцога Брабантского Леопольда и австрийской эрцгерцогини Марии-Генриетты. По выражению российского дипломата, тем самым Бельгия «бросила Франции в лицо вызов»¹³, поскольку Леопольд таким образом предпочел нормализации отношений с Наполеоном (в тот период бельгийское правительство затягивало подписание с ним торгового договора) налаживание связей с Германским союзом. После Крымской войны король продолжил династическое сближение с Австрией. Леопольд задумал выдать свою дочь принцессу Шарлотту замуж за эрцгерцога Максимилиана, брата австрийского императора Франца Иосифа I. Шарлотта познакомилась с Максимилианом Габсбургом весной 1856 г. во время его ознакомительной поездки по Европе. В декабре эрцгерцог вновь посетил Брюссель и встретился с принцессой, а уже летом 1857 г. состоялась их свадьба. В том же году Максимилиан стал вице-королем Ломбардо-Венецианского королевства. Леопольд был доволен, что его дочь заняла положение, достойное ее статуса.

А.Б. Рихтер утверждал, что бельгийско-австрийский альянс был не только супружеским и династическим, но и политическим союзом¹⁴. Его оценки были вполне объективны. Учитывая связи правящих династий Великобритании и Бельгии и то, что принцесса Шарлотта являлась протеже королевы Виктории, Леопольд намеревался добиться более тесного англо-австрийского сближения. Король активно действовал в этом направлении, при этом, как сообщал Рихтер, продолжая желать присоединения к возможному альянсу России¹⁵. Посланнику вскоре удалось удостовериться в намерениях Леопольда. В ходе торжественного обеда 1 августа 1857 г. по случаю свадьбы бельгийской принцессы и австрийского эрцгерцога король пригласил Рихтера на аудиенцию. Встреча состоялась

¹⁰ О страхе французской оккупации в Бельгии см.: *Baubeau P. Les rumeurs d'annexion de la Belgique à la France de la II-e République à Sedan // France-Belgique: 1848–1914. Affinités-Ambiguïtés. Actes du colloque des 7, 8 et 9 mai 1996. Bruxelles, 1997. P. 29–51.*

¹¹ Во время мирных переговоров 1856 г., проходивших в Париже по окончании Крымской войны, министр иностранных дел Франции граф Александр Колонна-Валевский позволил себе высказать обвинения в адрес бельгийского правительства, ультимативно заявив о необходимости искоренить в Бельгии свободу прессы. Слова А. Колонна-Валевского вызвали резонанс как в бельгийских, так и в британских политических кругах. По сообщению старшего секретаря российской миссии в Великобритании Альфреда Фёдоровича Грота, королева Виктория уполномочила своего представителя в ходе выступления на торжествах в честь 25-летия царствования Леопольда в июле 1856 г. публично выразить поддержку Бельгии в этом вопросе. См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 23. Л. 133.

¹² Россия и Бельгия. Страницы истории. К 150-летию установления дипломатических отношений / сост. А.С. Намазова. М., 2003. № 9. С. 23–24.

¹³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1858 г. Д. 25. Л. 206.

¹⁴ Там же. 1857 г. Д. 20. Л. 127.

¹⁵ Там же. Л. 132.

5 августа и длилась более часа. В депеше, отправленной в Санкт-Петербург в тот же день, содержится подробный отчет о ней. Король рассказал Рихтеру о недавних переговорах в Лондоне с британскими министрами. Леопольд заверил их, что Россия не намеревается осуществлять враждебных Великобритании демаршей в Азии¹⁶. Король также заявил российскому посланнику, что считает «союз России и Австрии наиболее подходящим для Европы и необходимым для обеих империй», поэтому его удручает то, что правительства двух стран неохотно договариваются, он пообещал, что сделает «все от него зависящее, чтобы способствовать установлению более тесных взаимоотношений (России с Австрией. — А.Х.)»¹⁷. Рихтер выражал уверенность в том, что Леопольд будет полезен с точки зрения внешнеполитических интересов Российской империи, и Александр II сможет рассчитывать на короля, так как «он всегда будет движим, во-первых, желанием участвовать в большой игре, что является настоящей манией для него, во-вторых, необходимостью оградить себя от соседа, которого он боится больше, чем позволяет себе признать в этом»¹⁸. Пожалуй, это одна из самых ярких характеристик Леопольда, встречающихся на страницах донесений российских дипломатов.

Развивая эту мысль в одной из последующих депеш, посланник дает другую характеристику бельгийскому королю, не только очень емкую и точную, но и, в отличие от описаний, содержащихся в донесениях его предшественника Хрептовича, весьма откровенную. «Король Леопольд, — писал Рихтер, — амбициозный государь, неугомонный, имеющий страсть к политике, который не может оставаться в стороне от больших дел. Он обижался и продолжает сердиться на русский кабинет за то, что его не пригласили участвовать в предшествующих миру (Парижскому миру 1856 г. — А.Х.) переговорах, и затаил обиду, которая усиливается еще и потому, что он полагает, что в период войны сделал многое, за что мы должны быть ему благодарны»¹⁹. Король отрывисто заявлял посланнику, что он был осведомлен о планах России содействовать, по его выражению, «амбициозным проектам Луи Наполеона». В общении с Рихтером он не скрывал своего отношения к императору Франции²⁰. По выражению биографа Леопольда, король «предупреждал весь мир об опасности, исходившей от Наполеона»²¹.

«Как суверен малой державы, — продолжал Рихтер в депеше, — король Леопольд имеет весьма ограниченную политическую значимость, но как дядя королевы Виктории, которая прислушивается к его советам, он оказывает реальное влияние на положение дел. В Лондоне его считают опытным политиком, обладающим глубоким знанием континентальных вопросов, преданным королевской семье и интересам Англии. Таким образом, его советы имеют большой вес»²². По утверждению Рихтера, в связи с этим Леопольд стал «инструментом наиболее активных австрийских политиков»²³, прилагая усилия для более тесного сближения кабинетов Лондона и Вены. Через бельгийского короля австрийское правительство пыталось внушить британцам недоверие к французскому монарху. Действительно, в это время прежней теплоты в отношениях между Наполеоном и королевской четой Великобритании уже не наблюдалось. Тем не менее император стремился сохранять добрые отношения с Лондоном и осенью 1856 г. поддержал английскую военную экспедицию в Китай (события, вошедшие в историю как Вторая опиумная война 1856—1860 гг.). Премьер-министр Великобритании Генри Джон Темпл Пальмерстон долгое время сомневался, прежде чем внять советам Леопольда пойти на еще более тесное

¹⁶ Там же. Л. 130.

¹⁷ Там же. Л. 133.

¹⁸ Там же. Л. 134.

¹⁹ Там же. Л. 138.

²⁰ Там же. Л. 137 об.

²¹ Corti E. Leopold of Belgium. Secret pages of European history. New York, 1923. P. 259.

²² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1857 г. Д. 20. Л. 138 об.

²³ Очевидно, в первую очередь речь шла о министре иностранных дел Австрии графе Карле Фердинанде фон Буоле-Шауэнштейне.

сближение с Австрией против Франции. В конце концов, королю удалось поколебать его доверие к Наполеону. Рихтер утверждал, что Великобритания и Австрия вновь объединились для того, чтобы противостоять императорской Франции, которая «обречена на то, чтобы нарушать равновесие на континенте»²⁴.

Желание Леопольда обезопасить Бельгию от французской угрозы с помощью сети альянсов было очевидно, как и то, что бельгийский король действовал в согласии с Великобританией, которая не хотела нарушения политического равновесия в пользу Франции в Италии и в пользу России на Востоке. Деятельность Леопольда не могла не противоречить интересам России, опасавшейся формирования союза Берлина, Вены и Лондона. Для Санкт-Петербурга в данной ситуации решающим фактором могло стать сближение с Парижем, наметившееся в конце Крымской войны. Сотрудничество с Францией было бы залогом сохранения влияния России на Балканах, поскольку она не могла давать отпор притязаниям Великобритании, Турции и Австрии в одиночку. Кроме того, общество было весьма враждебно настроено по отношению к Австрии, занявшей во время Крымской войны антироссийскую позицию.

Именно в этот момент Санкт-Петербургу было важно получать достоверные сведения о различных аспектах деятельности короля Леопольда и об общеевропейской ситуации, в особенности о политике Наполеона. В рассматриваемый период Брюссель продолжал оставаться для российской дипломатии важным центром сбора сведений. 28 марта 1857 г. Рихтер получил сообщение о том, что вся почта из Парижа и Лондона будет пересылаться в Брюссель. Российскому посланнику предписывалось составлять подробные отчеты по ее прочтении, при этом «руководствуясь принципом предоставления максимально концентрированной информации»²⁵. Донесения Рихтера были чрезвычайно полезными. По прошествии времени, в декабре 1857 г. в особо секретной депеше министра иностранных дел Российской империи канцлера Александра Михайловича Горчакова Рихтеру сообщалось, что государь император «всецело доволен» его посланиями. Горчаков призвал Рихтера продолжать передавать любую информацию, даже если она не касается его обязанностей²⁶. Совершенно очевидно, что его донесения должны были дополнить общую картину политической деятельности Наполеона, создаваемую российским посланником в Париже графом Павлом Дмитриевичем Киселевым²⁷. Рихтер точно выполнял данные ему указания. В донесениях он передавал свое видение ситуации, опираясь на информацию, полученную от бельгийского короля, а также на депеши, доставляемые из Парижа и Лондона. 25 января 1858 г. Рихтер писал: «Опыт показывает, что ... необходимо рассчитывать больше на ситуацию, чем на Луи Наполеона. Королева Виктория его превосходно описала, сказав, что у него много дерзости и недостает характера»²⁸. Посланник полагал, что по отношению к французскому кабинету необходимо высказывать свою точку зрения очень сдержанно, занимая выжидательную позицию, «чтобы он осознал необходимость привлечь нас на свою сторону и чтобы в нужный момент стало очевидно, что это не мы, а император Наполеон ищет этого. Тогда станет возможно управлять этим сувереном». Рихтер утверждал, что Наполеон находился не в лучших отношениях с Великобританией и намного больше нуждался в России, чем Россия в нем, «поскольку в крайнем случае мы могли бы выдержать кратковременную изоляцию, тогда как он не сможет». Кроме того, как предполагал Рихтер, «боязнь увидеть сближение между Россией и другими державами также не замедлит убедить императора Наполеона желать более серьезного согласия»²⁹.

В этот момент дали трещину англо-французские отношения. В ходе расследования дела о покушении итальянского революционера Феличе Орсини на Наполеона,

²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1857 г. Д. 20. Л. 138–138 об.

²⁵ Проект зашифрованной телеграммы от 28 марта Рихтеру // Там же. Л. 507.

²⁶ Там же. Л. 551.

²⁷ См.: Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. М., 2015. С. 201–211.

²⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1858 г. Д. 25. Л. 27а.

²⁹ Там же. Л. 27 об.

произошедшего 14 января 1858 г., был выявлен английский след. Положение Великобритании осложнялось начавшимся в 1857 г. Сипайским восстанием в Индии. В этой ситуации Лондон стремился избегать обострения отношений с Францией. Ухудшение внешнеполитической обстановки способствовало падению кабинета ненавистного императору лорда Пальмерстона. Несмотря на то что на смену ему пришло правительство консерваторов Эдуарда Джеффри Смита Дерби и Харриса Малмсбери, расположенных к Австрии³⁰, и между Лондоном и Веной установились более тесные отношения, Великобритания, вопреки расчетам Габсбургов, не собиралась мешать планам Наполеона, который стремился укрепить влияние в Северной Италии. Император Франции планировал поддержать Сардинское королевство в попытке добиться объединения Италии под властью Савойской династии в обмен на помощь в борьбе с Австрией, намереваясь получить Савойю и Ниццу. Британское общество не потерпело бы вступления страны в войну из-за австрийских владений в Италии. Находившаяся в весьма прохладных отношениях с Австрией Россия также не планировала противодействовать Франции. Понимая это, Наполеон III начал готовиться к войне.

Что предпринимал в этой ситуации Леопольд? По сообщению российского посланника в Брюсселе, осознавая угрозу со стороны Франции и констатируя ослабление Австрии³¹, бельгийский король продолжил попытки сблизить Великобританию с Пруссией. Именно такой союз объединил бы основного гаранта независимости Бельгии с государством, способным противостоять Франции. Верный политике династических альянсов Леопольд приветствовал бракосочетание своей внучатой племянницы, дочери королевы Виктории Викки и сына прусского принца Вильгельма Фридриха (будущего императора Германии Фридриха III)³², состоявшееся в январе 1858 г. Через этот брак бельгийский монарх надеялся приобрести союзников при прусском королевском дворе. Леопольд присутствовал на свадьбе Викки и Фридриха и впоследствии находился в постоянной переписке с супружеской четой. Династический союз с Пруссией стал успехом не только политики английского королевского двора, но и «кобургской» политики Леопольда³³, стремившегося, как уже отмечалось, достигать своих целей с помощью матримониальных проектов.

В то же время сближение России и Франции вызывало серьезное беспокойство Леопольда. Рихтер сообщал в депеше от 13 апреля 1858 г., что король был весьма сдержан в общении с ним, и это затрудняло деятельность по сбору информации³⁴. В той же депеше Рихтер приводит мнение Леопольда о том, что Россия находится в орбите интересов Франции. На полях можно прочесть помету канцлера А. М. Горчакова: «Мы находимся в орбите лишь собственных интересов»³⁵. 18 апреля 1858 г. российский посланник в частном письме Горчакову отмечал, что в Великобритании, Франции и Австрии повсеместно наблюдалось убеждение в том, что война неминуема, в связи с чем Леопольд отдал приказ министру обороны генералу Пьеру Шазалю принять необходимые меры. Рихтер предполагал, что, по всей видимости, следовало ожидать вступления англо-прусских войск на территорию Бельгии для защиты страны³⁶.

³⁰ Депеша Рихтера Горчакову от 1/13 апреля 1858 г. // Там же. Л. 65.

³¹ В депеше от 22 апреля/4 мая 1858 г. Рихтер сообщал известную ему информацию о сложившейся к тому моменту ситуации в Австрии: «Финансы Австрии находятся в столь плачевном состоянии, что в этом году не может быть и речи о военных сборах» // Там же. Л. 95.

³² Ранее Леопольд планировал выдать замуж за принца Фридриха свою дочь Шарлотту.

³³ Леопольд был представителем одной из самых влиятельных монархических династий Европы — Саксен-Кобург-Готской. См.: *Defrasne O. Léopold Ier et le clan Cobourg*. Bruxelles, 2004.

³⁴ Несмотря на имевшиеся противоречия в двусторонних отношениях, 9 июня 1858 г. был подписан договор о торговле и навигации между Бельгией и Россией. Проект документа был подан в Сенат Бельгии 26 июня и принят единогласно, король в тот же день ратифицировал его, находясь в Лондоне.

³⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1858 г. Д. 25. Л. 87.

³⁶ Там же. Л. 396 об.

Чувство тревоги, связанное с возможными действиями Наполеона, разделял племянник Леопольда, супруг королевы Виктории принц-консорт Альберт. В июне 1858 г. он пригласил бельгийского монарха в Лондон, предполагая использовать его влияние на Викторину, прислушивавшуюся к советам Леопольда, и министров. Предполагалось, что король убедит их в реальности планов французского императора в Северной Италии. Леопольд принял приглашение, намереваясь «замолвить слово» об Австрии перед британским кабинетом. Как стало известно российскому посланнику в Брюсселе, об этом его просил зять, австрийский эрцгерцог Максимилиан, который уговаривал Леопольда сообщить английскому правительству об опасности, которая грозит Турции со стороны России и Франции (речь шла о русско-французском дипломатическом выступлении в защиту охваченной волнениями Черногории и возможных осложнениях на Востоке, вынуждающих Австрию оказать военную поддержку Турции), и убедить министров в необходимости внимательно отнестись к процессам, происходившим на Балканах³⁷. Король посетил Лондон и выполнил просьбу Максимилиана. В то же время резкое ухудшение отношений Великобритании и Франции было, с точки зрения Леопольда, нежелательно, и он согласился стать дипломатическим посредником между двумя государствами. Бельгийский монарх передал Виктории и Альберту от Наполеона приглашение прибыть на открытие нового военного бассейна во французском порту Шербур, которое должно было состояться 5 августа 1858 г. До этого Леопольд встретился с Альбертом в Потсдаме и посоветовал ему уговорить британский кабинет формально поддержать добрые намерения императора и использовать их «для тесного согласия с ним»³⁸. Незадолго до встречи в Шербуре, 16 июля 1858 г., король дал августейшей племяннице следующие инструкции: «Необходимо сделать две вещи: 1) Постараться всеми разумными средствами остаться в хороших отношениях с императором, что вполне возможно. В Англии существует некий клан, который полагает, что именно с французской нацией вы должны быть в прекрасных отношениях; это *невозможно* (курсив Леопольда. — А.Х.), поскольку французы ненавидят английский народ как нацию (фр. — *les Français détestent le peuple anglais en tant que nation*), даже если они могут быть любезными лично с Вами; 2) Вместо того чтобы напрасно говорить неприятные слова, необходимо так организовать флот, чтобы он превосходил флот Франции»³⁹.

Как известно, незадолго до назначенной встречи с королевой Викторией и принцем-консортом Альбертом, 21 июля 1858 г., Наполеон подписал секретное Пломбьерское соглашение с премьер-министром Сардинского королевства Камилло Кавуром. Франция обязалась оказать Турину военную помощь в освобождении Ломбардии и Венеции от Австрии, в обмен на это получив обязательства о передаче в состав империи Савойи и Ниццы. Французская пресса усилила нападки на Австрию, король Сардинии Виктор Эммануил II начал демонстративную подготовку к войне.

Предполагаемые вопросы, которые могли обсуждаться в ходе встречи в Шербуре, привлекли внимание российской миссии в Брюсселе. Среди документов посольства обнаружено внушительное число депеш его секретаря Ивана Осиповича Велию на имя А.М. Горчакова. По всей вероятности, в отсутствие чрезвычайного посланника и полномочного министра А.Б. Рихтера, часто находившегося в Париже, именно И.О. Велию передавал в Санкт-Петербург необходимые сведения. Барон Иван Осипович Велию (1830–1899) окончил Царскосельский лицей, в 1847 г. поступил на службу в министерство иностранных дел. В 1854–1858 гг. он являлся секретарем посольства в Дрездене, в 1858 г. получил назначение в Брюссель, где находился до 1860 г. Вернувшись в Россию, Велию занимал важные административные посты: в 1861 г. назначен херсонским вице-губернатором, в 1862 г. — бессарабским губернатором, в 1863 г. — градоначальником Одессы,

³⁷ Там же. Л. 162.

³⁸ Там же. Л. 168–169.

³⁹ *Lettres de Léopold Ier* / ed. C. Bronne. Bruxelles, 1948. P. 256.

в 1865 г. — губернатором Симбирска. В 1868—1880 гг. являлся директором почтового департамента, в 1880—1881 гг. — департамента полиции. С 1881 г. — сенатор, в 1896 г. был назначен членом Государственного совета.

1 августа 1858 г. Велио в телеграфной депеше сообщал Горчакову, что Лондон будет стремиться способствовать разрыву соглашения Франции и России о совместной поддержке Черногории⁴⁰, а Наполеон попытается противодействовать альянсу Великобритании и Австрии, так как согласие по Восточному вопросу этих держав может способствовать и их новым договоренностям по поводу Италии. Из близких королю кругов Велио удалось узнать мнение Леопольда о Наполеоне: «Император в глазах многих кабинетов предстает врагом, переодетым другом, и из-за этого... кабинеты вынуждены приспосабливаться столь долго, сколько Франция находится под его господством, и король советует ничего не предпринимать против Луи Наполеона, пока он соблюдает договоры»⁴¹.

Встреча Виктории и Альберта с Наполеоном внешне проходила благоприятно. Французский император стремился доказать, что он не намерен изменять дружественной политике по отношению к Великобритании, сохранение согласия с которой должно было способствовать успешной реализации его планов в Италии. Однако англичане были встревожены военными приготовлениями Франции. Еще до начала двусторонних мероприятий королева Виктория, весьма обеспокоенная состоянием британского флота, сообщила о своих опасениях в письме премьер-министру графу Дерби⁴². Как пишет известный исследователь Г. С. Остапенко, единственным врагом, против которого могли быть направлены военные корабли Франции, была Англия. Британская пресса начала нагнетать враждебность против Франции и подвергать резкой критике ее внешнюю политику. Английская дипломатия стремилась сохранить баланс сил и влияние страны в Европе, исключая серьезное вовлечение в континентальные дела⁴³. Тем не менее вскоре после встречи в Шербуре британцы начали строительство укреплений на острове Олдерни⁴⁴. Именно в этот момент бельгийский король форсировал решение вопроса о реконструкции фортов Антверпена, давно продвигаемого английским кабинетом⁴⁵. Формально оборонные мероприятия не противоречили статусу нейтрального государства, которым на тот момент являлась Бельгия. Незадолго до этого комиссия, созданная специально для рассмотрения проблемы крепостей, пришла к выводу о необходимости отказа от небольших разрозненных укреплений и создания концентрической системы фортов в Антверпене. Новый план был разработан бельгийским инженером-фортификатором Анри Бриальмоном⁴⁶. Летом 1858 г. в Брюссель был приглашен российский военный инженер, генерал-адъютант Эдуард Тотлебен. Он встретился с бельгийскими военачальниками и военными специалистами, в частности Бриальмоном, работы которого весьма ценил. Тотлебен был представлен королю, посетил Льеж, Серен, Гент, Брюгге, Остенде, ознакомился с проектами обновления бельгийских фортификаций и дал ценные советы местным инженерам⁴⁷. По настоянию Леопольда бельгийский парламент вновь вернулся к обсуждению проекта укрепления Антверпена осенью 1858 г. Начались ожесточенные дебаты по вопросу о его принятии. Леопольд был крайне обеспокоен тем, что ни правительство,

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1858 г. Д. 25. Л. 422.

⁴¹ Донесение Велио Горчакову от 23 июля/4 августа 1858 г. // Там же. Л. 187.

⁴² The letters of Queen Victoria: A selection from her Majesty's correspondence between the years 1837 and 1861 / eds A. Ch. Benson, V. Escher: in 3 vols. Vol. 3. 1854—1861. London, 1908. P. 297.

⁴³ Остапенко Г. С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II. М., 2006. С. 67.

⁴⁴ Об этом Велио сообщал Горчакову в депеше от 20 августа/1 сентября 1858 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1858 г. Д. 25. Л. 228.

⁴⁵ По этому вопросу к Леопольду давно обращался лорд Пальмерстон, о чем сообщалось в депеше Велио от 2 августа 1858 г. // Там же. Л. 210 об.

⁴⁶ См.: Wils L. De Monarchie en de landsverdedening onder Leopold I // Actes du Colloque d'histoire militaire belge (1830—1980). Bruxelles, 26—28 mars 1980. Bruxelles, 1981. P. 207—216.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1858 г. Д. 25. Л. 410.

ни общество не были готовы к выделению дополнительных средств на оборону, несмотря на то что международная обстановка оставалась нестабильной⁴⁸.

Не имея возможности быстро решить проблему укрепления обороноспособности страны, король возобновил попытки создания альянса Великобритании, Австрии и Пруссии, направленного против Франции. В этот период Леопольд поддерживал переписку с принцем-регентом Пруссии Вильгельмом, с министром иностранных дел Австрии графом Буолем. В то же время он старался не вызывать своими действиями открыто негативной реакции императора французов. В частности, в начале 1858 г. Леопольд планировал посетить Россию, однако в сложившихся обстоятельствах он опасался настраивать против себя Наполеона и в ноябре того же года отказался от визита. Подтверждение этому мы находим в депеше российского посланника в Брюсселе. Рихтер сообщал, что во время одной из аудиенций Леопольд выразил сожаление, что не имеет возможности предпринять давно запланированный вояж. Из конфиденциальных источников дипломат получил сведения о том, что бельгийский король изменил решение под давлением Наполеона, намекнувшего в личном письме Леопольду, что было бы лучше воздержаться от поездки. Император опасался, что последний попытается склонить Россию к отказу от политического противодействия Австрии⁴⁹.

Уступив Наполеону, король тем не менее продолжил свою деятельность по объединению усилий Лондона и «двух дворов Германии» (Берлина и Вены), полагая, что тогда «господин из Парижа отступит, ... так как его характер во многом схож с колеблющимся маятником»⁵⁰. Но Наполеон не мог допустить вмешательства в конфликт Пруссии и нуждался в союзнике, который сумел бы обеспечить ее нейтралитет, а также создать угрозу на восточной границе Австрии. Санкт-Петербургу же могло играть на руку осложнение отношений последней с Францией, которое затруднило бы диалог обоих государств с Великобританией; соответственно, было бы нарушено согласие европейских держав в отношении России, установленное Парижским мирным договором 1856 г. Лондон стремился выступить посредником в деле примирения сторон, призывая их к «умеренности», и обратился к Санкт-Петербургу с предложением сделать то же самое. Россия отказалась принять предложение Великобритании. Одновременно с этим наступил завершающий этап заключения секретного соглашения между Парижем и Санкт-Петербургом. Российско-французский договор был подписан 3 марта 1859 г. В соответствии с этим соглашением, Россия обязалась обеспечить дипломатическую поддержку Наполеону в его действиях против Австрии. Франция пообещала содействовать пересмотру дискриминационных для России положений Парижского мирного договора⁵¹. Для императора соглашение с Санкт-Петербургом стало важнейшим этапом подготовки войны с Австрией⁵². Хотя это соглашение было секретным, о нем уже в скором времени стало известно в политических и дипломатических кругах европейских стран. Король Леопольд поспешил предупредить Вену о его заключении, утверждая, что Россия не предпримет нападения на Австрию⁵³.

Итак, позиции Брюсселя и Санкт-Петербурга не совпадали. Король Бельгии, опасаясь развития военного конфликта между Францией и Австрией, который мог выйти за пределы итальянских земель, стремился к активному вовлечению Пруссии в союз против Наполеона. Леопольд все еще испытывал надежду, что заявление Горчакова о том, что всякие враждебные немецким интересы чужды Александру, которым российский министр «хотел усыпить Германию», не помешает сближению Пруссии и Австрии, и, по выражению российского посланника, осуществлял «пагубную деятельность, чтобы

⁴⁸ Там же. Л. 203.

⁴⁹ Там же. Л. 316.

⁵⁰ Секретная записка Рихтера от 27 января 1859 г. // Там же. 1859 г. Д. 26. Л. 76–77.

⁵¹ О подготовке и заключении договора см. подробнее: *Черкасов П. П.* Указ. соч. С. 218–236.

⁵² См.: *Серова О. В.* Горчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997. С. 136.

⁵³ *Corti E.* Op. cit. P. 260.

запутать ситуацию»⁵⁴. В депеше от 15 апреля 1859 г. Рихтер писал Горчакову, что в обширной переписке, которую король поддерживал не только с дворами Лондона, Берлина и Вены, но также и с дворами второстепенных германских государств, он провоцировал последних на враждебные действия по отношению к Наполеону и оказывал России «наихудшие услуги», пытаясь даже создать коалицию против Парижа и Санкт-Петербурга⁵⁵. Рихтер советовал Горчакову «вразумить» Леопольда и попросил подготовить письмо от имени МИД Российской империи, которое было бы важно озвучить бельгийскому королю. Он также советовал подчеркнуть в документе, что российское правительство многократно получало сообщения из разных источников о том, что «король осуществляет настоячивые шаги, которые удивляют императорское правительство, поднимают против нас враждебные чувства, что со времени установления дипломатических отношений между двумя странами эти взаимные отношения всегда были сердечными, Россия не переставала испытывать живой интерес к Бельгии, и императорское правительство будет весьма расстроено видеть изменение характера отношений и даже будет вынуждено прекратить дружбу с Бельгией, и вина в этом будет лежать на ее суверене»⁵⁶. Рихтер настаивал на необходимости обратиться к правительству Великобритании с просьбой сделать аналогичное предупреждение Леопольду. Возможно, такой документ был передан через российского посланника, однако мы не нашли этому подтверждений.

Оказали ли действия короля Бельгии какое-то влияние на позицию германских государств? Вряд ли маневры Леопольда имели решающее значение. Пруссия поначалу колебалась, заявив 9 апреля о намерениях мобилизовать три корпуса, однако Конституция Германского союза не допускала военного участия в конфликте входящих в него государств в случае, если этот конфликт имел место за его пределами. Пруссия не только не желала, но и не смогла бы вступить в войну с Францией и ее союзником — Сардинским королевством — из-за владений Габсбургов в Италии, если бы ее начала Австрия. И все же усиление Франции не могло не беспокоить германские государства. Пруссия совместно с Великобританией выступила с инициативой одностороннего разоружения Сардинского королевства. Россия и Франция не поддержали эту инициативу. Тогда Великобританией был предложен план разоружения Франции, Австрии и Сардинии. В сложившихся условиях император Александр, по согласованию с Наполеоном, выдвинул идею конгресса по итальянскому вопросу⁵⁷. Россия рассчитывала на то, что в подобном случае Великобритания не сможет защищать австрийские интересы, однако Вена не планировала выносить итальянский вопрос на суд европейских держав и отказалась принять участие в конгрессе, что устраивало Францию. Санкт-Петербург же не предполагал выходить за рамки благожелательного нейтралитета в случае австро-французской войны. Интересы всех — Франции, Великобритании, России, Пруссии, наконец, Бельгии — сходились в одном — желании локализовать конфликт.

Австрия, как и рассчитывал Наполеон, поддавшись на провокации, сорвала попытки не допустить войну. 19 апреля 1859 г. Сардинское королевство объявило о согласии присоединиться к призыву о разоружении, что было воспринято в Вене как проявление слабости противника. 23 апреля Австрия направила в Турин ультиматум, возражая против приглашения на конгресс представителей Сардинии, и потребовала одностороннего разоружения последней. В данной ситуации Вена уже не могла рассчитывать на поддержку государств Германского союза. Франция ждала именно этого и, согласно Пломбьерскому

⁵⁴ Депеша Велю Горчакову от 4/16 июня 1859 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 284.

⁵⁵ Там же. Л. 176.

⁵⁶ Там же. Л. 177—177 об.

⁵⁷ Российский исследователь О. В. Серова доказывает, что инициатива созыва конгресса принадлежала Александру II. См.: *Серова О. В.* Указ. соч. С. 148—149. Французский исследователь П. Мильза утверждает, что идея конгресса исходила от Наполеона III. См.: *Milza P.* Napoléon III. Paris, 2007. P. 421.

договору, выдвинула для защиты союзника армию в Милан. Боевые действия начались 29 апреля 1859 г.

Леопольд был крайне удручен. Английское правительство через своего посланника в Бельгии заверило короля, что Великобритания постарается локализовать конфликт в Италии и не допустить ослабления Австрии, стремясь в обмен на это получить подтверждение намерений Брюсселя соблюдать строгий нейтралитет, гарантированный Лондонским договором 1831 г., правительству Бельгии было рекомендовано избегать любого конфликта с воюющими сторонами⁵⁸. Британский кабинет потребовал публикации манифеста о нейтралитете с небольшой поправкой в преамбуле, объясняющей, что Бельгия как нейтральное государство, существующее на основе соглашений, гарантирующих этот нейтралитет, не обязана провозглашать его как принцип, а только как приложение, т.е. Леопольд должен призвать своих подданных scrupulously соблюдать его условия. По сообщению русского посланника в Брюсселе, король отказывался от публикации манифеста. Дипломатические представители Австрии и Пруссии также попытались донести до Леопольда свою обеспокоенность и заявили, что в случае войны между германскими государствами и Францией бельгийское правительство не сможет оставаться нейтральным и ничего не выиграет от вмешательства в этот конфликт. Они уговаривали короля объявить о нейтралитете, заявляя, что в противном случае Наполеон не станет соблюдать гарантии, учитывая, что в силу обстоятельств он будет вынужден объявить войну также и Великобритании, которая, несмотря на всю свою мощь, никогда не сможет военным образом защитить Бельгию. Большинство министров в королевском правительстве и прочих влиятельных лиц, в том числе герцог Брабантский, соглашались с этим мнением⁵⁹. Официально правительство Бельгии выразило иностранным посланникам свою решимость соблюдать строгий нейтралитет и сопротивляться любому давлению, с какой бы стороны оно ни оказывалось⁶⁰.

В этот момент Великобритания через бельгийского короля направила России сигнал о заинтересованности в локализации конфликта. В депеше от 26 апреля/8 мая 1859 г. российская миссия в Брюсселе передавала⁶¹, что племянник Леопольда, герцог Эрнест II Саксен-Кобург-Готский, побывав в Виндзоре, на обратном пути гостил в королевском дворце в Лондоне. Герцог сообщил Леопольду о встрече с королевой Викторией, принцем-консортом Альбертом и премьер-министром графом Дерби. По словам Эрнеста, британское правительство доверяло России, хотя и допускало возможность существования тайного соглашения между Санкт-Петербургом и Парижем по итальянскому вопросу (но не в отношении восточного вопроса), и призывало императора Александра объединить свои усилия с Великобританией, чтобы вынудить германские государства сохранять нейтралитет, а Австрию и Францию — остановить боевые действия⁶². Как известно, российский МИД высказал свою позицию по данному вопросу, направив 27 мая циркулярную ноту германским государствам, в которой призвал их не вмешиваться в конфликт на стороне Австрии⁶³, чем оказал дипломатическую поддержку Франции. Велю конфиденциально передал содержание этой ноты бельгийским министрам. В отличие от Леопольда, всячески старавшегося привлечь германские государства к активным действиям против Наполеона, министр иностранных дел Бельгии барон Адольф де Вриер весьма заинтересовался документом, высказав уверенность, что сообщение императорского кабинета монаршим дворам Германии сможет умирить неумеренный пыл некоторых из

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 218.

⁵⁹ Там же. Л. 233.

⁶⁰ Там же. Л. 256.

⁶¹ Рихтер скоропостижно скончался 16 апреля 1859 г. в Париже. До назначения нового посланника миссия находилась под управлением И.О. Велю.

⁶² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 206–207.

⁶³ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 3-х т. Т. 3. 1855–1894. М., 2018. С. 86.

них и способствовать отдалению всеобщей европейской войны. Генерал Шазаль допустил возможность любого исхода, заявив: «Я надеюсь, что эта нота произведет спасительный эффект, заставит задуматься некоторые германские правительства, но, с другой стороны, не удивлюсь, если речи Вашего правительства лишь разъярят Германию и вынудят, так сказать, сжечь свои корабли»⁶⁴. Такая ситуация была бы крайне опасной для Бельгии, поскольку в этом случае ее территория стала бы театром военных действий и ей пришлось бы защищать собственный нейтралитет против Франции с оружием в руках⁶⁵. В большинстве германских государств нота российского МИДа вызвала бурю негодования, однако Пруссия колебалась.

Через несколько дней, 4 июня, австрийские войска потерпели поражение у Мадженты. Леопольд был потрясен этой новостью. Он уговаривал королеву Викторию убедить британское правительство добиться от Наполеона уступок для Австрии. Однако королева отвечала Леопольду, что никак не могла повлиять на ситуацию, поскольку Вена сама стала причиной войны⁶⁶.

Британский кабинет несколько раз выступал с призывом к бельгийскому правительству воздержаться от любой военной демонстрации. Вновь назначенный 12 июня главой правительства лорд Пальмерстон напрямую обратился к Леопольду, выразив надежду, что он не поставит под сомнение положение Бельгии в Европе, которым она обязана по большей части Великобритании, и, соответственно, во всем будет следовать английской политике⁶⁷. 19 июня король отправился в Лондон, чтобы, по его словам, «положить конец этой губительной войне»⁶⁸. На самом деле, он рассчитывал на то, что сможет добиться своих целей в отношении итальянских владений Австрии: втайне от Венского двора Леопольд намеревался убедить британский кабинет создать *seconda genitura*⁶⁹ австрийского дома в Милане, чтобы сделать своего зятя, эрцгерцога Максимилиана, конституционным королем Ломбардии⁷⁰. Леопольд предполагал, что политическое равновесие в Италии было бы сохранено при отдалении Австрии от Ломбардии и при одновременном уходе французов и австрийцев с Апеннинского полуострова, где он считал возможным образовать конфедерацию государств по примеру Германского союза. Лорд Пальмерстон не выразил особой заинтересованности в этом проекте, и король вернулся в Брюссель ни с чем. Кроме того, его личные отношения с австрийским двором с каждым днем становились все более прохладными. Король практически не получал сведений о том, что происходит в высших административных кругах и государственной канцелярии Австрии. Императорская семья не приняла дочь Леопольда Шарлотту, недоверие по отношению к ней возрастало, а положение ее супруга, эрцгерцога Максимилиана, было весьма непрочным⁷¹.

24 июня, когда произошло сражение при Сольферино, завершившееся победой франко-сардинских войск, Пруссия начала мобилизацию шести армейских корпусов. В этот же день она обратилась к России и Великобритании с предложением обсудить условия посредничества для прекращения войны, а 25 июня объявила о мобилизации на своей территории в бундестаге Германского союза, призвав другие входящие в него государства поддержать ее. Осознавая угрозу со стороны Пруссии и наблюдая за возросшей

⁶⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 257.

⁶⁵ Статус постоянного нейтралитета не лишал Бельгию возможности защищать свою территорию вооруженным способом.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 269.

⁶⁷ Там же. Л. 270–270 об.

⁶⁸ Там же. Л. 284.

⁶⁹ Порядок наследования по второй линии.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 291.

⁷¹ Максимилиан, будучи вице-королем Ломбардо-Венецианского королевства, проводил в глазах Вены слишком либеральную политику. Под давлением Франца Иосифа 10 апреля 1859 г. он был вынужден подать в отставку. Подробнее о нем см.: *Castelot A. Maximilien et Charlotte. La tragédie de l'ambition*. Paris, 1977.

революционной активностью в Италии, Наполеон предложил Францу Иосифу мир, что стало неожиданностью как для противников, так и для союзников императора. Король Леопольд получил новость о заключении сепаратного Виллафранкского перемирия и первых тайных деталях встречи двух императоров 13 июля 1859 г. В соответствии с достигнутыми соглашениями Австрия освобождала Ломбардию и сохраняла за собой Венецию. Факт предварительных договоренностей чрезвычайно обрадовал короля. «Его величество на вершине счастья», — сообщал российский посланник⁷². По мнению короля, самым важным преимуществом, которое вынесла Австрия из этой войны и переговоров в Виллафранке, являлось то, что «ей больше нечего бояться со стороны Франции и что демоны Италии и Венгрии окажутся в оковах и больше не двинутся благодаря общей воле двух кабинетов»⁷³.

Война была окончена. Английское правительство уполномочило Леопольда гарантировать присоединение Великобритании к предварительным мирным договоренностям⁷⁴. Для достижения этой цели король дважды, в обход французского посланника в Брюсселе, предпринимал секретные демарши, чтобы добиться личной встречи с императором⁷⁵. Незадолго до этого проект реконструкции фортификационных сооружений Антверпена получил долгожданное одобрение бельгийского парламента⁷⁶. Король был удовлетворен подобным результатом⁷⁷, но во Франции принятие проекта было расценено как провокация. Во время предстоящих переговоров Леопольд планировал объяснить по поводу укреплений Антверпена с Наполеоном и, как предполагал российский посланник, намеревался отвлечь внимание французского императора от других европейских проблем. Встреча двух монархов должна была состояться в Биаррице. Велю сообщал, что незадолго до этого события представители бельгийских политических кругов, узнав о поездке короля, были крайне удивлены, что Леопольд смог «заглушить свою злость по отношению к императору Наполеону III до такой степени, что готов ехать до самой границы с Испанией, чтобы низкопоклонничать перед ним»⁷⁸.

Информация об их встрече, состоявшейся 11 сентября 1859 г., в литературе не встречается⁷⁹. Сообщения российского посланника в Бельгии дают возможность осветить это событие. С приездом Леопольда в Биарриц телеграфные сообщения без остановки отправлялись в Лондон и Париж, передавая следующую информацию: Наполеон намеревался предложить Великобритании созвать конгресс по итальянскому вопросу при условии официального признания предварительных договоренностей, заключенных в Виллафранке, основой мирного соглашения; император не хотел, чтобы «Сардиния правила одновременно во Флоренции, Парме и Модене». По словам Велю, это решение Наполеона приписывали влиянию Леопольда⁸⁰. Внешне бельгийский король, казалось, был доволен переговорами и возможностью повлиять на сохранение благоприятных отношений между Лондоном и Парижем. Находясь в Биаррице, Леопольд присвоил порядка 15 наград высшим французским лицам⁸¹. На самом деле он покинул Биарриц в безрадостном настроении, не добившись своих целей, что, по мнению нового российского посланника в Брюсселе графа Николая Алексеевича Орлова (1827—1885), вступившего в

⁷² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 312.

⁷³ Там же. Л. 313.

⁷⁴ Там же. Л. 412—412 об.

⁷⁵ Деша Велю от 19/31 августа 1859 г. // Там же. Л. 374.

⁷⁶ Проект реконструкции укреплений Антверпена был принят парламентом Бельгии 8 сентября 1859 г.

⁷⁷ Деша Велю от 13/25 августа 1859 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 371.

⁷⁸ Там же. Л. 378.

⁷⁹ Упоминание о ней удалось найти только в бельгийской литературе. См.: Corti E., Bufin C. Leopold Ier, oracle politique de l'Europe. Bruxelles, 1927. P. 341.

⁸⁰ Деша Велю Горчакову от 9/21 сентября 1859 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 412.

⁸¹ Там же. Л. 429.

должность 3 июля 1859 г.⁸², «во многом обесценило важность заверений довольно-таки мирных, данных королю в отношении Бельгии»⁸³. Леопольд уже не мог рассчитывать на то, что его зять Максимилиан вернет себе титул в Милане, тогда как в осуществлении этого плана он видел частичное решение австро-итальянской проблемы.

11 ноября 1859 г. в Цюрихе были подписаны договоры между Австрией, Францией и Сардинией, подтвердившие условия Виллафранкского перемирия: Австрия отказалась от Ломбардии, но сохранила за собой Венецию. Согласно Туринскому договору 1860 г. с Сардинским королевством, Франция приобрела желаемое — территории Савойи и Ниццы. Россия, поддержавшая Наполеона и выразившая одобрение его действий в итальянском вопросе, не получила от императора Франции обещанного им содействия в отмене ограничений Парижского мира.

По завершении кризиса в межгосударственных отношениях недоверие между Францией и Бельгией сохранялось, хотя их суверены и обменялись официальными визитами⁸⁴. Присоединение к Франции Савойи и Ниццы давало Наполеону повод задуматься о возможности осуществления аннексионистских планов и в отношении Бельгии. Тем не менее, считая англо-французское согласие наиболее выгодным для своей страны, Леопольд санкционировал неофициальное участие бельгийского корпуса добровольцев в военной экспедиции в Китай в составе англо-французских войск. Позднее, в 1861 г., он поддержал англо-франко-испанскую экспедицию в Мексику, но его мечта добиться для своей дочери Шарлотты титула императрицы этой страны обернулась трагедией⁸⁵.

В ходе итальянского кризиса король Леопольд вел чрезвычайно активную внешне-политическую деятельность. Историк-исследователь Э. Корти предполагает, что, если бы бельгийский король преуспел, он бы «мог создать против Наполеона III громадную коалицию, подобную той, что возникла против Наполеона I»⁸⁶. Будучи посредником в австро-английских и англо-французских переговорах, он не сумел добиться своих целей. Документы российской миссии подтверждают тщетность его внешнеполитических усилий. Дипломатические маневры короля, как и его твердое стремление усилить фортификации Антверпена, поддерживаемое британским правительством, настраивали против него Наполеона. В период российско-французского сближения 1857—1859 гг. бельгийский суверен в политическом отношении оказался мало полезен Санкт-Петербургу. Как показывают документы, посредническая роль Леопольда, на которую рассчитывала Россия, работала не в нужном для нее русле: король пытался заставить других членов Германского союза более активно поддерживать Австрию, что противоречило интересам Санкт-Петербурга. Тем не менее депеши посланников в Брюсселе, в которых отражалась внешнеполитическая позиция Леопольда и его личное отношение к Наполеону III,

⁸² Орлов, Николай Алексеевич (1827—1885) — российский дипломат, генерал-майор, участник Крымской войны 1853—1856 гг. В 1856 г. был принят на службу в МИД. Возглавлял миссию в Брюсселе с 1859 по 1869 г. В декабре 1869 г. был назначен послом в Вене, в 1870 г. — в Лондоне, затем, после падения империи Наполеона III, в декабре 1871 г. — в Париже, а в апреле 1878 г. — в Берлине. О дипломатической деятельности Орлова см.: Намазова А. С. Указ. соч. С. 94—104; Хорошева А. О. Международные гарантии нейтралитета Бельгии накануне Франко-прусской войны 1870—1871 гг.: позиция России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. № 9 (13). DOI: 10.18254/S207987840022911-1

⁸³ Дешеша Веллио Горчакову от 9/21 сентября 1859 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 24. Л. 382.

⁸⁴ Там же. Л. 522. 13 октября 1859 г. Наполеон пригласил короля Бельгии посетить Компьень, французский император обещал прибыть в Брюссель в ноябре этого же года.

⁸⁵ Во время англо-франко-испанской интервенции в Мексике 1861—1867 гг. зять Леопольда Максимилиан в 1863 г. был возведен на престол (коронован мексиканским императором в 1864 г.), однако после того как французский корпус был отозван из страны, он отказался вернуться в Европу. Потерпев поражение от повстанцев, Максимилиан попал в плен и был казнен 19 июня 1867 г. Шарлотта, находившаяся в Италии, не знала о судьбе супруга. Впоследствии она страдала шизофренией, последние годы провела в Бельгии.

⁸⁶ Corti E. Op. cit. P. 263.

бесспорно, содержали важную информацию для российского руководства, которое по окончании итальянского кризиса уже сомневалось в возможности дальнейшего взаимовыгодного партнерства с Францией. В 1860 г. графу Орлову были даны инструкции «продолжать пользоваться политической проницательностью Леопольда I в интересах службы императору»⁸⁷. Таким образом, задачи, поставленные Санкт-Петербургом ранее перед российской миссией в Брюсселе, сохраняли актуальность.

Библиография / References

Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 3-х т. Т. 3. 1855–1894. М., 2018.

Намазова А.С. Российская империя и Королевство Бельгия: установление дипломатических отношений и первые посланники // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 94–104. DOI: 10.31857/S013038640020486-2

Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II. М., 2006.

Россия и Бельгия. Страницы истории. К 150-летию установления дипломатических отношений / сост. А.С. Намазова. М., 2003.

Серова О.В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997.

Хорошева А.О. Леопольд I и политика Бельгии накануне Крымской войны // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 83–94. DOI: 10.31857/S013038640020486-2

Хорошева А.О. Международные гарантии нейтралитета Бельгии накануне Франко-прусской войны 1870–1871 гг.: позиция России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. № 9 (13). DOI: 10.18254/S207987840022911-1

Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. М., 2015.

Ajrapetov O.R. Istoriya vneshnej politiki Rossijskoj imperii. 1801–1914: v 3-kh t. T. 3. 1855–1894 [History of the foreign policy of Russian Empire. 1801–1914: in 3 vols. Vol. 3. 1855–1894]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Aleksandr II i Napoleon III [Alexander II and Napoleon III]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Khorosheva A.O. Leopold I i politika Bel'gii nakanune Krymskoi voyny [Leopold I and Belgian Policy on the Eve of the Crimean War] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 6. S. 83–94. DOI: 10.31857/S013038640020486-2 (In Russ.)

Khorosheva A.O. Mezhdunarodny'e garantii nejtraliteta Bel'gii nakanune Franko-prusskoj vojny' 1870–1871 gg.: pozitsiya Rossii [International Guarantees of Belgium's Neutrality on the Eve of Franco-Prussian War 1870–1871: Position of Russia] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. № 9 (13). DOI: 10.18254/S207987840022911-1 (In Russ.)

Namazova A.S. Rossiiskaia imperiia i Korolevstvo Bel'giia: ustanovlenie diplomaticheskikh otnoshenii i pervye poslanniki [The Russian Empire and the Kingdom of Belgium: the Establishment of Diplomatic Relations and the First Envoys] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 94–104. DOI: 10.31857/S013038640020486-2 (In Russ.)

Ostapenko G.S. Britanskaia monarkhiia ot korolevy Viktorii do Elizavety II [The British monarchy from Queen Victoria to Elizabeth II]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Rossii i Bel'giia. Stranitsy istorii. K 150-letii ustanovleniia diplomaticheskikh otnoshenii [Russia and Belgium. Pages of history. The 150th anniversary of diplomatic relations] / sost. A.S. Namazova. Moskva, 2003. (In Russ.)

Serova O.V. Gorchakov, Kavur i ob"edinenie Italii [Gorchakov, Cavour and the unification of Italy]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Baubeau P. Les rumeurs d'annexion de la Belgique à la France de la II-e République à Sedan // France-Belgique: 1848–1914. Affinités-Ambiguïtés. Actes du colloque des 7, 8 et 9 mai 1996. Bruxelles, 1997. P. 29–51.

Castelot A. Maximilien et Charlotte. La tragédie de l'ambition. Paris, 1977.

Corti E., Bufin C. Léopold Ier, oracle politique de l'Europe. Bruxelles, 1927.

Corti E. Leopold of Belgium. Secret pages of European history. New York, 1923.

Defrasne O. Léopold Ier et le clan Cobourg. Bruxelles, 2004.

The letters of Queen Victoria: A selection from her Majesty's correspondence between the years 1837 and 1861 / eds A.Ch. Benson, V. Escher: in 3 vols. Vol. 3. 1854–1861. London, 1908.

Lettres de Léopold Ier / ed. C. Bronne. Bruxelles, 1948.

Milza P. Napoléon III. Paris, 2007.

Wils L. De Monarchie en de landsverdedening onder Leopold I // Actes du Colloque d'histoire militaire belge (1830–1980). Bruxelles, 26–28 mars 1980. Bruxelles, 1981. P. 207–216.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1859 г. Д. 25. Л. 2–5.

© 2023 г. П.П. ЧЕРКАСОВ

РОЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ФРАНЦИИ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ДИПЛОМАТА (сентябрь 1870 года – май 1871 года)

Черкасов Петр Петрович — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Аннотация. Официальный Санкт-Петербург был хорошо осведомлен о развитии ситуации во Франции, которая привела к падению Второй империи и провозглашению 4 сентября 1870 г. Третьей республики. Основным источником такой информации для императора Александра II и канцлера А.М. Горчакова был Григорий Николаевич Окунев, временный поверенный в делах России во Франции. Ему довелось быть свидетелем двух важнейших исторических событий — падения Второй империи и рождения Третьей республики. Его обширная корреспонденция из Парижа, а затем из Бордо, Тура и Версаля, куда вынуждено было перемещаться республиканское правительство, легла в основу настоящего исследования. До сих пор этот ценный источник не привлекал заслуженного внимания специалистов по истории Франции и франко-русских отношений. Между тем депеши и телеграммы Окунева, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, представляют большой интерес. Речь идет о свидетельствах очевидца, который по горячим следам пытался осмыслить процесс становления Третьей республики. Информация Окунева в определенной степени влияла на выработку отношения Российской империи к молодой Французской республике. Хронологические рамки статьи охватывают период от Революции 4 сентября 1870 г. до избрания Национального собрания, формирования правительства А. Тьера (февраль 1871 г.) и последующего заключения Франкфуртского мира (10 мая 1871 г.), который завершил франко-германскую войну. В статье анализируется взгляд российской дипломатии на революцию 4 сентября 1871 г. и рождение Третьей республики во Франции, объясняются причины, по которым официальный Санкт-Петербург признал Французскую республику, хотя и не был уверен в ее устойчивости.

Ключевые слова: Россия, Франция, Г.Н. Окунев, Вторая империя, Франко-прусская война, Революция 4 сентября 1870 г., Третья республика, Национальное собрание, Александр II, А.М. Горчаков, А. Тьер, Ж. Фавр.

P.P. Cherkasov

The Birth of the Third Republic in France Through the Eyes of a Russian Diplomat, September 1870 – May 1871

Peter Cherkasov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Abstract. St. Petersburg was well aware of the development of the situation in France, which led to the fall of the Second Empire and the proclamation of the Third Republic on 4 September 1870. The main source of such information for Emperor Alexander II and Chancellor Gorchakov was Grigory Nikolaevich Okunev, Russia's chargé d'affaires in France. His extensive correspondence from Paris and then from Bordeaux, Tours, and Versailles, whither the republican government was forced to move, formed the basis for this study. To date, this valuable source has not attracted the much-deserved attention of scholars of French history and Franco-Russian relations. Meanwhile, Okunev's dispatches and telegrams preserved in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (Moscow) are of considerable interest. He was an immediate eyewitness who tried to comprehend the process of formation of the Third Republic. Okunev's information to a certain extent influenced the formulation of the Russian Empire's approach to the young French Republic. The chronological framework of the article covers the period from the revolution of 4 September 1870 to the elections to the National Assembly, the formation of the government of Adolphe Thiers (February 1871), and the subsequent conclusion of the Treaty of Frankfurt (10 May 1871), which ended the Franco-Prussian War. The author analyses the Russian diplomacy's view of the revolution of 4 September 1871 and the birth of the Third Republic in France. He explains the reasons behind St. Petersburg's recognition of the French Republic, even though he was doubtful as to its stability.

Keywords: Russia, France, Grigory Okunev, Second Empire, Franco-Prussian War, Revolution of 4 September 1870, Third Republic, National Assembly, Alexander II, Alexander Gorchakov, Adolphe Thiers, Jules Favre.

Крушение Второй империи и провозглашение во Франции республиканского строя в сентябре 1870 г.¹ не стало большой неожиданностью для Александра II и князя А.М. Горчакова, руководителя его дипломатии. Оба они никогда не верили в устойчивость эклектичного по природе бонапартистского режима, который, по их мнению, стал опасно заигрывать с парламентаризмом, либералами, демократами и даже социалистами. Но что стало для них подлинным сюрпризом, так это вскрывшаяся беспомощность считавшейся высокособой французской армии, терпевшей одно поражение за другим в легкомысленно начатой Наполеоном III 19 июля 1870 г. войне с Пруссией².

¹ Причины и обстоятельства падения Второй империи детально исследованы в исторической литературе, например: *Ollivier É. L'Empire libéral. Vol. 1–17. Paris, 1895–1916; Желубовская Э.А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции М., 1956; Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 17. М., 1960; Miquel P. Le Second Empire. Paris, 1992; Dictionnaire du Second Empire / sous la dir. de J. Tulard. Paris, 1995; Anceau É. Comprendre le Second Empire. Paris, 1999; Смирнов Ю.А. Империя Наполеона III. М., 2003; Bruyère-Ostells W. Napoléon III et le second Empire. Paris, 2004; Yon J.-C. Le Second Empire. Politique, Société, Culture. Paris, 2009.*

² О Франко-прусской войне 1870–1871 гг. подробнее см.: *Guérin A. La folle guerre de 1870. Paris, 1970; Шнейерсон Л.М. Франко-пруская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. Минск, 1976; Audoin-Rousseau S. 1870. La France dans la guerre. Paris, 1989; Roth F. La guerre de 1870. Paris, 1990.*

В этом смысле очередная, четвертая по счету, французская революция 4 сентября 1870 г.³, ставшая реакцией на капитуляцию в Седане 100-тысячной армии во главе с Наполеоном III, не застала врасплох официальный Санкт-Петербург, который был хорошо осведомлен о развитии событий не только на театре военных действий, но и в самой столице Франции.

Основным источником такой информации был статский советник Г.Н. Окунев, временный поверенный в делах России. Ему довелось стать свидетелем двух важнейших исторических событий — падения Второй империи и рождения Третьей республики. Его обширная корреспонденция из Парижа, а впоследствии из Бордо, Тура и Версаля, куда в силу обстоятельств вынуждено было перемещаться республиканское правительство, легла в основу настоящего исследования. Депеши и аналитические записки Окунева представляют большой интерес как живые свидетельства непосредственного очевидца, пытавшегося осмыслить происходивший на его глазах процесс становления Третьей республики. Поступавшая от него информация в определенной степени влияла на выработку отношения официального Санкт-Петербурга к молодой Французской республике.

Хронологические рамки статьи охватывают период от Революции 4 сентября 1870 г. до избрания Национального собрания, формирования правительства А. Тьера (февраль 1871 г.) и последующего заключения Франкфуртского мира (10 мая 1871 г.), завершившего франко-германскую войну.

* * *

Григорий Николаевич Окунев (1823—1883) по окончании курса в Петербургском университете в феврале 1846 г. был определен в Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел⁴.

В 1849 г., получив чин титулярного советника, он направляется младшим секретарем миссии в Рим. Там его усердие будет отмечено орденом папы Пия I и российским орденом Св. Анны 3-й степени. Поработав в миссиях при Римском и Тосканском дворах, Окунев в 1862 г. занял должность второго секретаря посольства в Париже, а в 1867 г. был повышен до первого секретаря, получив одновременно чин надворного советника. В ноябре 1869 г. он сменил подавшего в отставку В.Н. Чичерина на посту советника посольства и стал правой рукой посла графа Э.Г. Стакельберга.

После внезапной кончины от инсульта Стакельберга 11 мая 1870 г. на Окунева было возложено временное руководство дипломатической миссией до назначения нового посла.

В преемники умершего Стакельберга в Петербурге избрали барона Ф.И. Бруннова, возглавлявшего в то время посольство в Лондоне. Горчаков даже составил для него утвержденную Александром II инструкцию, но в Париж он так и не выехал из-за начавшейся в июле 1870 г. франко-прусской войны.

Так, волею обстоятельств Г.Н. Окунев остался в Париже официальным представителем России. Предыдущий, без малого десятилетний, опыт работы во Франции позволил ему глубоко проникнуть в политическую жизнь французской столицы: он приобрел здесь обширные связи как в правительственных сферах, так и в оппозиции, снискав симпатии

³ В советской и постсоветской историографии события 4 сентября 1870 г. в Париже определяются как «Сентябрьская революция 1870 г.» или «Революция 4 сентября 1870 г.». Во французской исторической литературе предпочитают избегать термина «революция» применительно к свержению Второй империи, предлагая — «Провозглашение (Третьей) Республики» (*Proclamation de la [IIIe] République*). Оценка тех событий впоследствии дали их непосредственные участники — глава правительства национальной обороны генерал Л.Ж. Трошю и его заместитель, министр иностранных дел Ж. Фавр. См.: *Trochu, général. Œuvres posthumes*. Т. 1. Tours, 1896; *Favre J. Gouvernement de la Défense nationale [du 30 juin 1870 au 28 juillet 1871]*: en 3 vol. Paris, 1871—1875. Vol. 1. Du 30 juin au 31 octobre 1870. Journée du 4 septembre, entrevue de Ferrières, organisation de la défense, délégation de Tours, journée du 31 octobre 1871.

⁴ Формулярный список Г.Н. Окунева см.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 159. Оп. 464. Д. 2470. Л. 5—9.

столичного общества. Поэтому его оценки и суждения относительно развернувшихся во Франции в 1870 г. событий заслуживают самого пристального внимания.

Еще 16 августа, за две недели до седанской катастрофы, на фоне неудач французской армии Окунев зафиксировал в Париже «первые признаки серьезного обострения ситуации». Уже тогда он впервые констатировал возникновение «все более очевидной угрозы для судьбы династии... В моральном отношении можно было бы сказать, что династия уже пала. Она потеряла опору не только в обществе... но и в армии. Единственно победа могла бы отсрочить падение Наполеона, точно так же как поражение — ускорить его низвержение»⁵.

Прогноз Окунева в полной мере оправдался после сдачи Седана 2 сентября 1870 г. Известие о капитуляции армии маршала П. Мак-Магона и пленении Наполеона III достигло Парижа вечером 3 сентября. В ночь на 4 сентября на фоне начавшегося в столице брожения в Бурбонском дворце было созвано экстренное заседание нижней палаты парламента. Ж. Фавр от имени 27 депутатов-республиканцев внес проект резолюции о низложении плененного императора. Обескураженные парламентарии приняли решение продолжить обсуждение во второй половине дня.

Пока бонапартисты не знали, что предпринять, республиканцы успели подготовиться, распространив по всему городу листовки с сообщением о седанской катастрофе и с требованием ликвидации монархии. К Бурбонскому дворцу устремились толпы возмущенных парижан, умело направлявшиеся противниками империи. В скором времени дворец был заблокирован, как и Тюильри, императорская резиденция, где проходила регентша — императрица Евгения.

Возобновившееся в 13 часов обсуждение проходило под нарастающим давлением толпы. В какой-то момент около 800 человек, преодолев полицейский кордон, ворвались в зал заседаний с криками: «Низложение! Да здравствует Республика!». Председателя палаты Э. Шнейдера сгоняют с его места. На трибуну стремительно поднимается Л. Гамбетта, лидер левых республиканцев. В воцарившейся тишине он объявляет: «Луи-Наполеон Бонапарт и его династия навсегда прекратили править во Франции»⁶. Толпа, приветствуя его слова, устремляется на Гревскую площадь, к зданию мэрии.

В 16 часов депутаты от департамента Сена, куда входила столица Франции, формируют Временное правительство во главе с переметнувшимся на сторону республиканцев генералом Л.Ж. Трошю, военным губернатором Парижа. Трошю, сделавший карьеру при Второй империи, в душе всегда оставался орлеанистом и поддерживал контакты с их лидером — А. Тьером.

«Революция свершилась», — так определил смысл событий 4 сентября 1870 г. Окунев⁷.

5 сентября формирование Временного правительства было завершено. Оно назвало себя «правительством национальной обороны», что должно было свидетельствовать о его намерении продолжать войну. В республиканский кабинет во главе с Л.Ж. Трошю вошли: Ж. Фавр, заместитель председателя правительства и министр иностранных дел, Л. Гамбетта (внутренние дела), генерал А.-Ш.-Э. Ле Фло (военный министр), Л.Ж.Э. Пикар (финансы), А. Кремьё (юстиция), Ж. Симон (просвещение) и другие — всего 11 министров.

В подавляющем большинстве в первом составе правительства преобладали республиканцы-левоцентристы. «Это правительство было далеко от той однородности, которой требовали обстоятельства, — отмечает французский историк. — Палитра существовавших в нем мнений — от консерватора Трошю до революционера Рошфора — была достаточно широкой. Да и сами республиканцы не представляли единого блока. Их разделяли конфликты поколений. Еще во времена Империи молодое республиканское поколение начало самоутверждаться против людей 1848 г. Впоследствии к этому добавилось личное соперничество... В сложной военной ситуации республиканцы вынуждены были

⁵ Окунев — Горчакову, 16 августа 1870 г. / Там же. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 117. Л. 221–226.

⁶ Цит. по: *Amson D. Gambetta ou le rêve brisé*. Paris, 1994. P. 178.

⁷ Окунев — Горчакову, 6 сентября 1870 г. / АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 117. Л. 293.

импровизировать, деликатно применяя силу. Это оставит глубокий след в политической жизни страны»⁸.

Ликвидация Второй империи и формирование республиканского правительства завершили однодневную Сентябрьскую революцию во Франции.

После капитуляции под Седаном шансы Франции переломить ход войны в свою пользу казались призрачными, хотя 170-тысячная Рейнская армия маршала А. Базена продолжала удерживать стратегически важную крепость Мец. Тем временем прусские войска, практически не встречая сопротивления, продвигались из Эльзаса и Лотарингии к Парижу, который 19 сентября был взят в кольцо. 23 сентября пруссаки заняли город Туль, а 17 сентября капитулировал гарнизон Страсбурга. Положение становилось угрожающим.

Большинство членов правительства, и прежде всего генерал Трошю, склонялось к тому, что война проиграна. «Когда 4 сентября в Париже я взял в свои руки дело национальной обороны, я, как военный, понимал его политическую безнадежность», — признавался впоследствии Трошю⁹. Он сделает и еще одно важное признание: «Временное правительство, сформированное 4 сентября, было для страны тем же, что правительство Ламартина 25 февраля 1848 г. Оно спасло положение, которое было безнадежным. Оно помещало демагогии взять оборону Парижа в свои руки и тем самым вызвать огромные социальные потрясения по всей Франции»¹⁰.

Из этого следует, что перспектива развития революции пугала Трошю и его коллег по правительству куда больше, чем угроза со стороны Пруссии, с которой необходимо было срочно договариваться о прекращении военных действий. Таким образом, дело национальной обороны было доверено генералу, изначально «не верившего в победу», констатировал видный французский историк конца XIX в. Г. Аното¹¹.

«Правительство национальной обороны, — отмечают современные французские историки, — оказалось перед дилеммой: намерением добиваться перемирия до восстановления порядка и законности и обязанностью власти, которую Париж возложил на него, продолжать сопротивление. Это ложное положение объясняет всю драму осады Парижа, а также вальсы-колебания генерала Трошю, который опасается не столько прусской армии, сколько “демагогии”»¹².

Сделав выбор в пользу примирения с Пруссией, правительство попыталось сохранить территориальную целостность страны, частично уже оккупированной пруссаками. Желая предотвратить угрозу окончательной утраты захваченных противником территорий на востоке страны, было решено обратиться за помощью к великим державам с призывом убедить Пруссию в необходимости немедленного прекращения военных действий на приемлемых для Франции условиях, первейшее из которых — сохранение ее территориальной целостности.

Эта ответственная миссия была возложена на ветерана французской политики 73-летнего А. Тьера, старого либерала-орлеаниста, одного из столпов Июльской монархии, а затем последовательного противника Второй империи. Во Франции вспомнили, что он был одним из 10 членов Законодательного корпуса (245 депутатов), кто 15 июля 1870 г. выступил против объявления войны Пруссии, считая, что Франция не готова к военным испытаниям. Тогда его предостерегающий голос утонул в криках воинственно настроенного парламентского большинства, а в день объявления войны (19 июля) дом «предателя» Тьера в Париже осаждала агрессивно настроенная толпа. Полиции с трудом удалось предотвратить расправу с Тьером и членами его семьи. Теперь же, в сентябре 1870 г., вчерашний «предатель» превратился в «прозорливого оракула».

⁸ Grévy J. La République des opportunistes. 1870—1885. Paris, 1998. P. 11.

⁹ Trochu, général. Op. cit. T. I. P. 332.

¹⁰ Trochu. La Politique et le siège de Paris. Paris, 1872. P. 191.

¹¹ Hanotaux G. Histoire de la France contemporaine (1871—1900). Vol. 1. Paris, 1908. P. 16.

¹² Azéma J.-P., Winock M. La IIIe République. Paris, 1976. P. 60.

В формировавшемся правительстве национальной обороны Тьеру как самому опытному политику, которого знала вся Европа, был предложен пост министра иностранных дел, но он отказался, уступив это место Фавру, не имевшему никакого опыта в международных делах¹³.

Тьер не разделял намерения той группы республиканцев во главе с Гамбеттой, что требовала продолжать войну. Он настаивал на немедленном заключении перемирия, пока пруссаки не подошли к Парижу. Счет буквально шел на дни. Именно по этой причине Тьер и согласился на деликатное поручение — попытаться убедить великие державы подержать Францию в критический для нее момент.

Миссия Тьера осложнялась тем, что пришедший 4 сентября 1870 г. к власти во Франции республиканский режим не обладал в глазах великих держав, и прежде всего Пруссии, необходимой легитимностью. В Берлине даже после капитуляции Седана продолжали считать оказавшегося в плену Наполеона III законным правителем Франции, а в Лондоне, Вене и Петербурге сомневались в устойчивости новой власти в Париже. Тьеру предстояло рассеять эти сомнения и убедить собеседников в прочности правительства национальной обороны, которое он представлял. Поэтому маршрут его дипломатического турне предполагал посещение Лондона, Петербурга, Вены и Флоренции.

Когда Тьер уже находился в Петербурге, Горчаков получил телеграфную депешу от Окунева: 19 сентября он встретился с Фавром, который сказал, что поездка Тьера по европейским столицам имеет двойную цель — внушить доверие к новому правительству в Париже и убедить великие державы оказать посреднические услуги Франции в прекращении злополучной войны с Пруссией. «Цель его (Тьера. — П. Ч.) миссии, — передавал Окунев слова Фавра, — заключается в том, чтобы представить европейским кабинетам объяснения относительно природы и временного характера правительства, подхватившего [в Париже] власть, выпавшую из рук императора Наполеона, разъяснить им намерения этого правительства и убедить их в необходимости как коллективных, так и индивидуальных усилий трех держав, чтобы склонить короля Вильгельма к тому, чтобы сохранить за Францией целостность ее территории, удовлетворившись самой широкой компенсацией за понесенные издержки, которую страна [Франция] готова заплатить ради прекращения войны»¹⁴.

Переговоры Тьера с Горчаковым не оправдали надежд почтенного парижского эмиссара¹⁵. Ему четко дали понять, что Россия, заявившая с началом франко-прусской войны о своем нейтралитете, не намеревалась брать на себя роль посредника в мирном урегулировании между Парижем и Берлином, и посоветовали правительству национальной обороны вступить в прямые переговоры с Бисмарком¹⁶.

Республиканский режим был глубоко чужд русскому самодержавию. К тому же он еще не успел доказать свою жизнеспособность. Поэтому спешить с его признанием и изъявлять готовность к оказанию ему важных политических услуг в Петербурге не торопились,

¹³ Учитывая неопытность Фавра, республиканские власти сохранили на постах в МИД Франции двух ключевых дипломатов бонапартистского режима — графа А. де Шодорди, директора кабинета министра иностранных дел, и Депреза, директора Политического департамента, ставших главными советниками Фавра. См.: *Histoire de la diplomatie française / sous la dir. J.-C. Allain, P. Guillen, G.-H. Soutou, L. Theis, M. Vaïsse. Vol. II. De 1815 à nos jours. Paris, 2005. P. 143.*

¹⁴ Окунев — Горчакову, 21 сентября 1870 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 26—27.

¹⁵ См. подробнее: *Черкасов П. П.* Миссия Адольфа Тьера в Санкт-Петербург (20—22 сентября 1870 г.) // *Россия и Франция. XVIII—XX века. Вып. 13. М., 2020. С. 98—111.*

¹⁶ Безуспешно завершились переговоры Тьера в Лондоне, Вене и Флоренции. Никто не захотел вовлекаться в урегулирование франко-прусского конфликта, советуя напрямую договариваться с Бисмарком.

ориентируясь на тесное взаимодействие с Берлином. Нейтралитет России в начавшейся франко-прусской войне, которую российская дипломатия не смогла предотвратить, как ни старалась¹⁷, оказался благожелательным по отношению к Пруссии.

Вернувшись во Францию, Тьер получил согласие правительства на переговоры с Бисмарком.

Предыдущие переговоры Фавра с министром-президентом, состоявшиеся 19 сентября в Ферьере, окончились безрезультатно. Как ни стремилось правительство национальной обороны поскорее завершить войну, оно не было готово, хотя бы из соображений самосохранения, согласиться на территориальные уступки Пруссии. А именно на этом, прежде всего в Эльзасе и Лотарингии, настаивал Бисмарк, который недвусмысленно дал понять Фавру, что одновременно его представитель ведет переговоры с бежавшей в Англию императрицей Евгенией. В Берлине ее продолжали считать легитимной регентшей, по крайней мере, до тех пор, пока в стране не утвердится новая исполнительная и законодательная власть. А до того времени все контакты с французской стороной расценивались Бисмарком как сугубо предварительные и ни к чему не обязывающие. Подобное поведение министра-президента должно было сделать французских переговорщиков-республиканцев более сговорчивыми.

Фавр после встречи с Бисмарком вернулся ни с чем. Теперь все надежды на скорейшее окончание войны на сколько-нибудь приемлемых условиях правительство связывало с Тьером, уповая на его дипломатический опыт и международный авторитет. Но для этого, как Тьеру дали понять в Петербурге, Франция должна была доказать свою способность к сопротивлению и силой оружия склонить противника на уступки в его непомерных требованиях.

Невероятными усилиями, во многом благодаря энергии Гамбетты, правительству национальной обороны к началу октября 1870 г. удалось сформировать новую армию, в которой вместе с отрядами Национальной и Мобильной гвардии, франтирерами и гарнизонами французских крепостей насчитывалось около 1 млн человек. Этими силами, сведенными в три армии — Луарскую, Северную и Вогезскую, — предполагалось деблокировать столицу.

И в этот критический момент совсем еще слабая Французская республика получила предательский удар в спину. 28 октября 1870 г. маршал Базен, командующий заблокированной в Меце 170-тысячной Рейнской армии, капитулировал после 72-дневной осады. Убеденный бонапартист, Базен не принял провозглашенную 4 сентября республику и отказался подчиняться правительству национальной обороны. Еще в середине сентября он установил тайные контакты с принцем Карлом-Фридрихом, командующим 2-й прусской армии, осаждавшей Мец, об условиях сдачи города-крепости. Главным из них было пожелание Базена позволить его армии с полным вооружением выступить на Париж с целью восстановления свергнутой династии Бонапартов.

Опасаясь непредсказуемых действий Рейнской армии, Карл-Фридрих отказался выполнить это условие и настоял на безоговорочной капитуляции французского гарнизона. В результате самая боеспособная французская армия была нейтрализована и выведена из дальнейшей борьбы. Обстоятельства этого предательства вскроются позднее, когда маршал Базен предстанет перед военным судом¹⁸.

Непосредственным результатом сдачи Меца стало высвобождение крупных немецких соединений, которые были брошены против наспех сформированных французских армий.

Поначалу успех сопутствовал французам. 7 ноября 70-тысячная Луарская армия перешла в наступление и сумела нанести поражение 2-му Баварскому корпусу при Кульме

¹⁷ См. об этом: Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015. С. 344–354.

¹⁸ Procès du Maréchal Bazaine. Rapport. Audiences du premier conseil de guerre. Compte rendu rédigé avec l'adjonction de notes explicatives / sous la dir A. Le Faure. Paris, 1874. См. также: Semur F.-C. L'affaire Bazaine, un maréchal devant ses juges. Paris, 2009.

и даже занять Орлеан, но через месяц она была выбита оттуда после прусского контрнаступления. «В результате поражения Луарской армии под стенами Орлеана и оккупации этого города немецкими войсками армия принца Фридриха-Карла создала угрозу для Тура. [Правительственная] делегация готовится к переезду в Бордо», — сообщал Окунев¹⁹.

К концу сентября 1870 г., помимо окруженного Парижа, прусская армия контролировала департаменты Нижний Рейн и Верхний Рейн (Эльзас), Мез, Мозель, Мерт, Вогезы (Лотарингия) и Арденны, а также три департамента центрального региона Иль-де-Франс — Сена и Уаза, Сена, Сена и Марна. В октябре были захвачены провинции Орлеанэ, Турень и Пикардия; в ноябре — Франш-Конте и Нормандия, в декабре — Мен, Фландрия, Артуа, а в январе 1871 г. — Бургундия. В результате в зоне немецкой оккупации оказалось более трети французской территории с населением свыше 10 млн человек²⁰.

В январе 1871 г. французская Северная армия была разбита у Сен-Кантена (департамент Эна), а Восточная — у Бельфора (Бургундия — Франш-Конте), что усугубило и без того тяжелое положение осажденного Парижа. Начиная с 27 декабря 1870 г. французская столица подвергалась регулярному обстрелу противника из 500 тяжелых орудий. В самом городе обстановка была крайне нестабильной вследствие возникшего продовольственного кризиса и общего недовольства парижан действиями властей. Дважды — 31 октября 1870 г. (как реакция на сдачу Меца) и 22 января 1871 г. — в Париже вспыхивали стихийные восстания, что побуждало правительство к новым уступкам в продолжавшихся мирных переговорах с противником. 23 января Фавр отправился в Версаль, где обговорил с Бисмарком условия сдачи Парижа и последующего перемирия.

26 января 1871 г. после четырехмесячной осады Париж капитулировал, а два дня спустя было подписано перемирие. По условиям соглашения немцам была передана большая часть городских фортов с артиллерией и боеприпасами.

Между тем не только в Париже, но и по всей стране не утихали политические страсти, разбухшие падением монархического режима и провозглашением республики.

Основные события французской политической жизни отражены в донесениях Окунева. Главными заботами правительства национальной обороны, по мнению русского дипломата, были поиски путей скорейшего прекращения войны с минимальными, хотя и неизбежными, потерями, а также стабилизация обстановки внутри страны. При этом Трошю и Фавр еще надеялись на иностранное посредничество между Парижем и Берлином. «В этот кризисный момент, — сообщал Окунев, — Франция, судя по всему, возлагает единственную надежду на благотворное посредничество императора [Александра]. Люди, находящиеся сейчас у власти, проникнуты убеждением, что только наш августейший монарх способен с пользой заступиться за побежденного...

Франция сегодня одержима только одним желанием — получить мир, сохранив целостность своей территории». Ради этого решено было пойти на крайние жертвы: «Насколько я могу судить по конфиденциальным признаниям некоторых членов Временного правительства, там расположены, в случае необходимости, отдать одну из французских колоний в случае, если бы Пруссия об этом попросила»²¹.

Одно из главных препятствий для скорого прекращения войны, по мнению Окунева, заключалось в том, что король Вильгельм продолжал считать находящегося у него в плену Наполеона законным носителем власти и поэтому отказывался от официального признания правительства национальной обороны. По этой причине мирные переговоры он может вести только с теми, кто эту войну начинал, — с императором французов или с регентшей, императрицей Евгенией. Правда, дело осложнялось тем, что оба они находились за пределами Франции и уже не контролировали ситуацию. Потому-то Вильгельм

¹⁹ Окунев — Горчакову, 11 декабря 1870 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 118. Л. 183—183 об. В середине декабря правительственная делегация переехала из Тура в более безопасный Бордо.

²⁰ Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870—1918. М., 1985. С. 41—42.

²¹ Окунев — Горчакову, 21 сентября 1870 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 118. Л. 58 об.—59 об.

и Бисмарк и согласились откликнуться на мирные инициативы Временного республиканского правительства. Однако с самого начала они оговорили два условия: во-первых, Франция должна смириться с неизбежной утратой части своих восточных территорий; во-вторых, любые договоренности будут иметь силу только после легитимации нового режима во Франции, что означало формирование там постоянной исполнительной и законодательной властей. Все это было доведено до сведения эмиссаров Временного правительства — Фавра, а затем Тьера.

Русский дипломат поинтересовался у Шодорди возможностью удовлетворения территориальных требований Пруссии как условия прекращения войны: «Он мне ответил, что если бы такое предложение было сделано, то французское правительство его рассматривало, но он [Шодорди] не думает, что оно было бы принято»²².

Между тем в Петербурге, видя непреклонность Берлина, склонялись к выводу о неизбежности территориальных уступок со стороны Франции. На встрече с французским поверенным в делах маркизом Ж. де Габриаком в конце октября Горчаков прямо дал понять, что в сложившихся обстоятельствах достижение мира возможно только ценой уступок территориальным требованиям Пруссии²³. Подобная позиция не означала сочувствия Петербурга прусским притязаниям. Более того, Бисмарк подозревал Горчакова в защите территориальной целостности и в целом интересов Франции. Поэтому Горчаков предупреждал Окунева в его контактах с Шодорди и другими представителями Временного правительства проявлять крайнюю осторожность, не компрометируя позицию нейтралитета, которой придерживалась Россия²⁴.

В донесениях из Тура, а затем из Бордо Окунев большое внимание уделял анализу текущей внутренней обстановки во Франции. Он интересовался тем, что происходило не только в Париже, но и в провинции, которая в отдельных случаях опережала столицу. Так, Лион и Марсель раньше, чем Париж, потребовали установления в стране республики. В Лионе уже 4 сентября была провозглашена Коммуна, избравшая свои руководящие органы. Этому примеру последовал Марсель.

18 сентября 1870 г. Лион, Марсель, Гренобль и Монпелье образовали Южную Лигу в защиту Республики, которая отвергла имперскую централизацию, обнаружив автономистские и федералистские устремления. Это вызвало понятную озабоченность у правительства национальной обороны. Гамбетта поспешил осудить подобные настроения, угрожавшие целостности государства²⁵.

Другую серьезную угрозу устойчивости своей власти правительство видело в радикализации населения крупных городов. Первые тревожные сигналы последовали в конце октября 1870 г., когда практически одновременно в Париже, Марселе, Тулузе и Сент-Этьене вспыхнули рабочие восстания, которые, правда, быстро удалось подавить. Но очаги недовольства продолжали тлеть и вскоре разгорелись с новой силой (восстание 21–22 января 1871 г. в Париже), достигнув своего апогея в марте 1871 г. с провозглашением Парижской коммуны.

Все это отмечал Окунев, сообщавший о тревожных признаках дезорганизации, анархии и сепаратизма в воюющей стране с пока еще не оформившейся политической системой.

Не остались незамеченными русским дипломатом и внутренние разногласия в самом республиканском правительстве, разбавленном орлеанистами. Эти разногласия проявились с самого начала деятельности правительства: «С тех пор подобного рода симптомы проявляются все более очевидно. Комиссия, заседающая в парижской ратуше, успела

²² Окунев — Горчакову, 15 октября 1870 г. // Там же. Л. 77 об.—78.

²³ Об этом разговоре Окунева проинформировал Шодорди, получивший шифрованную телеграмму из Петербурга: Окунев — Горчакову, 31 октября 1870 г. // Там же. Л. 122.

²⁴ Горчаков подчеркивал: «Вам приписывают квази-обещания оппозиции с нашей стороны территориальной уступки, которой добивается Пруссия. Зная Вашу осторожность, я не верю в это. Однако Бисмарк жаловался на поведение наших агентов в Туре и Париже»: Горчаков — Окуневу, 14 ноября 1870 г. // Там же. Д. 119. Л. 93.

²⁵ *Démier F. La France du XIXe siècle. 1814–1914. Paris, 2000. P. 292.*

растерять всякий авторитет, и столица фактически оказалась во власти вооруженных горожан.

Сформированные в Париже батальоны Мобильной гвардии охвачены духом неподчинения и отказываются выполнять свои обязанности, что проявляется на каждом шагу. Отряды Мобильной гвардии, прибывшие в столицу из различных провинций, отличаются лучшей дисциплиной, но у них, как и у парижских гвардейцев, отсутствует необходимая подготовка. И вот этой-то плохо организованной милиции доверена оборона земляных валов, опоясывающих город.

Что касается линейных войск, деморализованных чередой неудач, то они обеспечивают защиту фортов. Таковы сомнительные ресурсы, которыми располагает генерал Трошю в противостоянии противнику, осадившему город. Говорят, что общая численность защитников [Парижа] составляет 280 тысяч человек, из которых только 60 тысяч принадлежат к линейным войскам»²⁶.

Не менее тревожная обстановка наблюдалась и в провинции. «Если в Париже Временное правительство чувствует себя неуверенно, то в провинции его власть тем более призрачна», — сообщал Окунев из Тура²⁷. «В Лионе, — писал он в тот же день, но в другой депеше, — Комитет общественного спасения поднял красный флаг над зданием ратуши и оспаривает властные полномочия у префекта, который не в состоянии положить конец анархии. В Марселе, Бордо и в других департаментских центрах правительственная администрация также дезорганизована. Если дело еще не дошло до открытых конфликтов, то это объясняется только озабоченностью общества интересами национальной обороны, которая поглощает все его мысли»²⁸.

Месяц спустя Окунев фиксирует все тот же высокий градус социальной напряженности: «Анархия сохраняется в Марселе, Лионе и Тулузе. Социалистическая партия продолжает свое разрушительное дело в трех крупных городах. Правительство не в состоянии навести порядок. Население Юга, находящееся под сильным влиянием “Интернационала” и других тайных обществ, начинает обнаруживать сепаратистские тенденции. Правительство стремится противодействовать этому всеми средствами, которые есть в его распоряжении, но до настоящего момента результаты этих усилий остаются ничтожными...

В армии и вспомогательных частях по-прежнему не хватает дисциплины, неразбериха царит в поставках вооружений и боеприпасов, а также в управлении войсками»²⁹.

Наибольшее беспокойство у русского дипломата вызывал юг Франции, где безраздельно «доминировала республиканская партия». Окунев не исключал, что именно этот район станет очагом гражданской войны. Даже Гамбетта, располагавший наибольшим из всех членов правительства влиянием на массы, как писал Окунев, не осмелился ни распустить Лионскую коммуну, ни даже заставить ее убрать красный флаг со здания ратуши, «опасаясь спровоцировать кровопролитие»³⁰.

Осознание всех этих проблем, а также потенциальная угроза национального социального взрыва толкали правительство к большей уступчивости Бисмарку, который категорично настаивал на отторжении у Франции части ее восточных территорий и выплате огромной контрибуции. Подавляющее большинство министров (сам Трошю, Фавр и др.) были настроены на скорейшее заключение мира; меньшинство во главе с Гамбеттой настаивало на продолжении борьбы до победы над врагом. Окунев даже подозревал Гамбетту в диктаторских устремлениях: «Со времени своего прибытия в Тур Гамбетта постепенно сосредоточил в своих руках все полномочия. Окруженный коллегами, которым не хватает энергии и инициативности, он сумел навязать им свой авторитет и, как представляется, стал на сегодняшний день подлинным диктатором Франции». Гамбетта,

²⁶ Окунев — Горчакову, 21 сентября 1870 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 118. Л. 41—42.

²⁷ Там же. Л. 42 об.

²⁸ Там же. Л. 42 об.— 43.

²⁹ Окунев — Горчакову, 25 октября 1870 г. // Там же. Л. 118 об.—119 об.

³⁰ Окунев — Горчакову, 12 января 1871 г. // Там же. Д. 93. Л. 25—25 об.

по определению Окунева, символизирует в Турской делегации «продвинутую демократию» (*démocratie avancée*), в отличие от своих коллег, придерживающихся более умеренных взглядов³¹.

Легитимность нового политического режима в первую очередь в глазах противника, диктующего условия прекращения войны, напрямую зависела от формирования во Франции законодательной и исполнительной властей, которые имели бы национальный мандат доверия. Только после этого молодая французская республика могла рассчитывать на заключение мирного договора, а затем и на полноценное международное признание³². Со всей очевидностью вставал вопрос о выборах Учредительного (Национального) собрания. Решение об этом Временное правительство приняло уже через три недели после своего создания. Первоначально выборы были назначены на 16 октября 1870 г., но быстрое продвижение немецких войск по французской территории побудило правительство выбрать другую дату — 2 октября. Однако вскоре стало ясно, что ни новые власти, ни страна, частично оккупированная противником, не готовы к выборам.

Обо всем этом российский поверенный в делах сообщал в Петербург. «Тяжелая миссия восстановления законности власти во Франции путем формирования постоянно действующего правительства возлагается на Учредительное собрание, выборы в которое были назначены на середину октября, но затем отсрочены... Бисмарк считает, что нынешнее правительство, лишенное законной власти, не имеет полномочий на ведение переговоров, и настаивает на необходимости как можно быстрее учредить беспорочное представительство. В обстановке царящего здесь всеобщего беспорядка неизвестно, когда Учредительное собрание смогло бы начать работу. Не ясно и то, как проводить выборы в департаментах, оккупированных врагом. Правительство, которое только что распорядилось об организации выборов, само пребывает в неведении о том, что ему делать»³³.

Намерение правительства провести парламентские выборы не было реализовано ни в октябре, ни в последующие три месяца. Дело сдвинулось только после капитуляции Парижа и подписания 28 января 1871 г. в занятом пруссаками Версале перемирия. А за 10 дней до этого, 18 января, в Зеркальной галерее Версальского дворца была провозглашена Германская империя, а прусский король Вильгельм I — ее императором.

Одно из условий перемирия предписывало Временному правительству проведение выборов в Национальное собрание до середины февраля 1871 г. Только после этого Германия соглашалась на подписание прелиминарного мирного договора, но уже с новым французским правительством, которое имело бы национальный мандат доверия. При этом победившая сторона дала проигравшей всего три недели для организации выборов. Положение осложнялось тем, что почти половина территории Франции (43 департамента) была оккупирована противником. Неизвестно было и количество беженцев, вынужденных покинуть свои дома в ходе военных действий. Кто-то из них попал в избирательные списки, но большинство — нет.

Все это означало, что никакой «избирательной кампании не будет»³⁴, а полученные на выборах результаты априори нельзя считать в полной мере достоверными. Выдвижение кандидатов в депутаты проходило в спешке, избирателям трудно и некогда было разбираться в программах претендентов на места в Национальном собрании, тем более что никто из них не выступал тогда, во всяком случае открыто, против республиканского режима. Единственно, что еще можно было понять, — призывает ли кандидат к продолжению войны или настаивает на скорейшем заключении мира. Как показали результаты

³¹ Окунев — Горчакову, 14 ноября 1870 г. // Там же. Л. 157—158 об.

³² Когда 20 января 1870 г. Шодорди проинформировал Окунева, что Габриаку поручено добиваться в Петербурге официального признания правительства национальной обороны, русский дипломат ответил, что «переходный характер» этого правительства исключает такое признание. См.: *Антохина-Московченко В.И.* Указ. соч. С. 55.

³³ Окунев — Горчакову, 21 сентября 1870 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 118. Л. 42—43 об.

³⁴ *Rémond R.* La vie politique en France 1848—1879. Paris, 2005. P. 275.

голосования, большинство избирателей, уставших от невзгод последних шести месяцев, хотели бы прекращения войны.

Внимательно следивший за скоротечной избирательной кампанией Окунев, сообщал: «Голосование происходило в условиях самых неблагоприятных для дела, ради которого оно было задумано». Тем не менее «оно обеспечило блестящую победу консервативной партии». Этот успех в решающей степени, по мнению Окунева, был достигнут благодаря поддержке консерваторов крестьянами-собственниками, уставшими от тягот войны и сделавшими выбор в пользу «умеренных кандидатов с пацифистскими устремлениями». Социалисты и другие радикалы были поддержаны только в крупных городах и не смогли получить большинство в собрании. Что касается бонапартистов, то их результаты были совсем скромными³⁵.

Русский дипломат правильно оценил роль крестьянства в победе консерваторов на февральских выборах в Национальное собрание. Крестьянство было одной из опор бонапартистского режима, а после его крушения стало такой же опорой для монархистов и умеренных республиканцев. Не случайно эпитет «деревенский» (*rural*) для левых республиканцев и социалистов в 1871 г. стал синонимом косности и реакционности. «Деревенское большинство позорит Францию», — заявил Г. Кремьё, руководитель Марсельской коммуны, член Первого интернационала³⁶.

Выборы, состоявшиеся 8 февраля 1871 г., принесли ожидаемую победу сторонникам мира, в подавляющем большинстве — консерваторам. Из 645 избранных депутатов от метрополии более 400 оказались явными или скрытыми монархистами — орлеанистами (214 депутатов), легитимистами (180) и бонапартистами (20). Республиканцы получили в Национальном собрании 150 мест. При этом республиканское меньшинство, как и монархическое большинство, не было сплоченным. По большей части это были умеренные республиканцы, настаивавшие на заключении мира. 40 депутатов-республиканцев придерживались более радикальных взглядов, выступая за продолжение войны. 80 депутатов-«либералов», не имевших четкой политической платформы, могли быть отнесены к левому центру; они будут постоянно лавировать между монархистами и республиканцами³⁷.

Подлинным триумфатором на выборах стал Тьер, победивший в 26 департаментах, что подтвердило его репутацию самого авторитетного политика во Франции. Поэтому ни для кого не стало сюрпризом, когда 17 февраля 1871 г. собравшийся в Туре парламент избрал Тьера «главой исполнительной власти Французской республики» до принятия новой конституции. Он сформировал коалиционное правительство, в которое вошли три монархиста-легитимиста, два монархиста-орлеаниста и два республиканца. Фавр (республиканец) сохранил в новом правительстве ключевой в тот момент пост министра иностранных дел. Ему предстояло завершить переговоры с Бисмарком и подписать окончательный мирный договор.

Стремясь сохранить единство создавшейся правоцентристской коалиции, Тьер 10 марта выступил с заявлением, в котором зафиксировал принципиальную договоренность между монархистами и республиканцами о том, что окончательное решение вопроса о политическом режиме во Франции будет принято после заключения мирного договора с Германией. Этот компромисс между двумя самыми крупными фракциями в Национальном собрании получил название «Бордоского пакта» или «Пакта Бордо» (по месту его принятия). Одновременно 10 марта был принят декрет о предстоящем переезде Национального собрания из Бордо в Версаль.

³⁵ Окунев — Горчакову, 15 февраля 1871 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 93. Л. 79–82 об.

³⁶ Цит. по: *Démier F.* Op. cit. P. 293. Г. Кремьё доводился родственником А. Кремьё. Заступничество последнего не спасло Г. Кремьё от смертного приговора: 30 ноября 1871 г. он был расстрелян в Марселе.

³⁷ См.: *Azéma J.-P., Winock M.* Op. cit. P. 66.

Как только стало известно о формировании правительства Тьера, оно было немедленно признано Англией, Австро-Венгрией и Италией. Лорд Лайонс, князь Меттерних и граф Нигра посетили Тьера и сообщили ему эту новость.

И Петербург отреагировал на избрание Тьера. Уже 17 февраля Горчаков направил «главе исполнительной власти» по телеграфу приветственное письмо, подчеркнув выдающиеся заслуги ветерана французской политики, его «гражданское мужество и настоящий патриотизм»³⁸. Посетивший Тьера с поздравлениями русский поверенный в делах, среди прочего, поинтересовался у нового главы правительства, считает он свое правительство временным или регулярным? Тьер ответил, что его правительство не может считаться временным, так как оно сформировано свободно избранным Национальным собранием, располагающим доверием нации³⁹.

21 февраля Окунев получил телеграмму Горчакова, разрешающую ему «вступить в официальные отношения с правительством, утвержденным Национальным собранием Франции». 22 февраля Окунев письменно известил Фавра о решении императора Александра II официально признать республиканскую Францию. «Прошу Вас, господин министр, быть уверенным в том, — добавил от себя русский поверенный в делах, — что я буду прилагать все усилия для установления добрых отношений между нашими правительствами, как и личных отношений между нами»⁴⁰. Официальное признание ставило в повестку дня вопрос о взаимном обмене послами между Россией и Францией⁴¹.

23 февраля в личном письме Тьер поблагодарил Горчакова за признание своего правительства. Одновременно он воспользовался случаем, чтобы посетовать на грабительские условия мира, навязываемые Бисмарком: «Представьте, от нас требуют выплаты шести миллиардов. Если к этому добавить еще три миллиарда, в которые нам обошлась нынешняя война, то речь идет о девяти миллиардах. Возможно ли найти единовременно девять миллиардов, и можно ли представить, чтобы какая-либо страна, даже богатая, была бы в состоянии выполнить такие требования? Для этого не хватило бы и совокупного кредита Европы.

Я Вас искренне прошу направить в Версаль своих представителей, если Вы не хотите, чтобы в центре Европы вновь разгорелся пожар. Если бы Франция отказывалась от всякой жертвы, Вы имели бы полное право не одобрить нас, но в нынешних условиях вся Европа должна настаивать на том, чтобы нас не подталкивали к отчаянным решениям.

Я рассчитываю на чувства, которые Вы [всегда] проявляли к Франции и ко мне лично», — завершил свое отчаянное обращение Тьер⁴².

Своего представителя-посредника Александр II и Горчаков в Версаль, разумеется, не отправили, продолжая считать, что Франция и Германия должны сами договориться об условиях мира. В то же время Петербург приложит усилия к тому, чтобы убедить Бисмарка смягчить его чрезмерные требования к побежденному противнику.

Мир любой ценой — такова была первейшая задача главы исполнительной власти. Получив мандат доверия, Тьер отправляется в Версаль, где вступает в тяжелые переговоры с Бисмарком. Весь свой талант переговорщика он употребил на то, чтобы минимизировать неизбежный ущерб для своей униженной страны. Бисмарк, ощущая себя хозяином

³⁸ Проект письма Горчакова с резолюцией Александра II «Быть по сему» см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 47. Л. 7–8 об.

³⁹ Окунев — Горчакову, 20 февраля 1871 г. // Там же. Д. 93. Л. 90 об.—92 об.

⁴⁰ Окунев — Горчакову 22 февраля 1871 г. // Там же. Л. 100 об.

⁴¹ Габриак уже 2 марта уведомил Горчакова о назначении герцога де Ноайля послом в России. При этом он добавил, что герцог вынужден повременить с отъездом в связи со своей женитьбой. Однако назначенный посол в Петербург так и не придет — «по состоянию здоровья», как позднее это объяснит Фавр. Вместо него в Россию отправится дивизионный генерал Ле Фло. См.: Габриак — Горчакову 2 марта и 30 мая 1871 г. // Там же. Д. 46. Л. 8, 25.

⁴² Письмо было передано по телеграфу Габриаку, который в тот же день вручил его Горчакову. См.: Там же. Д. 47. Л. 2–5.

положения, упорствовал и не желал идти на уступки. Единственно, что удалось добиться Тьеру, так это сокращения суммы репараций с 6 до 5 млрд фр. Здесь ему помогло содействие Александра II, рекомендовавшего кайзеру не давить чрезмерно на поверженную Францию. В то же время Тьеру пришлось смириться с неизбежностью утраты Эльзаса и Восточной Лотарингии и даже согласиться на временную оккупацию германскими войсками некоторых районов Парижа. 26 февраля 1871 г. Тьер и Бисмарк подписали в Версале прелиминарный мирный договор.

Теперь Национальному собранию предстояло ратифицировать подписанное соглашение. Обсуждение этого важного вопроса состоялось 1 марта. С самого начала определился расклад сил. Против ратификации решительно высказались представители оккупированных восточных провинций — Эльзаса и Лотарингии, а также депутаты от блокированного немцами Парижа — В. Гюго, Э. Кине, Л. Блан и др. Однако число патриотов в Национальном собрании было несопоставимо с количеством депутатов-«пацифистов». Версальские прелиминарии были одобрены 546 голосами. Против — 107 депутатов, воздержались — 23. Непосредственным следствием этого голосования стала демонстративная отставка группы депутатов-патриотов — В. Гюго, Б. Малона, Ф. Пиа, А. де Рошфора и др. Еще раньше, 5 февраля, в знак протеста против сдачи Парижа и последовавшего за этим заключения перемирия из состава правительства вышел Гамбетта, главный поборник и организатор национальной обороны.

Ответом на ратификацию Национальным собранием прелиминарного мира стало патриотическое восстание в столице Франции. Поводом к вооруженному выступлению парижан стала попытка правительства в ночь на 18 марта разоружить Национальную гвардию (60 тыс. человек, 227 орудий), защищавшую Париж во время осады его пруссаками, и ввести в столице осадное положение с вытекающими из этого ограничениями свобод.

О намерении правительства Тьера разоружить Национальную гвардию Окунев сообщал Горчакову еще 9 марта. По мнению русского дипломата, вооружение, имевшееся в распоряжении Национальной гвардии, представляло «опасность для всеобщего спокойствия», поэтому правительству «надлежит, прежде всего, восстановить порядок, опасно разрушенный шестью месяцами анархии»⁴³.

Особое возмущение парижан вызвали слухи о намерении Национального собрания и правительства Тьера перенести столицу из Парижа в Версаль, куда 18 марта бежали депутаты и министры после неудачной попытки арестовать руководство Национальной гвардии. В Версале Тьер начал собирать верные правительству войска для последующего похода на Париж. «Концентрируя войска в Версале и переведя туда правительство, — докладывал Окунев, — Тьер сохранил армию и предотвратил возможность нового 24 февраля»⁴⁴. Именно благодаря этой своевременно проведенной эвакуации революция, совершившаяся в Париже, впервые оказалась не в силах свергнуть правительство и не стала революцией общенациональной»⁴⁵.

Именно тогда появилось определение «версальцы» применительно к правительству Тьера. В тот же день, 18 марта, в Париже вспыхнуло восстание. Власть в столице перешла к Центральному комитету Национальной гвардии. Над ратушей Парижа было поднято красное знамя.

Комментируя спешный отъезд депутатов и членов правительства из Парижа в Версаль под защиту германских оккупационных войск, Окунев в то же время отмечал ненадежность подразделений французской армии, имевшихся тогда в распоряжении Тьера (не более 12–15 тыс. человек): «Армия стараниями Интернационала полностью дезорганизована и деморализована, часть войск с оружием перешла на сторону восставших...

⁴³ Окунев — Горчакову, 9 марта 1871 г. // Там же. Д. 93. Л. 121–121 об.

⁴⁴ 24 февраля 1871 г. в Париже был избран временный Центральный комитет столичной Национальной гвардии.

⁴⁵ Окунев — Горчакову, 21 марта 1871 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 93. Л. 156.

Национальное собрание и правительство хотели бы действовать более энергично, но они не рискуют атаковать Париж, не будучи уверенными в своей армии»⁴⁶.

Здесь Тьер рассчитывал на содействие Германии, в частности на освобождение французских военнопленных, которыми глава правительства намеревался усилить свою армию.

26 марта в Париже состоялись выборы в Коммуну, в них приняли участие 229 тыс. избирателей из 485 тыс. зарегистрированных в столице (многие избиратели из числа состоятельных горожан покинули город, опасаясь начавшихся еще в октябре-ноябре 1870 г. беспорядков). В состав Парижской коммуны вошли 86 человек (служащие, врачи, журналисты, рабочие)⁴⁷.

В конце марта по примеру Парижа революционные коммуны были провозглашены в Лионе, Марселе, Тулузе и некоторых других городах Франции, но они продержались всего несколько дней. Парижская коммуна сформировала девять исполнительных комиссий — военную, финансовую, внешних сношений, юстиции, общественной безопасности, трудовую и др.

Любопытно, что руководство Коммуны уполномочило главу Комиссии внешних сношений П. Груссе обратиться к членам иностранного дипломатического корпуса, перебравшегося в Версаль, с призывом к их правительствам признать новую власть в Париже. Подобное обращение (ноту) получил и Окунев, которого Груссе, видимо по незнанию, именовал послом: «Господин посол, я, нижеподписавшийся, член Парижской коммуны и ее делегат по внешним сношениям, имею честь нотифицировать Вам о создании Коммунального правительства Парижа. Прошу Вас довести об этом до сведения Вашего правительства и пользуюсь этим случаем, чтобы выразить желание Коммуны укрепить братские связи, которые объединяют народ Парижа и русский народ»⁴⁸.

Разумеется, подобное обращение не было принято во внимание. Оно просто было проигнорировано как Окуневым, так и его коллегами по иностранному дипломатическому корпусу.

16 апреля после выхода из Коммуны 16 консервативно настроенных членов состоялись дополнительные выборы, в результате которых состав Коммуны существенно радикализировался. Неоднородный в социально-политическом отношении состав Коммуны изначально определил свойственные ей внутренние противоречия как по программным установкам, так и по вопросам стратегии и тактики. В результате нараставшего партийного размежевания в Коммуне сформировались две соперничающие фракции — якобинско-бланкистская и прудонистско-бакунинская. Первая склонялась к революционной диктатуре и террору; вторая отстаивала демократические принципы и легальные методы управления. Внутренние противоречия нашли отражение и в программе Коммуны, отличавшейся непоследовательностью.

Тем не менее путем компромиссов удалось согласовать несколько основных принципов — демократическая республика, уважение частной собственности, децентрализация государственного управления через широкую автономию общин (коммун), замена регулярной армии народным ополчением (милицией), роспуск полиции, выборность, сменяемость и отчетность чиновников, отделение церкви от государства, обязательное светское начальное образование, справедливая организация труда и т.д. Среди конкретных

⁴⁶ Окунев — Горчакову, 21 марта 1871 г. // Там же. Л. 144.

⁴⁷ Парижской коммуне посвящена обширная литература. См.: Парижская Коммуна 1871 г. / под ред. Э.А. Желубовской, А.З. Манфреда, А.И. Молока, Ф.В. Потемкина. М., 1961; *Soria G. Grande histoire de la Commune*. Vol. 1–5. Paris, 1970–1971; *Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И.* О Парижской коммуне. М., 1971; *Dinesen W. Paris sous la Commune*. Paris, 2003; *Amicabile A. La Commune de Paris*. Toujours vivante! Paris, 2009; *Broche H., Pivot S. La Commune démystifiée*. Paris, 2012; *Bidouze F. La Commune de Paris, 18 mars — 28 mai 1871. Une tragédie franco-française*. Pau, 2014; *Deluermoz Q. Commune(s), 1870–1871. Une traversée des mondes au XIXe siècle*. Paris, 2020; *Rougerie J. La Commune de 1871*. Paris, 2021; *Winock M., Azéma J.-P. Les Communards*. Paris, 2021.

⁴⁸ Цит. по: *Антохина-Московченко В.И.* Указ. соч. С. 77.

мер, которые успела принять Коммуна в защиту малоимущих, — списание задолженности по квартирной плате, безвозмездное возвращение из ломбардов заложенных вещей, рассрочки на три года по коммерческим кредитам, ограничение ночного труда, введение минимума заработной платы.

Приняв решение о сносе Вандомской колонны как символа бонапартизма и милитаризма, Коммуна, испытывавшая острую нехватку денежных средств, не осмелилась конфисковать (национализировать) огромные (до 3 млрд фр.) резервы Французского банка. Этому воспротивились сторонники «священного права» частной собственности. Другой ее ошибкой стала пассивно-оборонительная тактика перед лицом правительства Тьера, укрывшегося в Версале.

Имея первоначальное военное преимущество перед «версальцами», Коммуна дала возможность Тьеру договориться с Бисмарком и германским военным командованием об освобождении 60 тыс. французских военнопленных, составивших основу спешно формирувавшейся «Версальской армии» во главе с маршалом Мак-Магоном. К 20-м числам мая численность этой армии была доведена до 130 тыс. человек.

Этому предшествовал конфликт между Тьером и Бисмарком из-за неспособности французского правительства покончить с Коммуной и ускорить подписание мирного договора. Бисмарк использовал это обстоятельство для усиления давления на Тьера с тем, чтобы добиться от него новых уступок. Если правительство Франции не способно само подавить Коммуну, давал понять Бисмарк, то Германия, желающая «защитить свои интересы», готова направить свою армию на революционный Париж. Подобная перспектива никак не устраивала Тьера, озабоченного проблемой престижа своего правительства в глазах только что признавшей его Европы.

Поэтому Тьер решил в очередной раз обратиться за содействием к России, учитывая особые отношения Петербурга с Берлином. К тому же другие европейские державы проявляли безучастность к судьбе униженной Франции. Тьер действовал здесь по двум каналам. Он лично встретился с Окуновым, которому изложил свою обеспокоенность в отношении требований Бисмарка, а одновременно через Фавра (телеграмма от 3 мая 1871 г.), последний поручил Габриаку заручиться поддержкой Горчакова: «Мы просим у Пруссии вернуть нам наших пленных и позволить нам пройти через Сен-Дени, что дало бы нам возможность войти в Париж без штурма. Но она [Пруссия] хочет вступить туда вместе с нами и раздражается, когда мы отклоняем это предложение... Мы лояльно и энергично хотим мира и жесткого подавления восстания. Чтобы доказать нашу искренность, мы предлагаем немедленно превратить прелиминарный мир в окончательный... Вот вопросы, в которых официальное и благожелательное вмешательство России может нам помочь»⁴⁹.

Александр II счел просьбу Тьера вполне уместной. Он поручил Горчакову срочно связаться с Бисмарком и убедить его ослабить давление на Тьера, и без того находящегося в трудном положении. 4 мая Фавр выехал во Франкфурт для переговоров с германским канцлером, а 7 мая он получил шифрованную телеграмму от Габриака из Петербурга: «Россия сделала и сделает все от нее зависящее, чтобы добиться от Пруссии предоставления вам необходимых облегчений для подавления восстания... Его Величество [Александр II] говорил в этом смысле с князем Рейсом [германским послом в Петербурге] и дал приказ своему представителю в Берлине поддержать наши просьбы»⁵⁰.

В результате российского посредничества командование германских оккупационных войск, контролировавших северные предместья французской столицы, согласилось пропустить армию Мак-Магона к городским окраинам и позволить ей взять Париж в плотное кольцо.

21 мая развернулась карательная операция по «зачистке» столицы Франции. На исходе дня 22 мая Габриак переслал Горчакову полученную из Версаля телеграмму: «Армия

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 46. Л. 18.

⁵⁰ Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года. М.; Л., 1933. С. 131, 135, 149.

вошла в Париж. Мы контролируем район Трокадеро, площадь Триумфальной арки, Военной школы [Ecole militaire] и ряд других важных пунктов»⁵¹.

Кровопролитные уличные бои с применением артиллерии продолжались 21–28 мая, получив название «Кровавой недели». Обе стороны проявляли при этом крайнюю жестокость. Коммуна в это время привела в действие принятый еще 5 апреля в обстановке острых разногласий Декрет о заложниках, по которому за неделю было расстреляно 47 человек (по другим данным — до 100 человек), среди них — Ж. Дарбуа, архиепископ Парижский. В ходе ожесточенных уличных боев серьезно пострадали многие исторические здания в центре Парижа — Тюильри, Пале-Рояль, ратуша, Дворец правосудия, библиотека Лувра, Дворец Почетного легиона и др. В боях погибло до 7,5 тыс. коммунаров. Последним их оплотом стало кладбище Пер-Лашез, у стены которого «версальцами» были проведены показательные расстрелы. «Это грозное восстание на сегодняшний день окончательно подавлено, — сообщал Окунев. — Завершающие сражения были особенно кровопролитными. Понимая, что проигрывают, повстанцы оказывали [правительственным] войскам яростное сопротивление, неся значительные потери. Большая часть их погибла на месте. Взятые в плен были сосредоточены в квартале, прилегающем к Ратуше, и в здании театра Шатле, или расстреляны. Незначительное число пленных были отправлены в Версаль. Пока еще трудно оценить общее количество погибших мятежников, но эта цифра должна быть большой...

С позавчерашнего дня происходит разоружение парижского населения. До настоящего момента это происходит спокойно, не встречая сопротивления. Завершая этот отчет, счастлив сообщить Вашему превосходительству, что церковь Императорского посольства (храм Св. Александра Невского на ул. Дарю. — П. Ч.) не пострадала, здание полностью сохранно»⁵².

Революционные события в Париже с тревогой были встречены в официальном Петербурге, где возродились сомнения в устойчивости правительства Тьера. «Ничто не могло быть столь фатальным для дела нашей страны, как восстание в Париже, — сообщал Фавру Габриак. — ...Я знаю, что князь Горчаков был сильно обескуражен, получив эти сведения от господина Окунева. Нет никакого сомнения, что под влиянием этого связь между Пруссией и Россией станет теснее»⁵³. Подавление Парижской коммуны вернуло доверие Горчакова к правительству Тьера.

Восстание в Париже подорвало было и франкофильские настроения в великосветском петербургском обществе, где никогда не одобряли прусскую ориентацию политики Александра II и Горчакова. Поэтому там приветствовали «восстановление порядка» во Франции.

Коммуна в Париже еще держалась, когда во Франкфурте-на-Майне 10 мая 1871 г. был подписан окончательный мирный договор между Германией и Францией. Франкфуртский мир в основном повторил условия Версальского прелиминарного соглашения. Единственно, что удалось Тьеру выторговать у Бисмарка, так это сохранить за Францией небольшую территорию в районе Бельфора в восточной части страны. В остальном продиктованные Германией условия были тяжелыми и унижительными. Франция обязывалась выплатить 5-миллиардную контрибуцию (с дополнительными 3% годовых) до марта 1874 г., а также взять на себя все расходы по содержанию германских оккупационных войск, оставшихся на ее территории до полной выплаты контрибуции.

Комментируя последующую процедуру ратификации мирного договора в Национальном собрании, Окунев сообщал из Версаля: «Зачитывание министром иностранных дел текста договора происходило в глубокой тишине. И лишь одна статья (12-я)⁵⁴, касающаяся проживания германских подданных во Франции, вызвала всеобщий ропот. Эта деталь

⁵¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 46. Л. 20.

⁵² Окунев — Горчакову, 30 мая 1871 г. // Там же. Д. 93. Л. 290–291 об.

⁵³ Цит. по: Шнейерсон Л.М. Указ соч. С. 237.

⁵⁴ Статья 12-я Франкфуртского мирного договора гарантировала германским подданным, пострадавшим в ходе войны, гражданские и имущественные права во Франции, включая возвращение им реквизированных и восстановление разрушенных домов, а также компенсацию хозяйственного ущерба.

кажется мне заслуживающей внимания, потому что она выявляет всю степень национального негодования, которое война оставила в стране»⁵⁵.

События первой половины 1871 г. — избрание Национального собрания, формирование правительства Тьера, подавление Парижской коммуны и подписание Франкфуртского мира — подвели символическую черту под начальным периодом истории Третьей Французской республики. Однако наличие в Национальном собрании первого созыва монархического большинства обещало новые испытания для молодой, еще не окрепшей республики.

В это же время определилось отношение Российской империи к республиканской Франции, получившей признание официального Санкт-Петербурга, где тем не менее еще не были уверены в устойчивости республиканского строя во Франции.

Библиография / References

- Антюхина-Московченко В.И.* Третья республика во Франции. 1870—1918. М., 1985.
- Желубовская Э.А.* Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.
- Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года. М.; Л., 1933.
- Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856—1870). М., 2015.
- Черкасов П.П.* Миссия Адольфа Тьера в Санкт-Петербург (20—22 сентября 1870 г.) // Россия и Франция. XVIII—XX века. Вып. 13. М., 2020. С. 98—111.
- Шнеерсон Л.М.* Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-пруских и русско-французских отношений в 1867—1871 гг. Минск, 1976.
- Antukhina-Moskochenko V.I.* Tret'ia respublika vo Frantsii [The Third Republic in France]. 1870—1918. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Aleksandr II i Napoleon III. Nesostoiavshisiiia soiuz [Alexander II and Napoleon III. The failed Union] (1856—1870). Moskva, 2015. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Missiia Adol'fa T'era v Sankt-Peterburg (20—22 sentiabria 1870 g.) [The mission of Adolphe Thiers to St. Petersburg (September 20—22, 1870)] // Rossiia i Frantsiia. XVIII—XX veka [Russia and France. 18th—20th centuries]. Vyp. 13. Moskva, 2020. S. 98—111. (In Russ.)
- Shneerson L.M.* Franko-prusskaia voina i Rossiia. Iz istorii russko-prusskikh i russko-frantsuzskikh ot-noshenii v 1867—1871 gg. [The Franco-Prussian War and Russia. Russian Russian-Prussian and Russian-French relations in 1867—1871]. Minsk, 1976. (In Russ.)
- Tsarskaia diplomatiia i Parizhskaia Kommuna 1871 goda* [Tsarist diplomacy and the Paris Commune of 1871]. Moskva; Leningrad, 1933. (In Russ.)
- Zhelubovskaia E.A.* Krushenie Vtoroi imperii i vznikenovanie Tret'ei respubliki vo Frantsii [The collapse of the Second Empire and the emergence of the Third Republic in France]. Moskva, 1956. (In Russ.)
- Amson D.* Gambetta ou le rêve brisé. Paris, 1994.
- Azéma J.-P., Winock M.* La IIIe République. Paris, 1976.
- Démier F.* La France du XIXe siècle. 1814—1914. Paris, 2000.
- Favre J.* Gouvernement de la Défense nationale [du 30 juin 1870 au 28 juillet 1871]: en 3 vol. Paris, 1871—1875. Vol. 1. Du 30 juin au 31 octobre 1870. Journée du 4 septembre, entrevue de Ferrières, organisation de la défense, délégation de Tours, journée du 31 octobre. 1871.
- Grévy J.* La République des opportunistes. 1870—1885. Paris, 1998.
- Hanotaux G.* Histoire de la France contemporaine (1871—1900). Vol. 1. Paris, 1908.
- Rémond R.* La vie politique en France 1848—1879. Paris, 2005.
- Trochu, général.* Œuvres posthumes. T. 1. Tours, 1896.
- Trochu.* La Politique et le siège de Paris. Paris, 1872.

⁵⁵ Окунев — Горчакову, 15 мая 1871 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 93. Л. 273 об.

DOI: 10.31857/S013038640028927-7

© 2023 г. А.Б. ЛАРИН

«ЗАПИСКА» КОНСУЛА В БАСРЕ К.В. ИВАНОВА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОСТОКА В РОССИЙСКОМ МИД НАЧАЛА XX века

Ларин Андрей Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ab-larin@mail.ru

Scopus Author ID: 57211600477; ORCID: 0000-0003-4932-3997; Researcher ID: Q-5730-2017

Аннотация. Вопросы накопления, упорядочения, систематизации и практической имплементации колониального знания, «знания о Востоке» стояли на повестке дня перед различными ведомствами Российской империи, вырабатывавшими собственные пути их разрешения. Существенные усилия в этом направлении были предприняты военными кругами, однако и в Министерстве иностранных дел хорошо осознавали данную задачу, что видно из осуществленного накануне и в годы Первой мировой войны издания двух выпусков «Материалов по изучению Востока», содержавших не только фактографические работы, но и рефлексию чинов МИД над данной проблемой. Она нашла свое отражение в редакционных предисловиях и в особенности в программной работе консула К.В. Иванова, содержащей развернутую программу конкретных мероприятий, направленных на обеспечение прочной связи знания и власти, обеспечения реализации политических интересов России в регионах Ближнего и Среднего Востока. С точки зрения консула Иванова, правильная постановка задачи по сбору сведений о регионе, согласование деятельности различных российских институтов и учреждений, обеспечение должной роли консульств (которым он придавал первостепенное значение в решении данной задачи) позволили бы, во-первых, сделать политику России более целесообразной, а во-вторых, добиваться решения поставленных задач меньшими силами с «использованием местных условий». Существенное значение придавалось необходимости восприятия удачных практик российского военного министерства, а также британского опыта деятельности в регионе. «Записка» Иванова представляет собой интересный и яркий образец размышлений сотрудника МИД по поводу проблемы усовершенствования подходов к решению политических задач государства. Документ этот выдержан в духе ориенталистского дискурса, подразумевающего идеи неравенства, превосходства, необходимости обладания экспертным знанием для управления и доминирования, переустройства и обустройства европейских регионов в интересах господствующей державы.

Ключевые слова: Россия, Российская империя, внешняя политика, Ближний Восток, Средний Восток, востоковедение, дипломатические документы, Министерство иностранных дел, К.В. Иванов, В.Ф. Минорский, колониализм, ориентализм.

A.B. Larin

The “Note” of the Consul in Basra Konstantin Ivanov: Addressing the Question of the Study of the East in the Russian Foreign Ministry of the Early Twentieth Century
Andrey Larin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ab-larin@mail.ru

Scopus Author ID: 57211600477; ORCID: 0000-0003-4932-3997; Researcher ID: Q-5730-2017

Abstract. The issues of accumulation, ordering, systematisation, and practical implementation of colonial knowledge, “knowledge about the Orient” were on the agenda of various departments of the Russian Empire, which developed their own ways of solving them. Considerable efforts in this direction were made by military circles, however, the Ministry of Foreign Affairs was well aware of this task, as evidenced by the publication of two issues of “Materials for the studies of the East”, carried out on the eve and during the Great War, which contained not only factual works, but also reflections of the Foreign Ministry officials on this problem. This was reflected in the editorial prefaces and especially in the position paper by Consul Konstantin Ivanov, who believed that proper organisation of information collection about the region, reciprocal coordination of the activities of various Russian institutions, and provision for the proper role of the consulates would, firstly, make Russian policy more expedient, and secondly, achieve the tasks set with less effort, since in his terminology this sounded like “using local conditions”. Ivanov’s “Note” is an interesting and vivid example of the reflection of an agent of the Empire’s foreign policy on the problem of optimizing approaches to solving political problems of the state, compiled in the spirit of orientalist discourse, implicitly assuming the ideas of inequality, superiority, the need to possess expert knowledge for governance and domination, reconstruction and arrangement of non-European regions in the interests of the dominant power.

Keywords: Near East, Middle East, Oriental studies, “Materials for the studies of the East”, Konstantin Ivanov, Vladimir Minorsky, colonialism, orientalism.

Исследование вопросов аккумуляции знания о Востоке, как и применения его в реальной административно-политической практике европейских держав в рамках осуществления власти над Востоком, продолжает оставаться перспективной темой научных исследований. Новый взгляд на проблемы империализма, колониализма, распространения власти Запада над Востоком в последние столетия, взаимосвязи власти и знания, предложенный Э. Саидом в его известной работе «Ориентализм»¹, придал мощный импульс исследованиям в данном направлении². Ориенталистский дискурс, стиль мышления и способы сбора информации о Востоке, ее осмысления и репрезентации, позволяющие осуществлять господство и управление, служили важным инструментом европейской гегемонии. Исследование роли получения информации и создания на ее основе системы знаний в имперской экспансии представляется необходимым условием изучения европейских империй Нового времени³. При этом нужно учитывать, что сложившаяся тогда сложная макросистема империй подразумевала непрестанные многоуровневые взаимодействия между ними по различным вопросам, включая многочисленные межимперские трансферы знаний, практик, опыта (квази)колониальной политики и проч.⁴ В этом смысле изучение истории отдельного европейского государства, в частности Российской империи, невозможно представить в отрыве от общего контекста, без видения взаимосвязей и обменов, прямых и косвенных, с другими империями. Российский имперский

¹ Said E.W. *Orientalism*. New York, 1978; российское издание: Саид Э.В. *Ориентализм*. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

² О течениях и подходах в современной историографии см.: Мирзеханов В.С. Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 27.03.2023).

³ См., например: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. кол.: А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. М., 1997; Толыц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013; Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19; Полянская О.Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А.М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки ЗабГУ. 2016. Т. 11. № 6. С. 143–148; Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018; Дыбовский А.С. Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) и практическое востоковедение в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4/2. С. 83–105.

⁴ Среди важнейших изданий на русском языке см.: *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010.

проект отличался своей спецификой и своеобразием, в частности колоссальной географической протяженностью в рамках Евразии, зачастую без отчетливых естественных границ, что предполагало особый стиль экспансии, администрирования присоединенных территорий, взаимодействия с присоединяемыми народами⁵.

Расширение территории России в Новое время, инкорпорация в состав империи различных народов, в том числе неевропейских, сопровождались накоплением знаний о Востоке, что позволяло описать и объяснить включаемые сообщества, их традиции и обычаи, репрезентировать их для образованной публики, а одновременно предоставить инструменты контроля и влияния, осуществления власти, доминирования над ними. Многообразные формы бытования такого архива ориенталистского знания — отчеты, записки, дипломатическая корреспонденция, исторические, этнографические, географические сочинения, травелоги, мемуары и др. — являли собой сложный конгломерат сведений, исполненный внутренних референций и переплетений, глубоко связанный с общеевропейскими культурными детерминантами эпохи и задававший стиль мышления, общие контуры ориенталистского дискурса.

Решение практических задач государственного управления, осуществления как внутреннего администрирования, так и внешней политики (причем на территориях фронта первое порой было сложно отделить от второго), желание улучшения и унификации, институционализации различных имперских практик ставили задачу упорядочения накопленных знаний о Востоке, являвшихся собой огромный массив разнородной информации, частью опубликованной, частью хранившейся в различных ведомствах, частью существовавшей в виде *common knowledge*. При этом проблема обеспечения более прямой и ясной связи между имеющимся колониальным знанием и решением практических задач осознавалась имперскими администраторами, пытавшимися найти те или иные варианты ее решения. Значимым вкладом стала продолжающаяся публикация Главного штаба, посвященная широкому кругу вопросов, связанных со странами и народами Востока: «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», выпуски которого выходили с 1882 по 1914 г.⁶ Как говорилось во введении к изданию, целью этой масштабной публикации было «облегчить изучение и дальнейшее исследование наших азиатских окраин, а в особенности Китая, Японии, Персии, Азиатской Турции, Афганистана, Бухары, Хивы и проч.»⁷.

Нужно сказать, что эта публикация предполагала межведомственное взаимодействие, сотрудничество с представителями Министерства иностранных дел, привлечение различных авторов для решения общей задачи. Так, отмечалось, что в публикуемые выпуски будет полезно включать не только работы офицеров Генштаба и чинов военного ведомства, но и статистические труды дипломатических и гражданских агентов. «Только при этом условии можно надеяться собрать в несколько лет и постепенно издать достаточно полные сведения о наших азиатских владениях и соседях, в чем ощущается настоятельная надобность». При этом «Сборник» не предназначался для широкой публики, а «исключительно для *служебного* пользования высшего начальства, а также лиц, служащих в Азии или специально занимающихся ею». Составители от лица Главного штаба призывали содействовать пополнению и разработке материалов по Азии⁸. Эта публикация хорошо известна исследователям и активно используется при разработке самых различных тем.

Вопросы аккумуляции, упорядочения и систематизации «знания о Востоке» находились и в поле зрения сотрудников внешнеполитического ведомства, предлагавших собственные варианты их разрешения. Заслуживает внимания предпринятое Министерством

⁵ Об окраинной политике России см., например: Западные окраины Российской империи. М., 2006; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008; Кушко А., Таки В. (при участии Грома О.) Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.

⁶ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1882–1914.

⁷ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 2. СПб., 1883. Введение (без пагинации).

⁸ Там же.

иностранных дел издание «Материалы по изучению Востока», два выпуска которых были опубликованы в военной типографии в 1909 и 1915 гг. под грифом «секретно»⁹. Задуманное как продолжающееся, это издание прекратилось после революционных событий 1917 г. Помимо содержащихся в них интересных фактических данных, «Материалы» представляют собой пример практической рефлексии сотрудников МИД над вопросами улучшения сбора и применения колониального знания. Весьма важные положения содержатся в редакционных введениях к обоим выпускам, содержащих изложение задачи нового издания, которое должно стать значимым элементом общей системной работы по налаживанию более прочной связи между собираемым знанием и его применением на практике.

Среди опубликованных материалов особое место занимает вышедшая в выпуске 1909 г. работа консула в Басре К.В. Иванова¹⁰ «Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока (по поводу отчета В.Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство)»¹¹. Значение этой программной статьи отмечено уже во введении к выпуску. Его автор И.А. Персиани подчеркивает, что эта работа затрагивает одну из наиболее существенных сторон «нашего дела на Востоке», а именно необходимость «взаимного согласования деятельности наших установлений на Востоке». Он отмечает, что «рациональная постановка этой деятельности и систематическое согласование ее могут, безусловно, лишь принести пользу, и именно с этой точки зрения было бы очень желательно обратить особенное внимание на записку названного автора». При этом Персиани специально оговаривает, что речь не идет о тех или иных конкретных тезисах, высказанных Ивановым, часть из которых может быть подвергнута сомнению, а о самом факте постановки «в высшей степени серьезного, имеющего основное значение вопроса»¹².

Непосредственным поводом к появлению «Записки» консула К.В. Иванова стал опубликованный в том же выпуске «Отчет о поездке в Макинское ханство» в 1905 г. драгомана генконсульства в Иранском Азербайджане В.Ф. Минорского (впоследствии известного востоковеда и дипломата), в котором тот пишет о необходимости назначения постоянного агента в Маку¹³. Иванов всецело разделяет это мнение, ссылаясь на необходимость обеспечения безопасности российских территорий в Закавказье (Эриванская губерния) от разбоев, чинимых бандами, прежде всего из числа местных курдских родов. При этом он настаивает на назначении именно постоянного представителя, поскольку только такой агент может обладать всей необходимой информацией, в частности: в каких отношениях находятся курдские роды и их беки между собой и с прочим населением; каково отношение к ним представителей местной власти; где расположены их кочевки и

⁹ Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909; Материалы по изучению Востока. Вып. 2. Петроград, 1915.

¹⁰ Иванов, Константин Васильевич (1869 — не ранее 1928) — русский дипломат. Окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета с дипломом 1-й ст. С 7 марта по 25 августа 1894 г. — канцелярский служащий в Санкт-Петербургской контрольной палате. С 1 сентября 1894 г. — на службе по ведомству МИД. 20 марта 1896 г. назначен студентом Миссии в Тегеране. С 5 июля 1897 г. — драгоман генерального консульства в Мешхеде. С 6 ноября 1898 г. — секретарь и драгоман консульства в Астрабаде, с 19 ноября 1899 г. — секретарь и драгоман Политического агентства в Бухаре. 20 марта 1902 г. назначен секретарем генерального консульства в Табризе, 27 сентября 1903 г. — секретарем и драгоманом генерального консульства в Эрзеруме. С 22 января 1904 г. — вице-консул в Баязиде. 8 ноября 1905 г. назначен консулом в Басре. С конца 1909 по 1915 г. служит консулом в Астрабаде, где активно содействует развитию российского землевладения и крестьянского переселенчества в регион. 3 августа 1915 г. назначен генеральным консулом в Бушире. Уволен от должности 10 октября 1916 г. с назначением состоять в ведомстве МИД. См.: *Генис В.* Вице-консул Введенский: служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003. С. 241–242.

¹¹ Иванов К.В. Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока (по поводу отчета В.Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство) // Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909. С. 63–118. Далее ссылки на «Записку» даются в тексте.

¹² Материалы по изучению Востока. Вып. 1. С. IV.

¹³ Минорский В.Ф. Отчет о поездке в Макинское ханство // Материалы по изучению Востока. Вып. 1. С. 1–62.

зимовки; кто из местных жителей занимается скупкой награбленного, и т.п., т.е. знать обо «всех тех мелких обстоятельствах, которые только и могут служить путеводною нитью при розысках грабителей и основанием для настояний у местных властей» (с. 64).

Причем Иванов подчеркивает, что значимость борьбы с грабежами следует не только из того прямого материального ущерба, который они наносят населению российского Закавказья, но и в силу того влияния, «какое эти грабежи имеют, парализуя предприимчивость населения, поддерживая подозрительность и неприязнь между входящими в него народностями и вообще препятствуя мирному преуспеянию края, столь важному не только для самого края, но и для установления и упрочения нашего экономического и политического влияния на Персию и Курдистан» (с. 64–65). Итак, значение присутствия российского агента в Макинском ханстве двояко: с одной стороны, это позволит решать непосредственные вопросы обеспечения безопасности российско-ирано-турецкого пограничья; с другой – поддержание престижа Российской империи¹⁴ и распространение ее влияния на сопредельные страны. Консул разбирает вопросы служебного подчинения агента в Маку, его именованья, финансовую сторону дела, требований, предъявляемых к кандидату на должность, и т.п., уделяя внимание различным аспектам.

Впрочем, помимо непосредственных соображений о необходимости назначения постоянного агента в Маку, отчет Минорского дал возможность консулу Иванову открыть обсуждение гораздо более широкого круга вопросов, связанных с политикой Российской империи в регионе Ближнего и Среднего Востока. Рассуждая от противного, консул отмечает, что отчет Минорского впервые предоставляет достаточно подробные сведения о граничившем с Россией ханстве, что показывает крайне плохую осведомленность даже о тех областях региона, которые уже в силу географического положения должны входить в сферу исключительного экономического и политического влияния России и «должны бы быть изучены нами ради правильной постановки нашей деятельности как на самом Ближнем Востоке¹⁵, так и в примыкающих к его границе наших окраинах» (с. 67).

Консул обращает внимание на то, что сведения о странах и регионах, известных ему из личного опыта (а именно о Персии, Афганистане, восточной Турции), скудны, разрозненны и лишены связи друг с другом. Выходящие из печати сочинения написаны либо военными, либо случайными путешественниками, соответственно, либо слишком специфичны, либо поверхностны. Донесения консулов (помимо торгово-экономических) не публикуются и не реферируются, не позволяя ни дополнить или скорректировать друг друга, ни послужить делу систематического изучения стран региона. Итак, Иванов формулирует ключевые вопросы своей работы: «В чем заключаются причины, препятствующие надлежащей постановке в консульствах дела систематического изучения стран Ближнего Востока, и каким образом можно было бы их устранить, усиленно выяснив при этом всю важность и возможность этого дела в связи с необходимостью правильной постановки всей нашей деятельности на Ближнем Востоке?» (с. 68).

Цель же своей работы Иванов обозначил так: «Выяснить необходимость скорейших преобразований в деятельности консульств в том смысле, чтобы дело изучения рассматриваемых стран Ближнего Востока было ведено систематически и поставлено на такую высоту, чтобы оно могло дать нам не только знание всех условий жизни Ближнего Востока, но и

¹⁴ См. об этом: Ларин А.Б. «Русское имя» и «русский престиж» как категории восприятия и осмысления российской политики в Иране в XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114). URL: <https://history.jes.ru/s207987840021056-0-1/> (дата обращения: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021056-0; его же. «В интересах наших подданных и нашего достоинства»: поддержание статуса «русского имени» в Персии в трактовках российских современников (1830–1910-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). <https://history.jes.ru/s207987840021876-2-1/> (дата обращения: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021876-2

¹⁵ Под Ближним Востоком Иванов подразумевает, используя современную терминологию, Ближний и Средний Восток.

умение пользоваться таковыми» (с. 69). Таким образом, знание местных условий обеспечит целесообразность деятельности России в регионе, а, в свою очередь, умение пользоваться этими условиями послужит «сбережению народных сил и средств». Автор специально отмечает, что Россия в своей деятельности в регионе зачастую пренебрегала теми средствами, возможностями, которые предоставляют сами по себе условия жизни Востока и основывала свои действия «лишь на военной силе и том престиже, который создавали ей ее завоевания, неуклонное движение вперед, в глубь Азии». Отдавая должное преимуществам подобного *modus operandi*, он предостерегает о его опасностях: подобный способ действий хорош до тех пор, пока престиж России высок, стоит ему пасть, рухнет и все основанное на нем (с. 69).

Консул отмечает при этом, что Ближний и Средний Восток представляет собой исключительно благоприятное место для подобного способа действия, применения в повседневной политической практике умения пользоваться местными условиями. Для обоснования своего тезиса он приводит избыточную ориенталистскими клише характеристику особенностей политического строя стран Востока, обращается к истории Афганистана, Персии, Османской империи, показывает, что и в современной жизни этих государств мало что изменилось по сравнению с предшествующими столетиями, а их правительства, искусно применяя принцип *divide et impera*, успешно управляются со своими обширными разнородными и разнплеменными владениями, несмотря на их слабость, неэффективность и коррумпированность (с. 69–76). Последние обстоятельства, также религиозная рознь шиитов и суннитов, межэтнические противоречия и другие факторы создают все возможности для использования местных условий. Все это именно то, что подразумевал Э. Саид, говоря о том, что ориентализм есть западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком¹⁶. В этом смысле «Записка» Иванова представляет собой весьма яркий и характерный образчик ориенталистского письма, причем инструментального характера, направленный именно на обеспечение задач управления через оперирование знаниями.

Переходя к практическим вопросам и предложениям, консул Иванов отмечает, что в последние два-три десятилетия российское правительство существенно активизировало собственную деятельность в регионе, в особенности в Персии. Он перечисляет хорошо известные меры экономического и политического характера, предпринятые со стороны России для укрепления влияния в этой стране, и делает вывод, что все это вместе взятое «должно было бы сделать из Персии орудие для служения нашим интересам» (с. 80). Такая риторика вполне соответствовала общей позиции министерства. Еще в 1904 г. его глава В.Н. Ламздорф писал новому посланнику в Тегеране А.Н. Шпейеру: «Главная цель, которая преследовалась нами в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя»¹⁷. Но, по мнению Иванова, все эти многочисленные мероприятия, требующие существенных расходов, для своего успеха нуждаются в правильной организации работы тех органов, от которых зависит их реализация, а именно: консульств, представителей военного, телеграфного ведомств, Учетно-судного банка, приграничных властей. При этом деятельность всех перечисленных агентов российского правительства должна быть направлена и согласована.

Иванов предлагает обширную развернутую программу по накоплению колониального знания и его использованию, отмечая существующие проблемы и предлагая пути их решения. Ключевая роль в этом должна принадлежать консульствам, приоритеты работы

¹⁶ Саид Э.В. Указ. соч. С. 10.

¹⁷ Инструкция МИД А.Н. Шпейеру, назначенному российским посланником в Тегеране // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / сост. И.С. Рыбаченок. М., 2004. С. 360.

которых требуется подвергнуть пересмотру. Главную проблему он усматривает в том, что для существующих российских консульств политическая деятельность отошла на второй план, уступив место работе по покровительству российским подданным, разбору их многочисленных тяжб, заботе о торговых интересах и наблюдению за действиями местных властей. При этом «почти совершенно отсутствует стремление к изучению вверенных их наблюдению округов во всех отношениях, каковое выразилось бы в систематическом сборе всевозможных сведений и статистических данных о местном населении и условиях его жизни и оценке таковых с точки зрения русских интересов». В свою очередь, все это «дало бы в конце концов нашему правительству полную осведомленность о всех условиях жизни рассматриваемых стран, а с ним и возможность использовать последние в своих интересах» (с. 81).

Консул подвергает анализу различные стороны деятельности российского правительства в регионе Ближнего и Среднего Востока, высказывая собственные соображения на тот или иной счет. Например, затрагивая вопросы торгово-экономической деятельности, Иванов отмечает, что таковая должна быть полностью подчинена политическим интересам (с. 86–87). Существенное внимание уделяется политической этнографии, в частности курдскому и армянскому вопросам. Характерно его резюме: «Только дружная, согласованная общей программой работа всех названных консульств может определить истинные размеры и значение курдского, а с ним и армянского вопросов и установить с желаемой точностью, которая из этих двух национальностей более пригодна для служения нашим интересам и, в частности, есть ли среди курдов стремление к автономии, можно ли им вдохнуть мысль о их расовом отличии от турок и сделать из Курдистана опорную точку для нашего влияния. А в этих же сведениях мы могли бы почерпнуть руководящие начала для надлежащего отношения и к собственным армянам и курдам» (с. 91). Показательно, что несколько лет спустя, уже во время войны, выходит посвященная курдам работа В.Ф. Минорского, заключительная часть которой содержит интересные рассуждения о практической имплементации политической этнографии в отношении курдского вопроса, в том числе и применительно к курдам, жившим в России¹⁸.

Здесь наглядно проявляется насущная, по мнению Иванова, необходимость выстраивать сопряжение между накоплением этнографического знания и его использованием в практической деятельности: при решении внешнеполитических задач Империи в Турции и Персии, обеспечении безопасности, проведении окраинной политики и т.п. В первую очередь, как подчеркивает консул в своем тексте, систематическое накопление знаний консульствами о своих округах позволит обеспечить целесообразность политики России в регионе. Возвращаясь в завершение своей работы к записке Минорского, в которой тот отмечал необходимость обеспечить целостность Иранского Азербайджана от посягательств Османской империи, а также укрепить власть тегеранского правительства в Макинском ханстве, Иванов подверг сомнению эти соображения. «Между тем по ходу дел может оказаться более отвечающим нашим интересам стремиться к созданию автономного Курдистана из всех областей, населенных курдами и входящих ныне в состав как Турции, так и Персии; а равным образом ради чего предрешать вопрос о том, следует или не следует принести сердца в жертву персидскому правительству, когда содействия его, как видно из записки самого г. Минорского, ввиду стратегического и военного значения Маку могло бы быть для нас очень ценным, а за готовность и искренность его содействия ручательством близкое родство сердца с нашими Эриванскими и Нахичеванскими ханами?» (с. 117–118). Таким образом, он призывает отказаться от идеи заведомой предрешенности тех или иных вопросов, их детерминированности существующим status quo, поскольку политические интересы могут побудить пересмотреть существующий порядок вещей исходя из прагматических интересов. А верно сформулировать последние позволят именно приведенные в систему знания о регионе.

¹⁸ Минорский В. Ф. Курды. Заметки и впечатления. Петроград, 1915. С. 39–43.

И сам Минорский в вышеупомянутой работе 1915 г. дает более широкое видение вопроса: «Есть, наконец, и третий взгляд на значение курдов. Расселены они полосой, окаймляющей северную Месопотамию. Несомненно, экономическое развитие и политическое значение этой последней как арены многих влияний: тут будет и Багдадская дорога, в чьих бы руках она ни оказалась, и европейская торговая конкуренция, и турецкие традиции, и возможный арабский сепаратизм, и, наконец, наше мирное проникновение с севера. При стремлении закрепить все эти влияния курдский вопрос встанет во всей широте. Но курды не только стена между севером и югом; они сами тянутся далеко на восток в пределы Персии и через все армянское плоскогорье вплоть до нынешних наших пределов. Хорошо дренировать все эти разливы и ввести все 3 миллиона курдов в законные рамки спокойного существования — вот одна из крупнейших проблем будущей политики в Передней Азии»¹⁹.

Приведенные примеры из области политической этнографии (как и иные вопросы) приводили консула к заключению, что российские политические и экономические интересы требуют расширения деятельности в странах Ближнего и Среднего Востока, ее активизации. *Conditio sine qua non* для этого — получение максимальной осведомленности о всех условиях жизни региона, «что в свою очередь требует, чтобы изучение консульствами своих округов стояло для них не на втором, а на первом плане, и велось систематически» (с. 93). При этом в работе подчеркивается, что загруженность консульств текущей работой не позволяет им уделять должное внимание изучению вверенных округов. Отметив неудовлетворительный характер текущего состояния дел в этой области (Иванов дает обзор ситуации по различным консульствам в Персии), консул выделяет причины этого положения вещей. Они таковы: «1) недоверие к сведениям, получаемым через агентов и опросным путем; 2) отсутствие торгово-политической программы, которая направляла бы и объединяла деятельность консульств; 3) неимение ни в посольстве и миссии, ни в министерстве особого стола, на обязанности коего лежала бы исключительно сводка и проверка доставляемых консульствами сведений; 4) особого издания, где таковые помещались бы, и 5) неотпуск консульствам особых средств на сбор нужных сведений, объезд чинами консульств округов и учреждение нужного количества агентов» (с. 96).

Далее Иванов подробно разбирает перечисленные пункты и предлагает собственное видение возможных путей разрешения перечисленных проблем. К примеру, он отмечает, что издание сборника секретных донесений консулов по образцу того, что уже имеется для несекретных или изданий штабов, содействовало бы связности работы консульств и объединению их деятельности, заменив на первое время упомянутую торгово-политическую программу и послужив основой для ее выработки. Той же задаче послужило бы учреждение в министерстве особого стола, на который была бы возложена обязанность делать сводку донесений и проверять их как одно другим, так и требованием от консулов дополнительных сведений. Это дало бы министерству критерий для оценки достоверности и пригодности предоставляемых консульствами сведений и деятельности самих консульств (с. 102). На важность создания подобной структуры (при этом ссылаясь на «Записку» Иванова) указывал и автор предисловия к второму выпуску «Материалов» (судя по всему, Минорский). Как писал последний, в МИД «необходимо устройство своего рода генерального штаба или вернее “разведывательного и отчетного отделений”». По словам автора предисловия, на тот момент донесения консулов, не считая редких исключений, сдавались в архив, не подвергаясь дальнейшей обработке. С его точки зрения, нужно было обратить внимание на опыт военных, а также британских коллег: «Ничего подобного сводке, производимой за определенные сроки в каждом из военных штабов, у нас не имеется, а между тем такая работа (хотя бы в виде зачета для дипломатического экзамена) была бы весьма полезна для лиц, начинающих службу». При том что «в английском Foreign Office составление всяких справок и записок возложено на архивно-библиотечный отдел с значительным персоналом»²⁰.

¹⁹ Минорский В.Ф. Курды. С. 41.

²⁰ Материалы по изучению Востока. Вып. 2. Петроград, 1915. С. VIII.

Высказанные идеи определенным образом предвосхищали возникновение отдела со схожим функционалом уже в Форин Офис (Управление политической разведки, возникшее в 1918 г.)²¹. Автором предисловия предлагалось назначить особого редактора для издания сборников сводок и общих политических донесений консулов. Он должен был заниматься внешней подготовкой материалов к печати, тогда как отбор материалов, редакция по существу и прочее осуществлялись бы особой комиссией, состоящей из лиц, по роду деятельности знакомых с вопросом: чинов политических отделов, заграничных агентов, находящихся в Петрограде, персонала Учебного отделения и т.д.

Иванов не оставляет вниманием вопросы сбора сведений через агентов, обеспечения их точности и полноты, способы проверки предоставляемой информации, подчеркивает необходимость обеспечения консульств постоянными агентами, разбирает финансовые вопросы, вопросы кадрового наполнения консульств и т.п. Подводя итог своей программе изменений, Иванов резюмирует: «Развитие сети агентов, близкое знакомство самих чинов консульств с округами их ведения, издание сборника секретных донесений и учреждение стола, где бы все секретные сведения и донесения процеживались и сводились в одно целое, должны дать нашему правительству настолько полную осведомленность относительно рассматриваемых стран, что она вполне окупит крупный расход в лишних сто тысяч, позволив нам выгоднее распределять наши военные силы по границе, заблаговременно принимать меры при надвигающихся событиях и вообще целесообразнее направлять наши усилия и затраты при проведении той или иной политики в этих странах, а вместе с тем и воспользоваться, когда придет нужда, их силами в своих интересах» (с. 112). Наконец, для полного успеха деятельности на Востоке (как и для дела его изучения), по мысли Иванова, необходимо наряду с консульствами должным образом задействовать и другие структуры, являющиеся проводниками российской политики, и согласовать их деятельность друг с другом и с консульствами. Речь идет о пограничных властях, отделениях Учетно-ссудного банка, чинах телеграфного ведомства, инструкторах (с. 112).

Нельзя не упомянуть еще об одном важном аспекте рассуждений консула Иванова (и далеко не его одного) — об институционализации и систематизации накопления, осмысления и использования «знания о Востоке» в политической практике, «использования местных условий», в терминологии консула. Речь идет о восприятии британского опыта. Необходимо отметить, что британские подходы в использовании колониального знания выступали определенным образцом, эталоном, а сами англичане виделись в качестве референтной группы, чьи подходы и опыт следовало перенимать для обеспечения эффективности собственных усилий. Иванов, рассуждая о характере политики англичан на Востоке, отмечает, что их деятельность на юго-востоке и юге Персии, по всему побережью Персидского залива является прекрасным примером умения пользоваться местными условиями:

«Ковейт, Кышм, Белуджистан и Сеистан (sic. — А.Л.) — все это в сущности приобретения англичан, если не формально, то фактически завершенные и к тому же вполне бескровные, ибо, несмотря на все свое могущество, свое ни с кем не разделяемое господство в водах Персидского залива, англичане в своей деятельности не пренебрегают буквально ничем: ни расположением какого-либо белуджского хана или арабского шейха, ни услугами подкупного персидского или турецкого чиновника, памятуя, что в годину тяжелых для отечества испытаний все это может послужить к сбережению отечественных сил. Приобретения эти формально не завершены, но в этом нет и надобности — формальное занятие могло бы вызвать протесты других держав и даже служить обузой; вполне достаточно держать эти места “под ударом”, иметь возможность поспеть туда раньше других и повод вмешаться, как только того потребуют обстоятельства» (с. 79). За счет чего же англичанам удается столь эффективно «пользоваться местными условиями»? Ответ консула на данный вопрос в полной мере согласуется с прочими его рассуждениями на этот счет, а именно с

²¹ Улунян Ар.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020. С. 38.

акцентом на необходимости сбора и систематизации знаний самого различного толка о регионе будущей деятельности, что дает возможность проводить целесообразную политику:

«Но, прежде чем действовать, англичане тщательно изучают район своих будущих действий во всех отношениях — в физическом, экономическом, военном и политическом, разумея под последним не только отношения частей населения и их ханов, беков, шейхов как между собою, так и к правительству, но и их взаимные счета и поземельные споры и притязания, что и дает им в руки материал для такой политики, которая, будучи свободна от увлечений и не навлекая на англичан прямых обвинений в захватах, в то же время настолько активна, что обеспечивает им все, что нужно» (с. 79).

Рецепция опыта иных европейских империй, в первую очередь Великобритании, интересовала российских гражданских чиновников и военных прежде всего в практическом ключе, в контексте тех конкретных мер, что могли быть восприняты и имплементированы. Выше приводился пример обращения автора редакционного предисловия второго выпуска «Материалов» к британскому опыту в деле издания собранных сведений. Специальное внимание обращалось на особо удачные находки соперника по Большой игре. Коль скоро речь идет о сборе сведений, об агентурной работе, заинтересованные лица в России не могли не обратить внимание на положение дел в этой области. В качестве важного достижения в смысле обеспечения поиска информации на местах многие отмечали деятельность служащих Индо-Европейского телеграфа. Тот же Иванов с сожалением отмечает, что, хотя у англичан и меньший масштаб задач в Персии, они «располагают гораздо более многочисленной агентурой, в числе каковой надо считать, между прочим, всех служащих англо-персидского банка и в особенности англо-индийского телеграфа, пересекающего теперь всю Персию вдоль и поперек; проводя всю свою службу в Персии, часто на одном и том же посту, английские телеграфисты сживаются с местным населением, приобретают среди него массу друзей, благодаря чему всегда о всем осведомлены, и потому являются незаменимыми, как это отметил и Керзон, агентами своего правительства» (с. 109).

Для сравнения стоит привести соображения представителя российских военных полковника Ф.Г. Чернозубова, служившего командиром Персидской казачьей бригады в 1903–1906 гг., также отметившего те преимущества, что предоставлял телеграф британцам, в том числе в смысле работы с местным населением: «Чиновники английских телеграфов играют громадную роль в провинции, так как о всех событиях дня сообщают своему посланнику в Тегеран. Зная об этом, персидские власти перед ними заискивают, а население часто ищет защиты. Таким образом, благодаря чиновникам английское посольство находится в курсе всего, что делается в Персии и одновременно поддерживает и свой престиж в стране». И хотя российские телеграфисты также присутствовали во многих пунктах в Иране, по словам Чернозубова, «в работе наших телеграфистов не замечается единства и системы, да и подбор их в большинстве заставляет желать лучшего»²². Последнее очевидно вызывает сожаления офицера.

Известный военный теоретик генерал М.В. Грулев также уделяет специальное внимание британскому телеграфу в Персии. Отмечая его преимущества, значение для укрепления влияния Англии, он среди прочего говорит и о роли телеграфа в агентурной работе: «Кроме того, вдоль телеграфа устроены в центре и на юге Персии превосходные станции, представляющие собою обширные и комфортабельные здания, что дает возможность англичанам содержать внутри Персии своих агентов под видом телеграфистов, телеграфных механиков и инспекторов. Часть служащих на этом телеграфе — офицеры англо-индийской армии»²³. Схожим образом характеризовали роль и значение телеграфа и ранние советские авторы²⁴.

Как видно, оценки значения и роли британского телеграфа для развития агентурной работы у консула Иванова и представителей военной сферы практически совпадают.

²² Чернозубов Ф. Страна льва и солнца // Военный сборник. 1908. № 10, Октябрь. СПб., 1908. С. 203.

²³ Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909. С. 250.

²⁴ См., например: Тимофеев А. Империалистическое “мирное” завоевание Персии // Новый Восток. Кн. 2. М., 1922. С. 261–262.

Впрочем, это и неудивительно: успех британцев в создании телеграфной сети на Среднем Востоке и ее использования в различных целях был слишком очевидным. Упомянутый Ивановым Дж.Н. Керзон в своей классической работе «Персия и персидский вопрос» с законной гордостью описывает телеграфную сеть в регионе, уделяя особенное внимание роли в цивилизации/европеизации Персии, упрочении власти шаха и, конечно, в укреплении британского престижа в стране²⁵.

В целом подходы британцев к агентурной работе, сбору сведений консульствами воспринимались как образцовые. Иванов, вспоминая свою службу в Персии в 1897–1898 гг., отмечает, что в английском генеральном консульстве в Мешхеде, «помимо генерального консула, вице-консула и доктора, было до шести или семи мирз и писарей, всегда занятых в канцелярии, хотя во всем Хорасане не проживало ни одного английского подданного» (с. 110). Соответственно, России, чьи интересы на Ближнем и Среднем Востоке были значительнее, следует также иметь большую и лучше организованную сеть агентов. Причем, по мнению Иванова, она обладает для этого и большими возможностями, «ибо среди населения своих южных окраин, однородного по своей национальности и религии с населением Ближнего Востока, она легко могла бы найти искренно преданных ей людей», кроме того, «благодаря своей сухопутной близости к странам Ближнего Востока, Россия, более чем какая-либо другая держава, служит предметом надежд всего недовольного, угнетенного элемента, коего порядками управления этих стран создается так много» (с. 110). Отмечая необходимость лучшей подготовки, специального образования для разнообразных представителей России в регионе, Иванов снова ссылается на британский опыт: «В этом отношении англичане опять-таки могут служить примером, ибо, насколько мне известно от самих англичан, у них для каждого чиновника, изъявившего желание служить на Востоке или в Индии, обязателен особый экзамен, сдаваемый, если не ошибаюсь, при министерстве иностранных дел» (с. 116).

Более того, ревность в адрес англичан и их подходов могла приводить к тому, что уже всякий британец в регионе воспринимался как потенциальный агент. Иванов, со ссылкой на развитую политическую культуру англичан, утверждает, что «каждый англичанин, проживающий в Персии постоянно или только проезжающий ее, и без всякой программы, инструкции и побуждений является доброхотным ревнителем интересов своего правительства, последнее же, в свою очередь, чуждаясь всяких предрассудков, не задумывается верить им свои интересы». Показательно, что Керзон в своих рассуждениях о британском телеграфе в Персии и его значении, в противоположность мнению своих русских коллег, сокрушался, что британское правительство использует влияние и знания служащих телеграфа далеко не в полной мере. «Будь они русскими, каждый из них был бы неаккредитованным, но трудолюбивым агентом страны своего рождения»²⁶. Десятилетия недоверия и подозрительности Большой игры привели к тому, что обе стороны были склонны преувеличивать возможности оппонента, преуменьшая свои собственные. Впрочем, эти выглядящие курьезными взаимные опасения позапрошлой эпохи в свете нынешних событий выглядят уже не столь анахронично.

Однако дело не сводилось лишь к сетованиям по отношению к успехам британцев в использовании телеграфной сети для решения своих политических задач. Вышеприведенные соображения гражданских и военных чиновников в отношении необходимости более эффективного использования телеграфа в Персии, создания единой телеграфной сети и использования ее для обеспечения согласованности действий агентов российской политики учитывались властями. В условиях начала Первой мировой войны развитие и совершенствование российского телеграфа в Персии стало особенно актуальной политической и военно-стратегической задачей.

В 1915–1916 гг. российская администрация рассмотрела серьезную программу по обустройству телеграфа в этой стране²⁷. Из центра запрашивались отчеты о состоянии российского телеграфного дела в Персии, для лучшего осведомления о состоянии имевшейся

²⁵ Curzon G.N. Persia and the Persian Question: in 2 vols. Vol. 2. London, 1892. P. 612–616.

²⁶ Ibid. P. 616.

²⁷ Павлова И.К. Российские телеграфные линии в Персии в начале XX в. // КЛИО. 2011. № 4 (55). С. 124.

телеграфной связи в страну был направлен главный механик туркестанского почтового округа Горшков. Собранные последним данные легли в основу серии особых совещаний в Петрограде, проходивших во второй половине 1916 – начале 1917 г. В ходе прошедших обсуждений была выработана будущая структура российских телеграфных линий в Персии, которая, «начиная с 1917 г., подразумевала иметь три согласованных учреждения: центральное, располагавшееся в Тегеране, тифлисское, контролирующее работу телеграфа в западных округах Персии, и туркестанское, наблюдавшее за станциями на востоке этой страны». Отметим, что председателем данных совещаний был советник Третьего отделения МИД Д.Д. Франц. Однако при этом в условиях идущей войны приоритетной задачей работы телеграфных линий было обслуживание войсковых частей²⁸. В начале 1916 г. в Персию для проверки российских телеграфных линий были направлены инженеры и специалисты Главного управления почт и телеграфов. Проверяющие составили отчеты по результатам поездки и сформулировали различные предложения, направленные на усовершенствование российской телеграфной службы в Персии. Среди последних хотелось бы особо отметить следующие. Во-первых, «в целях объединения деятельности всех русских чинов в Персии и установления за службой телеграфа необходимого контроля» предполагалось учредить в Тегеране главное управление с должностью инспектора (начальника) телеграфов «с назначением на нее лица с большим административным и техническим опытом». Во-вторых, в составленной проверяющими чиновниками инструкции для русских телеграфистов был весьма важный пункт, «обязывающий служивых людей находиться в непосредственно служебном подчинении местным российским консулам». Выдвигались серьезные требования к чиновникам, работающим в управлении русскими телеграфами в Тегеране. Помимо высоких профессиональных качеств, они должны были иметь «умственный кругозор, воспитание, административный такт». По результатам инспекции были приняты административные решения. В частности, на Особом межведомственном совещании в Петрограде 3 февраля 1917 г. было учреждено Главное управление почт и телеграфа в Тегеране. Более того, назначались ответственные от ведущих министерств России для наблюдения за работой российского телеграфа в Персии²⁹.

Как видно, и в предложениях инспекторов, и в принятых по итогам их поездки решениях властей прослеживаются именно те идеи, что озвучивались консулом Ивановым в «Записке», опубликованной в 1909 г., прежде всего необходимость согласования деятельности различных российских учреждений в Персии. Важно отметить, что в принимаемых решениях по телеграфу видно стремление обеспечить и единство сети и сбора сведений, и тесную связь с решением актуальных (в данном случае военных) задач, и ключевую роль консулов (как и МИД в целом) в обеспечении связности системы и управлении ею, на чем и настаивал в своей работе Иванов. Для решения этих же задач предполагалось подбирать квалифицированные кадры на соответствующие должности телеграфной службы. Все это в целом должно было превратить телеграфную сеть в Персии в важный элемент проведения политики и обеспечения интересов России в этой стране.

Приведенный пример с инициированными во время войны преобразованиями российской телеграфной службы в Иране в соответствии с высказанными значительно ранее консулом Ивановым соображениями – весьма показательный, но не единственный. Хотя сложно говорить о прямом влиянии «Записки» на соответствующие решения имперских властей, многие идеи носились в воздухе, и требования времени вызвали необходимость в преобразованиях и совершенствовании различных аспектов российской политики в регионе. И тем не менее заслуга Иванова состоит в артикуляции и формулировании стоявших на повестке вопросов и предложений, причем его соображения были опубликованы в издании, знакомом вовлеченной публике, что делает их еще более ценным памятником рефлексии имперских администраторов над актуальными задачами. Многие из предлагаемых консулом Ивановым преобразований и улучшений не были реализованы, поскольку

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 126.

Российская империя прекратила существование. Открытым остается и вопрос о влиянии соответствующих идей на политику и решения уже советского государства, хотя определенные феномены истории последующих десятилетий (такие как Мехабадская республика) невольно вызывают в памяти политико-этнографические соображения консула в Басре.

Библиография

- Басханов М.К.* История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018.
- Генис В.* Вице-консул Введенский: служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003.
- Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909.
- Дыбовский А.С.* Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) и практическое востоковедение в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4/2. С. 83–105.
- Западные окраины Российской империи. М., 2006.
- Иванов К.В.* Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока (по поводу отчета В.Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство) // Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909. С. 63–118.
- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. кол.: А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. М., 1997.
- Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / сост. И.С. Рыбаченок. М., 2004.
- Кушко А., Таки В.* (при участии *Грома О.*) Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.
- Ларин А.Б.* «В интересах наших подданных и нашего достоинства»: поддержание статуса «русского имени» в Персии в трактовках российских современников (1830–1910-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021876-2-1/> (дата обращения: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021876-2
- Ларин А.Б.* «Русское имя» и «русский престиж» как категории восприятия и осмысления российской политики в Иране в XIX – начале XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021056-0-1/> (дата обращения: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021056-0
- Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909.
- Материалы по изучению Востока. Вып. 2. Петроград, 1915.
- Минорский В.Ф.* Курды. Заметки и впечатления. Петроград, 1915.
- Мирзеханов В.С.* Феномен колониализма в мировой истории: темы и тенденции новейшей историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (дата обращения: 27.03.2023).
- Мирзеханов В.С.* XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.
- Павлова И.К.* Российские телеграфные линии в Персии в начале XX в. // КЛИО. 2011. № 4 (55). С. 123–127.
- Полянская О.Н.* Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А.М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки ЗабГУ. 2016. Т. 11. № 6. С. 143–148.
- Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1882–1914.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
- Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
- Тимофеев А.* Империалистическое «мирное» завоевание Персии // Новый Восток. Кн. 2. М., 1922. С. 254–271.
- Толыц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М., 2013.
- Улунян Ар.А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.
- Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
- Чернозубов Ф.* Страна льва и солнца // Военный сборник. 1908. № 10, Октябрь. СПб., 1908.
- Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпинус, А. Миллер. М., 2010.
- Curzon G.N.* Persia and the Persian Question: in 2 vols. Vol. 2. London, 1892.
- Said E.W.* Orientalism. New York, 1978.

References

- Baskhanov M.K.* Istoriya izucheniya vostochnykh yazykov v russkoi imperatorskoi armii [History of the study of Oriental languages in the Imperial Russian Army]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)
- Chernozubov F.* Strana l'va i solntsa [The land of the lion and the Sun] // Voennyi sbornik [Military collection]. 1908. № 10, Otktyabr'. Sankt-Peterburg, 1908. (In Russ.)

Dybovskii A.S. Aleksei Matveevich Pozdneev (1851–1920) i prakticheskoe vostokovedenie v Rossii [Aleksei Matveevich Pozdneev (1851–1920) and Practical Oriental Studies in Russia] // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2018. T. 10. № 4/2. S. 83–105. (In Russ.)

Genis V. Vitse-konsul Vvedenskii: sluzhba v Persii i Bukharskom khanstve (1906–1920 gg.). Rossiiskaya diplomatiya v sud'bakh [Vice-Consul Vvedensky: Service in Persia and the Bukhara Khanate (1906–1920). Russian diplomacy in personal destinies]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Grulev M. Sopernichestvo Rossii i Anglii v Srednei Azii [The rivalry between Russia and England in Central Asia]. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)

Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917) [Imperium inter pares: the role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)] / red. M. Aust, P. Vul'pius, A. Miller. Moskva, 2010. (In Russ.)

Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s sereдины XIX veka do 1917 goda [The history of Russian Oriental studies from the middle of the 19th century to 1917] / red. kol.: A.A. Vigasin, A.N. Khokhlov, P.M. Shastitko. Moskva, 1997. (In Russ.)

Korennyye interesy Rossii glazami ee gosudarstvennykh deyatelei, diplomatov, voennykh i publitsistov. Dokumental'naya publikatsiya [The fundamental interests of Russia through the eyes of its statesmen, diplomats, military and publicists. Documentary publication] / sost. I.S. Rybachenok. Moskva, 2004. (In Russ.)

Kushko A., Taki V. (pri uchastii Groma O.) Bessarabiya v sostave Rossiiskoi imperii (1812–1917) [Bessarabia as part of the Russian Empire (1812–1917)]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Larin A.B. “Russkoe imya” i “russkii prestizh” kak kategorii vospriyatiya i osmysleniya rossiiskoi politiki v Irane v XIX – nachale XX vv. [“Russian name” and “Russian prestige” as categories of perception and comprehension of Russian policy in Iran in the 19th – Early 20th Centuries] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. Vyp. 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021056-0-1/> (access date: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021056-0 (In Russ.)

Larin A.B. “V interesakh nashikh poddannyykh i nashego dostoinstva”: podderzhanie statusa “russkogo imeni” v Persii v traktovkakh rossiiskikh sovremennikov (1830–1910-e gg.) [“In the interests of our subjects and our dignity”: maintaining the status of a “Russian name” in Persia in the interpretations of Russian contemporaries (1830s–1910s)] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. Vyp. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021876-2-1/> (access date: 27.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840021876-2 (In Russ.)

Materialy po izucheniyu Vostoka [Materials for the studies of the East]. Vyp. 1. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)

Materialy po izucheniyu Vostoka [Materials for the studies of the East]. Vyp. 2. Petrograd, 1915. (In Russ.)

Minorskii V.F. Kurdy. Zametki i vpechatleniya [Kurds. Notes and impressions]. Petrograd, 1915. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Fenomen kolonializma v mirovoi istorii: temy i tendentsii noveishei istoriografii [The Phenomenon of Colonialism in World History: Themes and Trends in Recent Historiography] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”* [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2023. T. 14. Spetsial'nyi vypusk. URL: <https://history.jes.su/s207987840025639-1-1/> (access date: 27.03.2023). (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. XIX vek v mirovoi istorii (k vykhodu V toma “Vsemirnoi istorii”) [The 19th century in the world history (on the occasion of the publication of the 5th volume of “World History”)] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2015. № 4. S. 3–19. (In Russ.)

Pavlova I.K. Rossiiskie telegrafnye linii v Persii v nachale XX v. [Russian telegraph lines in Persia at the beginning of the 20th century] // *KLIO*. № 4 (55). 2011. S. 123–127. (In Russ.)

Polyanskaya O.N. Vostokovednoe obrazovanie Rossii v nachale XX v.: deyatel'nost' A. M. Pozdneeva po podgotovke mongolovedov-praktikov [Oriental studies' education in Russia at the beginning of the 20th century: the activities of A.M. Pozdneev on the training of Mongolists-practitioners] // *Uchenye zapiski ZabGU* [Scientific notes of Zabggu]. 2016. T. 11. № 6. S. 143–148. (In Russ.)

Said E.V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii [Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia]. Sankt-Peterburg, 1882–1914. (In Russ.)

Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii [The North Caucasus as part of the Russian Empire]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Timofeev A. Imperialisticheskoe “mirmoe” zavoevanie Persii [Imperialist “peaceful” conquest of Persia] // *Novyi Vostok* [New East]. Kn. 2. Moskva, 1922. S. 254–271. (In Russ.)

Tol'ts V. “Sobstvennyi Vostok Rossii”: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period [“Russia's own East”: identity politics and Oriental studies in the late Imperial and early Soviet period]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Tsentrāl'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Ulunyan Ar.A. Turkestanskii platsdarm. 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel'noe soobshchestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkistan bridgehead. 1917–1922. British Intelligence Community and British Government]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii [The Western outskirts of the Russian Empire]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Curzon G.N. Persia and the Persian Question: in 2 vols. Vol. 2. London, 1892.

Said E.W. Orientalism. New York, 1978.

© 2023 г. **Я.А. ЛЕВИН**

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФБР НЕМЕЦКИМ И ЯПОНСКИМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В США (1941–1945 гг.)

Левин Ярослав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» Самарского государственного технического университета (Самара, Россия).

E-mail: yaraslavlevin1992@mail.ru

Scopus Author ID: 57200331611; *ORCID:* 0000-0001-8805-8220; *Researcher ID:* F-2728-2016
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00355.

Аннотация. В современных исследованиях по истории США во Второй мировой войне востребованным является изучение противодействия американских спецслужб и, в частности, Федерального бюро расследований (ФБР) различным организациям немецкой и японской диаспор. Обращение к традиционным методам исторических исследований, компаративистике и принципам историзма позволит более точно проследить процесс ужесточения контрразведывательной работы ФБР и вовлеченности общественных организаций в разведывательную деятельность противника. Трансляция националистических идей различными сообществами немцев и японцев под эгидой их правительств достаточно быстро приковала к себе внимание Бюро, находящегося в процессе закрепления своих полномочий главной контрразведывательной службы США. Вместе с тем проводимые ведомством Джона Эдгара Гувера расследования и состоявшиеся по итогам этих расследований судебные процессы часто имели откровенно политическую окраску и все сильнее закрепляли в нем начала политического сыска. Данная практика и ее реализация наталкивались на жесткое противоречие между правовыми нормами Америки, провозглашавшей «демократические ценности», и потребностями укрепления внутренней безопасности государства и общества в условиях военного времени. Все эти процессы, а также связанные с ними нюансы и сложности рассмотрены на конкретных примерах работы федеральных агентов против пронемецких и прояпонских организаций в период 1941–1945 гг.

Ключевые слова: США, органы государственной безопасности, Вторая мировая война, противодействие экстремизму, контрразведка, политический сыск, Федеральное бюро расследований, японцы, немцы, диаспора.

Y.A. Levin

The FBI's Counteraction to German and Japanese Nationalist Organizations in the United States (1941–1945)

Yaroslav Levin, Samara State Technical University (Samara, Russia).

E-mail: yaraslavlevin1992@mail.ru

Scopus Author ID: 57200331611; *ORCID:* 0000-0001-8805-8220; *Researcher ID:* F-2728-2016
The research was funded by the Russian Science Foundation Grant № 23-28-00355.

Abstract. In contemporary historical studies of the United States in the World War II, the examination of the counteraction of the American intelligence services and, in particular, the Federal

Bureau of Investigation (FBI) to various German and Japanese diaspora organisations has been in demand. Resorting to traditional methods of historical research, comparativism, and the principles of historicism will make it possible to trace more accurately the process of tightening of the FBI's counterintelligence work and the involvement of community organisations in the adversaries' intelligence activities. The broadcasting of nationalist ideas by various German and Japanese communities under the auspices of their governments quickly attracted the attention of the Bureau, which was in the process of consolidating its authority as the principal US counterintelligence agency. At the same time, the investigations conducted by John Edgar Hoover's agency and the trials that resulted from these investigations were often openly political and were increasingly entrenching the beginnings of political investigations. This practice and its implementation ran into a severe contradiction between the legal norms of America, which espoused "democratic values", and the need for strengthening the internal security of the state and society under wartime conditions. The author examines all these processes, as well as the nuances and complexities involved, through case studies of the operations of federal agents against pro-German and pro-Japanese organisations between 1941 and 1945.

Keywords: United States, state security agencies, World War II, countering extremism, counterintelligence, political intelligence, Federal Bureau of Investigation, Japanese, Germans, diaspora.

Вторая мировая война стала сложным испытанием для многих институтов и политической культуры США. С момента вступления Америки в войну потребности армии и обеспечение безопасности в тылу требовали изменения подходов к деятельности многих ведомств и служб. Эти процессы происходили на фоне сохранения высокого уровня конкуренции в политике и неоднородности общественных настроений в стране как в предвоенный период, так в начале войны. Все эти сложности отразились и на Федеральном бюро расследований (ФБР) — руководимой Э. Гувером службе внутренней безопасности, развиваемой администрацией президента Ф. Рузвельта в течение всего предвоенного десятилетия сначала в качестве правоохранительной службы, а затем и как главного контрразведывательного органа США¹. Укрепление ФБР проводилось форсированными темпами, что неизбежно влияло на качество проводимых им расследований. В этой ситуации ФБР, стремясь сохранить лояльность президента и правительства, активно стало выступать в качестве инструмента сбора компрометирующей информации и давления на оппонентов Рузвельта. Политический сыск обеспечивал расположение и поддержку власти в укреплении и институционализации ведомства Гувера². Новая ситуация, в которой оказались США, требовала эффективных контрразведывательных решений.

Проблему данного исследования можно сформулировать следующим образом: насколько обосновано с точки зрения внутренней безопасности и контрразведки было расследование ФБР деятельности общественных организаций, в частности немецких и японских, на территории США; чего в работе ФБР было больше, контрразведывательной работы или политического сыска?

В источниковую базу статьи входят материалы «Национального управления архивов и документации». Это прежде всего доступные для исследователей материалы архива ФБР. Помимо документов этой спецслужбы, использованы документы военно-морского министерства США. Также задействованы материалы президентской библиотеки Франклина Рузвельта. Дополняет источниковую базу микрофильмированная коллекция документов библиотеки Университета Вашингтона. Кроме архивных документов, источниковая база дополняется источниками личного происхождения, а также материалами прессы.

Специфика темы и ее узость определили ограниченное обращение к отечественной историографии, которая в большинстве своем фокусировалась на глобальных процессах, связанных с США. Из русскоязычной литературы использована биография Альберта Эйнштейна³, где говорится о его сложных отношениях с правительством США, а также и

¹ Weiner T. *Enemies: A History of the FBI*. New York, 2012. P. 95.

² Ibid. P. 99–101.

³ Чертанов М. Эйнштейн (ЖЗЛ). М., 2015.

обзорная статья автора, в которой рассматривается контрразведывательная работа ФБР в предвоенный период до 1941 г.⁴

Куда более значимой для исследования стала зарубежная, прежде всего американская, историография. Кристофер Вэйси⁵ и Фрэнсис Макдоннелл⁶ исследовали противодействие американской контрразведки операциям стран «оси». Тесно связаны с этой темой работы Ричарда Пауэрса⁷ и Мэтью Сесила⁸ по истории взаимодействия ФБР со средствами массовой информации.

Кроме этого, использованы монографии и иные исследования, связанные с американскими ультраправыми, нацистами и «Германо-американским союзом», в частности работы Джеймса Бредемуса⁹, Марка Ван Эллса¹⁰, Сьюзан Канеди¹¹, Лео Рибуффо¹², Глена Джинсонна¹³. Важным дополнением стала работа Александра Стефана¹⁴, изучающего политический надзор ФБР за немецкой творческой эмиграцией, прежде всего писателями.

Различные аспекты деятельности федеральных агентов в отношении японцев и их организаций в США рассматривались в работах Венди Нг¹⁵, Эрика Мюллера¹⁶, Эрика Сандкуиста¹⁷, Кевина Леонарда¹⁸, Брайана Хаяши¹⁹.

С 1938–1939 гг. ФБР все чаще сталкивалось с активностью спецслужб нацистской Германии на территории США. Одним из итогов контрразведывательной работы стала уверенность руководства ФБР в связи германской военной разведки (абвера) с деятельностью немецких общественных организаций в Америке²⁰. Еще до нападения Японии на американский флот в Пёрл-Харборе ведомство Гувера собирало информацию о немецком союзе в США («Бунде») и иных немецких организациях правого толка²¹. 17 июня 1942 г. агентами ФБР были арестованы две совместно действовавшие группы немецких диверсантов под руководством выходца из США Джорджа Дэша, который имел военный опыт. Операция абвера под кодовым названием «Пасториус» (по имени лидера первого

⁴ Левин Я.А. Деятельность ФБР по противодействию внешним и внутренним угрозам в США в 1934–1941 гг. // Проблемы изучения военной истории: сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара, 2015.

⁵ Vasey C. Nazi Intelligence Operations in Non-Occupied Territories: Espionage Efforts in the United States, Britain, South America and Southern Africa. Jefferson (NC), 2016.

⁶ MacDonnell F. Insidious Foes: The Axis Fifth Column and the American Home Front. New York, 1995.

⁷ Powers R.G. G-Men, Hoover's FBI in American Popular Culture. Chicago (IL), 1983.

⁸ Cecil M. Hoovers FBI and the Fourth Estate: the Campaign to Control the Press and the Bureau's Image. Lawrence (KS), 2014.

⁹ Bredemus J. American Bund // US-German Relations. 2011. URL: <https://usgerrelations.traces.org/americanbund.html> (дата обращения: 18.08.2023).

¹⁰ Van Ells M.D. Americans for Hitler // America in World War II. 2007. № 3. Iss. 2. P. 44–49.

¹¹ Canedy S. America's Nazis: A Democratic Dilemma a History of the German American Bund. Chicago (IL), 1990.

¹² Ribuffo L.P. Old Christian Right: The Protestant Far Right from the Great Depression to the Cold War. Temple (PA), 1983.

¹³ Jeansonne G. Women of the Far Right: The Mothers' Movement and World War II. Chicago (IL), 1996.

¹⁴ Stephan A. "Communazis": FBI Surveillance of German Emigré Writers. New York, 2000.

¹⁵ Ng W. Japanese American Internment During World War II: A History and Reference Guide. Westport (CT), 2002.

¹⁶ Muller E.L. American Inquisition: The Hunt for Japanese American Disloyalty in World War II. Chapel Hill (NC), 2007.

¹⁷ Sundquist E. The Japanese-American Internment: A Reappraisal // The American Scholar. 1988. Vol. 57. № 4. P. 532–553.

¹⁸ Leonard K.A. "Is That What We Fought For"? Japanese Americans and Racism in California, the Impact of World War II // Western Historical Quarterly. 1990. № 21 (4). P. 463–482.

¹⁹ Hayashi B.M. Democratizing the Enemy: The Japanese American Internment. Princeton (NJ), 2004.

²⁰ Vasey C. Nazi Intelligence Operations in Non-Occupied Territories: Espionage Efforts in the United States, Britain, South America and Southern Africa. Jefferson (NC), 2016. P. 125–129.

²¹ MacDonnell F. Op. cit. P. 40.

немецкого поселения в США) имела своей целью глубокое внедрение германских диверсантов в американское общество для сбора информации о военной промышленности Америки с целью проведения диверсий. Тем не менее эти диверсанты были изначально обречены: их обнаружил офицер береговой охраны США. В итоге Джордж Дэш вместе с одним из своих приближенных принял решение сдаться властям США и сообщить всю информацию о своей деятельности²².

Общественный резонанс в США, вызванный неудачной германской операцией «Пасториус», был огромным. Газеты пестрели громкими заголовками²³, по мотивам опубликованной части материалов было снято два фильма²⁴. Эдгар Гувер приложил все силы и ресурсы своего отдела регистрации преступлений²⁵, чтобы в прессе сообщалось, что Джорджа Дэша арестовали агенты ФБР в результате тщательной работы. Эта мистификация была впервые развеяна в мемуарах бывшего генерального прокурора США Фрэнсиса Биддла, сообщившего, что Дэш добровольно сдался властям США²⁶.

Несмотря на то что пресс-службе ФБР удалось утаить факт, что успех был связан с предательством одного из шпионов, соответствующие выводы по итогам этого дела были сделаны. Гувер потребовал усилить кооперацию со службой береговой охраны и полицией, особенно в прибрежных и приграничных регионах. Все агенты и вспомогательный персонал, проигнорировавшие Джорджа Дэша, были уволены²⁷.

Куда более важным итогом этого дела стало наличие доказательств для плотного надзора за организациями немецкой диаспоры в Америке, поскольку Дэш и другие пойманные шпионы подтвердили, что активисты прогерманских сообществ в США должны были содействовать диверсантам, помогать с внедрением, документами, материальной базой²⁸. Крупнейшей такой организацией был «Германо-американский союз», созданный 19 марта 1936 г. как преемник другого крупного сообщества пронацистски настроенных немцев в США — «Друзья новой Германии», учрежденного пастором Церкви адвентистов седьмого дня Генрихом Спанкнёбелем. После прихода в Германии к власти нацистов Спанкнёбель установил прочные отношения с руководством рейха. По прямому поручению заместителя фюрера по партии Рудольфа Гесса он в 1933 г. путем слияния «Гау-США» и «Свободного общества Тевтонии» (двух старейших сообществ немцев с нацистскими взглядами в Америке) создал организацию «Друзей новой Германии». Однако в том же 1933 г. Спанкнёбель был выслан из США, а «Друзья новой Германии» оказались под расследованием Комитета по натурализации и иммиграции по прямому запросу председателя этого ведомства конгрессмена Сэмюэля Дикштейна, который был обеспокоен антисемитской пропагандой и большим количеством граждан Германии, участвующих в работе этого сообщества. Итогом расследований под руководством Дикштейна стало создание специального Подкомитета по антиамериканской деятельности, который представил свои выводы одноименному постоянному комитету Конгресса и рекомендовал запретить

²² Johnson D. Betrayal: The True Story of J. Edgar Hoover and the Nazi Saboteurs Captured during World War II. New York, 2007. P. 190

²³ The New York Times. 07.VIII. 1942. P. 1; Toledo Blade. 07. VIII. 1942. P. 1.

²⁴ Речь идет о фильмах «Саботажник» (1942) и «Они пришли взорвать Америку» (1943). Первый фильм лишь брал за основу известную часть операции «Пасториус», в то время как второй фильм пытался максимально полно воплотить на экране всю историю этой «победы ФБР над нацистами». См.: Powers R. G. Op. cit. P. 183.

²⁵ Кроме заявленных в названии функций, этот отдел был также пресс-службой ФБР в годы директорства Гувера. См. подробнее: Cecil M. Op. cit.

²⁶ Biddle F. Op. cit. P. 328.

²⁷ National Archives and Records Administration (далее — NARA). Record Group (далее — RG) 65. Federal Bureau of Investigation (далее — FBI). File: 65-11065 (George Dasch and Operation “Pastorius”). Hoover to Ladd. 11 July 1942. P. 2–4.

²⁸ Ibid. Report for D.M. Ladd. 29 June 1942. P. 4.

деятельность «Друзей новой Германии». Вскоре после этого граждане Германии, которые входили в эту организацию, начали спешно покидать США, не дожидаясь высылки²⁹.

Поскольку Германия не желала терять в США такой перспективный пропагандистский и, в случае вступления этой страны в назревающую войну, диверсионно-разведывательный ресурс, по распоряжению Гесса был создан «Бунд». Во главе него встал выходец из Германии, ветеран Первой мировой войны Фриц Кун, гражданин США. Новая организация должна была быть «собственно американской» и выполнять тот же спектр пропагандистских и политических задач, что и предыдущая, но «более скрытно и аккуратно»³⁰.

В случае с операцией «Пасториус» и «Бундом» показательна публикация в газете «Нью-Йорк таймс» статьи о начале суда над участниками диверсии. Из восьми абзацев заметки шпионам посвящены лишь два первых, остальные сконцентрированы на критике недавно распущенного «Бунда» и наличие у ФБР доказательств подрывной деятельности этой организации³¹. История наблюдения за этим обществом начинается с 1936 г., когда ФБР получило от президента США Рузвельта соответствующее разрешение³².

Усиленное наблюдение за «Бундом», зафиксированное в следственном деле, началось в 1939 г. по запросу госсекретаря Корделла Халла к министерству юстиции США³³. На примере этого расследования можно наблюдать, как методы контрразведывательной работы ФБР и особенности американской правовой системы переплетались с политическим сыском, обусловленным критической позицией «Бунда» в отношении политики Рузвельта.

Даже после вступления США во Вторую мировую войну не было законных оснований для полного запрета «Бунда», поскольку его лидеры декларировали, что это в первую очередь «сообщество американцев немецкого происхождения, желающих изучать родную культуру, язык и традиции»³⁴. Вместе с тем ФБР быстро собрало информацию о теснейших связях «Бунда» с высшими кругами нацистской Германии. Сильный удар по этой организации был нанесен еще до вступления США в войну, когда 28 ноября 1939 г. Фриц Кун был осужден за растрату денег своей организации. В 1943 г. немецкий агент Кун был лишен гражданства США и интернирован в лагерь Кристал-Сити (Техас). Однако деятельность «Бунда» продолжалась, его возглавил ближайший сподвижник Куна — Герхард Кунце³⁵.

Впрочем, как показывает дело Фрица Куна, осуждение за растрату стало лишь предлогом к его аресту. ФБР долго и тщательно собирало доказательства его связей с нацистской Германией. В документах ФБР содержится информация о помощи со стороны Куна немцам по въезду в США, оформлению вида на жительство и гражданства США. Ряд близких знакомых и помощников Куна считались возможными связными лидера «Бунда» с абвером. В частности, один из его ближайших помощников Чарльз Харман неоднократно допрашивался федеральными агентами США. Важным свидетелем стала Хелена Рубинштейн, секретарь-референт, которая и выступила одним из основных свидетелей по делу о растрате³⁶. Хотя большая часть архива в части связей Куна с разведкой Германии была засекречена, из доступной части можно узнать, что агенты ФБР не сомневались, что Кун использовал «Бунд» для сбора и передачи Германии сведений о состоянии дел в США, в том числе в политике, культуре, промышленности, армии и т.д. После ареста Куна многие близкие к лидеру «Германо-американского союза» люди исчезли, что, по

²⁹ Bredemus J. Op. cit.

³⁰ Ibidem.

³¹ The New York Times. 07.VIII. 1942. P. 1.

³² См.: Левин Я.А. Указ. соч. С. 97–99.

³³ NARA. RG 65. FBI. File: 61-7590 (German American Federation/Bund). Part 1. Hull to Attorney General. 13 March 1939.

³⁴ Van Ellis M.D. Op. cit. P. 47.

³⁵ Ibid. P. 47–48.

³⁶ NARA. RG 65. FBI. File: 61-7594 (Fritz Julius Kuhn). Undeveloped Leads. 9 March 1942.

мнению федеральных агентов, было связано с их уходом в подполье или эвакуацией в Германию из-за страха ареста по обвинению в шпионаже³⁷.

Информация о незаконных операциях Куна была собрана с помощью внедренных в «Бунд» агентов и информаторов. Вступление США в войну ускорило сбор данных и их запуск в делопроизводство. Всем агентам, многие из которых смогли занять место, близкое к верхушке «Бунда», было дано указание активно провоцировать членов на незаконные действия. Наиболее успешным на данном направлении стал сбор доказательств об агитации «Бунда», направленной на американцев немецкого происхождения, чтобы заставить их саботировать призыв в армию США³⁸.

Эти действия агентов позволили привлечь «Бунд» к ответственности за нарушение закона о призыве в армию. Таким образом, формально «Германо-американский союз» прекратил свое существование в 1941 г. Однако руководство Третьего рейха по-прежнему не было готово отказаться от поддержки пронацистского сообщества в США. Многие местные ячейки «Бунда» регистрировались как новые организации. Помимо этого, существовали мелкие группы ультраправого толка, пропагандирующие в США идеи нацизма и фашизма³⁹.

Разбирательство против верхушки «Бунда», затянувшееся до 1945 г., окончилось поражением обвинения. Адвокатам Кунце удалось убедить Верховный суд США в политической подоплеке дела, незаконном сборе улик и необоснованности обвинений, базировавшихся большей частью на рапортах федеральных агентов и провокациях внедренных в «Бунд» осведомителей⁴⁰.

Главной сложностью, с которой столкнулось ФБР, стала почти полная невозможность привлечь «бундовцев» к ответственности по существующему законодательству, особенно в части законов о шпионаже, а также «политическая окрашенность» судебных процессов. Ситуация с «Бундом» привела к тому, что деятельность каждого из крупных сообществ немцев в Америке попала под расследование ФБР, даже несмотря на то, что пронацистскими были менее половины этих организаций⁴¹.

В 1941 г. прошел судебный процесс над 17 членами прогермански настроенного «Христианского фронта», обвиняемых в похищении оружия из арсенала национальной гвардии, что, по мнению ФБР, являлось частью подготовки «Фронта» к заговору с целью свержения правительства. Американский историк Фрэнсис Макдоннелл назвал этот процесс «упражнениями в пиаре» со стороны ФБР и минюста⁴²: все оружие, украденное «заговорщиками», представляло собой саблю времен Гражданской войны и винтовку Спрингфилда модели 1873 г. Тем не менее с подачи отдела ФБР по регистрации преступлений американская пресса писала о большом количестве стрелкового и холодного оружия, украденного из арсенала. Судебный процесс окончательно развалился, когда в ходе заседания выяснилось, что главный свидетель обвинения Дэннис Хили был информатором ФБР⁴³.

Еще более ярким примером подобных сложностей стал процесс против 26 видных американских «нацистов и фашистов». 21 июля 1942 г. началось судебное заседание, на котором подсудимым были предъявлены обвинения в нарушении так называемого «закона Смита» 1940 г., который определял как преступника любого, кто «сознательно или умышленно... подстрекал к свержению правительства США или созданию объединений, направленных на свержение правительства», а также в подготовке заговора с целью вызвать неподчинение военных, что с учетом военного времени трактовалось как действия, также направленные на свержение законного правительства. Большинство

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibid. Part 9. Hoover to Tamm. 29 April 1941.

³⁹ MacDonnell F. Op. cit. P. 141.

⁴⁰ См.: NARA. RG 65. FBI. File: 61-7590 (German American Federation/Bund). Part 10–11; Canedy S. Op. cit. P. 220.

⁴¹ Canedy S. Op. cit. P. 220–222.

⁴² MacDonnell F. Op. cit. P. 38.

⁴³ Ibid. P. 39.

подсудимых были ультраправыми интеллектуалами, активными сторонниками изоляционизма и укрепления отношений с Германией; лишь часть из них разделяла идеи антисемитизма, фашизма и нацизма⁴⁴. Среди обвиняемых были: Джеральд Уинрод — христианский проповедник и политический активист, Элизабет Диллинг — писатель и публицист, Джеральд Л.К. Смит — политик, основатель партии «Америка превыше всего»⁴⁵, в прошлом активный соратник губернатора Луизианы Хьюи Лонга⁴⁶. В ходе судебного заседания, завершившегося в январе 1943 г., адвокатами подсудимых было убедительно доказано, что обвинение базируется на умозрительных предположениях федеральных агентов, а немногочисленные улики против подсудимых были добыты незаконным путем. Тем не менее министерство юстиции не отступило и в январе 1943 г. подготовило новое обвинение, расширив список до 30 человек, в число которых попал, например, Лоуренс Деннис, политик и дипломат, в 1930-е годы активно пропагандировавший идею перехода США к фашистской диктатуре. Новый судебный процесс закончился в декабре 1944 г. снятием всех обвинений⁴⁷. Впоследствии генеральный прокурор США Фрэнсис Биддл в мемуарах назвал этот процесс «тоскливым фарсом»⁴⁸.

Инициатива судебного разбирательства принадлежала лично президенту Рузвельту, раздосадованному многолетней «критикой справа». Хотя Биддл выразил несогласие с инициативой Рузвельта при осторожной позиции Гувера, считавшего необходимым собрать больше материалов, президент посчитал имевшиеся у ФБР материалы достаточными для начала судебного процесса⁴⁹. Такая позиция президента неслучайна: по мере усиления ФБР «красная» и «коричневая» угрозы стали прекрасными предложениями для сведения счетов с его политическими оппонентами как «справа», так и «слева». Если ранее ФБР лишь собирало информацию на критиков президента, то теперь Рузвельт сам указывал Гуверу, о ком, по его мнению, необходимо собрать информацию. В переписке с Гувером пресс-секретарь президента Стивен Эрли писал: «Мысль о том, что было бы неплохо, чтобы ФБР взяло на заметку имена и адреса тех людей, кто крайне нелояльно высказывается о его внешней политике, подал сам президент»⁵⁰.

Работа ФБР с эмигрантами из Германии была политически ангажированной. Тысячи писателей, художников, кинематографистов, интеллектуалов бежали из гитлеровской Германии. Многие обосновались в США, надеясь найти безопасное убежище и союзников в борьбе против нацизма. Но в Америке почти все изгнанники из Третьего рейха — среди них, например, лауреат Нобелевской премии Томас Манн, его брат Генрих Манн, драматург Бертольт Брехт и романисты Эрих Ремарк и Лион Фейхтвангер — стали объектами подозрений и слежки ФБР.

Информацию об этом впервые проанализировал профессор университета Огайо Александр Стефан. Он выделяет несколько ключевых моментов, которые приводили

⁴⁴ Ribuffo L.P. Op. cit. P. 178.

⁴⁵ Партия получила название от знаменитого комитета «Америка превыше всего». В 1947 г. она была переименована в «Христианский националистический крестовый поход» и в таком виде просуществовала до 1977 г. См.: Jeanson G. Gerald L.K. Smith: Minister of Hate. New Heaven (CT). 1988.

⁴⁶ Яркий и эпатажный губернатор штата Луизиана Хьюи Лонг в начале своей карьеры выступал как сторонник Рузвельта, однако, уже вскоре после победы последнего на президентских выборах стал одним из его наиболее ярких критиков. Общественно-политические взгляды Лонга представляли собой мешанину из социализма, национализма, религиозного догматизма, что со временем сделало его популярной фигурой у ультраправых. Лонг был убит в 1935 г. Противоречивая история его жизни и карьеры стала основой художественных произведений, наиболее известное из которых — роман Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать». См.: Dethloff H.C. Huey P. Long: Southern Demagogue or American Democrat? Lafayette (LA). 1976.

⁴⁷ Ribuffo L.P. Op. cit. P. 225.

⁴⁸ Biddle F. Op. cit. P. 332.

⁴⁹ Jeanson G. Women of the Far Right: The Mothers' Movement and World War II. Chicago (IL). 1996. P. 62–67.

⁵⁰ Franklin Delano Roosevelt Library (далее — FDRL). Papers of Stephen T. Early. Early to Hoover. 21 May 1940.

к длительной слежке со стороны ФБР. Во-первых, Бюро проверяло биографию ново-прибывшего, опасаясь, что вместо беглого писателя или ученого в Америку прибыл диверсант или агент влияния. Изучалась вся биография того или иного автора, его работы, общественная позиция. Во-вторых, рассматривалась общественная деятельность в США. Новоприбывшие активно выступали на радио и в газетах, основывали и присоединялись к различным организациям немецкой диаспоры в Америке, что лишь усиливало настороженность федеральных агентов. В-третьих, фиксировались нелояльные высказывания в адрес политики США. Это был наиболее интересный пункт, работа по которому, что видно из архивных сведений, приведенных Стефаном, велась особенно активно⁵¹.

Усиленным наблюдением ФБР сопровождалась любая публичная критика. Вместе с тем работа агентов Бюро показывает, насколько ведомство Гувера стремилось подменить и увязать политический сыск с контрразведкой. К примеру, наблюдение за Бертольдом Брехтом началось после того, как к агентам ФБР попали его стихотворения антивоенной, пацифистской направленности, которые были истолкованы ФБР как коммунистическая пропаганда⁵².

Не менее интересна история писателя Томаса Манна. Агенты проследили его биографию до 1927 г. Поводом стали «симпатии Манна к Советскому Союзу и коммунистическим идеям». Бюро сумело завербовать родную дочь писателя Эрику Манн и получать информацию обо всех его передвижениях, контактах, творческих планах⁵³.

Интересным моментом в работе ФБР по творческой интеллигенции немецкой диаспоры стало дело на режиссера Фрица Ланга, одного из основателей немецкого экспрессионизма, создателя знаменитого «Метрополиса» (1927), одной из первых экранных антиутопий и самого дорогого фильма эпохи немого кино⁵⁴. Ланг перебрался в США в 1934 г., быстро смог найти себе место в Голливуде. Внимание агентов ФБР он привлек в 1942 г., «как и другие выдающиеся деятели искусства немецкого происхождения». Внимание Бюро было сосредоточено на том, что режиссер помог незаконно въехать на территорию США гражданке Германии Марии Карк, а также предоставил свою съемочную группу компании Shell Oil Corporation для проведения сейсмологических исследований на озере Артур в предместьях Хьюстона. Режиссер хотел купить в этом месте землю для постройки дома. За предоставление людей для исследований под руководством специалиста компании Shell доктора Эби он получил денежное вознаграждение. Поскольку весь технический персонал, предоставленный Лангом, состоял из немцев и немцем был руководитель работ, ФБР заподозрило, что сейсмологическое исследование является прикрытием для сбора секретных данных или немецкой диверсии⁵⁵. Тем не менее расследование показало, что Ланг является ярым антинацистом. Единственное нарушение, связанное с проведенным исследованием, — отсутствие его правильного оформления в бухгалтерии фирмы и офиса Ланга, что позволило Shell списать значительную сумму (точная цифра вымарана цензурой Бюро), а режиссеру заработать деньги, не облагаемые налогом. Также был подтвержден факт помощи Ланга своей близкой подруге Марии Карк. Однако, поскольку ни режиссер, ни его подруга не имели никаких связей с руководством Германии или ее разведкой, Бюро предпочло закрыть глаза на эти нарушения в обмен на сотрудничество Фрица Ланга, хотя и выслало Марию Карк из США. Тем не менее, судя по материалам дела, немецкий режиссер не стал для Бюро хорошим источником информации: в деле нет от него никаких донесений⁵⁶.

Даже больше внимания, чем общественные деятели и творческая интеллигенция, получали со стороны ФБР ученые, в особенности представители точных и естественных

⁵¹ *Stephan A.* Op. cit. P. III–XII, 35, 126, 300.

⁵² NARA. RG 65. FBI. File: 100-190707. (Bertolt Brecht). Part 1. Los Angeles to HQ. 6 March 1943.

⁵³ Ibid. File: 62-26225. (Thomas Mann). Part 1. Memo for Mr. Nichols. 29 October 1947.

⁵⁴ См. например: Fritz Lang's Metropolis: Cinematic Visions of Technology and Fear / eds M. Minden, H. Bachmann. New York, 2000.

⁵⁵ NARA. RG 65. FBI. File: 100-12519 (Fritz Lang). Report from agent J.B. Frysch to Bureau at Houston, New Orleans, HQ. 5 February 1944.

⁵⁶ Ibid. Report from agent M.T. Pocen to Bureau at New Orleans, HQ. 15 June 1945.

наук. Они рассматривались не только как потенциальная угроза, но и как важный ресурс развития оборонной промышленности США. Их гражданская позиция подвергалась строгой ревизии со стороны федеральных агентов. Наиболее яркий пример — Альберт Эйнштейн. Великий физик покинул Германию в 1933 г. и был известен своими общественно-политическими взглядами, которые он формулировал как демократический социализм. Как минимум с 1937 г. федеральные агенты вели наблюдение за Эйнштейном. В архиве ФБР находится письмо Гувера руководителю Отдела военной разведки Комитета начальников штабов армии США Шерману Майлзу⁵⁷. Письмо директора является ответом на запрос Майлза (запрос в архиве отсутствует). Судя по контексту ответного письма, шеф военной разведки интересовался биографией ученого и сведениями Бюро. Гувер перечислял все коммунистические организации, спонсором, участником или членом которых был, по его мнению, Эйнштейн⁵⁸. Понятно, что после такой характеристики ни о каком плотном сотрудничестве армии США с великим физиком не могло быть и речи. Из биографии Эйнштейна известно, что, несмотря на неплохие личные контакты с президентом США, ученого не стали привлекать к «Манхэттенскому проекту». Лишь военно-морской флот США несколько раз обращался к Эйнштейну за общими консультациями по вопросам механических проблем, связанных с подъемом из глубины подводных лодок⁵⁹.

Из архивных данных ФБР видно, что Эйнштейн не скрывал своих общественно-политических взглядов, которые Бюро истолковывало как приверженность коммунизму. Бюро не вело в годы войны активной работы по Эйнштейну из-за личного расположения Рузвельта к ученому, которое многократно усилилось после знаменитого письма, где физик писал о работах в Германии по созданию ядерного оружия. Это письмо фактически подтолкнуло США к началу собственных работ в этой области⁶⁰. Эйнштейн не стеснялся использовать свой статус и высокое знакомство, что видно из письма директору ФБР, в котором ученый, иронично обращаясь к главе ФБР «лейтенант-полковник», требует прекратить проверки ведомством Гувера своих коллег⁶¹. Неудивительно, что такая деятельность способствовала началу активного наблюдения и пристрастного сбора данных в отношении великого физика на ранних этапах холодной войны.

ФБР также постепенно наращивало усилия по противодействию «желтой угрозе». Количество организаций и сообществ японцев в США было значительно меньше, а сами структуры были компактнее, чем аналогичные организации немцев. На фоне ухудшения отношений США с Японией уже с 1932 г. представители японской диаспоры в Америке находились под наблюдением ряда ведомств. Наиболее интенсивным сбором информации занимались ФБР и разведка военно-морского флота (РУ ВМФ): наибольшее скопление японо-американцев наблюдалось на Восточном побережье США⁶². На конференции руководителей разведывательных ведомств в 1941 г. Эдгар Гувер отметил, что «в отношении предотвращения и раскрытия японской активности РУ ВМФ сделало гораздо больше... чем любое другое агентство»⁶³. Тем самым глава ФБР пытался разгрузить свое ведомство, и без того перегруженное работой⁶⁴.

⁵⁷ Майлз был сочтен правительством США одним из виновников трагедии в Пёрл-Харборе. Его карьера в Комитете начальников штабов после Пёрл-Харбора закончилась. Майлз был отправлен с инспекционной поездкой в Южную Америку для изучения вопросов предоставления военной помощи от США. 28 января 1942 г. Майлз был произведен в генерал-майоры, а затем назначен командующим Первого вспомогательного командования (впоследствии переименован в Первый вспомогательный корпус) в Бостоне. См.: *Millett J.D. The Organization and Role of the Army Service Forces. Washington (D.C.), 1954. P. 370.*

⁵⁸ NARA. RG 65. FBI. File: 61-7099 (Albert Einstein). Hoover to Miles. 13 August 1941.

⁵⁹ Чертанов М. Указ. соч. С. 322–363.

⁶⁰ FDRL. Safe Folders 5. Einstein letter to FDR regarding atomic bomb. 2 August 1939.

⁶¹ NARA. RG 65. FBI. File: 61-7099 (Albert Einstein). Einstein to Hoover. 30 July 1940.

⁶² Ng W. Op. cit. P. 1–31.

⁶³ NARA. RG 80. Department of Navy. File: A8-3/EF13-27. Kirk to all naval districts, 13 March 1941.

⁶⁴ Ibidem; Weiner T. Op. cit. P. 167.

Вместе с тем неправильно утверждать, что у агентов ФБР не было заметных успехов в деле противодействия шпионам Японии. Одним из первых документов, указывающих на активную работу ведомства Гувера по противодействию японскому влиянию в США, является рапорт отделения в Сан-Франциско о факте отправки в США около 10 тыс. благодарственных сертификатов от правительства Японии и императорского флота. Каждый такой сертификат давал право его подателю получить денежное вознаграждение в любом консульстве или посольстве Японской империи. Большое количество подобных документов привлекло внимание таможенной службы США, которая и передала сигнал в ФБР. Агенты совместно с таможенниками задержали груз. Согласно декларации из консульства в Сан-Франциско, сертификаты должны были отправиться в разные города США, в основном в штат Калифорния. Часть сертификатов уже была подписана и предназначалась обществам и организациям латиноамериканцев в США, что вызвало особую тревогу у федеральных агентов. Также агенты обратили внимание на настойчивые просьбы консульства Японии как можно скорее вернуть им груз. Вместе с сертификатами были перехвачены книги на английском, которые после проверки были классифицированы как японская пропаганда; эти книги предназначались для рассылки разным объединениям японцев в США. Больше всего книг предназначалось для общества «Хеймуша Каи» — организации молодых американцев японского происхождения, имевших право и желание поступить на военную службу. Согласно выводам рапорта, ФБР конфисковало груз; все организации и лица, которым предназначались книги и сертификаты, должны были понести ответственность согласно принятому в 1940 г. закону «О регистрации иностранцев»⁶⁵. Общество «Хеймуша Каи», как и многие другие японские организации в США, было подвергнуто многочисленным проверкам и попало под жесткий надзор⁶⁶.

Этот эпизод показывает, что еще до трагедии в Пёрл-Харборе ФБР активно работало по «желтой угрозе», хоть и выбрало для себя второстепенную роль, предпочтя перенести основную нагрузку по работе с японцами в США на коллег из РУ ВМФ. Лидирующая роль военно-морской разведки отмечается в документе от 4 декабря 1941 г., в котором сотрудники РУ ВМФ делятся с ФБР своими обширными сведениями о японской пропаганде в США⁶⁷.

В рапорте заместителя директора ФБР Д.М. Лэдда своему начальнику относительно организаций японцев в США⁶⁸, исследованием деятельности которых занималось Бюро, сообщается, что работа по изучению документации этих обществ затягивается в силу нехватки у ФБР кадров, способных хорошо и быстро переводить с японского. На документе стоит резолюция Гувера, тон которой выдает раздражение директора. Гувер интересуется, может ли быть решена эта проблема в скорейшие сроки, и «отмечает общую тенденцию к сотрудничеству со стороны простых американцев, знающих японский»⁶⁹. Этот документ показывает, что федеральные агенты не были в полной мере подготовлены для контрразведывательной работы на японском направлении.

Как показала практика, ФБР начало привлекать «гражданских специалистов» из числа американцев со знанием японского языка (в основном активистов из числа «Американского легиона»), давая им на перевод отдельные фрагменты конфискованных документов. Как отмечают специалисты, часто эти переводы были низкого качества:

⁶⁵ NARA. RG 65. FBI. File: FBI Case Report, Agents of Foreign Principals. 23 January 1940.

⁶⁶ Ibid. File: 100-4657 (Heimusha Kai). Report on Heimusha Kai and other organizations. 3 July 1941.

⁶⁷ Данные сведения были запрошены в ходе расследования отделения ФБР в Сан-Диего (шт. Калифорния). См. подробнее: Ibid. File: 61-10556 (Japanese Association of San Diego). Report from ONI. Japanese intelligence and propaganda in the United States during 1941. 4 December 1941.

⁶⁸ В частности, о таких обществах японцев в США, как Ничибей Когю Кайша (Лос-Анджелес), Хококку Каи (Сан-Диего) и Даи Ниппон Бутоку Каи (Сакраменто). Все эти организации позиционировали себя как просветительские и образовательные центры для японской молодежи в США. См.: J. Edgar Hoover Official and Confidential (O&C) Files. Section 2. Memorandum for the Director, FBI from D.M. Ladd. 1 January 1941. P. 2.

⁶⁹ Ibidem.

квалификация переводчиков не проверялась⁷⁰. Поскольку приглашенным переводчикам давали отдельные страницы без общего контекста, их переводы порождали массу коллизий, которые почти всегда истолковывались в Бюро не в пользу тех организаций, с документами которых работали агенты⁷¹.

Такой подход существенно отличается от стратегии, выбранной Госдепартаментом США, который стремился активно привлекать к работе нисэев⁷², в том числе и к изучению деятельности японской разведки в этнических обществах, что, по мнению экспертов внешнеполитического ведомства США, давало больший практический эффект и помогало снизить напряженность в среде американских граждан японского происхождения⁷³.

Несмотря на первоначально осторожную позицию Гувера, ФБР сыграло заметную роль в истории преследований японской диаспоры в США. Еще до событий в Пёрл-Харборе Бюро вело активную слежку за лидерами японо-американцев; почти все из них были задержаны в первые часы и дни после атаки Японии на американский флот. Эта работа вылилась в полноценную программу содержания под стражей видных представителей «недружественных» США народов, которую ФБР вело совместно с армейской и флотской разведкой.

7 декабря Роберт Шиверс, глава офиса ФБР в Гонолулу, еще до окончания бомбежек американских кораблей позвонил Гуверу. Директор уполномочил своих агентов сразу арестовать или задержать всех японцев, попавших в списки⁷⁴. ФБР занялось проведением массовых обысков и задержаний в домах американцев японского происхождения в течение первых нескольких недель после нападения на Пёрл-Харбор. В мемуарах американцев японского происхождения, столкнувшихся с жесткими репрессиями со стороны государства, именно поведение федеральных агентов подвергается наибольшей критике и описывается как «беспредел и дискриминация»⁷⁵. ФБР было поручено провести аресты тех немногих японских американцев, которые не подчинялись распоряжениям об «эвакуации» на Западном побережье. На Гавайях ФБР вело активную работу в отношении американцев японского происхождения на протяжении всей войны. Хотя Роберт Шиверс в итоге установил тесные связи с лидерами нисэев и впоследствии часто приписывал себе важную роль в предотвращении массового перемещения японо-американцев на Гавайях⁷⁶, это не влияло на размах репрессий правительства США в отношении собственных граждан японского происхождения. Гувер последовательно, хотя и не очень активно, выступал против массового перемещения, утверждая, что его ведомство успешно опознало и арестовало всех, кто представлял какую-либо угрозу.

После того, как интернирование японцев в концентрационные лагеря было завершено к середине октября 1942 г., ФБР было поручено отслеживать возможную антиправительственную активность в лагерях. Ведомство Гувера вступило в затяжной конфликт

⁷⁰ Muller E.L. Op. cit. P. 7–8; Hayashi B.M. Op. cit. P. 111; Leonard K.A. Op. cit. P. 463–482.

⁷¹ Muller E.L. Op. cit. P. 10–12.

⁷² Нисэй – второе поколение японцев в США, те, кто родился уже в Америке. См.: Patterson B.J. *Ethnic Groups USA*. New York, 2008. P. 167.

⁷³ Об этом писал бизнесмен Кёртис Мансон, который совместно с журналистом Джоном Картером по личной просьбе Рузвельта подготовил доклад о японских иммигрантах в США. См.: Sundquist E. Op. cit. P. 532–533; University of Washington Libraries. Microfilm A7378. Reel 17. Box 17. Frames 0034–0039, Items 19481.

⁷⁴ NARA. RG 65. FBI. File: 66-3182 (J. Edgar Hoover Appointment and Phone Logs). Part 1. Report on Incoming Telephone Calls from SAC Shivers. 7 December 1941.

⁷⁵ В частности, в исследованиях и мемуарах по теме репрессий американского правительства в отношении японцев описываются случаи воровства агентами ценностей во время обысков и арестов, грубое обращение с японскими семьями, в том числе и с детьми, применение насилия. Об этом см.: Spickard P.R. *Japanese Americans: The Formation and Transformations of an Ethnic Group*. New Brunswick (NJ). 2009. P. 101–106; Muller E.L. Op. cit. P. 1–15; Takei G. *To The Stars: The Autobiography of George Takei*. New York, 1994. P. 23–50; *Idem*. *They Called Us Enemy*. New York, 2019.

⁷⁶ Pearl Harbor Legacy. Remembering Robert Shivers. 12 July 2009. Online. Available at // URL: https://archives.fbi.gov/archives/news/stories/2009/december/shivers_120709. (дата обращения: 05.11.2020).

с Диллоном Майером и возглавляемым им Управлением военного переселения (УВП), поскольку считало, что «эта организация не справляется с охраной порядка в лагерях и крайне беспечно относится к нарушителям распорядка», а потому «логичнее было бы передать эти функции федеральным агентам»⁷⁷. Учитывая столь сложные отношения, неудивительно, что, когда Майер под давлением критики (во многом инспирированной главой ФБР) попросил Гувера провести расследования лояльности для УВП, тот отказался⁷⁸. Специальные агенты ФБР в большом количестве проникали в лагеря без разрешения должностных лиц УВП, развивая там сеть информаторов. В конце войны ФБР медлило с одобрением заявлений на освобождение и, по крайней мере, в одном случае прекратило спонсируемое УВП переселение семей в Техас, потому что выбранный сотрудниками Майера район был изолирован, что, по мнению федеральных агентов, делало «почти невозможным наблюдение за деятельностью японцев». Помимо этого, выбор местности для переселения подвергся критике, поскольку, по мнению агентов, имел «стратегическое значение для военных усилий»⁷⁹.

В 1944–1946 гг., когда основная масса японцев была отпущена из лагерей и зон компактного проживания, ФБР было поручено обеспечить их защиту от агрессии со стороны других граждан и организаций⁸⁰.

Таким образом, можно сделать выводы, что в новых исторических условиях ФБР активно противодействовало организациям пронацистского и прояпонского толка. Однако контрразведывательная работа этого ведомства отличалась грубостью и недостатком опыта, что в условиях социального и политического заказа на усиление внутренней безопасности США компенсировалось уклоном ФБР в политический сыск, который тесно переплетался с контрразведкой. Этот вывод подкрепляется как делами в отношении «Бунда» и «Христианского фронта», так и позицией ФБР по отдельным личностям и в целом деятельностью в отношении эмигрантов из Германии.

Еще сильнее неравномерность в расстановке приоритетов деятельности ФБР в деле обеспечения безопасности прослеживается на примерах работы со структурами, связанными с Японской империей. Федеральные агенты намеренно выбрали для себя второстепенную роль в противодействии «желтой угрозе», а потом с появлением острого запроса властей и общества всячески стремились продемонстрировать свою главенствующую роль в противодействии Японии. Все это привело к активному участию ведомства Гувера в интернировании американцев японского происхождения в концлагеря, что сопровождалось соперничеством с УВП, которое в условиях антияпонских настроений после трагедии в Пёрл-Харборе смогло на государственном уровне относительно успешно возглавить антияпонскую политику внутри США.

Реальный контрразведывательный результат от антинацистских (за исключением расследования против «Бунда») и антияпонских дел был не велик и в большей степени выражался в борьбе против вражеской пропаганды, направленной на американских граждан немецкого и японского происхождения. Однако и этот положительный эффект работы ФБР частично нивелировался тесным переплетением контрразведывательных задач с политическим сыском, что приводило к преследованию критиков политики президента США «справа» и «слева» и даже дискриминации целой этнической группы в масштабах всей страны.

Библиография / References

Левин Я.А. Деятельность ФБР по противодействию внешним и внутренним угрозам в США в 1934–1941 гг. // Проблемы изучения военной истории: сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. редактор А.И. Репинецкий. Самара, 2015.

⁷⁷ Drinnon R. Keeper of Concentration Camps: Dillon S. Myer and American Racism. Berkeley (CA), 1987. P. 48, 49–50.

⁷⁸ Ibid. P. 51.

⁷⁹ Hayashi B.M. Op. cit. P. 150.

⁸⁰ Tateishi J. And Justice for All: An Oral History of the Japanese American Detention Camps. New York, 1984. P. 159; Leonard K.A. Op. cit. P. 463–482.

- Чертанов М. Эйнштейн (ЖЗЛ). М., 2015.*
Chertanov M. Ejhnshtejn (ZhZL). Moskva, 2015. (In Russ.)
Levin Ya.A. Deyatel'nost' FBR po protivodejstviyu vneshnim i vnutrennim ugrozam v SShA v 1934–1941 gg. [The FBI's activities in countering external and internal threats in the United States in 1934–1941] // Problemy izucheniya voennoj istorii. Sbornik statej Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Problems of studying military history: a collection of articles of the Third All-Russian Scientific Conference with international participation] / otv. redaktor A.I. Repinetskij. Samara, 2015. (In Russ.)
Biddle F. In Brief Authority. Garden City (KS), 1967.
Bredemus J. American Bund // US-German Relations. 2011. URL: <https://usgerrelations.traces.org/americanbund.html> (access date: 18.08.2023).
Canedy S. America's Nazis: A Democratic Dilemma a History of the German American Bund. Chicago (IL), 1990.
Cecil M. Hoovers FBI and the Fourth Estate: the Campaign to Control the Press and the Bureau's Image. Lawrence (KS), 2014.
Dethloff H.C. Huey P. Long: Southern Demagogue or American Democrat? Lafayette (LA), 1976.
Drinnon R. Keeper of Concentration Camps: Dillon S. Myer and American Racism. Berkeley (CA), 1987.
Fritz Lang's Metropolis: Cinematic Visions of Technology and Fear / eds M. Minden, H. Bachmann. New York, 2000.
Hayashi B.M. Democratizing the Enemy: The Japanese American Internment. Princeton (NJ), 2004.
Jeanonne G. Gerald L.K. Smith: Minister of Hate. New Heaven (CT), 1988.
Jeanonne G. Women of the Far Right: The Mothers' Movement and World War II. Chicago (IL), 1996.
Johnson D. Betrayal: The True Story of J. Edgar Hoover and the Nazi Saboteurs Captured during World War II. New York, 2007.
Leonard K.A. "Is That What We Fought For"? Japanese Americans and Racism in California, the Impact of World War II // Western Historical Quarterly. 1990. № 21 (4). P. 463–482.
MacDonnell F. Insidious Foes: The Axis Fifth Column and the American Home Front. New York, 1995.
Millett J.D. The Organization and Role of the Army Service Forces. Washington (D.C.), 1954.
Muller E.L. American Inquisition: The Hunt for Japanese American Disloyalty in World War II. Chapel Hill (NC), 2007.
Ng W. Japanese American Internment During World War II: A History and Reference Guide. Westport (CT), 2002.
Patterson B.J. Ethnic Groups USA. New York, 2008.
Pearl Harbor Legacy. Remembering Robert Shivers. 12 July 2009 // URL: https://archives.fbi.gov/archives/news/stories/2009/december/shivers_120709 (access date: 05.11.2022).
Powers R.G. G-Men, Hoover's FBI in American Popular Culture. Chicago (IL), 1983.
Ribuffo L.P. Old Christian Right: The Protestant Far Right from the Great Depression to the Cold War. Temple (PA), 1983.
Spickard P.R. Japanese Americans: The Formation and Transformations of an Ethnic Group. New Brunswick (NJ), 2009.
Sundquist E. The Japanese-American Internment: A Reappraisal // The American Scholar. 1988. Vol. 57. № 4. P. 532–553.
Takei G. They Called Us Enemy. New York, 2019.
Takei G. To The Stars: The Autobiography of George Takei. New York, 1994.
Tateishi J. And Justice for All: An Oral History of the Japanese American Detention Camps. New York, 1984.
Van Ells M.D. Americans for Hitler // America in World War II. 2007. № 3. Iss. 2. P. 44–49.
Vasey C. Nazi Intelligence Operations in Non-Occupied Territories: Espionage Efforts in the United States, Britain, South America and Southern Africa. Jefferson (NC), 2016.

© 2023 г. А.В. ШУБИН

ЖЕНЕВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1954 года: КТО ВЫИГРАЛ?

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: historian905@gmail.com

Scopus Author ID: 56825379300; Researcher ID: AAM-7818-2021

Аннотация. В статье анализируется Женевская конференция 1954 г., посвященная урегулированию конфликтов в Корее и Индокитае. Несмотря на разделение участников конференции на два лагеря, мотивы делегаций в каждом из них различались. Если для советской дипломатии во главе с министром иностранных дел В.М. Молотовым было важно получить результат, в целом укрепляющий миротворческую политику ранней разрядки, то дипломатия КНР во главе с Чжоу Энляем решала более конкретные задачи создания буферов на северном и южном флангах противостояния с США и их союзниками. В результате советская дипломатия двигалась в фарватере китайской, и реализовался вариант раздела Вьетнама, впервые предложенный именно КНР, а урегулирование корейского конфликта было заморожено. При этом судьба Кореи демонстрировала участникам, что надежды на объединение Вьетнама в ближайшее время иллюзорны, но вьетнамское руководство все же согласилось на этот вариант. Несмотря на то что ДРВ и КНДР, как и их антагонисты, играли роль младших партнеров, представители «великих держав» считались с их позицией. Взвесив недостатки и преимущества раздела Вьетнама, руководство ДРВ поддержало его. КНР и СССР также добились дальнейшего улучшения отношений с Великобританией и Францией, которые на конференции пошли на некоторую изоляцию более непримиримой дипломатии США. В итоге Женевская конференция 1954 г. стала одним из главных успехов «ранней разрядки», хотя и не смогла создать условий для долгосрочного мира в Индокитае.

Ключевые слова: Индокитай, СССР, Вьетнам, Китай, США, Великобритания, Франция, Корея, международные отношения, дипломатические переговоры, международные конференции, политика разрядки, Женевская конференция 1954 г., Корейская война 1950—1953 гг., война за независимость Вьетнама.

A.V. Shubin

The 1954 Geneva Conference: Who Won?

Aleksandr Shubin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: historian905@gmail.com

Scopus Author ID: 56825379300; Researcher ID: AAM-7818-2021

Abstract. In this article, the author analyses the 1954 Geneva Conference dedicated to the settlement of conflicts in Korea and Indochina. Despite the division of the conference participants into two camps, the motives of the delegations in each of them differed. Soviet diplomacy, led by Foreign Minister Vyacheslav Molotov, was concerned with obtaining a result that generally reinforced the peacekeeping policy of early détente. Chinese diplomacy headed by Zhou Enlai sought

to accomplish more specific tasks of creating buffers on the northern and southern flanks of the confrontation with the United States and its allies. As a result, Soviet diplomacy followed China's lead, and the option of partitioning Vietnam, first proposed by the PRC, was implemented, while the settlement of the Korean conflict was frozen. At the same time, the fate of Korea demonstrated to the participants that hopes for Vietnam's unification in the near future were illusory, yet the Vietnamese leadership nevertheless agreed to this option. Although, like their antagonists, the DRV and the DPRK played the role of junior partners, the representatives of the "great powers" took their position into account. Having weighed the disadvantages and advantages of partitioning Vietnam, the leadership of the DRV supported it. The PRC and the USSR also further improved relations with Britain and France, while the latter two went some way to isolating the more intransigent US diplomacy at the conference. As a result, the 1954 Geneva Conference was one of the major successes of the "early détente", although it failed to create the conditions for long-term peace in Indochina.

Keywords: Indochina, USSR, Vietnam, China, USA, Great Britain, France, Korea, international relations, diplomatic negotiations, international conferences, detente policy, 1954 Geneva Conference, Korean War of 1950–1953, Vietnam War of Independence.

Женевская конференция 1954 г. является одним из ключевых событий «ранней разрядки» середины 1950-х годов, причем наиболее результативной из конференций того времени с участием СССР и государств Запада. На ней удалось добиться конкретных договоренностей, решавших судьбы Индокитая. В историографии она, как правило, рассматривается в контексте обзорных работ по истории либо холодной войны¹, либо войн в Индокитае². Во время холодной войны выходили работы, актуализирующие это событие в контексте фактического провала разработанных на Женевской конференции решений, но опирающиеся прежде всего на опубликованные материалы³. В 2002 г. И.В. Гайдук опубликовал обзор событий конференции, введя в научный оборот документы из российских архивов⁴. В 2008 г. вышла обширная публикация документов «Женевская конференция 1954 г. — новые свидетельства из Архивов Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики» с вводными статьями Чень Цзяня, Шень Джихуа и П. Вингрова⁵. Несмотря на отмеченную авторами неполноту публикации, связанную с позицией китайских властей, эта коллекция документов является важным подспорьем для исследователей как внешней политики Китайской Народной Республики (КНР), так и ситуации на конференции в целом. Следует отметить сборник документов «Советский Союз и Вьетнам в годы первой индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г.»⁶ с вводной статьей О.А. Шашковой, посвященной контексту конференции, прежде всего советско-вьетнамским отношениям. Корпус

¹ Например: Международные отношения и внешняя политика Советского Союза 1950–1959. I полутом. М., 1958; Всемирная история. Т. 6. Кн. 2. М., 2018. Характерно, что не только в середине XX в., но и в начале XXI в. отечественная историография демонстрирует отсутствие идеологической равноудаленности. В соответствующем фрагменте «Всемирной истории» прокоммунистические участники конференции именуются по самоназванию (КНДР, ДРВ), а участники с другой стороны — в соответствии с советскими идеологическими штампами — «Южная Корея», а не Республика Корея, «сайгонское правительство», а не Государство Вьетнам (с. 112), администрация которого в это время присутствовала не только в Сайгоне, но и в северной столице Ханое.

² Turner R.F. Vietnamese Communism: Its Origins and Development. Stanford, 1975; Waite J. The End of the First Indochina War: A Global History. Abingdon, 2012; Хейстингс М. Вьетнам. История трагедии. 1945–1975. М., 2021.

³ Например: Young K.T. The 1954 Geneva Conference: Indo-China and Korea. Westport, 1968.

⁴ Gaiduk I.V. Confronting Vietnam: Soviet Policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963. Washington (D.C.), 2003.

⁵ The Geneva Conference of 1954 — New Evidence from the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // Cold War International History Project Bulletin: journal. 2008. № 16.

⁶ Советский Союз и Вьетнам в годы первой индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г. Сб. документов и материалов / сост. О.А. Шашкова, А.В. Борисова, Е.В. Кобелев, И.Н. Ларина. М., 2017.

документов, опубликованный в сборнике, может быть в ходе исследования существенно дополнен, так как конференция была посвящена не только Индокитаю, но и корейскому урегулированию.

Важный вопрос, который обычно теряется за описанием событий: а кто же все-таки стал главным бенефициаром конференции? Американская дипломатия демонстрировала свое недовольство ее итогами, для французов конференция была способом сохранить лицо при явном проигрыше. Но и отношение СССР, КНР и Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) к итогам конференции не было единодушным.

Женевская конференция была призвана урегулировать два наиболее острых конфликта в Тихоокеанском регионе — корейский и индокитайский, что в случае успеха открывало бы широкие возможности для углубления «ранней разрядки». Это стало бы победой СССР, выступавшего в это время с мирными инициативами. Правительство У. Черчилля было к ним несколько более лояльно, чем администрация Д. Эйзенхауэра.

В вопросе о Корее СССР был не просто важным игроком, а покровителем и наставником товарищей из КНР и Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Выступая на февральском пленуме ЦК КПСС 1954 г., министр иностранных дел В.М. Молотов говорил о прекращении войны в Корее «по инициативе» КНР и КНДР: «Эта инициатива развернулась, как известно, не без содействия Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Этот секрет я могу вам выдать»⁷.

СССР влиять на ситуацию в Индокитае не мог из-за удаленности региона, поддерживая прокоммунистических сил там занимались китайские товарищи. Хотя дипломатические отношения между СССР и ДРВ были установлены в 1950 г., Москва общалась с президентом ДРВ, коммунистом и лидером организации Лига независимости Вьетнама (Вьетминь) Хо Ши Мином через Пекин. Так, 24 февраля 1954 г. в телеграмме в ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) советские руководители просили информировать Хо Ши Мина об итогах Берлинской конференции и добавляли: «Мы знаем, что вьетнамские друзья обеспокоены созывом Женевской конференции и тем, смогут ли они принять участие в ней... Хотелось бы знать мнение вьетнамских друзей о том, как использовать эту конференцию во благо вьетнамскому народу»⁸. Мнение «вьетнамских друзей» Москва узнавала через «китайских друзей», следуя своеобразному принципу «вассалитета».

В 1949 г. французы смирились с формальной независимостью Вьетнама и передали гражданскую власть бывшему императору Бао Даю. Теперь французы сражались с коммунистами в качестве его союзников. В 1953 г. была провозглашена независимость Лаоса и Камбоджи, но все три страны, согласно французскому видению перспектив стран Индокитая, должны были стать частью Французского союза, это поддерживали местные прозападные и традиционные элиты. Но действия сил ДРВ были успешны, в марте 1954 г. начался штурм французской базы Дьенбьенфу.

25 января — 18 февраля в Берлине прошла встреча министров иностранных дел четырех держав-победительниц, на которой Молотову удалось добиться согласия Запада на созыв конференции в Женеве по Корее и Индокитаю с участием КНР. Учитывая, что за КНР не признавалось даже место Китая в ООН, привлечение китайских коммунистов к решению международных проблем было большим успехом. Но без КНР в обоих случаях обойтись было нельзя — в Корее стояли ее войска, а Хо Ши Мину была необходима ее поддержка. Правда, по настоянию западных партнеров в коммюнике было записано: «ни приглашение на упомянутое совещание, ни его проведение не должны рассматриваться как дипломатическое признание в любом случае, когда оно еще не имело место»⁹.

В марте Министерство иностранных дел КНР подготовило, а руководство КПК одобрило «Предварительные заключения по оценке и подготовке к Женевской

⁷ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 23.

⁸ The Geneva Conference of 1954... P. 12.

⁹ Правда. 19.II.1954.

конференции». Китайская дипломатия рассматривала корейский и индокитайский вопросы в более широком контексте, надеясь, что «достижение некоторых соглашений, даже соглашений лишь временных и ограниченных», поможет «открыть путь к разрешению международных споров путем дискуссий и переговоров между крупными державами», т.е. пойти дальше по пути глобального урегулирования с участием КНР (что предполагало бы и возвращение континентальному Китаю места в ООН). В корейском вопросе КНР планировала, с одной стороны, «твердо придерживаться лозунга мирного объединения, национальной независимости и свободных выборов», а с другой — «выступать против Ли Сын Мана (президент Республики Корея. — А.Ш.) с его политикой вооруженного объединения, американско-южнокорейского договора об обороне и так называемых свободных выборов, проводимых при отсутствии у народа вообще свободы выбора»¹⁰. КНР выступала не за любые свободные выборы, а за те, что исключали бы успех проамериканских сил.

«Что касается Индокитая... мы должны сделать все возможное, чтобы Женевская конференция не закончилась безрезультатно; даже если соглашение не может быть достигнуто, мы... должны создать ситуацию, характеризующуюся “ведением переговоров во время боевых действий”», тем самым усиливая трудности внутри Франции и противоречия между Францией и Америкой... Что касается конкретных вопросов, связанных с восстановлением мира в Индокитае, то прекращение огня на местах не так хорошо, как разделение по демаркационной линии между югом и севером по 16-й параллели»¹¹. Таким образом, программой-минимум КНР на переговорах было их перманентное продолжение, а программой-максимум — раздел Вьетнама на Север и Юг.

6 марта Молотов обсуждал совместную позицию на Женевской конференции с китайским послом в СССР Чжан Вэнтанем. Было решено предложить Корее «германскую модель»: создание общекорейского комитета из представителей Севера и Юга для организации выборов. Если это предложение не будет принято, добиваться вывода иностранных войск и постепенного улучшения экономических и других отношений Севера и Юга. Молотов не очень верил в выборы в Корее, но не сказал об этом прямо, отметив, «что Ким Ир Сен не приветствует свободные выборы». Китайский посол не возражал против предложений Молотова: поднять вопрос о Тайване, не привлекать к делу корейского урегулирования ООН, а к конференции Индию, чтобы не размыть роль КНР¹².

С Вьетнамом было сложнее — там войска сторон перемешаны по всей стране. Китайский посол предложил договориться о разделении Вьетнама по 16-й параллели. Он считал, что «это выгодное предложение для Хо Ши Мина, и его следовало бы принять, если оно будет выдвинуто официально»¹³. Учитывая устремления лидеров Вьетмина к созданию единого независимого Вьетнама, такое предложение могло их шокировать. Понятно, что корейский сценарий может привести к долгосрочному разделу страны и возобновлению кровопролитной войны, как это и случилось в Корее. В 1979 г. вьетнамская пропаганда в «Белой книге» о вьетнамо-китайских отношениях даже обвинила Китай в предательстве на Женевской конференции, что китайское руководство собиралось поделить Вьетнам по 16-й параллели уже в мае 1954 г. При интерпретации этого заявления следует учитывать, что в 1979 г. произошел вьетнамо-китайский вооруженный конфликт¹⁴. Получается, что сначала китайские товарищи сообщили об этой идее советскому руководству, а затем уже принялись уговаривать вьетнамцев. Как считают Чень Цзянь и Шень Джихуа, это было нелегко: «У молодых вьетнамских коммунистов не было другого выбора, кроме как последовать предложению Пекина и Москвы принять мирное соглашение, которое разделило бы Вьетнам — хотя и временно, как и предполагалось, — вдоль

¹⁰ The Geneva Conference of 1954... P. 12.

¹¹ Ibid. P. 12–13.

¹² Ibid. P. 13–14.

¹³ Советский Союз и Вьетнам... С. 218–219.

¹⁴ The Geneva Conference of 1954... P. 85.

17-й параллели. Сотрудничество и взаимная поддержка оставались главными в китайско-вьетнамских отношениях в Женеве, китайские документы также подтверждают, что между китайскими и вьетнамскими товарищами возникали разногласия, а временами и напряженность в определении целей и стратегии их достижения. Как отмечено в документах, разногласия сводились к тому, следует ли применять подход “разделительных зон” к урегулированию конфликта¹⁵. Указание на молодость вьетнамцев должно подчеркнуть их неопытность в отстаивании своих национальных интересов. Хотя Хо Ши Мин вообще-то был ровесником Молотова и старше Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Маленкова. Несколько моложе их был министр иностранных дел ДРВ Фам Ван Донг. Однако важнее отсутствие ссылок на документы, которые доказывали бы наличие такой напряженности. Уже в мае публичная позиция ДРВ вполне соответствует перспективе раздела Вьетнама. Разногласия при решении тактических вопросов вполне возможны, но следует ли считать их стратегическими?

Китайскому послу Молотов ничего не сказал по поводу предложенного раздела Вьетнама, сославшись на необходимость обсудить вопрос в ЦК КПСС¹⁶. Советским лидерам нужен был миротворческий успех, конкретика была не так важна, а в детализации соглашения руководство СССР положило на мнение китайских и вьетнамских товарищей. Необходимо было наращивать политический вес КНР, чтобы вернуть ее в число признанных «великих держав», что усиливало роль китайцев и в общем фронте СССР – КНР – ДРВ – КНДР.

Следует отметить, что Молотов был настроен на поддержку китайского руководства даже в большей степени, чем Президиум ЦК КПСС в целом. Позднее он заявил на совещании с советскими послами в социалистических странах 12 февраля 1955 г.: «Когда говорят обо всем лагере социализма и демократии, то руководство это теперь принадлежит не только Советскому Союзу, а вернее Советскому Союзу и Китайской Народной Республике»¹⁷. При этом Молотов ссылался на мнение ЦК КПСС, но в документах Президиума ЦК и пленумов ЦК КПСС такой концепции двойного руководства не было.

Китайская идея разделить Вьетнам по 16-й параллели была довольно неожиданной, учитывая, что Вьетминь контролировал часть как Северного, так и Южного Вьетнама. Но китайское руководство рассматривало ситуацию в контексте угрозы американского нападения, к которому относилось серьезно, ведь США продолжали признавать власти Тайваня в качестве законных представителей всего Китая, а еще недавно воевали с Народно-освободительной армией Китая в Корее. Угроза со стороны Кореи, Японии и Тайваня могла дополниться угрозой с юга: если бы США создали базу в Северном Вьетнаме, обширные территории южного Китая оказывались под угрозой бомбардировок. Их вероятность стала бы куда меньше, если бы «империалисты» были оттеснены на юг Вьетнама. Тема американской угрозы с территории Вьетнама периодически затрагивается в китайских документах. Председатель Государственного совета (правительства) и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай писал: «Франция и Соединенные Штаты не хотят уходить из дельты Красной реки»¹⁸.

Позиция ДРВ в отношении временного раздела Вьетнама не была столь однозначной, как это было подчеркнуто в 1979 г., ведь вьетнамские коммунисты в ходе конференции согласились на этот вариант: для них раздел нес не только минусы, но и плюсы. Они еще не победили в войне с французами, не контролировали крупных городов. А в случае раздела можно было получить Ханой и Хайфон, компактную территорию для начала строительства социализма и мирную передышку на несколько лет. Однако настроение «дядюшке Хо» и его товарищам подняли успехи в боях под Дьенбьенфу. «Вьетнамцы,

¹⁵ Ibid. P. 8.

¹⁶ Советский Союз и Вьетнам... С. 219.

¹⁷ Цит. по: *Липкин М.А.* Совет экономической взаимопомощи: альтернативный опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М., 2019. С. 68–69.

¹⁸ The Geneva Conference of 1954... P. 22.

особенно после своей с трудом одержанной военной победы при Дьенбьенфу, не желали раздела Вьетнама, даже если это была бы временная мера»¹⁹, — пишут Чень Цзянь и Шень Джихуа, не ссылаясь при этом на документы. Конечно, Хо Ши Мин и его товарищи относились к идее раздела без восторга, но, если бы их протест был так категоричен, как подчеркивается в литературе, это нашло бы отражение в публикуемых в ХХI в. дипломатических документах. Можно лишь увидеть постепенную эволюцию позиции ДРВ в сторону публично не высказываемой позиции КНР. Честь инициаторов разделения Вьетнама китайская дипломатия предлагала своим вьетнамским союзникам. И они действительно согласились на это, но не сразу.

К 4 апреля ДРВ определилась в своей позиции: ради перемирия «в нынешние зоны военных действий будут внесены необходимые коррективы». После заключения перемирия все иностранные вооруженные силы должны были быть выведены из Индокитая. Следовало создать шестисторонний комитет с участием профранцузских правительств и прокоммунистических сил трех стран Индокитая, «который должен отвечать за подготовительную работу по достижению мирного объединения, национальной независимости, демократии и свободы в трех странах». Для этого в каждой стране будут проведены всеобщие выборы и создано единое правительство. Новые власти «имеют право проводить консультации и в соответствии с желанием населения сформировать Федерацию Индокитая». Кроме того, «на основе равенства и взаимной выгоды подписать соглашения об экономическом, культурном и технологическом сотрудничестве с Францией»²⁰. Такая позиция не предполагала долгосрочного раздела Вьетнама. Напротив, она была направлена на создание Индокитайской федерации — наследие идей еще Компартии Индокитая.

22 апреля Чжоу Эньлай и Хо Ши Мин обсуждали совместную позицию на конференции с членами президиума ЦК КПСС Г.М. Маленковым, В.М. Молотовым, Н.С. Хрущевым и М.А. Сусловым. Советские лидеры поддержали их предложения²¹. Очевидно, Чжоу Эньлай и Хо Ши Мин не стали педалировать разногласия.

Конференция открылась 26 апреля, а 29 апреля Молотов выступил с речью, где обрисовал советский взгляд на процессы в Азии и раскритиковал американцев, которые «приписывают коммунизму всякое движение угнетенных народов к свободе и национальной самостоятельности». Молотов всячески расхваливал роль КНР в предстоящем урегулировании²².

Однако ООН в качестве площадки поиска компромисса была все еще неприемлема для Молотова: «нельзя не считаться с тем, что Организация Объединенных Наций, в силу оказанного на нее давления со стороны некоторых государств, заняла одностороннюю позицию и обнаружила неспособность в урегулировании корейского вопроса»²³. ООН даже не выслушала представителей КНДР, в ней не представлена КНР, роль которой в регионе трудно переоценить. При этом США проводят агрессивную политику в отношении КНР. «Они захватили остров Тайвань, сделав хозяином этого острова последышей чанкайшистской клики»²⁴.

11 мая Молотов выступил по корейскому вопросу. Он подтвердил, что СССР, КНР и КНДР считают незаконными решения ООН по Корее, так как тогда не было согласия пяти держав²⁵. «В результате ряда незаконных действий со стороны Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи Организация Объединенных Наций скатилась на положение воюющей стороны в Корее... Организация Объединенных Наций лишила себя возможности выступать в качестве беспристрастного международного органа и уже не может

¹⁹ Ibid. P. 8.

²⁰ Ibid. P. 14.

²¹ Ibid. P. 15.

²² Советский Союз и Вьетнам... С. 257–258.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 147. Л. 44.

²⁴ Там же. Л. 48.

²⁵ Там же. Л. 167.

выполнять объективных функций в решении корейского вопроса». Это подтверждает сам факт проведения Женевской конференции: «Это совещание происходит вне рамок Организации Объединенных Наций и не связано каким-либо решением Генеральной Ассамблеи»²⁶. Для объединения нужно создать общекорейскую комиссию из представителей двух Корей для подготовки выборов, вывести иностранные войска до выборов под международные гарантии от возобновления военных действий²⁷.

Залогом договоренности о создании комиссии двух Корей должна стать готовность сторон идти на компромиссы. А Молотов видел в этом вопросе политическое продолжение только что закончившейся войны: победить может либо КНДР, либо проамериканские «полуфашисты»: «И этот полуфашистский режим хотят навязать населению Северной Кореи, знающему, что такое демократические реформы, подъем национальной культуры, благо народной свободы!»²⁸. На юге — полуфашисты, а на севере Кореи — демократические реформы. Если альтернатива такова, то вряд ли такие противоположные системы можно объединить с помощью комиссии, состоящей из их представителей, они просто не смогут договориться.

Министр иностранных дел Республики Корея Бьон Мон Тэ закончил свое выступление 11 мая словами, не дававшими надежды на сближение: «Некоторые делегаты могут удивляться тому, почему г-н Молотов не изобретает новую ложь, а повторяет старую, которая всем надоела. Насколько мне известно, г-н Молотов придерживается старой лжи в надежде, что она, если ее повторять много раз, в конце концов, будет звучать как истина, хотя ему самому, безусловно, уже надоело повторять эту старую ложь»²⁹.

Конечно, даже оглашаемые Молотовым идеологические штампы не помешали бы поиску компромисса, если бы в этом был заинтересован государственный секретарь США Даллес. Но 3 мая он покинул конференцию, передав руководство американской делегацией заместителю У.Б. Смит. Американское руководство не видело в Женеве реальной перспективы в деле объединения Кореи. Когда министр иностранных дел Великобритании Э. Иден сообщил В.М. Молотову о предстоящем отъезде А. Даллеса, это его не смутило: «это лишь увеличит ответственность четверых»³⁰. Имелись в виду главы четырех делегаций «великих держав» без Смита. Корейское урегулирование без участия США было невозможно, а вот вьетнамское — вполне. США не могли предотвратить уход Франции из Индокитая, хотя могли со временем заместить французов. Пока договоренность зависела от Франции, а не от США, у конференции была перспектива успешно решить этот вопрос.

Наряду с пленарными заседаниями, уже с начала мая по инициативе Идена шли private переговоры, в которых участвовали представители пяти «великих держав», считая КНР, и заинтересованные стороны отдельно по корейским и индокитайским вопросам.

После отъезда Даллеса на публичных заседаниях Смит проявил большую активность, это был его звездный час. Он продолжил отстаивать «убеждение в том, что флаг Организации Объединенных Наций не является простой тряпкой... Кровь юношей 16 стран была пролита в Корею за самое благородное дело — в защиту слабых от сильных и алчных». Смит возмущался: «Советский Союз устами своего делегата заявляет всему миру здесь в Женеве, что он отвергает принцип коллективной безопасности, что он намерен поступать так, как ему заблагорассудится в отношении истины, справедливости или мира, нимало не считаясь с основными правами человечества»³¹. Конечно, Молотов и Чжоу

²⁶ Там же. Л. 170–171.

²⁷ Там же. Л. 173–174.

²⁸ Там же. Л. 178.

²⁹ Там же. Д. 148. Л. 19.

³⁰ The Geneva Conference of 1954... P. 16.

³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 148. Л. 68–69.

Энхлай не могли воспринимать это всерьез и согласиться со Смитом в том, что ООН — «единственное оставшееся орудие для поддержания коллективной безопасности»³².

15 мая Чжоу Энхлай докладывал в Пекин, что корейские переговоры заходят в тупик: «На совместной встрече советской, корейской и китайской делегаций мы пришли к выводу, что нынешняя ситуация по корейскому вопросу зайдет в тупик, если наши коллеги не смогут внести новые предложения, за исключением неоднократно предлагаемых выборов, основанных на распределении населения под наблюдением Организации Объединенных Наций, и вывода всех сил Организации Объединенных Наций после достижения мира и безопасности в Корее». СССР, КНР и КНДР настаивали, чтобы выборы проводились паритетной корейской комиссией, за ними наблюдали представители нейтральных стран Швеции, Швейцарии, Польши и Чехословакии (две последние на Западе не могли признать нейтральными), а сами выборы должны проводиться после вывода иностранных войск (т.е. сил ООН и КНР). «Однако мы исходим из того, что наши коллеги не пойдут ни на какие уступки в вопросе равных прав»³³.

5 июня Молотов подвел итоги корейской дискуссии. Он отметил сближение точек зрения, подчеркнул важность проведения выборов, организованных общекорейским органом, и вывод иностранных войск³⁴. В принципе тут не было ничего нового, но после прежних резких оценок сам тон Молотова настраивал партнеров на дальнейший диалог. Однако разногласия были труднопреодолимы. СССР и КНР не были готовы двигаться дальше под эгидой ООН, а для США это было принципиальным моментом. 13 июня Франция, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Бельгия и Таиланд заявили, «что, если конференция не сможет достичь какого-либо соглашения по корейскому вопросу, его следует вернуть в Организацию Объединенных Наций». При этом Чжоу Энхлай отметил особенность позиции министра иностранных дел Франции Ж. Бидо, не требовавшего надзора ООН за выборами в Корее³⁵. Франция была заинтересована в продуктивной атмосфере в Женеве, хотя ее интересовала не Корея, а Индокитай.

Фактически это означало неудачу Женевской конференции в корейском вопросе. Тогда стороны сосредоточились на той проблеме, в которой можно достичь соглашения, — на Индокитае. И Корея оказалась прецедентом при выработке модели решения проблемы Вьетнама.

Индокитайский вопрос официально начал обсуждаться на конференции 8 мая. Накануне, 7 мая, французские войска, оборонявшие базу Дьенбьенфу, капитулировали. Покрывая этот неприятный для него факт красноречием, Бидо 8 мая говорил: «Заключительная атака этой славной и протекавшей в неравных условиях битвы, продолжавшейся в течение 55 дней, началась как раз накануне даты, предусмотренной для этого совещания в Женеве, естественной перспективой которого должно было бы, естественно, стать прекращение грома орудий... Французская делегация не может скрыть здесь свое глубокое волнение и свою гордость перед героизмом бойцов Франции, Вьетнама, всего Французского Союза, которые продолжали сопротивление, превышающее человеческие силы»³⁶.

Французская сторона не признавала самостоятельную роль Вьетмина на переговорах. Фам Ван Донг прибыл на конференцию на правах члена делегации КНР. Но обойти ДРВ было трудно, так как в плену оказалось большое количество французских военных. Некоторые были серьезно ранены, больны, следовало поторопиться с их вызволением. Еще 1 мая Иден, очевидно, по просьбе Бидо, заговорил о судьбе раненых, Молотов и Чжоу Энхлай предложили договариваться напрямую с представителями ДРВ, сославшись на корейский опыт: «Лучше, чтобы две воюющие стороны обсудили это напрямую.

³² Там же. Л. 74.

³³ The Geneva Conference of 1954... P. 23.

³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 148. Л. 133–135.

³⁵ The Geneva Conference of 1954... P. 42.

³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 147. Л. 141.

Воюющие стороны в Корейской войне обычно напрямую обсуждали вопрос об обмене ранеными и больными военнопленными до заключения перемирия в Корее»³⁷.

10 мая Фам Ван Донг заявил о принципиальной возможности освободить раненых французов. Он огласил программу мира ДРВ, которая за месяц немного эволюционировала: независимость Вьетнама, Патет-Лао и Кхмера (так называли Лаос и Камбоджу прокоммунистические силы); вывод из Индокитая иностранных войск, свободные выборы в этих трех государствах, организованные консультативными конференциями двух сторон в каждой стране. Допускалось, что три страны могут признать наличие особых экономических и культурных интересов Франции и вхождение трех стран во Французский союз на добровольной основе (т.е. с возможностью потом из него выйти). Для наблюдения за прекращением огня предлагалось создать комиссию из представителей нейтральных государств. При этом «до того, как будут образованы единые правительства в каждом из указанных государств, правительства обеих сторон будут управлять районами, которые будут находиться под их управлением в соответствии с соглашением о прекращении военных действий»³⁸. Это была формула временного раздела страны, но без конкретизации, где будут находиться эти районы.

Бидо настаивал, что в Лаосе и Камбодже уже есть законные правительства, которые договорились об участии во Французском союзе и законно пригласили к себе французские войска. Да и во Вьетнаме уже есть законная власть бывшего императора Бао Дая, а прокоммунистический Вьетминь — вооруженные бунтовщики. Им, как и аналогичным бунтовщикам в Лаосе и Камбодже, помогают зарубежные коммунисты, которые являются агрессорами. И вьетнамские коммунисты являются агрессорами, когда действуют в Лаосе и Камбодже³⁹. Беда Бидо была в том, что французская армия терпела поражение, и время работало против Франции.

Бидо стремился сперва решить вопрос военного перемирия, оставив общие условия политического урегулирования на потом. Он предложил сосредоточить регулярные соединения в зонах перегруппировки, другие разоружить, освободить военнопленных и интернированных, прекратить военные действия сразу после подписания соглашения, контролировать прекращение огня с помощью международных комиссий, осуществить вывод вьетнамских войск и разоружить незаконные, т.е. прокоммунистические, формирования в Лаосе и Камбодже⁴⁰. Вроде бы подходы ДРВ и Франции к вопросу о перемирии во Вьетнаме имели общие черты. Суть разногласий заключалась в том, что следовало сделать в первую очередь: разоружить коммунистов или вывести французские войска.

Но где сосредоточить войска после перемирия, чтобы они снова не вступили в бой друг с другом? Французы придерживались концепции «шкуры леопарда» — определить зоны, занятые сейчас противниками, и обозначить их на карте, чтобы до выборов во Вьетнаме они уже не менялись⁴¹. Такой план имел и плюсы, и минусы. С одной стороны, это препятствовало бы разделу Вьетнама между коммунистами и антикоммунистами, так как «леопардовые пятна» в мирное время не могли существовать отдельно друг от друга. Но при извилистой линии разделения было бы очень трудно контролировать соглашение о перемирии, и война могла возобновиться в любой момент даже по случайным причинам.

Французскую позицию поддерживал Иден, который 14 мая объяснял Чжоу Эньлаю: «Наша идея состоит в том, чтобы сконцентрировать войска обеих сторон в заранее определенных районах, чтобы избежать конфликтов. Эти направления должны быть проработаны главнокомандующими обеих сторон, а затем одобрены нашей конференцией»⁴².

³⁷ The Geneva Conference of 1954... P. 16.

³⁸ Советский Союз и Вьетнам... С. 271–273.

³⁹ Там же. С. 307–312.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 147. Л. 149.

⁴¹ Хейстингс М. Указ. соч. С. 114.

⁴² The Geneva Conference of 1954... P. 20.

Чжоу Энълай, сославшись на выступление Фам Ван Донга, говорил, что ДРВ и Государство Вьетнам будут управлять своими зонами контроля до объединения. Иден с ним согласился. А для этого эти зоны должны быть относительно компактными. Идею раздела на Север и Юг Чжоу Энълай выдвигать не стал. В тот же день предложения ДРВ поддержал Молотов.

«Во время конференции, когда дискуссии по урегулированию индокитайского вопроса почти зашли в тупик во многом из-за непреклонного отношения Вьетминя к таким вопросам, как зоны сосредоточения войск, раздельное урегулирование конфликтов во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже и вывод всех иностранных войск из Индокитая, китайцы и Советы тесно консультировались друг с другом и совместно оказывали большое давление на своих вьетнамских товарищей»⁴³, — комментируют Чень Цзянь и Шень Джихуа. Получается, что неопытные и радикальные вьетнамские дипломаты мешали мудрым Молотову и Чжоу Энълаю довести дело мира до успешного результата. Однако, что за тупик имеется в виду? Уже в начале конференции именно руками Фам Ван Донга продвигалась идея временного разделения Вьетнама. Делегации СССР и КНР не только публично поддерживали позицию ДРВ, но и продвигали ее на закрытых переговорах. Сообщения о переговорах представителей СССР и КНР с вьетнамцами не фиксируют острых противоречий.

25 мая Фам Ван Донг публично сформулировал принцип «обмена равноценными территориями»⁴⁴ между сторонами. Хотя раздел на Север и Юг не упоминался, это был наиболее очевидный вывод из провозглашенного принципа. Дипломатия КНР оставалась в тени, идею раздела продвигала ДРВ.

29 мая было достигнуто соглашение о принципах прекращения огня. Раздел Вьетнама на зоны военного контроля не предопределял политических вопросов, декларировалось, что он должен стать единым государством. Бидо и Иден вынуждены были согласиться с тем, что будет обсуждаться судьба не только Вьетнама, но и Лаоса с Камбоджей. ДРВ выступила за отвод войск сторон в такие зоны, которые могли бы существовать самостоятельно друг от друга, но представитель Бао Дая считал, что это путь к расколу страны⁴⁵.

19 июня было достигнуто соглашение о прекращении огня в Лаосе и Камбодже, которое предполагало вывод иностранных войск и военного персонала. Но французы получили право иметь военные базы, а прокоммунистический Патет Лао — контроль над небольшими районами.

Сблизив позиции, министры на время разъехались, передав текущую работу комиссиям. Тем более что во Франции 12 июня ушло в отставку правительство Ж. Ланьеля, на место которого 18 июня пришел П. Мендес-Франс, ставший также и министром иностранных дел. Он обещал либо достичь соглашения по Индокитаю до 21 июля, либо уйти в отставку.

В этих условиях китайская дипломатия активизировалась. Чжоу Энълай встретился с делегациями Лаоса и Камбоджи, а затем свел их с Фам Ван Донгом на приеме в честь вьетнамской делегации⁴⁶. 23 июня Чжоу Энълай встретился в Париже с Мендес-Франсом и заверил его, что Китай желает, чтобы страны Индокитая остались во Французском союзе. Он даже согласен сохранить монархии в Лаосе и Камбодже, но при условии нейтралитета трех государств и отсутствия там американских военных баз. Французский президент отметил, что вьетнамские и французские военные обсуждают раздел Вьетнама на Север и Юг⁴⁷. Правительство Государства Вьетнам не могло с этим ничего поделать, так как вьетминовцы договаривались с французами напрямую.

⁴³ Ibid. P. 8.

⁴⁴ Советский Союз и Вьетнам... С. 325.

⁴⁵ Там же. С. 361.

⁴⁶ Gaiduk I.V. Op. cit. P. 42.

⁴⁷ The Geneva Conference of 1954... P. 52–54.

Приехав с конференции, Молотов все еще колебался, стоит ли делить Вьетнам на Север и Юг. 24 июня он докладывал на Президиуме ЦК: «Во французской, английской и американской печати много пишут о том, что Вьетнам нужно разделить на две зоны, причем в северной должны оставаться военные силы демократического Вьетнама, а в южной — военные силы баодаевского правительства. Такое разделение территории Вьетнама в основном соответствует признанному обеими сторонами принципу установления зон расположения воинских частей обеих сторон и вместе с тем устраняло бы многочисленные поводы для взаимных столкновений этих воинских частей, когда они расположены в перемежающихся районах. Нельзя, однако, не считаться и с отрицательными последствиями такого разделения Вьетнама на северную и южную зоны, если будет откладываться выполнение требования Демократической Республики Вьетнам о таком урегулировании положения во Вьетнаме, при котором, наряду с мероприятиями военного порядка, теперь же было бы принято решение и по политическим вопросам»⁴⁸. Даже на заседании Президиума ЦК Молотов не сообщил, что о плане раздела Вьетнама он узнал не из западной прессы, а от китайских товарищей, которые считали его выгодным. Впрочем, Президиум ЦК предоставил Молотову свободу рук. И в дальнейшем Молотов уже исходил из неизбежности временного раздела Вьетнама.

26 июня произошла встреча советской, вьетнамской и китайской делегаций в Женеве для изучения плана, подготовленного вьетнамской стороной относительно разделения и корректировки зон во Вьетнаме и Лаосе. Фам Ван Донг предложил провести раздел Вьетнама по одной из параллелей между 13-й и 16-й. Французы требовали 18-ю параллель. В это время стороны уже понимали, что раздел может оказаться долгосрочным, как в Корее, поэтому вели жесткую торговлю за то, какая параллель будет разделять Вьетнам. По самому принципу раздела Вьетнама разногласий не было, и все участники этих переговоров хотели бы продвинуть линию разграничения как можно дальше на юг. Вьетнамцам посоветовали не тянуть с выдвижением программы-максимум, т.е. как раз радикализировать позицию. Разногласия возникли лишь по поводу разграничения в Лаосе, вьетнамские предложения сочли непродуманными⁴⁹.

28 июня на переговорах военных делегаций представитель ДРВ Та Куанг Бу предложил раздел к северу от 13-й параллели. Как пишет И.В. Гайдук, «это предложение, конечно, было неприемлемо для Парижа»⁵⁰, но не из-за самой идеи раздела, к которой французы были готовы, а из-за стремления передвинуть демаркационную линию в район 18-й параллели.

3–4 июля в Лючжоу в Китае Чжоу Эньлай и другие китайские руководители встретились с Хо Ши Мином и генералом Во Нгуен Зином. В отчете о ней Чжоу не сообщал о разногласиях⁵¹. На встрече были согласованы возможные варианты соглашения о линии разграничения и сроках выборов⁵².

7 июля Молотов вернулся в Женеву, чтобы лично довести конференцию до успешного финала. После того, как Мендес-Франс принципиально согласился на скорейший вывод войск, а Даллес так и не возобновил свое участие в конференции, Молотов оказался ключевой фигурой в процессе урегулирования в Индокитае. Французская сторона жаловалась ему на неуступчивость Вьетмина и даже обсуждала детали с советскими военными экспертами. «Однако советский министр продолжал поддерживать требования вьетнамских друзей, по крайней мере на первый взгляд», — писал И.В. Гайдук, имея в виду, что 16-я параллель как линия раздела была приемлема для советской стороны еще

⁴⁸ Советский Союз и Вьетнам... С. 448.

⁴⁹ The Geneva Conference of 1954... P. 57.

⁵⁰ Gaiduk I. V. Op. cit. P. 43.

⁵¹ The Geneva Conference of 1954... P. 61.

⁵² Ibid. P. 95.

до начала конференции⁵³. Как мы видели, она была уместна для КНР, а Молотов до конференции еще не определился с этим вопросом.

10 июля Молотов и Мендес-Франс обсуждали, по какой параллели удобнее всего поделить Вьетнам — по 13-й или 18-й. Для французской стороны было принципиально важно сохранить под контролем своих союзников дорогу № 9, соединявшую с морем Лаос. Это означало, что демаркационная линия может пройти не южнее района 17-й параллели. Молотов также уделил много времени переговорам со всеми сторонами о сроках вывода войск и всеобщих выборах. 11 июля Мендес-Франс встретился с Фам Ван Донгом, чего Бидо не делал.

16 июля Молотов по предложению Идена согласился на встречу трех министров без представителя США, союзники на конференции дистанцировались от американской дипломатии. Чжоу Эньлай и Фам Ван Донг, которых Молотов подробно проинформировал об этой встрече, согласились, что встречи этой тройки будут полезны. Молотову они вполне доверяли. Чжоу Эньлай ссылаясь на результаты переговоров с Хо Ши Мином в Лючжоу, Фам Ван Донг не возражал и не апеллировал к Молотову против китайской позиции, соглашался добиваться демаркации по 16-й параллели и со сроками выборов, согласованных с КНР. Впрочем, Фам Ван Донг не исключал, что ради достижения соглашения можно провести линию и немного севернее (что и произошло в итоге)⁵⁴.

Поэтому трудно согласиться с выводом историка П. Вингрова, что, «в конце концов, соглашение было, можно сказать, согласовано через головы США и ДРВ, которые должны были покинуть Женеву несколько неудовлетворенными результатами многодневных переговоров»⁵⁵. Лидеры ДРВ все время держали руку на пульсе переговоров и активно в них участвовали. Но интересы КНР по-прежнему превалировали. Характерно, что Чжоу Эньлай, обсуждая с Молотовым возможную задержку с выводом французских войск, сказал, что «такая задержка нам на руку, поскольку присутствие французов во Вьетнаме может послужить препятствием для установления военно-политического сговора между американцами и властями Бао Дая»⁵⁶. Французы уже не были страшны, а вот американцы представляли главную угрозу для КНР.

Правда, после совещаний 16 июля заключение соглашения еще не было гарантировано. Мендес-Франс не соглашался на уступки. «Возможность провала была еще вполне реальной 18 июля, когда осталось три дня до установленного Мендес-Франсом крайнего срока», — писал И.В. Гайдук. Молотов выступил на краткой сессии конференции с призывом к компромиссу. «На этой стадии китайцы, вероятно, с советского согласия, выдвинулись на первый план в проталкивании урегулирования»⁵⁷. Чжоу Эньлай предложил партнерам тройку стран, которые будут контролировать соблюдение соглашения, — Индия, Канада, Польша, что было приемлемо. Затем договорились о возможности проведения выборов во Вьетнаме в 1956 г., если дата будет определена в 1955 г. (эта возможность обсуждалась в Лючжоу). 19 июля Чжоу Эньлай подробно обсудил с Мендес-Франсом и Иденом ситуацию в Лаосе. Было решено, что трехтысячный контингент французских войск останется в стране и поможет подготовить дееспособную армию Лаоса, а силы сопротивления временно получат под контроль небольшие районы⁵⁸. 20 июля Молотов, Мендес-Франс, Иден, Чжоу Эньлай и Фам Ван Донг договорились, что демаркационная линия пройдет в 10 км севернее трассы № 9 в районе 17-й параллели.

Принципиальным для КНР было закрепление нейтралитета Лаоса и Камбоджи, против чего возражал представитель последней, так как видел в этом ограничение суверенитета страны. В ночь на 21 июля согласились с формулировкой Молотова, что Камбоджа

⁵³ Gaiduk I.V. Op. cit. P. 44–45.

⁵⁴ The Geneva Conference of 1954... P. 95–98.

⁵⁵ Ibid. P. 85.

⁵⁶ Ibid. P. 96.

⁵⁷ Gaiduk I.V. Op. cit. P. 45.

⁵⁸ The Geneva Conference of 1954... P. 75–78.

и Лаос могут обращаться за иностранной помощью только в случае внешней угрозы⁵⁹. Казалось, что такая возможность не актуальна. Так и будет до кардинального изменения международной обстановки в начале 1960-х годов.

Соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме между командующими вооруженными силами Французского союза в Индокитае и Народной армии Вьетнама было датировано 20 июля. За время не более 300 дней войска двух вьетнамских правительств должны были передислоцироваться в северную и южную зоны, а демилитаризованная зона на 17-й параллели объявлялась неприкосновенной для вооруженных сил. Прекращение огня объявлялось по регионам с 27 июля по 11 августа. Контроль за ним возлагался на комиссии из представителей нейтральных государств. После подписания соглашения не допускалось прибытие во Вьетнам дополнительных войск.

21 июля была подписана заключительная Декларация Женевской конференции. Провозглашалось, что демаркационная линия во Вьетнаме «является временной и не может быть истолкована как являющаяся в какой-либо мере политической или территориальной границей». Предполагалось, что в июле 1956 г. будут проведены выборы во Вьетнаме под контролем комиссии, состоящей из представителей государств, участвующих в контроле за прекращением огня. Правительства Лаоса и Камбоджи обязались провести свободные выборы в 1955 г. Основная часть французских войск должна была покинуть Индокитай. Закреплялось обязательство использования военной помощи только в случае угрозы, что исключало создание военных баз⁶⁰, угрожающих, скажем, Китаю.

Было ясно, что Франция стремилась поскорее отделаться от военных проблем Индокитае, и нагрузка противостояния коммунистической угрозе перекладывалась на США. Прикрыв фланги со стороны Кореи и Индокитае с помощью буферных территорий КНДР и ДРВ, руководство КНР сосредоточилось теперь на проблеме присоединения Тайваня, что отразилось в письме ЦК КПК Чжоу Эньлаю от 27 июля: «Мы считаем, что после победоносного завершения освободительной войны на нашем материке и победоносного перемирия в Корейской войне мы все еще сталкиваемся с другой войной, т.е. с войной против бандитского блока Чан Кайши на Тайване. Теперь перед нами стоит задача освобождения Тайваня»⁶¹.

16 июля 1955 г. премьер-министр Государства Вьетнам Нго Динь Зьем, раскритиковав коммунистов, отказался от проведения общевьетнамских выборов. Вьетнамские коммунисты апеллировали к СССР и КНР как гарантам соглашения, но не получили активной поддержки — от добра добра не ищут. Несмотря на ожидаемый срыв всеобщих выборов во Вьетнаме, ДРВ получила возможность передышки, создания государства с устойчивой территорией, где можно было начать коммунистические преобразования, показывая пример южному Вьетнаму и другим странам Азии. Передышка в борьбе за объединение Вьетнама длилась до того времени, пока не стало ясно, что КНР не сможет в ближайшее время поглотить Тайвань. Вероятно, это не случайно. Стратегически вьетнамские коммунисты не были намерены останавливаться на рубеже 17-й параллели, для Хо Ши Мина создание единого социалистического Вьетнама было делом жизни. В 1959—1960 гг. гражданская война в Индокитае возобновилась и стала интернационализироваться.

Глобальный контекст итогов конференции стал проявляться сразу после ее завершения. В благоприятной обстановке после подписания соглашения 21 июля Молотов обсуждал с Мендес-Франсом возможность отказа от участия в Европейском оборонительном сообществе (ЕОС). 30 августа 1954 г. парламент Франции провалил ратификацию ЕОС.

По итогам конференции руководство СССР и Великобритании могло быть довольно результатами своего миротворчества. Черчилль даже выступил в поддержку принципа

⁵⁹ Gaiduk I. V. Op. cit. P. 49.

⁶⁰ Советский Союз и Вьетнам... С. 483—500.

⁶¹ The Geneva Conference of 1954... P. 83.

«мирного сосуществования», над чем поиронизировал Мао Цзэдун: «Международная ситуация такова, что даже такие реакционные деятели, как Черчилль, начинают признавать марксистско-ленинские принципы во внешней политике»⁶². Франция проиграла войну, но получила возможность плавно уйти из Индокитая, что стало успехом правительства Мендес-Франса. Наибольшее недовольство итоги конференции вызвали у администрации США с ее курсом на глобальное сдерживание коммунизма. Став главным покровителем Республики Вьетнам, США ждали возможности для реванша. Для них Женевские соглашения тоже были только передышкой.

Главным бенефициаром Женевской конференции 1954 г. стала КНР, укрепившая систему своей безопасности с юга. Однако, вопреки имеющемуся в историографии мнению, это было сделано не в ущерб интересам вьетнамских коммунистов, которые в результате раздела страны получили то, чего не имели на момент начала переговоров, — устойчивую территорию для строительства государственной системы и нового социального строя, плацдарма для дальнейшей борьбы за весь Вьетнам и даже Индокитай.

Библиография

Липкин М.А. Совет экономической взаимопомощи: альтернативный опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М., 2019.

Международные отношения и внешняя политика Советского Союза 1950–1959. I полутом. М., 1958.

Советский Союз и Вьетнам в годы первой индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г. Сб. документов и материалов / сост. О.А. Шашкова, А.В. Борисова, Е.В. Кобелев, И.Н. Ларина. М., 2017.

Хейстингс М. Вьетнам. История трагедии. 1945–1975. М., 2021.

Gaiduk I.V. Confronting Vietnam: Soviet Policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963. Washington (D.C.), 2003.

The Geneva Conference of 1954 — New Evidence from the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // Cold War International History Project Bulletin: journal. 2008. № 16.

Turner R.F. Vietnamese Communism: Its Origins and Development. Stanford, 1975.

Waite J. The End of the First Indochina War: A Global History. Abingdon, 2012.

Young K.T. The 1954 Geneva Conference: Indo-China and Korea. Westport, 1968.

References

Kheistings M. V'etnam. Istoriia tragedii [Vietnam. The history of the tragedy]. 1945–1975. Moskva, 2021. (In Russ.)

Lipkin M.A. Sovet ekonomicheskoi vzaimopomoshchi: al'ternativnyi opyt al'ternativnogo global'nogo mirooustroistva [Council of Mutual Economic Assistance: Alternative experience of Alternative Global World Order] (1949–1979). Moskva, 2019. (In Russ.)

Mezhdunarodnye otnosheniia i vneshniaia politika Sovetskogo Soiuza [International relations and foreign policy of the Soviet Union] 1950–1959. I polutom. Moskva, 1958. (In Russ.)

Sovetskii Soiuz i V'etnam v gody pervoi indokitaiskoi voiny. Zhenevskaia konferentsiia. 1954 g. Sb. dokumentov i materialov [The Soviet Union and Vietnam during the First Indochina War. The Geneva Conference. 1954. Collection of documents and materials] / sost. O.A. Shashkova, A.V. Borisova, E.V. Koblelev, I.N. Larina. Moskva, 2017. (In Russ.)

Gaiduk I.V. Confronting Vietnam: Soviet Policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963. Washington (D.C.), 2003.

The Geneva Conference of 1954 — New Evidence from the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // Cold War International History Project Bulletin: journal. 2008. № 16.

Turner R.F. Vietnamese Communism: Its Origins and Development. Stanford, 1975.

Waite J. The End of the First Indochina War: A Global History. Abingdon, 2012.

Young K.T. The 1954 Geneva Conference: Indo-China and Korea. Westport, 1968.

⁶² Ibid. P. 88.

© 2023 г. И.Э. МАГАДЕЕВ

БЕРЛИН – КУБА: ВЗАИМОСВЯЗЬ КРИЗИСОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ СВЕРХДЕРЖАВ (1961–1962)

Магадеев Искандэр Эдуардович — доцент Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Scopus Author ID: 57195680563; *Researcher ID:* M-4145-2014

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)»).

Аннотация. Цель статьи — выявить реальные и потенциальные взаимосвязи между Берлинским и Карибским кризисами в стратегических оценках руководства СССР и США в 1961–1962 гг. В оценках современников (государственных деятелей, дипломатов, военных и разведчиков двух сверхдержав) кризисы, происходившие по обе стороны Атлантики, не были разрозненными явлениями, а находились в своеобразном «сопряжении». Источниковую базу работы составили опубликованные и архивные документы, зафиксировавшие вариативные оценки советским и американским руководством Берлинского и Карибского кризисов. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что в стратегических оценках руководства сверхдержав в 1961–1962 гг. Берлинский и Карибский кризисы были связаны друг с другом многочисленными нитями. Кремль, настроенный в отношении берлинской ситуации максимально решительно до августа 1961 г., затем использовал «берлинский вопрос» для камуфлирования собственных приготовлений на Кубе. Для Белого дома строительство Берлинской стены не явилось столь выраженным рубежом в развитии кризиса, как для Кремля. В 1961–1962 гг. в Вашингтоне опасались, что СССР не оставил намерений тем или иным образом выдвинуть западные войска из Берлина; на протяжении долгого времени «кубинский вопрос» рассматривался американскими аналитиками через призму берлинского, а не наоборот. «Переключка» между кризисами отмечалась в стратегических оценках руководства сверхдержав, что влияло на оценки и действия СССР и США на пике холодной войны.

Ключевые слова: СССР, США, холодная война, Берлинский кризис, Карибский кризис, Дж.Ф. Кеннеди, Н.С. Хрущев, внешняя политика, международные отношения.

I.Ed. Magadeev

Berlin – Cuba: The Interrelationship of the Cold War Crises in the Strategic Assessments of the Superpowers 1961–1962

Iskander Magadeev, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO–University) (Moscow, Russia).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Scopus Author ID: 57195680563; Researcher ID: M-4145-2014

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00622 “Strategic culture of the Great Powers in the XX–XXI centuries: comparative-historical research (on the example of Russia and the USA)”).

Abstract. The purpose of this study is to identify real and potential interconnections between the Berlin and the Cuban crises in the strategic assessments of the Soviet and U.S. leadership in 1961–1962. Author demonstrates that the contemporaries (political leaders, diplomats, military and intelligence experts of the two superpowers) saw the two, the most dangerous crises of the Cold War not as separate events but as those ones which could intensify each other. Essay is based on the variety of published and archival evidence on the Soviet and U.S. estimates made in 1961–1962. Article concludes that Moscow and Washington judged the Berlin and the Cuban Crises as inter-related in many ways. The Kremlin, being vigorously determined to solve the “Berlin question” before August 1961, changed its tactics after the construction of the Wall and tried to use the situation around the West Berlin as a means to camouflage the Soviet actions in regard to Cuba. For the White House, the August 1961 wasn’t the clear termination of the Berlin Crisis. In 1961–1962, there were numerous voices in Washington which speculated that USSR didn’t abandon its attempts to force the Western troops out of Berlin. For a long period of time, the U.S. decision-makers regarded the “Cuban question” through the lens of the Berlin one. Though the relationship between Berlin and Cuban Crises didn’t materialise, it influenced seriously the strategic estimates of the superpowers and, through the estimates, made an impact on the Soviet and U.S. actions at the height of the Cold War.

Keywords: USSR, USA, Cold War, Berlin crisis, Caribbean crisis, John F. Kennedy, Nikita Khrushchev, foreign policy, international relations.

Второй Берлинский и Карибский кризисы традиционно рассматриваются в историографии как едва ли не самые опасные кризисы холодной войны. Тогда СССР и США остановились в шаге от прямого вооруженного столкновения с перспективой его перерастания в термоядерную войну глобального масштаба. Согласно одной из исследовательских оценок, «Берлинский и Карибский кризисы стали событиями, когда каждая из сторон в последний раз серьезно предполагала возможность нанесения “превосходящего первого удара”. После этих кризисов тот, кто ударил бы первым, должен был ожидать, что в ответ по его национальной территории ударят сотни, а возможно, и тысячи ракет»¹.

Осознание колоссальных ставок, которые стояли на кону в 1958–1962 гг., очевидно, присутствовало уже у современников событий. Так, 7 мая 1961 г. во время встречи Североатлантического совета в Осло министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль, не исключая дальнейшей эскалации Берлинского кризиса (подписание Советским Союзом мирного договора с ГДР и требование вывода западных войск из Берлина), призвал определиться, «собираемся ли мы с Москвой договариваться... или начинать войну»². В послании от 26 октября 1962 г., адресованном президенту США Дж.Ф. Кеннеди, глава

¹ Kaplan F. The Wizards of Armageddon. 2nd ed. Stanford, 1991. P. 306.

² Цит. по: Buffet C. De Gaulle, the Bomb and Berlin: How to Use a Political Weapon // The Berlin Wall Crisis: Perspectives on Cold War Alliances / eds J.P.S. Gearson, K. Schake. Basingstoke, 2002. P. 86.

советского правительства Н.С. Хрушев подчеркнул взаимную заинтересованность сверхдержав избежать «катастрофы термоядерной войны»³.

Несмотря на значимость обоих кризисов для судеб мира и динамики холодной войны, их взаимосвязь друг с другом, казалось, не была очевидной. Берлин и Куба не только географически разделены тысячами километров, но и в политико-дипломатическом отношении берлинский и кубинский «вопросы» относились совсем к разным сферам: первый проистекал из наследия Второй мировой войны и был частью более широкого «германского вопроса»; второй был связан с революционным подъемом в Латинской Америке, попыткой укрепления СССР в традиционной сфере влияния США и асимметричным балансированием американского стратегического превосходства. Одна из распространенных в историографии датировок второго Берлинского кризиса – с 27 ноября 1958 г. (так называемый «ультиматум Хрущева») до 13 августа 1961 г. (начало возведения Берлинской стены) – также создавала впечатление разделенности во времени событий в Берлине и на Кубе⁴. Вместе с тем наличие иных точек зрения о хронологических рамках Берлинского кризиса (с 1958 по 1962 г. или даже по 1963 г.)⁵ само по себе заставляло задуматься о наложении кризисов холодной войны друг на друга и пусть и опосредованном, но взаимовлиянии⁶. Ряд исследователей уже отмечал подобную взаимосвязь, однако нередко в центре внимания оказывались политико-дипломатические оценки двух кризисов советскими и американскими деятелями⁷. Расширение источниковой базы и введение в научный оборот новых документов позволяет дополнить имеющуюся историографию вопроса за счет более пристального изучения стратегических оценок тех последствий, которые могли вытекать из увязки кризисов.

Цель статьи – выявить реальные и потенциальные взаимосвязи между Берлинским и Карибским кризисами с акцентом на стратегические оценки, предлагаемые руководством СССР и США в 1961–1962 гг. По мнению современников (государственных деятелей, дипломатов, военных и разведчиков), события, происходившие по обе стороны Атлантики, не были разрозненными явлениями, а могли вступить в своеобразное сопряжение. Анализ этого позволит углубить понимание советско-американского конфликтного взаимодействия в 1961–1962 гг., а также будет способствовать расширению представлений о концепциях глобального противостояния, которые имелись у государственных деятелей сверхдержав в годы холодной войны.

Источниковую базу исследования составили документы, связанные с деятельностью первого заместителя председателя Совета министров СССР А.И. Микояна в период Карибского кризиса и по его окончании, собранные его младшим сыном историком

³ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1961–1963. Vol. 6. Washington, 1996. P. 177.

⁴ Пилько А.В. НАТО и Берлинский кризис 1958–1961 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 82–97; Борисова К.А., Манькин А.С. Влияние Берлинского кризиса на формирование архитектуры европейской безопасности // Преподавание истории и обществознания в школе. 2021. № 5. С. 10–17; Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990). М., 2021. С. 226, 253.

⁵ Зубок В.М., Водопьянова З.К. Советская дипломатия и берлинский кризис (1958–1962) // Холодная война. Новые подходы. Новые документы / отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. С. 258–274. Доведение хронологии второго Берлинского кризиса до 1963 г. зафиксировано и в документальной публикации Госдепартамента США. См.: FRUS, 1961–1963. Vol. 15. Berlin Crisis, 1962–1963. Washington, 1994.

⁶ Trachtenberg M. The Making of the European Settlement, 1945–1963. Princeton, 1999. P. 247, 251.

⁷ Ausland J.C. Kennedy, Khrushchev, and the Berlin-Cuba Crisis, 1961–1964. Oslo, 1996; White M. Missiles in Cuba: Khrushchev, Castro and the 1962 Crisis. Chicago, 1998; Bemtug Г. Н.С. Хрушев и Берлинский кризис 1958–1963 годов: политика угроз и возведение Берлинской стены. М., 2007; Фурсенко А.А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева: тайная история противника Америки. М., 2018; Sayle T.A. Enduring Alliance: A History of NATO and the Postwar Global Order. Ithaca, 2019.

С.А. Микояном⁸; протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС⁹; опубликованные американские дипломатические и разведывательные документы¹⁰; архивные материалы, которые отражали стратегические оценки руководства США, стекавшиеся в Белый дом и отложившиеся затем в фондах президентской библиотеки Дж.Ф. Кеннеди¹¹; подборка документов по взаимодействию США с союзниками по НАТО, собранная сотрудниками некоммерческой организации Национальный архив безопасности (функционирует при Университете Дж. Вашингтона в США)¹²; подборка документов из архивов 23 стран, выпущенная к 50-летию Кубинского кризиса¹³.

Особый интерес представляют материалы заседаний специального подкомитета Берлин – НАТО во главе с заместителем министра обороны США по международным вопросам П. Нитце. Эта структура была образована 23 октября 1962 г. в составе ключевого американского органа по принятию решений в период Кубинского кризиса – Исполнительного комитета Совета национальной безопасности (СНБ). Подкомитет Нитце был призван изучить потенциальные последствия, которые ситуация вокруг Кубы могла иметь для состояния «берлинского вопроса»¹⁴.

То, что советско-американская напряженность в одной из «горячих точек» холодной войны могла повлиять на ситуацию в других регионах земного шара и трансформировать стратегическую обстановку в них, отмечали современники уже с первых острых кризисов в отношениях СССР и США.

Так, в период Корейской войны 1950–1953 гг. американские и британские власти отнюдь не исключали, что Советский Союз попытается воспользоваться вовлеченностью англо-американских сил в конфликт на Дальнем Востоке для того, чтобы активизировать свои действия в других частях света. В 1950–1951 гг. в кабинете министров Великобритании полагали, что новые опасные точки могут возникнуть на пространстве от Берлина и Югославии до Ирана и Юго-Восточной Азии (Индокитай, Малайя, Индия и Пакистан)¹⁵. Широкий был спектр потенциальных точек для советских наступательных действий, обозначенный в докладе американского СНБ от 25 августа 1950 г.: «Основными территориями, где применение советских сил не приведет к началу глобальной войны из-за нападения на американские войска или на страну – члена НАТО, являются Иран, Турция, Югославия, Греция, Афганистан, Пакистан или Финляндия»¹⁶. В октябре того же года Комитет начальников штабов (КНШ) и Госдепартамент США полагали «неразумным с военной точки зрения» отправлять дополнительное число крупных

⁸ Факсимильные копии документов были переданы С.А. Микояном в американскую некоммерческую организацию Национальный архив безопасности. См.: Personal Archive of Sergo Mikoyan // National Security Archive (далее – NSA). URL: <https://nsarchive.gwu.edu/russian-pages/cuban-missile-crisis> (дата обращения: 01.06.2023).

⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2003.

¹⁰ CIA Documents on the Cuban Missile Crisis / ed. M.S. McAuliffe. Washington, 1992; FRUS, 1961–1963, Vol. 15.

¹¹ Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. National Security Files. Countries. Germany: Berlin: General, October 1962 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum (далее – JFKPLM). JFKNSF-085-002. URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/085/JFKNSF-085-002> (дата обращения: 01.06.2023).

¹² The Cuban Missile Crisis @ 60: Briefing NATO Allies // NSA. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault-cuba-cuban-missile-crisis/2022-10-21/cuban-missile-crisis-60-briefing> (дата обращения: 01.06.2023).

¹³ The Global Missile Crisis at 50: New Evidence from Behind the Iron, Bamboo, and Sugarcane Curtains, and Beyond // Cold War International History Bulletin. 2012. № 17–18.

¹⁴ Minutes of Meeting of the Executive Committee of the National Security Council, 23 October 1962 // JFKPLM. URL: <https://microsites.jfklibrary.org/cmc/oct23/doc2.html> (дата обращения: 01.06.2023).

¹⁵ Советско-британские отношения в 1943–1954 гг. Документы и материалы / под ред. А.О. Чубарьяна, О.А. Вестада. М., 2021. С. 795–797.

¹⁶ FRUS. 1950. Vol. 1. Washington, 1977. P. 380.

самолетов в Корею. Они могли понадобиться для организации воздушного моста в случае возможной советской блокады Берлина или Вены¹⁷.

Наличие прямой или опосредованной связи между различными фронтами холодной войны учитывал тогда и И.В. Сталин. 27 августа 1950 г. он писал президенту Чехословакии К. Готвальду, что «Соединенные Штаты Америки отвлечены теперь от Европы на Дальнем Востоке. Дает ли все это нам плюс с точки зрения баланса мировых сил? Безусловно, дает»¹⁸. Задействование крупных сил США в Юго-Восточной Азии и опосредованное столкновение Вашингтона с Пекином были предпочтительнее для Сталина, чем конфликт в Старом Свете.

Наложение кризисов вокруг Кубы и Берлина было заметно уже весной-летом 1961 г. Тогда разделенный город казался «наиболее вероятной ареной конфликта» сверхдержав¹⁹. Вместе с тем высадка частей кубинских эмигрантов в заливе Свиней 17 апреля 1961 г., которая была осуществлена при поддержке американских властей, усугубила положение революционной Кубы. Обсуждая провал этой операции с Р. Никсоном через три дня после ее начала, Дж. Кеннеди отметил невозможность рассматривать ситуацию вокруг Кубы изолированно. Полагаясь на мнение экспертов, которым он доверял (эксперт-международник У. Липпман и дипломат Ч. Болен), президент США пришел к выводу, что, «если мы двинемся на Кубу, имеется большая вероятность, что Хрущев двинется на Берлин. Я полагаю, что мы не можем пойти на подобный риск»²⁰.

Действительно, глава советского правительства был тогда настроен решительно. Хрущев заверил Кеннеди, что СССР готов оказать кубинскому правительству всю необходимую помощь для отражения агрессии, и предупредил: текущая стратегическая ситуация в мире такова, что конфликт в одной части света может запустить цепную реакцию в других уголках земного шара²¹. Последнее замечание было особенно актуальным в условиях продолжавшегося Берлинского кризиса. В протоколе заседания Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1961 г. было зафиксировано, что надо «твердо идти на заключение мирного договора с ГДР», хотя при этом «США могут пойти на развязывание войны» (А.И. Микоян и министр иностранных дел А.А. Громыко при этом не верили в возможность войны из-за Берлина). Рассуждая о возможности блокады Западного Берлина и исходя из вероятного повторения сценария 1948–1949 гг. (американский воздушный мост), Хрущев особо отметил: «Нам надо проявить твердость и, если надо будет, пойти на сбитие самолетов»²².

27 июля 1961 г., обсуждая с членами КНШ условия эвентуального применения США ядерных вооружений, Кеннеди подчеркнул сложность ведения войны в Центральной Европе конвенциональными средствами ввиду превосходства стран Организации Варшавского договора (ОВД) по обычным вооружениям: «Важно иметь возможность использовать ядерные вооружения в решающий момент, до того, как они (Советы. — И.М.) используют их»²³. Даже 19 сентября 1961 г. на фоне кажущегося снижения остроты Берлинского кризиса президент США, со слов генерала М. Тэйлора, подчеркивал, что «в результате развития положения дел под Берлином ситуация может сложиться так, что желательным окажется взять на себя инициативу в эскалации локального конфликта и трансформировать его во всеобщую войну». Кеннеди особенно интересовало мнение

¹⁷ Coleman D.G. The Berlin-Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War // Australasian Journal of American Studies. 1999. Vol. 18. № 1. P. 24.

¹⁸ Ледовский А.М. Из Архива Президента РФ. Сталин, Мао Цзедун и Корейская война 1950–1953 годов // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 97.

¹⁹ Фурсенко А.А., Нафтали Т. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса. М., 2006. С. 189.

²⁰ Цит. по: White M. The Cuban Missile Crisis. Basingstoke, 1996. P. 40.

²¹ From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State, 18 April 1961 // FRUS, 1961–1963. Vol. 6. P. 8.

²² Президиум ЦК КПСС. С. 498–499.

²³ FRUS. 1961–1963. Vol. 8. Washington, 1996. P. 123.

председателя КНШ генерала Л. Лемницера, «сможем ли мы достичь эффекта неожиданности, т.е. [нанесения удара] через 13 или менее минут после приказа»²⁴. О возможности «нанесения разоружающего удара по советским ядерным силам» в случае эскалации ситуации вокруг Берлина президент США задумывался даже во время Карибского кризиса²⁵.

Беседуя с Д. Эйзенхауэром 20 сентября 1962 г., президент-демократ заявил своему предшественнику-республиканцу, что наличие американских и союзных войск в Западном Берлине было единственной веской причиной для того, чтобы «мы акцентировали необходимость укрепления конвенциональных сил [европейских членов НАТО]». С точки зрения Кеннеди, крупное продвижение даже конвенциональных сил ОВД в Центральную и Западную Европу «быстро приведет к ядерной войне»²⁶.

Таким образом, тезис о потенциальной увязке берлинского и кубинского «вопросов» присутствовал как в американских, так и советских стратегических оценках уже в 1961 г. По мере обострения ситуации вокруг Кубы в июне-сентябре 1962 г. и фиксируемого американцами прибытия советского оружия (как считалось, пока оборонительного характера, прежде всего — средств ПВО²⁷) вопрос, как эти процессы скажутся на положении Западного Берлина, все больше интересовал Вашингтон.

В публичном поле потенциальное «сопряжение» двух кризисов фигурировало значительно реже, чем в закрытых оценках. Заявление ТАСС от 11 сентября 1962 г., посвященное главным образом осуждению американских действий против Кубы и опровержению отправки советских ракет с ядерными боеголовками на остров Свободы, содержало пассаж и по «германскому вопросу»: «Советское правительство, как и прежде, стоит за быстрейшее заключение германского мирного договора и урегулирование на его основе положения в Западном Берлине. Эта задача должна быть решена, и она будет решена»²⁸. В Госдепартаменте США подобные тезисы были восприняты как намек Москвы на существование «некоего сопряжения между Берлином и Кубой», упоминаний о котором в последующем советская сторона всячески стремилась избегать²⁹. Американские государственные деятели, отрицая «какие-либо логические связи» между берлинским и кубинским «вопросами», стремились противопоставить их, используя идеологические штампы. Согласно Нитце, «граждане Западного Берлина хотят, чтобы союзные войска располагались на их территории, в то время как поработенный народ Кубы желает, чтобы советские силы и вооружения были выведены»³⁰.

Вашингтон волновала увязка реальных советских действий на обоих направлениях. В беседе с послом Франции Э. Альфаном 7 сентября 1962 г. госсекретарь США Д. Раск отметил, что обострение в Берлине более вероятно, чем на Кубе³¹. Тогда Вашингтон воспринимал «берлинский вопрос» как источник более серьезных угроз, чем наращивание советских вооружений в Карибском море. Помощник вице-президента Л. Джонсона по военным вопросам Г. Беррис 18 сентября информировал своего шефа, что «сведения, приходящие из различных источников, заставляют предполагать, что Хрушев сформировал расписание действий для разрешения берлинской проблемы на собственных условиях»³². От идеи о возможном сокращении гарнизона в Западном Берлине отказались.

²⁴ Taylor to Lemnitzer, 19 September 1961 // NSA. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB56/BerlinC3.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).

²⁵ Bundy to Rusk, McNamara, Taylor, 15 October 1962 (Draft) // JFKPLM.

²⁶ Цит. по: *Gavin F.J. The Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s* // *The International History Review*. 2001. Vol. 23. № 4. P. 862.

²⁷ Memorandum of Conversation between Rusk and Alphand, 7 September 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 312.

²⁸ Известия. 11.IX.1962.

²⁹ Department of State to the Mission to the NATO and European Regional Organizations, 7 November 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 420.

³⁰ Nitze for ExComm, 26 October 1962 // JFKPLM.

³¹ FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 312–313.

³² Ibid. P. 324.

Как суммировал тогдашний настрой Белого дома советник президента по национальной безопасности М. Банди, «Берлин является в настоящее время самым важным местом в мире»³³.

Наличие взаимосвязи между берлинским и кубинским «вопросами» хорошо осознавали и в Москве. Согласно свидетельству сотрудника Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ф.М. Бурлацкого, Кремль рассчитывал, что размещение ракет на Кубе «создаст новые условия для переговоров с Соединенными Штатами». Этот шаг мог привести к американскому «признанию Восточной Германии, а также упрочению нового статуса Западного Берлина и послевоенных границ»³⁴.

Все же в системе приоритетов Кремля «кубинский вопрос» летом-осенью 1962 г., очевидно, стоял выше, чем берлинский. Об этом говорил сам масштаб ставок, связанных с размещением советских ракет на Кубе, и готовность Москвы принять максимально серьезные последствия, которые могли вытекать из данного шага. В указании за подписью министра обороны СССР маршала Р.Я. Малиновского и начальника Генштаба Вооруженных сил СССР маршала М.В. Захарова, составленном 8 сентября 1962 г. и переданном командующему группой советских войск на Кубе генералу армии И.А. Плиеву, среди прочего было отмечено: «Ракетным войскам, составляющим основу обороны Советского Союза и о. Куба, быть в готовности по сигналу из Москвы нанести ракетно-ядерные удары по важнейшим объектам Соединенных Штатов Америки»³⁵. Позднее, во время переговоров с кубинским руководством, состоявшихся 4 ноября 1962 г., Микоян доказывал, что «берлинский вопрос» был в рамках советской политики подчинен кубинскому: «Мы дали знать американцам, что хотим решить берлинский вопрос в ближайшее время. Это было сделано для того, чтобы отвлечь их внимание от Кубы. ...На самом деле мы совсем не собирались решать берлинский вопрос в это время»³⁶.

Действительно, как свидетельствуют материалы заседаний Президиума ЦК КПСС, в Москве уже в январе 1962 г. считали, что «мирный договор и нейтрализация Зап. Берлина — сейчас недостижимы». Более того, частичная «заморозка» кризиса после строительства Берлинской стены рассматривалась в Кремле как более выгодная для СССР, нежели для США и их союзников: «После 13 августа кость в горле беспокоит больше западников. ...Лучше иметь Берлин для обострения с Западом, чем пойти им на уступки за счет суверенитета ГДР»³⁷. Как отдельно подчеркивал Хрущев 8 января 1962 г., «эта кость нас беспокоила больше до 13 августа, чем сейчас, после 13 августа. ...Так не нам вырывать эту кость, чтобы оживлять жизнь Западного Берлина». При этом он призывал «готовиться к окончательной схватке по Западному Берлину», но в некоторой более или менее отдаленной перспективе³⁸. Микоян также стремился заверить советских военных, находившихся на Кубе, что «раньше Берлин был открытым, туда они лезли, могли восстание поднять, шпионить — что хотите. Теперь возвели стену в Берлине, и никто не может. ГДР как крепость стала, а они в мышеловке сидят в Западном Берлине»³⁹.

Вместе с тем позиция Хрущева по «берлинскому вопросу» оставалась волатильной; нельзя исключить, что состояние «кубинского вопроса» оказывало на эти трансформации

³³ Memorandum of Conversation between Bundy and Brandt, 25 September 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 329.

³⁴ Цит. по: White M. The Cuban Missile Crisis. P. 77.

³⁵ Командующему Группой советских войск на о. Куба, 8 сентября 1962 г. // Personal Archive of Sergo Mikoyan.

³⁶ Запись беседы Микояна с Ф. Кастро, Дортикосом, Р. Кастро, Геварой, Арагонесом и Родригесом, 4 ноября 1962 г. // Ibidem.

³⁷ Протокол № 11. Заседание 8 января 1962 г. // Президиум ЦК КПСС. С. 535–536.

³⁸ Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС, 8 января 1962 г. // Там же. С. 537–538, 540.

³⁹ Выступление Микояна на Военном совете группы Плиева, 21 ноября 1962 г. // Personal Archive of Sergo Mikoyan.

свое влияние. Постепенный дрейф в сторону решения об отправке ракет на Кубу стимулировал главу советского правительства смягчить свою точку зрения по Западному Берлину: «Взять курс на соглашение (с ГДР. — *И.М.*), если согласиться на временное пребывание их войск в Зап. Берлине. ...Выгод больше, если взять курс на соглашение», — отмечалось на заседании Президиума ЦК КПСС 28 апреля 1962 г.⁴⁰ 1 июля того же года, в условиях уже начавшейся реализации операции «Анадырь» по переброске военнослужащих и военной техники на Кубу, Хрущев стремился смягчить градус напряженности вокруг Берлина. Тогда он был готов рассматривать различные компромиссные варианты урегулирования «берлинского вопроса» с западными державами (сокращение западных контингентов наполовину с введением контингента ООН на шесть лет и постепенной заменой войск западных держав).

Обнаружение 14 октября американской разведкой на Кубе советских ракет средней дальности, способных нести ядерные вооружения, и верификация этого факта через день⁴¹ придали вопросу о потенциальной взаимосвязи Берлинского и Карибского кризисов новую остроту. За несколько дней до этих событий во время беседы с Кув де Мюрвилем в Вашингтоне Кеннеди полагал, что Москва смотрит на «кубинский вопрос» через призму берлинского: «Президент заявил, что в результате советских действий на Кубе возможность достичь соглашения по Берлину резко сократилась»⁴².

16 октября на закрытой встрече с представителями ведущих американских СМИ Кеннеди сформулировал свое видение текущей международной ситуации. Согласно информации, полученной посольством СССР в США, президент подчеркнул тогда возможность «первоначального кризиса» вокруг Берлина в период до Рождества текущего года. Он также отметил сохраняющуюся непримиримость американской и советской позиций по данному вопросу и не исключил возможности силового столкновения⁴³. Суммируя настрой американских властей после получения информации о наличии советских ракет на Кубе, Госдепартамент отметил, что в Вашингтоне продолжали исходить из того, что «советские действия, вероятно, были прежде всего привязаны к решительному столкновению в Берлине. Это столкновение могло состояться в период визита Хрущева в США (для участия в 17-й Генассамблее ООН. — *И.М.*) и завершения установки ракет на Кубе»⁴⁴.

По мере эскалации Кубинского кризиса в подходах администрации Кеннеди к вопросу, как связана ситуация вокруг Кубы и Берлина, наблюдалась эволюция: во-первых, опасения по поводу скорого давления СССР на западные войска в Берлине нарастали; во-вторых, «кубинский вопрос» стал приоритетным для самих США.

Встреча Кеннеди с Громыко, состоявшаяся 18 октября в Вашингтоне, подогрела опасения американцев о возможных действиях в Берлине. Тогда советский министр предупредил президента, что СССР будет вынужден (Громыко сделал акцент на этом слове) подписать сепаратный договор с ГДР, если переговоры с США по различным аспектам «германского вопроса» зайдут в тупик⁴⁵. Встреча Громыко с Раском прошла в еще более напряженной атмосфере⁴⁶.

То, что Громыко напрямую отрицал поставку советских наступательных вооружений на Кубу, хотя американцы уже знали об их наличии на острове, лишь подлило масла в огонь.

⁴⁰ Президиум ЦК КПСС. С. 554.

⁴¹ О шокирующем воздействии этого факта см.: *Cline R.S.* A CIA Reminiscence // Washington Quarterly. 1982. Vol. 5. № 4. P. 88–92.

⁴² Memorandum of Conversation between Kennedy and Couve de Murville, 9 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 355.

⁴³ From A.F. Dobrynin to Soviet Foreign Ministry, 19 October 1962 // Cold War International History Bulletin. 1996/1997. № 8–9. P. 278.

⁴⁴ Department of State to Certain Diplomatic Missions, 24 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 398–399.

⁴⁵ Memorandum of Conversation between Kennedy and Gromyko, 18 October 1962 // Ibid. P. 371–372.

⁴⁶ Memorandum of Conversation between Rusk and Gromyko, 18 October 1962 // Ibid. P. 376–387.

Отныне советского министра стали рассматривать в СНБ как «дискредитировавшую себя фигуру», считая, что дальнейшие переговоры по «берлинскому вопросу» стоит вести через американского посла по особым поручениям Л. Томпсона и посла СССР в США А.Ф. Добрынина⁴⁷. Однако действия Громыко вполне соответствовали моменту. Кремль стремился переключить внимание Белого дома на Берлин и выиграть время для главного — наращивания группировки на Кубе и приведения в боеготовность советских ракет на острове⁴⁸. Слова советского министра иностранных дел, как и заявление ТАСС от 11 сентября, в этом смысле можно рассматривать в качестве своеобразной дымовой завесы⁴⁹.

Уже 17 октября администрация Белого дома склонялась к тому, что «вероятность скорого и серьезного вызова нашим интересам в Берлине со стороны Советов с каждым днем становится все больше»⁵⁰. После бесед Кеннеди и Раска с Громыко степень тревожности в американских оценках, посвященных возможным советским действиям в Берлине, возросла. В специальной справке, подготовленной ЦРУ 19 октября, было отмечено: «Поскольку СССР не решится начать мировую войну и не может надеяться на то, чтобы превалировать на местах (т.е. на Кубе. — *И.М.*), то Советы явно будут рассматривать варианты ответных действий за пределами Кубы. ...Наиболее вероятной точкой для реализации ответных действий за пределами Кубы является Берлин. Советы могут оказать здесь серьезное давление, перерезать доступ к городу или даже организовать блокаду вместе или отдельно с подписанием сепаратного мирного договора [с ГДР]»⁵¹. В докладе, подготовленном Объединенным советом стратегических исследователей (экспертной группой в структуре КНШ) и обсуждавшемся на заседании СНБ 20 октября 1962 г., подчеркивалось: «СССР не начнет мировой войны в качестве прямого ответа на американские военные действия против Кубы. Наиболее вероятно, что СССРотреагирует действиями на море, акцией против Ирана или спровоцировав “инцидент” с М[ежконтинентальными]Б[аллистическими]Р[акетами] на [американском] тихоокеанском полигоне (остров Джонстона). Вполне можно ожидать также резких и серьезных действий по вторжению в Берлин, исключая прямой захват [западных секторов города]»⁵².

Для указанных американских оценок было характерно два важных просчета. Во-первых, в них недооценивалась решимость Кремля дать отпор возможному американскому десанту на Кубу. На заседании Президиума ЦК КПСС 22 октября Хрущев, отметив стремление СССР «припугнуть, сдержать США в отношении Кубы» и посетовав на то, что «мы не сосредоточили всего, что хотели», констатировал: «Трагичное — они могут напасть, мы ответим. Может вылиться в большую войну»⁵³.

Во-вторых, американские аналитики переоценили степень приоритета, которую осенью 1962 г. Кремль отводил «берлинскому вопросу», пусть давление по нему и не исключалось. 24 октября, беседуя с польскими дипломатами в Гаване, посол СССР на Кубе А.И. Алексеев намекнул на возможность ответных советских действий в других частях света, в частности в Берлине, полагая все же, что с Вашингтоном удастся договориться⁵⁴. Во время переговоров с представителями кубинского руководства в ноябре 1962 г. Микоян, давая трактовку событий Карибского кризиса, не раз намекал на возможность «применения контрмер в Берлине». Они могли стать способом давления на США в ответ на блокаду Кубы: «Соотношение сил в мире связывает американцев. Привел аргументы о возможностях нажима в Берлине и других местах»⁵⁵. Примечательно название одного

⁴⁷ Klein to Bundy, 28 October 1962 // Ibid. P. 403–404.

⁴⁸ Протокол № 60. Заседание 22 октября 1962 г. // Президиум ЦК КПСС. С. 617.

⁴⁹ Рыбас С.Ю. Громыко. Война, мир и дипломатия. М., 2011. С. 243.

⁵⁰ Memorandum for the President, 17 October 1962 (1st Draft, Col. Armstrong) // JFKPLM.

⁵¹ CIA Documents on the Cuban Missile Crisis. P. 202.

⁵² Цит. по: Freedman L. Kennedy's Wars: Berlin, Cuba, Laos, and Vietnam. Oxford, 2000. P. 450.

⁵³ Президиум ЦК КПСС. С. 617–618.

⁵⁴ Jeleń to Krajewski, 24 October 1962 // The Global Missile Crisis at 50. P. 480.

⁵⁵ Микоян — ЦК КПСС, 20 ноября 1962 г. // Personal Archive of Sergo Mikoyan.

из пунктов повестки дня заседания Президиума ЦК КПСС 22 октября «Об определении позиций по дальнейшим шагам в отношении Кубы и Берлина» (правда, в протоколе заседания какие-либо упоминания о действиях в Берлине отсутствовали)⁵⁶.

Все же «кубинский вопрос» был тогда приоритетным для Кремля, и потенциальное давление в Берлине должно было облегчить положение Кубы и советских войск, а не наоборот. 23 октября во время переговоров с румынской делегацией в Москве Хрущев подчеркнул, что «берлинский вопрос» потерял прежнюю актуальность⁵⁷. Беседуя с чехословацкой делегацией 30 октября, глава советского правительства отметил, что накануне наиболее острой фазы кризиса вокруг Кубы «мы и американцы говорили о Берлине. Обе стороны преследовали одну и ту же цель, а именно — отвлечь внимание от Кубы: американцы — желая напасть на нее, а мы — дабы заставить США нервничать и отложить нападение на Кубу»⁵⁸. Если Хрущев недооценил степень реальной американской озабоченности «берлинским вопросом», то советская позиция была изложена им достаточно ясно.

Несмотря на рост обеспокоенности Вашингтона по поводу возможных советских действий в Берлине, американские власти считали, что перевес сил на их стороне, и при необходимости они смогут ответить СССР не только в Карибском море, но и в Европе. Как подчеркивал Нитце, даже «в нынешнем контексте ситуации вокруг Кубы мы располагаем существенными стратегическими резервами для усиления Европы... Вне зависимости от времени реализации планов по Кубе, видоизмененная первая группировка (для увеличения сил в Европе. — *И.М.*) будет включать две армейские дивизии, вооружения для которых уже находятся в Европе, третью армейскую дивизию без средств поддержки, а также 10 эскадрилий тактических истребителей, взятых из сил, предназначенных для Кубы или мобилизованных из резервов»⁵⁹. От рассматривавшихся параллельно более радикальных вариантов (например, от размещения в Западном Берлине ядерного оружия) в итоге было решено отказаться⁶⁰.

Тем не менее о полной успокоенности в Вашингтоне по поводу ситуации в Берлине речи не шло. Не исключая советской блокады Западного Берлина в ответ на американский карантин вокруг Кубы, в ЦРУ исходили из того, что критических запасов в городе хватит на шесть месяцев. Однако в качестве решающих рассматривались не экономические, а психологические факторы: перспектива долгой блокады могла привести к деградации морально-психологического состояния западных берлинцев⁶¹. В Белом доме были склонны соглашаться с подобной оценкой: «При условии длительной блокады... моральное состояние берлинцев рухнет. Никто не будет вести ядерную войну за умирающий город»⁶². И Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 8 января 1962 г. говорил, что «мы сейчас создаем трудности для Западного Берлина, и они сами говорят, что это может привести к вымиранию»⁶³.

22 октября в Вашингтоне Нитце стремился доказать послам и военным представителям Великобритании, Франции и ФРГ, что США категорически не могут согласиться с наличием советских ракет на Кубе. Нитце не исключал, что в долгосрочной перспективе СССР стремится к выводу американских войск из Западного Берлина: «Безусловно, США уже на протяжении определенного времени живут под угрозой [советских] МБР, однако советские действия на Кубе носят экстремальный характер. Они меняют баланс

⁵⁶ Президиум ЦК КПСС. С. 617.

⁵⁷ Report by Mănescu, 30 October 1962 // The Global Missile Crisis at 50. P. 518.

⁵⁸ Minutes of Conversation between the Delegations of the CPCz and the CPSU, 30 October 1962 // Ibid. P. 401.

⁵⁹ Memorandum for the President, 27 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 402.

⁶⁰ Record of Meeting № 1 of the Berlin-NATO Subcommittee, 24 October 1962 // Ibid. P. 396.

⁶¹ Smith to McCone, 23 October 1962 // Ibid. P. 395.

⁶² The Defense of Berlin if Cuba is Blockaded, 19 October 1962 // JFKPLM.

⁶³ Президиум ЦК КПСС. С. 538.

сил»⁶⁴. Из обсуждения подкомитетом Нитце вопроса, как на ситуации вокруг Берлина могут сказаться американские меры по расширению карантина вокруг Кубы или американское вторжение на остров, ясно, что решающим для Вашингтона является именно положение дел по «кубинскому вопросу»⁶⁵. Схожим был настрой администрации Белого дома. При рассмотрении потенциальной советской блокады Западного Берлина в ответ на карантин Кубы, вариант, при котором Москва потребует отказа от карантина в обмен на снятие блокады, считался «очевидным проигрышем для США»: «Кастро все так же будет находиться у власти. Вооружения будут там же, а скрытые поставки продолжаться»⁶⁶.

План по вторжению на Кубу под кодовым обозначением OPLAN 316–62 был готов уже к началу 1962 г., однако в ходе Карибского кризиса его постоянно дорабатывали и уточняли сотрудники КНШ. Базовый сценарий плана предполагал десантирование группировки в 146 700 человек с возможным применением ею тактического ядерного оружия. Американцы допускали аналогичные действия со стороны советских войск на Кубе, что соответствовало действительности⁶⁷. Как подчеркивал Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 22 октября: «Если десант — тактическое атомное оружие, а стратегическое — до указания»⁶⁸.

Подобное вторжение, как следовало из расчетов американского командования, сопровождалось бы серьезными потерями: около 18,5 тыс. человек. Более того, не исключалось, что даже после нанесения авиационных ударов 10–15% советских ракет с ядерными боеголовками не будут повреждены и смогут ударить по США, что было неприемлемо для политического руководства⁶⁹. При этом «ястребы» в Вашингтоне, как, например, генерал Тэйлор, ставший к тому времени председателем КНШ, продолжали призывать Кеннеди организовать вторжение, несмотря ни на что⁷⁰.

Суммировавший американский подход меморандум по национальной безопасности № 109 от 23 октября 1961 г. содержал схему реагирования на обострение ситуации в Западном Берлине. Она включала четыре фазы: от использования пехотного взвода для деблокирования города и эскорта истребителей для транспортных самолетов на случай «воздушной блокады» до применения ядерного оружия, которое приведет к мировой войне⁷¹. Вашингтон стремился транслировать свой концептуальный замысел в конкретные натовские военные планы, добившись к августу 1962 г. определенного успеха⁷².

Однако, как подчеркивал Дж. Кеннеди в послании Ш. де Голлю от 12 октября, согласование планов между союзниками по НАТО на случай возникновения экстренной ситуации вокруг Берлина, а также разработка мер по единому контролю и быстрому реагированию на возможные советские действия оставляли желать лучшего⁷³. Особенное раздражение Кеннеди и Тэйлора вызывала запрограммированная медлительность в реализации казавшихся даже относительно простыми действий западных держав (например, выдвижение взвода для прощупывания советских мер по блокировке дорог к Западному Берлину могло произойти лишь через 48 часов после принятия решения)⁷⁴. Аналогичным был

⁶⁴ FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 393.

⁶⁵ Klein, Legere to Bundy, 27 October 1962 // JFKPLM.

⁶⁶ The Defense of Berlin if Cuba is Blockaded, 19 October 1962 // Ibidem.

⁶⁷ Desch M.C. “That Deep Mud in Cuba”: The Strategic Threat and U.S. Planning for a Conventional Response during the Missile Crisis // Security Studies. 1991. Vol. 1. № 2. P. 337–338.

⁶⁸ Президиум ЦК КПСС. С. 617–618.

⁶⁹ Desch M.C. Op. cit. P. 340.

⁷⁰ May E.R., Zelikow P.D. The Kennedy Tapes: Inside the White House during the Cuban Missile Crisis. Cambridge (Mass.), 1997. P. 82–83.

⁷¹ NSAM № 109, 23 October 1961 // JFKPLM. URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/332/JFKNSF-332-011> (дата обращения: 01.06.2023).

⁷² MCM-98-62, Memorandum for the Members of the Military Committee in Permanent Session, 20 August 1962 // NATO Archives. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_archives/19620820-DP-MCM-98-62-ENG.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

⁷³ Kennedy to de Gaulle, 12 October 1962 // JFKPLM.

⁷⁴ Status of Contingency Planning and Machinery for Execution, 11 October 1962 // Ibidem.

настрой Раска, стремившегося 18 октября активизировать работу четырехсторонней посольской группы в Вашингтоне (представитель Госдепартамента, послы Великобритании, Франции и ФРГ) с целью детализировать планы и укрепить институциональные структуры западных стран, дабы те могли «обеспечить наиболее эффективный ответ на советские действия в Берлине»⁷⁵.

В неподписанном меморандуме «Оборона Берлина в случае блокады Кубы» от 19 октября, отложившемся среди бумаг Кеннеди, подчеркивалось, что эвентуальные решительные действия США в Западном Берлине могут не получить полноценной поддержки от союзников по НАТО, за исключением ФРГ. Имевшиеся совместные планы характеризовались «медлительностью в реализации, были неполными, их выполнение зависело от решимости союзников, которая находится в неопределенном состоянии даже в настоящее время»⁷⁶. При этом сам Белый дом хотел избежать изолированных действий США, которые могли подорвать единство союзников по НАТО⁷⁷.

В обоих кризисах крайне важным для Вашингтона было продемонстрировать свою решительность и не позволить Москве считать, что США готовы идти на принципиальные уступки под давлением СССР. 28 октября, оправдывая прошлые американские действия в ходе Карибского кризиса, Госдепартамент стремился убедить европейских союзников, что «США не могли терпимо отнестись к наличию советских ракет на Кубе. Необходимо было ликвидировать эти ракеты, дабы мировое сообщество было уверено в готовности США выполнить свои обязательства, в том числе те из них, которые связаны с Берлином»⁷⁸. Схожим был настрой Кеннеди. Он полагал, что американские власти должны ответить не размещение советских ракет на Кубе и не допустить их развертывания в силу резонов не только безопасности Соединенных Штатов, но и международного влияния. Р.Ф. Кеннеди вспоминал, что его брат осознавал «угрозу, создаваемую размещением все большего количества [советских] ракет на Кубе, а также вероятность того, что русские, если мы ничего не предпримем, активизируются в Берлине и в других частях мира, чувствуя, что Соединенные Штаты абсолютно беспомощны»⁷⁹.

В проведении параллелей между ситуацией вокруг Берлина и Кубы ключевым является стратегическая взаимосвязь между различными фронтами холодной войны. Советские войска на Кубе и западные войска в Берлине были заложниками в руках доминировавшей в регионе силы. Это обстоятельство хорошо создавали и в Москве, и в Вашингтоне. Как подчеркивал Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 8 января 1962 г., «нам лучше иметь Западный Берлин для обострения с Западом, чем давать уступки»⁸⁰. Кеннеди, в свою очередь, заверял правящего бургомистра Западного Берлина В. Брандта, что «если бы не Берлин, то мы свободно могли начать действия на Кубе»⁸¹.

Как Берлинский, так и Карибский кризисы в определенной степени стали «тестированием» границ сфер влияния СССР и США. В обоих случаях Москва проявила инициативу. Хотя результаты кризисов были неоднозначными, не говоря уже о созданных ими военно-политических рисках, по их итогам советское руководство уверилось в прочности сферы интересов СССР в Европе, а также в возможности теснить «мировой империализм» в других точках земного шара. Микоян, выступая перед советскими военными на Кубе, говорил, что операция «Анадырь» была беспрецедентной для Советского Союза и фактически стала попыткой закрепиться в стратегическом предполье Соединенных

⁷⁵ Klein to Bundy, 18 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 388.

⁷⁶ The Defense of Berlin if Cuba is Blockaded, 19 October 1962 // JFKPLM.

⁷⁷ Memorandum by Armstrong (Draft), 12 October 1962 // Ibidem.

⁷⁸ Department of State to the Mission to the NATO and the European Regional Organizations, 28 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 405.

⁷⁹ Kennedy R.F. 13 Days: The Cuban Missile Crisis, October 1962. London, 1969. P. 40.

⁸⁰ Президиум ЦК КПСС. С. 544.

⁸¹ Record of Meeting between Kennedy and Brandt, 5 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 347.

Штатов: «Соглашаясь на ненападение на Кубу и заявляя об этом, тем самым США как бы признают, что в отношении Кубы доктрина Монро летит к черту»⁸².

В Вашингтоне, напротив, считали, что победителями из Карибского кризиса вышли именно США. Кеннеди «имел основания полагать, что кризис дал ему второе дыхание и возможность заняться внешнеполитическими проблемами, которые пострадали из-за неудачного саммита в Вене, берлинского кризиса и, конечно, Кубы»⁸³. Вместе с тем, когда речь шла о перспективах решения «берлинского вопроса», оценки были очень сдержанные.

Нитце исходил из того, что Карибский кризис продемонстрировал Советскому Союзу твердость США в отстаивании своих интересов, что могло создать необходимые условия для более гибкой позиции Москвы по «берлинскому вопросу». Вместе с тем он не исключал, что Кремль может усилить давление на Берлин с целью «вернуть потерянный престиж». По мнению Нитце, Вашингтону стоило попытаться договориться с Москвой по сокращению ядерных вооружений ОВД и НАТО и поиску *modus vivendi* в Берлине, поскольку в противном случае новый Берлинский кризис почти неизбежен⁸⁴. Советник СНБ по Европе и Канаде Д. Клейн, исходя из похожих посылок, также призывал Белый дом выступить с инициативой заключить договоренность по «берлинскому вопросу», используя канал Томпсон – Добрынин⁸⁵.

Однако сам Томпсон смотрел на ситуацию иначе: американские инициативы будут восприняты в Москве как попытка давления, причем по «жизненно важному для Кремля вопросу», т.е. по Берлину. С точки зрения американского дипломата, по «берлинскому вопросу» Москва будет сопротивляться упорнее, чем по кубинскому; возможные советско-американские переговоры стоило начинать с иных сюжетов (разоружение, прекращение ядерных испытаний, пакт о ненападении между ОВД и НАТО)⁸⁶. Примечательно, что даже заместитель Банди, экономист У. Ростоу, считавший, что СССР потерпел «военную и политическую неудачу» в ходе Карибского кризиса, предостерегал от грубого давления на Москву по «берлинскому вопросу». Как и Томпсон, Ростоу считал, что в системе приоритетов Кремля этот вопрос стоит выше, чем кубинский⁸⁷.

Кеннеди был обеспокоен, с одной стороны, «возможными европейскими настроениями по поводу того, что Соединенные Штаты спровоцировали Берлинский кризис своими действиями на Кубе» (если бы ситуация вокруг Берлина действительно обострилась)⁸⁸. Президент США стремился избежать зарождения подозрений у союзников по НАТО, что Вашингтон добьется советских уступок по Кубе, сдав позиции по «берлинскому вопросу»⁸⁹. С другой стороны, Кеннеди отнюдь не собирался лишать себя свободы рук в решении «кубинского вопроса» и ставить американские действия в зависимость от одобрения западноевропейских лидеров.

В итоге 21 октября 1962 г. были отправлены специальные миссии в Лондон (во главе с сотрудником ЦРУ Ч. Купером), а также в Париж и Бонн (во главе с бывшим госсекретарем Д. Ачесоном). Они предоставили лидерам западноевропейских государств базовую информацию о сложившейся ситуации, а также продемонстрировали фотографии

⁸² Выступление Микояна на Военном совете группы Плиева, 21 ноября 1962 г. // Personal Archive of Sergo Mikoian.

⁸³ *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Безумный риск... С. 484.

⁸⁴ Nitze to Kennedy, s.d. // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 411–418.

⁸⁵ Klein to Bundy, 28 October 1962 // Ibid. P. 403–404.

⁸⁶ Klein to Bundy, 29 October 1962 // Ibid. P. 406–407.

⁸⁷ Memorandum by Rostow for the ExComm of the NSC, 2 November 1962 // Digital National Security Archive. URL: <https://www-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679064866/fulltextPDF/7D3B0C677FF64FA1PQ/2?accountid=108701> (дата обращения: 01.12.2021).

⁸⁸ Klein, Legere to Bundy, 24 October 1962 // JFKPLM.

⁸⁹ Memorandum of Conversation between Rusk and Couve de Murville, 7 September 1962; Smith to McCone, 23 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 313, 395.

американской разведки, подтверждавшие наличие советских ракет на Кубе. Как и полагали в США, европейские союзники преимущественно одобрили и поддержали действия Вашингтона. В наименьшей степени, как считали американские аналитики, эти чувства проявились в Италии и Норвегии⁹⁰.

Однако реальная ситуация была сложнее: у К. Аденауэра, Ш. де Голля и Г. Макмиллана имелось разной степени недовольство по поводу того, что США не согласовывали с союзниками собственные действия в Карибском кризисе. Существовали опасения, углубяемые в Вашингтоне, что американские успехи на Кубе могут быть «куплены» уступками по Берлину⁹¹. Нитце предупреждал, что в будущем западноевропейские страны захотят, чтобы их точка зрения учитывалась более полно⁹².

Переключка между Берлинским и Карибским кризисами видна даже в одном из на-товских планов на случай чрезвычайной ситуации в Берлине («Маркон-6»). США и союзники в ответ на давление СССР могли организовать «блокаду, а также заставить корабли советского блока обходить определенные территории или лишить их доступа туда»⁹³. Как отмечал российский историк А.В. Пилько, «сценарий этой операции напоминает введенный США в октябре 1962 г. “карантин” с целью не пропустить советские военные поставки на Кубу. Таким образом, Берлинский кризис переключается с Карибским»⁹⁴.

Нитце также говорил о переключке: «Одна из причин использования термина “карантин”, а не “блокада” для характеристики американских действий против Кубы заключалась в том, чтобы «избежать связи, которую Хрущев хочет установить между кубинским и берлинским “вопросами”»⁹⁵. В Вашингтоне не исключали, что СССР все-таки «отзеркалит» американские меры против Кубы соответствующими действиями против Западного Берлина: советские власти могут потребовать досмотра грузов, поступающих в Западный Берлин, на предмет наличия в них наступательных вооружений, по аналогии с американским досмотром советских кораблей, следовавших на Кубу⁹⁶.

Подытоживая, можно констатировать, что в стратегических оценках руководства сверхдержав в 1961–1962 гг. Берлинский и Карибский кризисы были связаны друг с другом. Кремль, настроенный в отношении ситуации по Берлину максимально решительно до августа 1961 г., затем использовал «берлинский вопрос» для камуфлирования собственных приготовлений по Кубе. По всей видимости, опция несилового давления на Западный Берлин сохранялась и в период Карибского кризиса, однако документальные свидетельства по данному вопросу остаются скудными. Для Белого дома строительство Берлинской стены не явилось столь выраженным рубежом в развитии кризиса, как для Кремля. В 1961–1962 гг. в Вашингтоне опасались, что СССР не оставил намерений тем или иным образом выдавить западные войска из Берлина; на протяжении долгого времени «кубинский вопрос» рассматривался американскими аналитиками через призму берлинского, а не наоборот.

Все же в условиях Карибского кризиса ситуация вокруг Кубы стала предметом основных забот руководства США. При этом в различных структурах американского правительства не исключали, что Москва попытается увязать два вопроса: нажимом в

⁹⁰ Hilsman to Rusk, 28 October 1962 // The Cuban Missile Crisis @ 60.

⁹¹ Macmillan to Kennedy, 22 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 10–12. Microfiche Supplement. Washington, 2021. P. 1144; Memorandum of Conversation between Adenauer and Acheson, 23 October 1962 // The Global Missile Crisis at 50. P. 625.

⁹² Nitze to Kennedy, s.d. // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 414.

⁹³ MCM-98-62, Memorandum for the Members of the Military Committee in Permanent Session, 20 August 1962 // NATO Archives. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_archives/19620820-DP-MCM-98-62-ENG.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

⁹⁴ Пилько А.В. Указ. соч. С. 95.

⁹⁵ Record of Meeting of the Military Sub-Group of the Washington Ambassadorial Group, 22 October 1962 // FRUS, 1961–1963. Vol. 15. P. 392.

⁹⁶ Nitze for ExComm, 26 October 1962 // JFKPLM.

Западном Берлине в ответ на американские действия против Кубы, требованием американских уступок по «берлинскому вопросу» в ответ на советские уступки по кубинскому.

Библиография / References

- Борисова К.А., Манькин А.С.* Влияние Берлинского кризиса на формирование архитектуры европейской безопасности // Преподавание истории и обществознания в школе. 2021. № 5. С. 10–17.
- Веттиг Г. Н.С.* Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов: политика угроз и возведение Берлинской стены. М., 2007.
- Зубок В.М., Водопьянова З.К.* Советская дипломатия и берлинский кризис (1958–1962) // Холодная война. Новые подходы. Новые документы / отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. С. 258–274.
- Ледовский А.М.* Из Архива Президента РФ. Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950–1953 годов // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 79–113.
- Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса. М., 2006.
- Пилько А.В.* НАТО и Берлинский кризис 1958–1961 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 82–97.
- Рыбас С.Ю.* Громыко. Война, мир и дипломатия. М., 2011.
- Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990). М., 2021.
- Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса. М., 2006.
- Фурсенко А.А., Нафтали Т.* «Холодная война» Хрущева: тайная история противника Америки. М., 2018.
- Borisova K.A., Manykin A.S.* Vliyaniye Berlinskogo krizisa na formirovaniye arkhitektury evropejskoj bezopasnosti [Berlin crisis and its influence on the architecture of the European security] // Prepodavaniye istorii i obshchestvoznaniya v shkole [Teaching sociology and history in school]. 2021. № 5. S. 10–17. (In Russ.)
- Filitov A.M.* Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovani [Germany in the Soviet planning of the foreign policy] (1941–1990). Moskva, 2021. (In Russ.)
- Fursenko A.A., Naftali T.* “Holodnaya vojna” Hrushcheva: tajnaya istoriya protivnika Ameriki [Khrushchev’s Cold War: The Inside Story of an American Adversary]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Fursenko A.A., Naftali T.* Bezumnyy risk: sekretnaya istoriya Kubinskogo raketnogo krizisa [One Hell of a Gamble: secret history of Cuban missile crisis]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Ledovskiy A.M.* Iz Arkhiva Prezidenta RF. Stalin, Mao Tszehdun i Koreyskaya vojna 1950–1953 godov [From the Presidential archives: Stalin, Mao Zedong and Korean war, 1950–1953] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2005. № 5. S. 79–113. (In Russ.)
- Pil’ko A.V.* NATO i Berlinskij krizis 1958–1961 godov [NATO and Berlin crisis, 1958–1961] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2012. № 1. S. 82–97. (In Russ.)
- Rybas S.Yu.* Gromyko. Vojna, mir i diplomatiya [Gromyko. War, peace and diplomacy]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Vettig G. N.S.* Khrushchev i Berlinskij krizis 1958–1963 godov: politika ugroz i vozvedeniye Berlinskoy steny [Khrushchev and Berlin crisis, 1958–1963: politics of menaces and Berlin wall construction]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Zubok V.M., Vodopyanova Z.K.* Sovetskaya diplomatiya i berlinskij krizis [Soviet diplomacy and Berlin crisis] (1958–1962) // Kholodnaya vojna. Novye podkhody. Novye dokumenty [Cold War. New approaches. New documents]. Moskva, 1995. S. 258–274. (In Russ.)
- Ausland J.C.* Kennedy, Khrushchev, and the Berlin-Cuba Crisis, 1961–1964. Oslo, 1996.
- Buffet C.* De Gaulle, the Bomb and Berlin: How to Use a Political Weapon // The Berlin Wall Crisis: Perspectives on Cold War Alliances / eds J.P.S. Gearson, K. Schake. Basingstoke, 2002. P. 73–95.
- Cline R.S.* A CIA Reminiscence // Washington Quarterly. 1982. Vol. 5. № 4. P. 88–92.
- Coleman D.G.* The Berlin–Korea Parallel: Berlin and American National Security in Light of the Korean War // Australasian Journal of American Studies. 1999. Vol. 18. № 1. P. 19–41.
- Desch M.C.* “That Deep Mud in Cuba”: The Strategic Threat and U.S. Planning for a Conventional Response during the Missile Crisis // Security Studies. 1991. Vol. 1. № 2. P. 317–351.
- Freedman L.* Kennedy’s Wars: Berlin, Cuba, Laos, and Vietnam. Oxford, 2000.
- Gavin F.J.* The Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s // The International History Review. 2001. Vol. 23. № 4. P. 847–875.
- Kaplan F.* The Wizards of Armageddon. 2nd ed. Stanford, 1991.
- Kennedy R.F.* 13 Days: The Cuban Missile Crisis, October 1962. London, 1969.
- May E.R., Zelikow P.D.* The Kennedy Tapes: Inside the White House during the Cuban Missile Crisis. Cambridge (Mass.), 1997.
- Sayle T.A.* Enduring Alliance: A History of NATO and the Postwar Global Order. Ithaca, 2019.
- Trachtenberg M.* The Making of the European Settlement, 1945–1963. Princeton, 1999.
- White M.* Missiles in Cuba: Khrushchev, Castro and the 1962 Crisis. Chicago, 1998.
- White M.* The Cuban Missile Crisis. Basingstoke, 1996.

© 2023 г. **А.А. ЩЕЛЧКОВ**

ЧИЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СССР: ВЗГЛЯД НА САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ ИЗ КАБИНЕТОВ ЦК КПСС

Щелчков Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: sch2000@mail.ru

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018

Аннотация. Чилийская революция, начало которой ознаменовалось приходом к власти С. Альенде в 1970 г., драматически завершившаяся военным переворотом и гибелью чилийского президента 11 сентября 1973 г., является одним из самых знаменательных событий латиноамериканской истории XX в. Эта революция имела огромный международный резонанс, в частности в левом политическом лагере, вызвав настороженность в странах реального социализма, прежде всего в СССР, и надежды среди европейских левых, веривших в успех дела социализма в условиях свободы, демократии и политического плюрализма. Фигура Альенде олицетворяла принципы «чилийского пути к социализму», верности демократии и свободе. Президент Альенде оказался в центре внимания всех мировых держав, в том числе и СССР, с особым вниманием взиравшего на социалистический эксперимент в самой удаленной от него стране Латинской Америки. Для Москвы идеи, политическая практика и личностные характеристики чилийского лидера имели большое значение в определении как государственной, так и партийно-политической политики в отношении чилийского эксперимента. Эта позиция не высказывалась публично, но имела значительное влияние на принятие решений в Москве. Данный текст, опираясь на документы ЦК КПСС, претендует на раскрытие эволюции отношения к С. Альенде советского партийно-государственного аппарата.

Ключевые слова: чилийская революция, социализм, демократия, СССР, левые партии, С. Альенде, Чили.

A.A. Schelchkov

The Chilean Revolution and the USSR: A Look at Salvador Allende from the Offices of the CPSU Central Committee

Andrey Schelchkov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: sch2000@mail.ru

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018

Abstract. The Chilean Revolution, which began with the rise to power of Salvador Allende in 1970 and dramatically ended with a military coup d'état and the death of the Chilean President on 11 September 1973, is one of the most significant events of Latin American history in the twentieth century. This revolution had an enormous international resonance, particularly on the political left, arousing wariness in the countries of genuine socialism, above all in the USSR, and hope

among the European left, which believed in the success of the cause of socialism under conditions of freedom, democracy, and political pluralism. The person of Allende embodied the principles of the “Chilean way to socialism”, loyalty to democracy and freedom. President Allende was at the centre of attention of all world powers, including the USSR, which watched the socialist experiment in the most distant country in Latin America with keen interest. For Moscow, the ideas, political practice, and personal characteristics of the Chilean leader were of great importance in determining both state and party-political policy towards the Chilean experiment. This point of view was not voiced publicly, but had a significant influence on decision-making in Moscow. In this study, the author seeks to reveal the evolution of the attitudes towards Salvador Allende on the part of the Soviet party-state apparatus, drawing on documents of the CPSU Central Committee.

Keywords: Chilean revolution, socialism, democracy, USSR, leftist parties, Salvador Allende, Chile.

Сальвадор Альенде — один из наиболее видных политиков Латинской Америки — стоял за единение всех левых сил Чили. Благодаря впечатляющим успехам возглавляемой им коалиции коммунистов и социалистов он выделялся среди всех прочих левых деятелей, а посему был в центре внимания как партийных, так и государственных советских органов, ответственных за политику в этом регионе. Данная статья не столько о самом Альенде и времени Народного единства (Unidad Popular — UP) в Чили, сколько об отношении советских властей к президенту Чили и к чилийской революции в целом.

В нашей стране Альенде после своей трагической гибели во время переворота 1973 г. превратился в героическую и жертвенную фигуру, героя и мученика идеи социализма и гуманизма, в пропагандистский образ бескомпромиссного борца с фашизмом и империализмом. В этом духе выдержаны все книги, опубликованные о нем в СССР, представляющие своего рода агиографические описания его жизни и подвига¹. В Чили и в других странах издано множество книг о нем, их число значительно увеличилось в нынешний год 50-летия его гибели, что свидетельствует об актуальности этой темы. В Чили существует всеобщее убеждение в нежелании СССР реально поддержать правительство Народного единства, что не вполне соответствует действительности. Тот материал, на который опирается данная работа, по вполне понятным причинам не был ранее введен в научный оборот. Документы ЦК КПСС, проанализированные в статье, раскрывают неоднозначную позицию СССР в отношении чилийской революции и Альенде, далекую от устоявшего мифа о безусловной поддержке Народного единства. Здесь предлагается анализ своеобразной позиции заинтересованного наблюдателя и внешней действующей силы, каким был СССР, на лидера чилийской революции, что имело большие политические последствия для судьбы правительства Народного единства.

Долгая политическая карьера социалиста Альенде и реальные перспективы победы левых сил в Чили обязывали советских партийных функционеров собирать информацию о его политической деятельности, о его взглядах, и прежде всего о его отношении к СССР. Альенде в речах, в опубликованных текстах почти никогда не затрагивал болезненных для СССР тем, ограничиваясь внутренними вопросами и уважительно умалчивая обо всем, что могло огорчить выбранных им своих главных политических союзников — чилийских коммунистов. До 1965 г., когда в Чили было учреждено советское посольство, основным источником информации о нем были сообщения чилийских коммунистов и аналитика советских исследователей. Поток информации увеличился во много раз, когда советские дипломаты получили возможность прямого контакта с чилийскими политиками.

К моменту прихода левых в Ла-Монеду в 1970 г. у советской стороны уже было сложившееся мнение о новом президенте, основывающееся на анализе его выступлений и политических действий. В первую очередь советская дипломатия и партийные органы обращали внимание на то, как политик относится к СССР, а затем уже на его взгляды на революцию, рабочее и международное коммунистическое движение.

¹ Лаврецкий И. Сальвадор Альенде. М., 1975; Белят М.Ю. Сальвадор Альенде. М., 1988.

В Москве прекрасно знали, что Альенде всегда категорически отмежевывался от советской системы и идеологии. Выступая в сенате в защиту компартии после принятия в 1948 г. «проклятого закона» о ее запрете, он подчеркивал: «Мы, чилийские социалисты, признаем те огромные достижения, которые есть у Советской России, но мы отвергаем ее политическую систему, однопартийную систему коммунистической партии. Мы не принимаем огромное количество их законов, которые ограничивают свободы и права людей в этой стране, также мы осуждаем экспансионистскую внешнюю политику России»². После XX съезда его отношение к СССР значительно улучшилось, критика с его стороны касалась лишь острых внешнеполитических проблем, связанных с Югославией, Венгрией, Чехословакией. Кроме того, Альенде вплоть до марта 1973 г. открыто был членом масонской ложи и даже гордился этим³. В Москве этот факт не мог быть засчитан в его пользу.

В 1950-е годы, став союзником коммунистов по предвыборному блоку ФРАП (Фронт народного действия), Альенде позиционировал себя как «друга Советского Союза», но не более того. Он часто подчеркивал это в речах. Его позиция в отношении СССР была глубоко прагматичной, опирающейся не на идейную близость, а на реалии чилийской политики. Альенде говорил, что без единства левых не будет возможности завоевать власть, а это единство немыслимо без компартии, которая, помимо того что является партией рабочего класса, еще и представитель в Чили Советского Союза⁴. Поэтому СССР — друг, так как он друг местных коммунистов.

Альенде побывал в СССР еще в 1954 г. Когда он говорил о своих впечатлениях от первой страны социализма, то подчеркивал, что не восторгается и не осуждает увиденное, но признает достижения и ошибки, что ни при каких обстоятельствах не принимает подобного пути для Чили. Однако это не отменяло его признания роли и значения Октябрьской революции для мирового освобождения рабочего класса⁵. В 1967 г. Альенде входил в состав делегации соцпартии на праздновании 50-летия Октябрьской революции в Москве.

Альенде искренне верил чилийским коммунистам, их желанию построить лучшее и более справедливое Чили. Однако при этом он заявлял, что никогда не станет умалчивать о своем отношении к СССР в угоду политическому союзнику — Коммунистической партии Чили (КПЧ): «Мы бы никогда не приняли союза с коммунистической партией, если бы это означало запрет нашего права критиковать, анализировать и детально судить о международной политике Советского Союза»⁶. Он был другом, но не слепым верующим в СССР.

Защищая союз с коммунистами, Альенде говорил: «Мы с коммунистами, но разве мы отказались от своей независимости? Разве мы теперь обязаны подписываться подо всем, что делает КПСС? Разве теперь мы обязаны кланяться и восславлять господина Хрущева? Нет, господа, нет»⁷. Альенде принадлежал к тем социалистам, которые, по словам идеолога соцпартии Х.С. Жобета, считали, что их партия противостоит сталинизму и бюрократическому извращению социализма в СССР с его однопартийной системой и претензиями быть авангардом мировой революции и мирового социализма-коммунизма⁸.

Соратники Альенде по партии восхищались югославским социализмом и поддерживали Тито в противостоянии Москве⁹. Именно Альенде в сенате приветствовал сопротивление

² Ferrero M. Salvador Allende: su mundo, su época. La política internacional del siglo XX y sus encrucijadas en la Guerra Fría // Salvador Allende: vida política y parlamentaria 1908–1973. Santiago de Chile, 2008. P. 209.

³ Запись беседы с заместителем ген. Секретаря ЦК КП Чили В. Диасом сенатором, 24 марта 1973 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 66. Д. 1019. Л. 47.

⁴ Puccio O. Un cuarto de siglo con Allende: recuerdos de su secretario privado. Santiago, 1985. P. 25.

⁵ Salvador Allende: pensamiento y acción / coord. F. Modak. Buenos Aires, 2008. P. 51–52.

⁶ Allende S. Obras escogidas. Santiago de Chile, 1992. P. 190.

⁷ Casals M. El alba de una revolución, La izquierda y la construcción estratégica de la “vía chilena al socialismo”. 1956–1970. Santiago, 2010. P. 30–31.

⁸ Garrido González P. Clasistas, antiimperialistas y revolucionarios. Trayectoria política e intelectual del socialismo chileno contemporáneo. 1932–1973. Santiago, 2021. P. 147.

⁹ Serani Pradenas E. Salvador Allende Gossens: una biografía política // Salvador Allende: vida política y parlamentaria 1908–1973. Santiago de Chile, 2008. P. 35.

Югославии советскому давлению, вопреки которому осуществлялись «надежды на создание революционного народного правительства, идущего по пути целостного социализма». Он решительно осудил военное вмешательство СССР в события в Венгрии в 1956 г. и в ЧССР в 1968 г., такую же позицию занимал в советско-китайском конфликте, хотя никогда не поддерживал идеи маоизма. Он был готов выслушать точку зрения китайских коммунистов, не принимая, но и не осуждая ее. Альенде, как и большинству в партии, с одной стороны, была близка позиция КПСС, идущей по пути десталинизации, а с другой — Мао представлял «новым Тито», создателем независимой формы социализма, более всего подходящей для Чили, что было созвучно идеям чилийских социалистов¹⁰. Даже такая умеренная позиция вызывала раздражение советских партийных лидеров в годы острого противостояния с Коммунистической партией Китая (КПК).

В Москве внимательно относились к сообщениям чилийских коммунистов, прежде всего тех, кого считали доверенными лицами: Л. Корвалана, В. Тейтельбойма, О. Мильяса. Для ЦК КПСС их частное мнение было важнее официальной позиции самой партии. Кроме того, атмосфера секретности, закрытости и кулуарных решений, царившая в Кремле, придавала непубличным высказываниям или характеристикам гораздо большее значение, чем политическим смыслам политики. А если учесть, что агентурные данные по линии КГБ поступали из тех же источников, то беседы в ЦК КПСС с чилийскими коммунистами имели большое влияние на формирование политической позиции советского руководства.

Считалось, что Альенде возглавляет правое крыло партии, которое после съезда 1965 г. объединилось с троцкистами, что позволило им возглавить партию. В Москве его называли лидером некой правотроцкистской группировки в соцпартии¹¹. Надо признать, что эту точку зрения разделяли и сами социалисты — один из лидеров соцпартии Р. Ампуэро заявлял: «Крайне правое крыло социалистической партии, ее реформистский и умеренный сектор представлены Сальвадором Альенде»¹².

Социалистическая партия никогда не была однородным политическим объединением. Это была партия «революционного марксизма», отвергавшего реформизм социал-демократии и недемократичность и тоталитаризм советского коммунизма. В 1960-е годы в партии стало преобладать левое крыло, ориентировавшееся на Кубинскую революцию и заявлявшее о предпочтительности вооруженного пути захвата власти. Альенде считался главой умеренной правой фракции, но одновременно он поддерживал и тесные связи с Кубой, Фиделем Кастро; члены его семьи прошли военную подготовку на Кубе, были сторонниками «подталкивания революции», не дожидаясь объективных условий, революционной ситуации. Оценивая результаты XXI съезда соцпартии, международный отдел ЦК КПСС констатировал победу фракции Альенде, которая вступила в союз с крайне левыми, троцкистами (А. Сепульведа, К. Альмейда), что определило «открытое сектантство» социалистов и конфликт с компартией. Этот союз вел к усилению ультралевого уклона в соцпартии, выступившей против расширения блока левых сил за счет привлечения реформистских партий¹³. Советских партийных руководителей волновало отношение социалистов к правительству христианских демократов, которое представлялось прогрессивным и перспективным с точки зрения советской политики в Латинской Америке. Учитывая риторику советского времени, несколько не удивляет сочетание «правотроцкистская группа», единение правых и ультралевых. Альенде называли главой сектантской группировки в партии. И, конечно же, ко всем остальным грехам именно этой фракции приписывался прокитайский курс, открытая поддержка Пекина. Из этого делался

¹⁰ Garrido González P. Op. cit. P. 224–225.

¹¹ Запись беседы с председателем Единого профсоюзного центра, члена ЦК Компартии Чили Луисом Фигероа, 25 сентября 1965 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 692. Л. 263–264.

¹² Núñez R. El gran desencuentro. Una mirada al socialismo chileno, la Unidad Popular y Salvador Allende. Santiago de Chile, 2017. P. 581.

¹³ Chile en los archivos soviéticos. T. 4. Anos 60 / compil. O. Ulianova. Santiago, 2020. P. 130.

печальный вывод, что именно эта троцкистская прокитайская группировка во главе с Альенде является главной опасностью для блока левых сил — ФРАП¹⁴.

В январе 1965 г. Альенде, который был тогда сенатором, встретился с советским послом. Он поделился своим видением политических событий в стране после прихода к власти христианских демократов, а также оценил возможности изменения внешней политики Чили и улучшения отношений с СССР. Особое внимание он уделил проблемам экономического сотрудничества, торговле между странами, выдвинув неожиданное предложение купить полностью или частично один из чилийских банков (у него были конкретные предложения), который смог бы кредитовать фирмы, торгующие с СССР, а также создать совместную чилийско-советскую фирму, дабы преодолеть бюрократизм государственной торговли. Он вдруг предстал финансовым дельцом, предлагая проекты с конкретной стоимостью¹⁵. То, что казалось странным для поведения и побудительных причин Альенде, становится понятным, если обратиться к воспоминаниям его секретаря О. Пусио, что именно в эти годы он озабочен проблемой торговли и экономического сотрудничества с социалистическими странами, прежде всего его интересовали связи с ГДР и СССР. Цель — политическое присутствие в Чили стран социализма, их влияние не только на левые партии, но и на предпринимателей, национальную буржуазию, которая будет извлекать выгоды из этой торговли¹⁶. Так он стремился привлечь к левому проекту прогрессивную часть буржуазии. В советском посольстве такая инициатива Альенде вызвала подозрения, особенно в деле, в котором в СССР все решали бюрократические и формальные процедуры, а не пожелания левых политиков.

В период обострения отношений между социалистами и коммунистами советская сторона внимательно следила за позицией лидеров соцпартии. Альенде характеризовался как скрытый противник, двуличный оппортунист, всегда шедший за той группой в партии, которая стояла у ее руководства. В июне 1966 г. посольство подготовило аналитический доклад о Социалистической партии Чили. В нем говорилось: «Видный сенатор С. Альенде ведет двойную игру: через близкого ему К. Альтамирано поддерживает экстремистскую группу (в руководстве партии. — А.Ш.) и в то же время стремится показать свою лояльность в отношении компартии. Действительно, его симпатии, судя по всему, на стороне этой группы. Для позиции Альенде характерно, что он выехал из страны как раз в период, когда социалисты повели наступление против компартии»¹⁷. Таким образом, Альенде представлял как сторонник левой группы в партии, противостоящей коммунистам в политике расширения избирательного блока за счет реформистских буржуазных партий, что противоречило всем предыдущим его характеристикам как правого реформиста.

В той же записке в МИД СССР большое место занял вопрос отношения чилийских левых к решениям Гаванской конференции Триконтиненталя. Альенде вновь был представлен как человек, не занимавший четкой позиции и постоянно колеблющийся между фракциями в соцпартии. Речь шла о его беседе в посольстве после посещения Гаваны, он говорил о необходимости развития торгово-экономических отношений Чили с СССР, но одновременно подчеркивал значимость кубинской позиции, согласно которой такое сотрудничество поддержало бы правительство христианских демократов, что шло вразрез с революционными задачами левых сил Чили (он повторял известную позицию Фиделя, возмущавшегося сотрудничеством СССР с буржуазными правительствами региона)¹⁸. Действительно, Альенде проявил большую активность перед конференцией в Гаване. Так случилось, что, даже вопреки желанию его друзей-кубинцев, он сыграл решающую роль в прибытии в Гавану боливийской делегации, состоящей из троцкистов и маоистов. Он встретил делегацию в Мексике, где ее членов

¹⁴ Положение во Фронте народного действия (ФРАП). О некоторых разногласиях между коммунистической и социалистической партиями, 11 ноября 1965 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 692. Л. 300–307.

¹⁵ Запись беседы с сенатором-социалистом Сальвадором Альенде, 30 декабря 1965 г. // Там же. Д. 764. Л. 68–69.

¹⁶ *Puccio O.* Op. cit. P. 163.

¹⁷ Министру иностранных дел тов. А.А. Громыко, 23 июня 1966 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 301. Л. 78.

¹⁸ Там же. Л. 82.

отказывались пропустить в самолет без кубинских виз, которые им не давали. В результате ему удалось провести всю делегацию в самолет, в котором летел он сам¹⁹. Эта его самодеятельность, названная провокаторской, вызвала возмущение боливийских коммунистов и советского посольства на Кубе²⁰. Более того, Альенде был избран председателем ультралевого Триконтиненталья, решения которого противопоставлялись линии международного коммунистического движения в регионе. Эти факты не прибавляли ему симпатий в СССР.

В Москве знали, что в Гаване считали Альенде своим человеком. В какие-то моменты истории это было противоречивой рекомендацией, но со временем, с переходом Фиделя на позиции более тесного сотрудничества с Москвой, поддержка кубинцами Альенде стала положительно восприниматься советской стороной. В свою очередь, Фидель, уже после прихода Народного единства к власти, во время визита в Чили в 1971 г. не переставая подчеркивал роль и значение помощи СССР Кубе, намекая, что и чилийская революция должна пойти тем же путем тесного сотрудничества с СССР²¹. Все это влияло на позицию Москвы в отношении лидера «чилийского пути к социализму».

В 1966 г. Альенде вместе с чилийскими парламентариями был приглашен в СССР как председатель сената. Альенде по пути в Москву заехал в Югославию, являвшуюся образцом для чилийских социалистов, а часть делегации прибыла сразу в Москву. Делегацию должен был принять Н.В. Подгорный, но визит совпал с визитом Ш. де Голля в СССР. В результате чилийскую делегацию принимали очень формально, без внимания со стороны первых лиц государства, о чем стало известно Альенде в Белграде, и он принял решение не ехать в Москву, что было слишком демонстративно. Тогда он упустил шанс установления более доверительных отношений с КПСС²². Этот демарш был приписан его скрытому антисоветизму.

В дальнейшем его международная деятельность подтверждала подозрения в неискренности в отношении СССР. В 1969 г. Альенде посетил Китай. Сам факт приглашения посетить Китайскую Народную Республику (КНР) воспринимался чуть ли не как вызов советскому влиянию²³. Впоследствии в интервью Режи Дебре²⁴ он признавал, что самое большое впечатление на него произвели два человека: Че Гевара и Чжоу Эньлай²⁵. И в его представлении о революционной последовательности такую же иерархию занимали кубинская и китайская революции, разные, как все революции, но дающие не догматические схемы, а уроки, которыми можно было бы следовать в Чили. Альенде и большинство членов его партии с большой симпатией относились к маоизму, который виделся им как движение национального освобождения, но не разделяли маоистской доктрины революции и «новой демократии»²⁶. Они предпочитали одинаково дистанцироваться как от КПСС, так и от КПК.

Перед поездкой в Китай он посетил советское посольство, запрашивая разрешение на обратном пути посетить Москву. Альенде всячески демонстрировал свои симпатии к СССР в советско-китайском конфликте²⁷. Он всегда подчеркнуто нейтрально высказывался о китайской

¹⁹ Brega J. ¿Ha muerto el comunismo? El maoísmo en la Argentina. Conversaciones con Otto Vargas. Buenos Aires, 1990. P. 76.

²⁰ Запись беседы с Марио Монхе, 10 февраля 1966 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 765. Л. 27–28.

²¹ Pedemonte R. Guerra por las ideas en América Latina, 1959–1973. Presencia soviética en Cuba y Chile. Santiago, 2020. P. 185–186.

²² Allende. Testimonios. № 2 // La Segunda. 8.VIII.2003. P. 14–15.

²³ Министру иностранных дел тов. А.А. Громыко, 23 июня 1966 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 301. Л. 86.

²⁴ Дебре, Режи — французский философ, политик, идеолог фокизма — «революции в революции», — абсолютизировавший кубинский опыт революции. В 1971–1973 гг. жил в Чили, пользовался доверием Альенде. По возвращении во Францию сблизился с социалистами, сотрудничал с администрацией Ф. Миттерана.

²⁵ Debray R. Conversación con Allende. México, 1971. P. 72.

²⁶ Щелчков А.А. Маоизм в Чили в 60-е годы. Раскол в Международном коммунистическом движении и чилийские левые // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 36. С. 255–278.

²⁷ Запись беседы с председателем сената Чили С. Альенде, 26 марта 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 560. Л. 58.

политике, но о «культурной революции» он говорил: «Мао Цзэдун как революционер стремится разрушить все, что парализует или препятствует самой революции»²⁸.

Его визиту в СССР не были рады: в Москве помнили его отношение к СССР во время событий в Чехословакии в 1968 г.²⁹ В 1969 г. Альенде приняли в Москве очень сдержанно, ограничив встречи с функционерами среднего звена. Будучи реалистом, он понимал, что для выдвижения на выборах 1970 г. ему нужна поддержка КПЧ, позиция которой всегда учитывала расположенность Кремля. Он был вынужден принять «холод приема», в Москве он касался только тех вопросов, где его позиция совпадала с советской, не затрагивая спорных тем.

После визита Альенде посетил советское посольство в Чили с миссией благодарности за оказанный прием. Он сразу же подчеркнул, что своей главной цели он не достиг. В дипломатических выражениях высказал сожаление, что не смог встретиться ни с одним представителем партийного руководства, с которым мог бы обсудить политические вопросы. Альенде, безусловно, хотел наладить политический контакт с КПСС, учитывая непростую ситуацию в левом лагере Чили накануне президентских выборов, на которых он претендовал на лидерство в левом блоке. Он нуждался в поддержке компартии, имея в виду собственные непрочные позиции в соцпартии из-за его несогласия с позицией большинства партии формировать «революционный фронт», а не широкую левую коалицию³⁰. Но в Москве ему дали понять, что все вопросы следует обсуждать с КПЧ и через нее с КПСС.

В предвыборный период 1970 г. СССР надо было определиться в отношении Альенде. По-прежнему его считали сильно колеблющимся и не внушавшим доверия лидером, страдавшим к тому же вождизмом, обладавшим каудильстскими чертами³¹. В. Тейтельбойм убеждал советского посла, что Альенде вполне приемлемая фигура, так как у него большая народная поддержка. При этом отмечал ряд недостатков: «Сальвадор Альенде имеет и положительные и отрицательные факторы. Дело в том, что многие политики считают его (в том числе и ряд коммунистов) как политического деятеля во многом изжившего себя, у которого во многом определяющими моментами являются соображения амбициозного порядка, желание “пробиться” в президенты во что бы то ни стало, почему он и выдвинут кандидатом в четвертый раз». Тейтельбойм добавлял, что кризис внутри соцпартии делает его компромиссной фигурой, которая никому не нравится, но при этом вызывает наименьшие возражения у всех³².

В посольстве разделяли точку зрения чилийских коммунистов. Так, в докладе в августе 1971 г. отмечалось мнение Л. Корвалана о некоторых негативных сторонах политической личности президента: «У Альенде все более наблюдается стремление к персонализму... Он всегда стремится быть в центре внимания, зачастую принимает единоличные решения»³³. Примерно то же самое говорил О. Миљяс, подчеркивая, что стиль Альенде — «разделяй и властвуй», он не допускает усиления ни одной из партий Народного единства, даже когда это противоречит его убеждениям³⁴. Эти слова вскоре подтвердил сам Альенде в беседе с послом СССР. Он сказал, что убежден в неготовности латиноамериканских стран, в том числе и Чили, к коллективному способу принятия решений. Альенде настаивал, что пока нужна сильная президентская власть и единоличное правление, иначе сама революция будет поставлена под угрозу³⁵. Если бы Альенде был коммунистом или политиком, доказавшим просоветский образ мысли

²⁸ Debray R. Op. cit. P. 76.

²⁹ Corvalán L. El gobierno de Salvador Allende. Santiago, 2003. P. 152.

³⁰ Запись беседы с сенатором С. Альенде, 15 июля 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 560. Л. 192–193.

³¹ Запись беседы с членом политбюро ЦК КПЧ тов. В. Тейтельбоймом, 22 декабря 1969 г. // Там же. Оп. 62. Д. 565. Л. 78.

³² Запись беседы с членом политической комиссии ЦК КПЧ Володей Тейтельбоймом, 6 октября 1969 г. // Там же. Оп. 61. Д. 560. Л. 208.

³³ Запись беседы с генеральным секретарем ЦК КПЧ Луисом Корваланом, 11 августа 1971 г. // Там же. Оп. 63. Д. 733. Л. 148.

³⁴ Запись беседы с министром финансов О. Миљясом, 23 августа 1972 г. // Там же. Оп. 64. Д. 699. Л. 105.

³⁵ Запись беседы с президентом Чили С. Альенде, 25 февраля 1972 г. // Там же. Д. 698. Л. 47.

и действия, такая позиция не вызывала бы беспокойства. Однако в сложившихся обстоятельствах подобные заявления воспринимались негативно, поскольку не обеспечивали предсказуемость курса правительства.

Недоверие и осторожность со стороны КПСС в отношении Альенде, как, возможно, и в отношении любых других социалистов, априори считавшихся антисоветчиками, подпитывались критическими замечаниями не только коммунистов, но и других политиков, входивших в народный блок партий. Так, в 1965 г. сенатор Р. Таруд, в будущем создатель партии Независимое народное действие (API), вошедшей в UR, «по большому секрету» поделился своими размышлениями об Альенде: мол, если бы он победил на выборах в 1964 г., то через полгода наверняка запретил бы компартию, так как социалисты — стойкие антисоветчики³⁶. И уж точно он бы никогда не восстановил дипломатические отношения с СССР³⁷.

Личная жизнь Альенде порой приобретала скандальный характер: его любовные похождения, в том числе и с секретаршей М. Контрерас в период его президентства, сопровождались публичными обсуждениями его расходов на содержание любовницы, ее несоизмеримый с доходами образ жизни. Для советских товарищей это не было серьезной проблемой, но давало аргумент сомневающимся в его моральном облике, чем могли воспользоваться классовые враги. Кроме того, в советских справках и докладах подчеркивалось, что Альенде зажиточный человек, владеет значительной собственностью напрямую или через родственников, т.е. происходит из классово враждебных слоев³⁸.

Были сомнения, хотя и не подтвержденные, в личной финансовой чистоплотности, ходили слухи о различных финансовых скандалах. Речь идет, в частности, об обвинениях (ничем не подкрепленных) со стороны некоторых чилийских левых о присвоении им кубинских денег. Дело в том, что еще до избрания президентом кубинцы передавали через него крупные суммы для повстанцев, а именно для партизан Инти Передо в Боливии и для уругвайских ту-памарос. Все эти деньги дошли по назначению, что подтверждалось документами. Но деньги, данные для предвыборной кампании самого Альенде, он предложил вернуть кубинцам после победы на выборах. Кубинцы же попросили его через секретаршу приобрести на эти деньги дом с участком в Сантьяго для кубинского посла, фактически деньги вернулись кубинцам. Однако скандал был грандиозным, так как формально домом владела его секретарша. По большей части скандал раздували внутри левого лагеря. Советским наблюдателям было все вроде бы ясно, но «осадок остался», и об этой истории была проинформирована Москва³⁹.

Зная об этих разговорах, Альенде на очередной встрече с советским послом подробно ответил на все обвинения, объяснив реальную ситуацию с кубинскими деньгами, участие самих кубинцев во всех тратах, чьим доверенным лицом, не афишируя этого, он был⁴⁰. Объяснения вполне удовлетворили советских дипломатов, но среди функционеров бытовала легенда, что Альенде поддерживает прокубинских левых не по убеждению или идеологической близости, а из-за того, что у тех якобы есть на него «компрометирующие документы, и это связывает его по рукам и ногам»⁴¹.

Хотя Альенде был близок по своим взглядам коммунистам, последние в тот момент так не считали, а их мнение в значительной степени определяло советскую точку зрения. Альенде представлялся противоречивым деятелем с непостоянными взглядами: он поддерживал кубинцев и их влияние в соцпартии, с одной стороны, но с другой — его традиционно относили к представителям правого, реформистского крыла в партии. Корвалан печально признавал, что на выборах 1970 г., скорее всего, придется поддержать Альенде. Лидер коммунистов

³⁶ Chile en los archivos soviéticos. P. 127.

³⁷ Ibid. P. 164.

³⁸ Справка о Сальвадоре Альенде, 8 декабря 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 560. Л. 336—337.

³⁹ Запись беседы с членом политкомиссии ЦК КПЧ Орландо Мильясом, 18 мая 1972 г. // Там же. Оп. 64. Д. 694. Л. 136.

⁴⁰ Запись беседы с президентом С. Альенде, 6 мая 1972 г. // Там же. Д. 698. Л. 106.

⁴¹ Записка о поездке в Чили обозревателя отдела американских стран Боровского В.Н., 21 апреля 1973 г. // Там же. Оп. 66. Д. 1015. Л. 40.

говорил так: «Для компартии избрание С. Альенде единым кандидатом левых сил было бы далеко не лучшим вариантом. В компартии Альенде именуют “мумией” левого движения (то есть представителем устаревшего, консервативного), и еще не известно, что получится в случае, если Альенде окажется избранным президентом в 1970 г.»⁴².

Все эти характеристики Альенде накануне выборов 1970 г. попали в обстоятельный доклад МИД о Чили, включая дословные высказывания лидеров КПЧ об Альенде. Ему даже был посвящен отдельный параграф, в котором говорилось, что он потворствует авантюристическому левому руководству соцпартии, придерживается кубинской идеи «искусственного создания революционной ситуации». При этом «Альенде бывал неоднократно в Советском Союзе и объявляет себя нашим другом», но ориентируется он на Кубу, а не на СССР, и к тому же бывал в Китае, что тоже вызывало подозрения⁴³.

После выдвижения кандидатуры Альенде ситуация изменилась, так как он стал придерживаться позиций, близких именно коммунистам. Кроме того, с началом кампании крайнее левое крыло его собственной партии, прежде всего молодежная организация, занимало очень критическую позицию в отношении его кандидатуры, пока не стал очевидным успех кампании именно благодаря личной эмпатии и харизме Альенде. Складывалась проявлявшаяся потом в течение всех трех лет правления UP ситуация, когда Альенде имел больше проблем с собственной партией, находя общий язык с компартией. Это повлияло на отношение советской стороны, но не развело всех ее подозрений и предубеждений.

В Москве следили за чилийским процессом, поддерживали компартию даже тогда, когда в ее политике видели ошибки и недостатки⁴⁴. Тем не менее победа Народного единства, а затем избрание Альенде президентом республики стало неожиданной новостью для Москвы⁴⁵. Эти события вызвали всплеск интереса к Чили и к новому герою чилийской революции — к президенту Альенде.

Чилийские социалисты не раз упрекали советских дипломатов в том, что они «шельмовали» социалистов, и это предубеждение не было преодолено, несмотря на сотрудничество после 1970 г.⁴⁶ С приходом к власти UP коммунисты не переставали подчеркивать, что Альенде близок именно к ним, что он твердый революционер и всей душой ратует за развитие отношений с СССР. Л. Корвалан вспоминал, что во время поездки в СССР на XXIV съезд КПСС он старался преодолеть скепсис советского руководства в отношении чилийской революции, которая была «разрывом их политических схем»⁴⁷. Пытаясь переубедить Москву, коммунисты приводили слова Фиделя Кастро, что Альенде является искренним и честным революционером, человеком воли и веры в социализм⁴⁸, что должно было создать образ президента Альенде, преданного союзу с коммунистами, а не формального лидера UP.

Альенде часто занимал противоречивую позицию в отношении сил, составляющих UP. С одной стороны, он постоянно конфликтовал с левацкой группой своей собственной партии. Л. Корвалан в беседе с министром внешней торговли СССР Н.С. Патоличевым говорил: «Альенде — либеральный социалист, современный реформист с либеральным уклоном»⁴⁹. А с другой — он слишком мягко относился к Левому революционному движению (MIR), так

⁴² Запись беседы с генеральным секретарем ЦК КПЧ Луисом Корваланом, 13 октября 1969 г. // Там же. Оп. 61. Д. 560. Л. 257.

⁴³ Информационные материалы для делегации КПСС на XIV съезде КПЧ, 8 декабря 1969 г. // Там же. Д. 560. Л. 338.

⁴⁴ Это проявлялось в критических замечаниях к программе партии, ее политике и концепции революции, которые сформулировали в ЦК КПСС. См. Беседа с делегацией КПЧ в ЦК КПСС, июль 1965 г. // Там же. Ф. 3. Оп. 23. Д. 264. Л. 85.

⁴⁵ *Ulianova O.* La Unidad Popular y el golpe militar en Chile: percepciones y análisis soviéticos // Estudios Públicos. 2000. № 79. P. 90.

⁴⁶ Беседа с руководством Социалистической партии, 5 октября 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 734. Л. 122.

⁴⁷ *Corvalán L.* Op. cit. P. 125.

⁴⁸ Запись беседы с членом политбюро ЦК КПЧ сенатором В. Тейтельбоймом, 30 апреля 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 733. Л. 66–70.

⁴⁹ Запись беседы с членами руководства КП Чили, 20 апреля 1972 г. // Там же. Оп. 64. Д. 694. Л. 124.

как его дочь Беатрис была близка им политически. При этом он учитывал влияние кубинцев в левом лагере Чили, которые поддерживали миристов. Ни чилийские, ни советские коммунисты никогда не забывали, что Альенде, хотя в молодости изучал работы Маркса и заявлял, что разделяет марксистские взгляды, возражал против того, чтобы его партия называла себя марксистско-ленинской⁵⁰. Он достаточно хорошо ориентировался в марксистской мысли, давал свои независимые суждения по доктринальным вопросам, но не претендовал на какую-то свою особую позицию в области теории революции и социализма⁵¹. Он так определял свое отношение к теории революции: «Я не являюсь большим теоретиком марксизма, но верю в его основы, в главное в доктрине, в исторический материализм и в классовую борьбу. Но при этом считаю, что марксизм не является рецептом для революций, марксизм — это метод интерпретации истории. Считаю, что марксисты должны применять свои концепции к интерпретации доктрины и реальности, более того, в соответствии с реальностями каждой страны»⁵².

В Москве прислушались к мнению кубинцев, которые полностью ему доверяли и считали своим человеком, и, хотя имелись идеологические расхождения, давали прекрасную характеристику чилийскому президенту: «Несмотря на элементы нерешительности и отсутствие твердости в действиях С. Альенде, его утопический социализм, он все-таки является реалистическим политиком»⁵³. Последнее означало, что он верен идеям Народного единства, но осознает все трудности на этом пути и не поддерживает крайние левые позиции.

Советское руководство вменяло Альенде неискренность в отношении СССР и КПСС. Эти подозрения укрепляли заявления некоторых деятелей компартии, представлявших самую ортодоксальную, просоветскую ее часть, например О. Мильяса. Последний подчеркивал, что им, коммунистам, не нравится, что Альенде в публичных выступлениях на митингах перед народными массами никогда не упоминает об экономической и политической поддержке СССР⁵⁴.

О том же в беседе с советскими дипломатами говорил чехословацкий посол в Чили М. Веселы. Когда он показал Альенде фильм о чилийской революции, снятый чешскими кинематографистами, тот отметил как неверные, или преувеличенные, или неуместные сцены, в которых показывалась особая роль компартии и помощь СССР. Если желание члена социалистической партии убрать преувеличенное присутствие компартии и ее символики было понятно, то осознание помощи СССР было серьезной проблемой — чилийцы считали себя обманутыми в надеждах на поддержку социалистического лагеря⁵⁵. Как отмечал французский историк Р. Педемонте, Альенде всегда старался дистанцироваться от претензий СССР на ведущую роль в мировом социалистическом движении, был далек от признания советской системы как модели для всех революционных сил в мире, хотя во время своего пребывания в СССР в 1972 г., проходившего в условиях нараставшей экономической катастрофы, не раз говорил о «старшем брате» и роли «первого социалистического государства»⁵⁶.

Другие послы социалистических стран также отмечали, что Альенде либо мало, либо ничего не говорит публично о советской помощи⁵⁷. Однако дипломаты относили эти нюансы к старым антисоветским настроениям социалистов. Ведь еще в 1968 г. Корвалан после посещения многочисленными чилийскими делегациями празднования 50-летия Октябрьской революции в Москве сетовал, что социалисты, а главное глава делегации Альенде, ограничились

⁵⁰ Winn P. La revolución chilena. Santiago, 2013. P. 30.

⁵¹ Debray R. Op. cit.

⁵² Salvador Allende: pensamiento y acción. P. 20.

⁵³ Запись беседы с послом Кубы в Чили Марио Гарсия Инчаустеги, 1 августа 1972 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 699. Л. 59.

⁵⁴ Запись беседы с членами руководства КП Чили, 20 апреля 1972 г. // Там же. Д. 694. Л. 125.

⁵⁵ Запись беседы с послом ЧССР в Чили Милюшем Веселым, 21 февраля 1972 г. // Там же. Д. 698. Л. 31.

⁵⁶ Pedemonte R. Op. cit. P. 197.

⁵⁷ Запись беседы с Марином Ивановым Чуровым послом БНР в Чили, 24 января 1972 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 698. Л. 86.

несколькими словами о своих впечатлениях о визите и ничего не рассказали о достижениях СССР. Мол, не стоило их и приглашать⁵⁸.

В целом, посольство отмечало, что Альенде в беседах с советскими дипломатами не касался вопросов противоречий между партиями Народного единства, считая это внутренним делом⁵⁹. Он, видимо, желал оградить чилийскую политику от внешнего влияния СССР. Близость позиций компартии и Альенде в период правления УР способствовала улучшению мнения советской стороны о президенте Чили, хотя с сожалением отмечалась его непоследовательность и двойственность в отношении левого крыла социалистов и миристов: все было бы иначе и успешнее, если бы он последовательно сотрудничал с коммунистами⁶⁰. А приверженность Альенде демократии, его нежелание прибегать к репрессиям рассматривались в Москве как слабость руководства чилийской революции. Особенные сомнения в СССР вызывали постоянные заявления чилийских левых, в том числе и коммунистов, об особом «чилийском пути к социализму», что никак не сопрягалось с советским псевдомарксистским универсализмом и догматизмом. Надо заметить, что ставший столь популярным тогда лозунг «чилийского пути к социализму» был придуман Альенде, и коммунисты первоначально не принимали его, предпочитая называть его «невооруженным путем»⁶¹. Альенде не раз повторял, что «наш социализм не будет ни советским, ни кубинским, а только нашим... с пирожками и красным вином». Такие заявления раздражали советскую сторону⁶².

Доклад посольства в ЦК так говорил о недостаточной твердости чилийских революционеров и их демократических иллюзиях: «Президент С. Альенде в своих публичных выступлениях и в беседах с нами постоянно делает упор на “демократический путь” нынешнего развития Чили, на то, что вся деятельность блока Народного единства строится на принципах “политического плюрализма”, понимая под этим не только сосуществование партий правого и левого толка, но и терпимость к различным идеологиям и воззрениям»⁶³. В глазах советских партийцев это было проявлением правого реформизма и оппортунизма.

Непоследовательность Альенде, иногда идущего на слишком большие уступки ультралевым в соцпартии, совмещалась с репутацией реформиста, правого социалиста европейского типа. Последнее беспокоило и чилийских коммунистов, и их советских друзей. Корвалан в самые критические моменты политической конъюнктуры признавал, что Альенде склонен к неоправданным уступкам реакции и к соглашательству с ней⁶⁴. Кубинцы же, напротив, постоянно подтверждали свое полное доверие Альенде. Так, кубинский посол после визита в Чили министра внутренних дел М. Пинеиры, знаменитого и легендарного Барбарроха, заведовавшего в 1960-е годы всеми связями с латиноамериканскими партизанами и левыми, передал его слова для Москвы: «Альенде — серьезный и честный человек, трезвый политический деятель, стоящий на революционных позициях. Несмотря на свои колебания и ошибки, он заслуживает того, чтобы ему была оказана всяческая помощь»⁶⁵.

Альенде завоевал симпатии и доверие советских представителей до такой степени, что те считали возможным предлагать ему свои «добрые услуги» в достижении задач внутренней политики. В момент внутривнутриполитического кризиса и разброда в социалистической партии в сентябре 1972 г. КПСС полагала, что способна оказать на эту партию некоторое влияние, точнее, предложила Альенде рассчитывать на нее для давления на социалистов, что само по

⁵⁸ Международный отдел ЦК КПСС, 19 декабря 1967 г. // Там же. Оп. 60. Д. 471. Л. 8.

⁵⁹ Запись беседы с президентом С. Альенде, 12 июня 1972 г. // Там же. Оп. 64. Д. 699. Л. 29.

⁶⁰ Обстановка с Чили и перспективы 1972 г. Политическое письмо // Там же. Д. 695. Л. 17.

⁶¹ Corvalán L. Op. cit. P. 125.

⁶² Pozo J. Rebeldes, reformistas y revolucionarios. Santiago, 1992. P. 159.

⁶³ Революционный процесс и проблемы идеологической борьбы в Чили на современном этапе, 30 мая 1972 г. // РГНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 695. Л. 30.

⁶⁴ Запись беседы с генеральным секретарем ЦК КПЧ Луисом Корваланом, 24 октября 1972 г. // Там же. Д. 696. Л. 246.

⁶⁵ Запись беседы с послом Кубы в Чили Марио Гарсия Инчаустеги, 26 марта 1973 г. // Там же. Оп. 66. Д. 1016. Л. 78.

себе было оригинально, учитывая, что Альенде был одним из лидеров этой партии, преданных ее истории и идеям, а одной из основ этой партии было неприятие советской идеологии и модели социализма⁶⁶.

Чили нуждалось в помощи СССР, и Альенде был готов на самые близкие отношения, но Москва рассматривала его правительство как дружественное, но пока не братское, социалистическое, поэтому проявляла умеренный подход. Альенде рассчитывал, что его поездка в СССР в конце 1972 г. решит все эти проблемы, но действительность оказалась печальной. В конце поездки в посольстве Чили в Москве он сказал: «Никогда в жизни я не был так разочарован»⁶⁷.

Однако положительный эффект от поездки Альенде в СССР все-таки был. Он завоевал симпатии руководства, и прежде всего Л.И. Брежнева, о чем Москва проинформировала посольство. Теперь посол общался с Альенде как с единомышленником и верным просоветским политиком. Символическим актом полного доверия и поддержки было присуждение Альенде Ленинской премии мира в начале 1973 г.⁶⁸

Полное доверие к Альенде со стороны советских руководителей было поколеблено очередным поворотом влево правительства УР, осуществленным под давлением социалистов. После выборов марта 1973 г. был создан новый кабинет, из которого были удалены военные, что, несмотря на декларации о стабилизации обстановки и решении экономических трудностей, не вызывало одобрения у советских дипломатов: «Факт передачи большинства постов СП Чили и личным сторонникам президента, без учета возросшего политического веса и руководящей роли КПЧ, свидетельствовал об определенной непоследовательности и персонализме Альенде, его стремлении умалить роль друзей [КПЧ]»⁶⁹.

В московском аппарате КПСС не были преодолены предубеждения против Альенде как некоммунистического лидера, считающегося социалистом-реформистом и даже латиноамериканским националистом. В этом мнении их укрепляли менее оптимистичные наблюдения, как, например, изложенные в докладе в ЦК корреспондента «Правды» В.Н. Боровского, побывавшего в Чили в марте 1973 г. Последний предрекал «предательство» Альенде и его капитуляцию перед военными, которым якобы мог передать реальную власть в ущерб левым силам⁷⁰. Одним из аргументов была только «классовая близость» Альенде и генералов.

С нарастанием кризиса в 1973 г. все проблемы правительства левых сил приписывались недостаткам Альенде, ему припоминали и правый реформизм, и левачество его партии. В июньском докладе 1973 г. посольство отмечало резкое ухудшение положения в стране. Посольство считало большой ошибкой решение усилить революционные преобразования, а ответственность за кризис нес персоналистский, авторитарный стиль Альенде и левачество социалистов⁷¹.

На одной из своих последних встреч с советским послом 23 августа (на следующий день после обвинений конгресса в нарушении президентом конституции и призыва к армии вмешаться) Альенде заявил, что не видит политического выхода из кризиса. Альенде размышлял о проведении референдума, который было бы трудно выиграть, но он предполагал мирное разрешение кризиса. Альенде был пессимистичен⁷².

Известная развязка наступила 11 сентября 1973 г., оправдав худшие ожидания. Трагическая смерть президента Альенде превратила его в мученика, в героя, которого не судят, но отдают дань уважения и поклонения. Сразу же после переворота 11 сентября в идеологическом

⁶⁶ Запись беседы с президентом С. Альенде, 14 сентября 1972 г. // Там же. Оп. 64. Д. 699. Л. 83.

⁶⁷ *Veneros D. Allende. Un ensayo psicobiográfico.* Santiago, 2003. P. 335.

⁶⁸ Запись беседы с президентом Республики Чили Сальвадором Альенде, 25 апреля 1973 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 1016. Л. 87.

⁶⁹ Парламентские выборы и соотношение политических сил в Чили. Политическое письмо. 5 апреля 1973 г. // Там же. Д. 1015. Л. 20.

⁷⁰ Записка о поездке в Чили обозревателя отдела американских стран Боровского В.Н., 21 апреля 1973 г. // Там же. Л. 39–40.

⁷¹ Обстановка в Чили, перспективы народного правительства и возможные шаги в плане нашей поддержки и международной солидарности. Политическое письмо, 7 июня 1973 г. // Там же. Л. 48.

⁷² Запись беседы с президентом С. Альенде, 23 августа 1973 г. // Там же. Д. 1016. Л. 182–184.

аппарате КПСС озаботились разработкой методических ориентаций для интерпретации «чилийского опыта» советскими идеологическими структурами. Был разработан документ для служебного пользования для ознакомления преподавателей «Международной ленинской школы», а также работников идеологического аппарата партии. Здесь впервые была дана советская оценка чилийской революции. Заметен резкий поворот от позиции, характерной до 11 сентября, когда решительно поддерживалась умеренная позиция КПЧ, осуждался левый экстремизм и предлагалось некоторое «подмораживание» революции. Теперь критика основывалась на более левом подходе, на констатации непоследовательности и недостаточности революционного натиска⁷³. В этом первом известном нам документе, оценивавшем в СССР уроки чилийской революции, личные качества погибшего президента Чили не подвергались никакому сомнению, но указывалось на его политические фатальные ошибки: «У С. Альенде не было ясного понимания объективной необходимости вести революционный процесс к созданию народно-демократического строя, к революционно-демократической диктатуре народа». Ошибкой Альенде объявлялась приверженность к демократии, свободе и плюрализму, что и позволило фашистской реакции подготовить фатальный удар⁷⁴. Неудивительно и то, что ответственность за поражение возлагалась на Альенде так, что вроде компартия была ни при чем, ибо именно он олицетворял этот неудавшийся эксперимент «чилийского пути к социализму».

Альенде представлял теперь в образе героя, хотя общий тон научной и идеологической литературы был снисходительно критическим, как к наивному идеалисту, интеллигенту-утописту, верящему в возможность построения социализма в условиях демократии, плюрализма и политической свободы⁷⁵. Альенде — утопист и романтик, который на предложения усилить давление на политических противников и использовать насилие государственной машины против них заявлял: «Это не соответствует нашим моральным принципам»⁷⁶.

Альенде был ключевой фигурой чилийской революции, в полной мере отражавшей все ее противоречия и сложности. Неудивительно, что его деятельность, его личность, его взгляды и поступки были в центре внимания других действующих лиц этой истории как внутри страны, так на международной арене. Для Москвы чилийская революция была серьезным вызовом. СССР был неспособен предоставить Чили весь тот объем помощи, в котором она нуждалась в процессе преобразований. К тому же в Москве не были убеждены в прочности власти левых сил, их сплоченности и способности вести процесс в устраивающем СССР русле. Эти сомнения распространялись и на человека, его олицетворявшего, на президента Альенде. Отношение к нему отражает эволюцию подхода СССР к чилийскому эксперименту. Без создания полной картины отношения КПСС к чилийскому революционному процессу, в которой немалое место занимает взгляд из Москвы на президента Альенде, история одного из драматических сюжетов латиноамериканского XX в. будет не полной.

Проблемой всего этого опыта «чилийского пути к социализму» были не только и не столько разногласия и различия между силами, входящими в коалицию Народного единства, о пути и тактике преобразований, а представления коммунистов и их союзных партий о той модели социализма, которую они собирались воплотить в жизнь. В основном это были тактические расхождения. Они совпадали в убеждении, что демократия в Чили является буржуазной, а модель социализма ориентировалась на представления о социализме как системе государственной собственности и плановой экономики, неэффективность и утопичность которой тогда, в начале 1970-х, еще не представлялась очевидной в полной мере. Это вызывало противоречие доктрины и практики: отрицание буржуазной демократии при провозглашении особого «чилийского пути» в рамках этой же формальной демократии при политическом плюрализме. В самой яркой форме эту доктрину, этот взгляд на социализм представлял Сальвадор Альенде. В КПСС всегда видели это противоречие, мягко критиковали чилийских товарищей

⁷³ Значение и уроки революционного процесса в Чили, 10 октября 1973 г. // Там же. Д. 1018. Л. 47–48.

⁷⁴ Там же. Л. 56–60.

⁷⁵ Уроки Чили. М., 1977. С. 9.

⁷⁶ Запись беседы с бывшим секретарем организации компартии Чили в МВД Чили Серхио Иполитов, 3 октября 1973 г. // РГАН. Ф. 5. Оп. 66. Д. 1018. Л. 67.

с позиций марксизма-ленинизма, принимали чилийскую модель лишь как тактическую форму, но никогда не верили в ее успех. Этот скептицизм распространялся на формального лидера процесса, на президента Альенде. Его героическая смерть сняла все сомнения и претензии к нему, которые теперь могли присутствовать только в закрытой аналитике и документах для служебного пользования. После смерти Альенде принес больше пользы советской внешней политике, чем при жизни, став символом и главным лицом кампании солидарности с Чили и антиимпериалистической агитации, обвинявшей США в авторстве «фашистского» переворота 1973 г.

Библиография / References

- Белят М.Ю. Сальвадор Альенде. М., 1988.
Лаврецкий И. Сальвадор Альенде. М., 1975.
Уроки Чили. М., 1977.
Шелчков А.А. Маоизм в Чили в 60-е годы. Раскол в Международном коммунистическом движении и чилийские левые // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 36. С. 255–278.
Belyat M.Yu. Sal'vador Al'ende [Salvador Allende]. Moskva, 1988. (In Russ.)
Lavreckij I. Sal'vador Al'ende [Salvador Allende]. Moskva, 1975. (In Russ.)
Shchelchikov A.A. Maoizm v Chili v 60-e gody. Raskol v Mezhdunarodnom kommunisti-cheskom dvizhenii i chilijskie levye [Maoism in Chile in the 60s. The split in the International Communist Movement and the Chilean Left] // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah [Latin American Historical Almanac]. 2022. № 36. S. 255–278. (In Russ.)
Uroki CHili [Chili Lessons]. Moskva, 1977. (In Russ.)
Allende S. Obras escogidas. Santiago de Chile, 1992.
Brega J. ¿Ha muerto el comunismo? El maoísmo en la Argentina. Conversaciones con Otto Vargas, Buenos Aires, 1990.
Casals M. El alba de una revolución, La izquierda y la construcción estratégica de la “vía chilena al socialismo”. 1956–1970. Santiago, 2010.
Chile en los archivos soviéticos. T. 4. Anos 60 / compil. O. Ulianova. Santiago, 2020.
Corvalán L. El gobierno de Salvador Allende. Santiago, 2003.
Debray R. Conversación con Allende. México, 1971.
Ferreiro M. Salvador Allende: su mundo, su época. La política internacional del siglo XX y sus encrucijadas en la Guerra Fría // Salvador Allende: vida política y parlamentaria 1908–1973. Santiago de Chile, 2008. P. 203–246.
Garrido González P. Clasistas, antiimperialistas y revolucionarios. Trayectoria política e intelectual del socialismo chileno contemporáneo. 1932–1973. Santiago, 2021.
Núñez R. El gran desencuentro. Una mirada al socialismo chileno, la Unidad Popular y Salvador Allende. Santiago de Chile, 2017.
Pedemonte R. Guerra por las ideas en América Latina, 1959–1973. Presencia soviética en Cuba y Chile. Santiago, 2020.
Pozo J. Rebeldes, reformistas y revolucionarios. Santiago, 1992.
Puccio O. Un cuarto de siglo con Allende: recuerdos de su secretario privado. Santiago, 1985.
Salvador Allende: pensamiento y acción / coord. F. Modak. Buenos Aires, 2008.
Serani Pradenas E. Salvador Allende Gossens: una biografía política // Salvador Allende: vida política y parlamentaria 1908–1973. Santiago de Chile, 2008. P. 15–52.
Ulianova O. La Unidad Popular y el golpe militar en Chile: percepciones y análisis soviéticos // Estudios Públicos. 2000. № 79. P. 1–89.
Veneros D. Allende. Un ensayo psicobiográfico. Santiago, 2003.
Winn P. La revolución chilena. Santiago, 2013.

DOI: 10.31857/S013038640028931-2

© 2023 г. В.В. НАУМКИН, В.А. КУЗНЕЦОВ

КОРОЛЕВСТВО САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МОДЕЛИ АРАБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Наумкин Виталий Вячеславович — действительный член РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57193514428; ORCID: 0000-0001-9644-9862; Researcher ID: R-9576-2019

Кузнецов Василий Александрович — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; ORCID: 0000-0003-3646-4037; Researcher ID: O-1087-2016

Аннотация. Целью статьи является выделение ключевых особенностей формирования политической системы Саудовской Аравии в пространственно-историческом измерении. Несмотря на существование ряда работ по истории королевства, проблема эволюции его политической модели, особенно в ее территориальных аспектах, до сих пор еще не рассматривалась. В статье исследование генезиса и специфических черт саудовской политической системы, которая является одной из моделей государственности, сформировавшейся в арабском мире в XX в. и оказавшейся в кризисе во втором-третьем десятилетиях XXI в., основывается на гибридной историко-политологической методологии, позволяющей проследить генезис и эволюцию политической системы в длительной ретроспективе. Источниковую базу исторической части исследования составили документы советских дипломатов и дипломатические документы Королевства Саудовская Аравия, в которых описываются шаги правителя Ибн Сауда по формированию институтов политической власти королевства и его административно-территориального устройства. На основании этих документов в политологической части статьи авторы приходят к выводу о существовании трех групп элементов саудовской политической модели — универсальной, присущей самым разным государственным образованиям, арабо-мусульманской, соотносящейся с соответствующей политической культурой, и аравийской, характерной для арабских монархий Персидского залива и для Йемена.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Неджд, Хиджаз, К. Хакимов, многосоставное государство.

V.V. Naumkin, V.A. Kuznetsov

Kingdom of Saudi Arabia: Defining the Model of Arab Statehood

Vitaly Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS (Moscow, Russia).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Scopus Author ID: 57193514428; ORCID: 0000-0001-9644-9862; Researcher ID: R-9576-2019

Vasily Kuznetsov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vasiakuznets@yandex.ru

Scopus Author ID: 57196044428; Researcher ID: O-1087-2016; ORCID: 0000-0003-3646-4037

Abstract. The authors explore the genesis and peculiarities of the Saudi political system, considered as one of the statehood models that emerged in the Arab world in the twentieth century and is experiencing its crisis in the 2010s–2020s. They use a hybrid methodology that combines History and Political Sciences. This combination allows them to trace the genesis and evolution of the political system in the long-term retrospective. The sources for the historical part of the article include diplomatic documents from the USSR and Saudi Arabia that describe Ibn Saud's measures to form the institutes of political administration in the Kingdom and its administrative territorial structure. Drawing on these documents, in the politological part of the article, the authors identify three clusters of elements of the Saudi political model: universal, which has parallels in the history of various states, Arab-Muslim, corresponding to the respective political culture, and specifically Saudi. The authors provide other examples when the aforementioned elements of statehood played a system-forming role and demonstrate the peculiarities of the Saudi mix of traditional and contemporary statehood elements. They propose to introduce the notion of a specific Arab model of the multi-component genesis of the state and show how such genesis influences the further development of the political system.

Keywords: Saudi Arabia, Nejd, Hejaz, Karim Khakimov, multi-component state.

Как в российских, так и в зарубежных ближневосточных исследованиях последних лет одной из наиболее дискуссионных остается проблема кризиса и изменения ближневосточной модели государственности¹. Импульсом к ее обсуждению стали драматичные процессы, охватившие ближневосточный регион в 2010–2020-е годы и приведшие к разрушению или резкому ослаблению государственности в одних случаях, весьма неудачным попыткам выстраивания альтернативных моделей — в других и переосмыслению уже сложившихся моделей — в третьих. К последним относятся арабские монархии Персидского залива, где опубликованные в эти годы стратегические программы («Видение 2030» в Саудовской Аравии², «Видение 2071» в ОАЭ³, Бахрайнуна в Бахрейне⁴) предполагают не просто проведение тех или иных экономических реформ, как это обычно бывает в случае со стратегиями развития⁵, но и переосмысление самих основ национальной консолидации и развития. Парадокс складывающейся ситуации состоит в том, что при единодушном признании самого факта кризиса сложившейся модели общепринятого описания ее основных параметров не существует, а каждое последующее исследование позволяет выделять в ней все новые черты.

В рамках настоящей статьи мы намереваемся показать некоторые особенности формирования политических институтов арабского территориального государства на примере Саудовской Аравии, выделив в саудовской модели универсальные, арабо-мусульманские и аравийские элементы. При этом при описании истории формирования саудовской

¹ Schwarz R., De Corral M. States Do Not Just Fail and Collapse: Rethinking States in the Middle East // Democracy and Security. 2011. Vol. 7. № 3. P. 209–226; The Crisis of Government in the Middle East: Implications for Democracy, Development and Security // Konrad Adenauer Stiftung. 2013. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=c95f3785-9c7e-17f8-6ca7-7f2182d77df2&groupId=252038 (дата обращения: 01.08.2023); Кузнецов В.А., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-naczi-v-arabskom-mire/> (дата обращения: 23.07.2023); Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (2). С. 97–109; Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2. С. 27–43; Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М., 2020.

² Ру'айа 2030. Ал-Мамлака ал-'арабийи ас-са'удийа // Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (дата обращения: 16.07.2022).

³ UAE Centennial 2071 // About the UAE. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/federal-governments-strategies-plans-uae-centennial-2071> (дата обращения: 17.03.2022).

⁴ Bahrainouna // URL: <http://www.bahrainouna.com> (дата обращения: 01.12.2021).

⁵ Todaro M.P., Smith S.C. Economic Development. Harlow, 2009. P. 531–533.

государственности мы будем опираться на советские дипломатические документы того времени, представляющие этот процесс довольно подробно. Таким образом, в методологическом отношении настоящая статья базируется на специфическом гибридном историко-политологическом подходе, позволяющем отслеживать процессы генезиса и эволюции политических систем на длительных временных отрезках.

Как известно, Саудовское государство возникало на карте Аравийского полуострова трижды: в середине XVIII в., когда был заключен пакт между Мухаммедом ибн Саудом и Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом⁶; в 1824 г., когда к власти в Эр-Рияде пришел Турки ибн Абдаллах ибн Мухаммед ибн Сауд, создавший эмират Неджд, и, наконец, в начале XX в., когда Абдальазиз ибн Сауд сначала смог объединить разрозненные племена Неджда (1902–1932), а затем присоединить к нему Хиджаз и ряд других областей Аравии⁷.

Насколько позволяют судить источники, в период до объединения с Хиджазом созданное Ибн Саудом политическое образование было довольно рыхлым и во многом напоминало то, что американский исследователь Ч. Робинсон, рассуждая об империи Омейядов, назвал «завоевательной политией»⁸, т.е. политической структурой, в которой дефицит институтов компенсируется постоянной внешней экспансией. Впрочем, даже на этом раннем этапе Ибн Сауд уже прикладывал существенные усилия для повышения устойчивости реализовывавшегося им политического проекта.

Как и его предки во времена первых попыток создать государство в Аравии, Ибн Сауд использовал союз с окрепшим ваххабитским духовенством для консолидации базы поддержки среди племен. К началу второго десятилетия XX в. правитель Неджда, опираясь на рост популярности ваххабитского «римейка» религии «праведных предков» (ас-салаф ас-салих)⁹, решил провести, пожалуй, первую из задуманных им трансформаций бедуинского социума — перевод кочевых племен на оседлый образ жизни¹⁰. Эта инициатива вызвала сопротивление в бедуинской среде, и для оправдания занятий сельским хозяйством ваххабитским имамам пришлось даже выступить со специальной фетвой. При том, что сама инициатива Ибн Сауда по седентаризации племен вполне соответствовала политике, проводившейся в то время как арабскими лидерами, так и колониальными властями в других странах арабского мира¹¹, инструменты ее реализации и само целеполагание правителя обладали здесь существенной спецификой.

Ибн Сауду и активно поддерживающей его части ваххабитских улама пришлось снова, как когда-то пророку Мухаммаду и его ближайшим сподвижникам, с помощью да‘вы¹² убеждать бедуинов неукоснительно соблюдать заветы Аллаха, отказаться от родоплеменной ‘асабийи¹³, кровной мести, пережитков многобожия, греховного поведения и быть солидарными с братьями по вере. Так, в 1910 г. появилось новое содружество единомышленников под названием «Ихван ат-таухид» (Братья в Единобожии). Не всегда декларируемое, но четко просматриваемое подражание Мухаммаду вылилось в ревитализацию известной со времен пророка концепции хиджры — ухода от грешного мира в ту его часть, где истинные мусульмане могли в полной мере предаться исповеданию «правильной

⁶ Redissi H. Le Pacte de Nadjd. Ou comment l’islam sectaire est devenu l’islam. Paris, 2007.

⁷ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.). М., 1999.

⁸ Robinson C.F. ‘Abd al-Malik. Oxford, 2005.

⁹ Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818). М., 1967.

¹⁰ Nahedh M. The Sedentarization of a Bedouin Community in Saudi Arabia: submitted in accordance with the requirements for the degree of Ph.D. Leeds, 1989. P. 125–127.

¹¹ Kark R., Frantzman S.J. Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. № 4. P. 487–510.

¹² да‘ва (араб.) — буквально «призыв».

¹³ ‘асабийя — традиционная приверженность своему племени, роду, против которой выступал пророк Мухаммад, призывавший к вытеснению ее исламской солидарностью.

веры». Но в этот раз хиджрой стали называть земледельческие колонии-поселения тех, кто решил уйти из пустыни¹⁴.

Таким образом, это был не просто совершенный по воле правителя перевод кочевogo населения на оседлый образ жизни и так же сверху навязанный ему переход к занятию земледелием из прагматических соображений укрепления государственной власти. Была еще одна высокая цель. Ибн Сауд, несомненно, хотел на новом витке арабо-мусульманской истории повторить подвиг пророка Мухаммада, когда тот начал создавать мусульманское братство в общине-умме. Подобно тому, как в VII в. жители Аравии должны были отказаться от родоплеменной самоидентификации и ощутить себя членами одной, скрепленной узами новой солидарности мусульманской уммы, они вновь должны были объединиться в общине уже не просто мусульман, но ихванов, соответственно так и обращаясь друг к другу. Ихваны — наиболее фанатичная часть приверженцев ваххабизма — по задумке Ибн Сауда, были призваны стать мощной военно-полицейской силой в завоевательных походах, в поддержании его власти и насаждении новых порядков на входящих в его государство территориях. Таким образом, они являлись одновременно и территориально-религиозной общиной, и социально-экономической ячейкой общества, и полицией, и армией, иначе говоря, особым военно-религиозным движением, которому трудно найти аналоги в истории XX в., хотя можно в более ранней.

Поначалу новые поселения воздвигались на стратегических путях: к примеру, первое из них, Аль-Артавийя, было воздвигнуто в 1912 г. на пути в Ирак, второе, Гатгат — на пути в Мекку¹⁵. К концу 1920-х годов в Недже существовали уже сотни поселений, в которых жили сотни тысяч ихванов¹⁶. Как сообщали позднее в НКВД советские дипломаты: «К настоящему времени, по данным сведущих лиц, уже насчитывается до 200 новых поселений, среди которых имеются такие как, например, поселение “Артавия” (основано в 1918 г.) с населением в 80 000 душ. Дать более подробные и более точные сведения по этому чрезвычайно интересному вопросу пока не представляется возможным ввиду отсутствия исчерпывающих и надежных материалов. Но, во всяком случае, те сведения, которыми мы обладаем и которые частично известны и в литературе (книга Рейхани), достаточны»¹⁷.

В июле 1924 г. Ибн Сауд объявил джихад против расположенного на западе полуострова Хиджаза, где к тому моменту уже существовало собственное государственное образование со столицей в Мекке. По меркам Аравии того времени Хиджаз был, несомненно, более модернизированным и интегрированным в мировую политику государством, чем Неджд, а его руководитель — шериф Хусейн аль-Хашими — чаял даже стать во главе государства всех арабов.

Призыв Ибн Сауда ихваны встретили с воодушевлением, считая хиджазские города рассадниками морального разложения. При этом они стремились повторить путь своих предшественников, захвативших Мекку и Медину в XVIII в. В 1924—1925 гг. войска Ибн Сауда успешно захватили основные городские центры Хиджаза, и после падения Джидды в декабре 1925 г. Ибн Сауд был провозглашен королем Хиджаза и султаном Неджда и зависимых территорий (до того времени, начиная с 1920 г., он был только султаном). Уже 16 февраля 1926 г. Керим Хакимов, тогдашний советский консул в Джидде, направил

¹⁴ *Al-Mubarak F.A. Nomad Settlements in Saudi Arabia: A Cultural Approach to Understanding Urbanization in Developing Countries // Journal of King Saud University. 1999. Vol. 11 (Special Issue). Architecture and Planning. P. 32.*

¹⁵ *Leatherdale C. Britain and Saudi Arabia 1925—1939. The Imperial Oasis. London, 1983. P. 24.*

¹⁶ *Иса А. Аль-Му'джиза фаук ар-рималь. Бейрут, 1975. С. 64; Георгиев А.Г. (Аксененок А.Г.), Озолин В.В. Нефтяные монархии Аравии. М., 1983. С. 22.*

¹⁷ *Королевство Геджас — Неджда и присоединенных областей // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 08. Оп. 12. П. 77. Д. 94. Л. 19—20. Упомянутая книга принадлежит известному ливанскому писателю Амину ар-Рейхани, посетившему королевство и общавшемуся с Ибн Саудом (Ар-Рейхани А. Тарих Неджд аль-хадис ва-мульхакатих (Современная история Неджда и присоединенных областей). Бейрут, 1928).*

королю ноту о полном признании саудовского государства. Таким образом, Советский Союз стал первым зарубежным государством, признавшим Саудовскую Аравию.

Государство, созданное Ибн Саудом, было уникальным, как минимум, в силу двух обстоятельств. Во-первых, оно было «двусубъектным», дуальным, поскольку состояло из двух разных государств, объединенных под властью одного правителя, — Хиджаза и Неджда с присоединенными областями. Во-вторых, эти два государства были разноименными, королевством и султанатом, а сам правитель, соответственно этому, обладал двумя титулами — короля и султана (здесь напрашивается аналогия с возникновением султаната Оман). Заметим, что ко всему прочему два субъекта нового государственного образования сильно различались по уровню экономического и социального развития, культуре и составу населения.

Хакимову очень хотелось, чтобы Советский Союз оказался первой страной, которая заключит договор с Хиджазом/Недждом, что явилось бы и большой личной победой генконсула. Он писал: «Нужно отметить, что международно-правовое положение нового государства, несмотря на наличие признания де юре, все еще остается неопределенным, как неопределенна его государственно-правовая сущность. Дело в том, что фактически в настоящее время оба государства представляют реальную унию, поскольку, кроме личности монарха, их объединяет фактически общее ведение иностранных дел, военное управление, почтовое, монета и т.п. Вместе с тем, однако, неоднократные заявления Ибн Сауда о полной независимости Геджаса и о необходимости определить его взаимоотношения с Недждом, а также идея добиться нейтрализации Геджаса, выдвинутая на всеобщем мусконгрессе, — все это наводит на мысль, что Ибн Сауд склонен рассматривать Геджас и Неджд как два независимых государства, находящиеся лишь в личной унии. Тексты признания европосударств достаточно недвусмысленны, чтобы разрешить этот вопрос»¹⁸.

Далее консул показывал разницу между Хиджазом и Недждом. «В то время как Геджас до взятия его ваххабитами был признан де юре великими державами и даже числился членом — учредителем Лиги Наций (в которую он, однако, не вступил ввиду нератификации Хусейном Версальского мира), Неджд не был признан де юре. Наоборот, над ним тяготеет еще договор 1915 г., который ставит Ибн Сауда под протекторат Англии. Хотя этот договор Ибн Саудом фактически нарушался, тем не менее он может служить в руках англичан оружием давления на Ибн Сауда. Объединение Неджда и Геджаса в одно государство (реальная уния) даст Ибн Сауду возможность путем заключения договора от имени нового государства, пользуясь существующим уже давно признанием Геджаса, избавить и Неджд от связывающего его прошлого и укрепить его международное положение, что, несомненно, идет по линии наших интересов. Вот почему Агентство и Генконсульство полагает, что предлагаемый проект договора, заключаемый недвусмысленно с правительством Ибн Сауда, короля и султана, встретит сочувственное отношение к себе Ибн Сауда. Настоящий проект рассматривает предполагаемый договор как общий договор о дружбе, предусматривающий в основных чертах разрешение общих вопросов, могущих возникнуть между обеими сторонами»¹⁹.

Лишь в конце января 1927 г. была устранена одна из двух асимметрий саудовского государственного устройства: султанат тоже стал королевством, хотя двусубъектность сохранялась вплоть до 1932 г.

В связи с переименованием султаната заместитель главы внешнеполитического департамента Хиджаза Юсуф Ясин в начале апреля уведомил советского генконсула в соответствующей ноте:

«Письмо заместителя управляющего иностранными делами Геджаса на имя Агента и Генерального Консула Союза ССР в Геджасе от 2 шавваля 1345 года.

¹⁸ Объяснительная записка, 4 августа 1926 г. // АВП РФ. Ф. 4. Оп. 12. П. 69. Д. 961. Л. 28—36.

¹⁹ Там же.

Имею честь известить, что по случаю посещения Его Величеством королем Эр-Рияда столицы султаната Неджда и присоединенных областей к нему явились делегации, представлявшие население этого султаната. 25 раджаба 1345 года (28 января 1927 года) состоялось торжественное собрание под председательством имама Абдуррахмана Аль-Фейсала Аль Сауда, отца Его Величества короля, которое и постановило превращение султаната Неджда и присоединенных областей в королевство под названием “королевство Неджда и присоединенных областей”, а также провозглашение Его Величества короля Геджаса и султана Неджда и присоединенных областей Абдель Азиза ибн Абдеррахмана Аль-Фейсала Аль Сауда королем с титулом “король Неджда и присоединенных областей”. Затем это постановление было предложено королю, который издал следующий высочайший указ:

“На основании предложения, сделанного нам старейшинами из наших подданных в султанате Неджда и присоединенных областей, повелеваем, чтобы султанат Неджда и присоединенных областей был королевством Неджда и присоединенных областей и чтобы отныне и впредь наш титул гласил “король Геджаса, Неджда и присоединенных областей”. Прошу Бога о содействии в осуществлении наших трудных задач, ибо Он лучший помощник. Король Геджаса, Неджда и присоединенных областей Абдель Азиз”.

Прошу довести об этом до сведения вашего уважаемого правительства.

Примите и пр. (подп.) Юсуф Ясин²⁰.

Вслед за формальным объединением двух областей последовал целый ряд административно-политических реформ.

В одной из статей, опубликованных в начале 1928 г. в СССР, т.е. всего через два года после провозглашения Ибн Сауда королем Хиджаза, Рафик Муса, это псевдоним советского дипломата и разведчика М.М. Аксельрода, позитивно оценил результаты внутреннего строительства в Геджасе. В этом эссе можно выделить несколько ключевых положений. Первое: Ибн Сауд осуществляет свой собственный проект государственного строительства, который рассматривается в статье довольно подробно. Второе: восстановление отношений «времен зарождения ислама» — главная черта этого госстроительства. Третье: проводимые Ибн Саудом мероприятия квалифицируются как реформы. Четвертое: принятый в августе 1926 г. программный документ для Хиджаза характеризуется как «конституция». Пятое: дается положительная оценка этих мероприятий. Реформы следовали одна за другой, отмечает автор, а первые были осуществлены Ибн Саудом еще во время войны между Недждом и Хиджазом: создание в оккупированной части Хиджаза «Маджлис ахли» (Гражданского совета) из представителей населения Мекки, которому король представлял на рассмотрение отдельные проводимые им мероприятия. Ибн Саудом, по мнению автора, были «впервые созданы административный аппарат страны и разные представительные учреждения, а также радикально преобразованы судебные органы»²¹.

После 31 августа 1926 г., когда в стране были опубликованы «Основные положения Хиджазского королевства», своего рода конституция, процесс реформирования приобрел системный, программный характер. Аксельрод не соглашается с египетскими журналистами, уже вкусившими «прелести европейской демократии в Египте», обвинявшими Ибн Сауда в установлении режима самодержавия, поскольку (статья пятая «Положений») «управление Геджасским королевством будет находиться в руках е.в. короля Абдель Азиза», так что «положение в Геджасе несколько не изменяется по сравнению с эпохой Хусейна», правда, «е.в. будет ограничен нормами высокого шариата». Автор замечает: «Это вполне соответствует основному духу ваххабитской доктрины, стремящейся восстановить первоначальные патриархально-демократические отношения времен зарождения ислама во всей их чистоте». Однако «трудно сказать, насколько Ибн Сауд серьезно задается целью реставрировать Геджас 7-го века в условиях 20-го столетия, но, во всяком случае, в условиях Неджда, завоевавшего Геджас и наложившего на его современную жизнь

²⁰ АВП РФ. Ф. 0127. Оп. 1. П. 37. Д. 3. Л. 34–37.

²¹ Муса Р. Реформы в Геджасе // Международная жизнь. 1928. № 1. С. 44–60.

отпечаток своей идеологии, ограничение власти короля нормами шариата отнюдь не является пустым звуком. Там действительно король не может сделать ни одного шага, не заручившись предварительным согласием не только вождей, но и основной массы племен. Если эти отношения и не переносятся сейчас в Геджас целиком, а хотя бы в весьма приблизительной степени, то и это является большим прогрессом по сравнению с временами Хусейна».

«Теперь же конституция предусматривает создание ряда совещательных органов из представителей населения. В центре таким органом является “Маджлис аш-шура” (Совещательное собрание), состоящее при короле и его наместнике. На местах создаются окружные маджлисы в окружных центрах и племенные советы у племен. Для разрешения муниципальных вопросов создаются органы городского самоуправления в виде “общих городских советов”, имеющих свои городские управы и городских голов».

Автор замечает, что к участию в этих органах привлекается не все население, а именитые, лучшие люди, к каковым относятся (хотя законодательно имущественный ценз не предусматривался) «богатые купцы и домовладельцы — наиболее влиятельный политически и экономически элемент Геджаса; к участию в племенных советах предусматривается привлечение шейхов, т.е. родовых старейшин».

Анализируется и формирование административного аппарата: «Оставляя за королем верховную власть, в осуществлении которой ему помогает генеральный наместник (это нововведение обязано своим появлением тому обстоятельству, что Геджас в настоящее время состоит в унии с Недждом), конституция намечает шесть отраслей управления, вверяемых специальным управляющим (мудирам) на правах министров... Вводится система иерархической подчиненности местных учреждений своим центрам.

Этой центральной системе соответствует и местная. Конституция предусматривает разделение страны на губернии (мудирии), а губернии на округа (нахии). В губерниях при управляющих (каймаках) создаются административные советы, состоящие из высших губернских чиновников».

Подводя итоги анализу этого документа, Аксельрод отмечает «ту существенную разницу, которая отличает Геджас Ибн Сауда от Хашимитского Геджаса». Она, по его мнению, «сводится к следующему:

Геджас является не королевской вотчиной, а государством, управляемым на основе известных правовых норм (в данном случае — шариата). Власть короля ограничена шариатом.

Население привлекается к участию в разрешении государственных и муниципальных вопросов, правда, в совещательной форме.

Устанавливается стройная система центрального и местного управления.

За деятельностью учреждений устанавливается организованный и централизованный контроль».

Помимо «конституции», Аксельрод анализирует и принятое в июле 1927 г. развернутое положение о городских самоуправлениях, которое в деталях определяет «не только функции городских самоуправлений, их “общих советов”, управ и городских голов, но также и их штаты и функции отдельных сотрудников. В общем и целом городским самоуправлениям предоставляются довольно обширные полномочия по ведению и упорядочению городского хозяйства, а также и соответствующие права по изданию обязательных постановлений и взиманию городских сборов и налогов».

Автор отмечает и созывы королем общих собраний граждан для обсуждения тех или иных мероприятий. «Так, например, такое обширное собрание было созвано 5 августа 1927 г. в Мекке. На нем был обсужден ряд важных вопросов (о религиозном воспитании, о храме, о вакуфах) и были выделены специальные комиссии для их проработки. Подобное же собрание состоялось в конце сентября в Джидде, где король излагал основные задачи правительственной деятельности в ближайшее время, указал на необходимость

строгости соблюдения законности и предлагал населению обращаться к нему непосредственно со всякими жалобами и заявлениями».

Детально анализируя созданную в Хиджазе систему центрального управления, автор назвал предусмотренные в «конституции» шесть отраслей управления: шариатскую (по религиозным делам, в ее ведении находились и судебные учреждения), внутренних дел (куда входили здравоохранение, почта и телеграф), просвещения, финансов, иностранных дел и военную. Военными делами заведовал не управляющий, как в других отраслях, а сам король. «Некоторые из этих управлений содержат в своем составе более или менее важные и пользующиеся некоторой самостоятельностью отделы. Так, например, в управление внутренними делами, во главе которого стоит сам наместник, входят отделы почты и телеграфа и здравоохранения».

Отделения на местах из всех правительственных учреждений, отмечается в статье, имело только финансовое ведомство в важнейших пунктах (например, в Джидде, Медине). А Маджлис аш-шура первоначально должен был стать и высшим представительным учреждением, и высшим административным органом. Однако затем Ибн Сауд решил создать исполнительный комитет из глав центральных управлений. Таким образом, считал автор, создавалось нечто вроде кабинета министров. А на местах этому исполнительному комитету соответствовали административные советы в составе всех высших губернских чиновников. Декрет об организации таких советов в Джидде и Медине был издан 14 сентября 1927 г. Но в остальном «административное устройство Геджаса сохранило весь тот хаотический облик, который оно имело во времена Хусейна. Указанного в новой конституции деления страны на губернии и округа фактически не существует».

Жестокий, но справедливый — таким видели Ибн Сауда в Москве. Порядок держался, отмечал Аксельрод, не только на силе и авторитете правителя: «Бедуинам, по землям которых проходят паломнические пути, было назначено определенное, точно зафиксированное содержание, взамен чего они обязались не только поддерживать порядок и безопасность на своих участках, но и отвечали за это головой. Конечно, это вознаграждение не могло идти в сравнение с прежними доходами бедуинов, но, с другой стороны, увеличение хаджа (в результате упрочения безопасности) и повышение платы за перевозку паломников (чем заняты главным образом бедуины) до некоторой степени компенсировали эти потери».

«Укреплению начал торгового капитализма» в Хиджазе противоречили интересы племен, антагонистов городской культуры, стоявших за ваххабитским походом против всякого рода ереси, за «чистый ислам».

Поскольку в состав королевства Неджд недавно вошли Хиджаз, Эль-Хаса и Джебель-Шаммар, король при организации управления этими областями проявлял решительность, сочетавшуюся с осторожностью, как считали дипломаты, он исходил из необходимости диверсифицированного подхода к вышеназванным областям, учитывая особенности каждой из них. В Неджде роль правительства играл королевский двор, который одновременно был правительством всего государства. Хиджаз был наделен своеобразными автономными правами, и наместником в нем стал второй сын короля эмир Фейсал²².

В Неджде наместником был назначен другой сын — эмир Сауд. То, что сыновья короля стали наместниками в провинциях, призвано было содействовать фактическому объединению страны под эгидой централизованной власти. В управлении государством участвовали также и другие его сыновья — эмир Мухаммад, ставший губернатором Медины, и эмир Халед. Выработывая и совершенствуя систему передачи власти, Ибн Сауд не только укреплял централизованный характер государства, но и добился баланса сил на всех уровнях, позволившего устранить или погасить соперничество, ликвидировать причины, способные породить конфликтность. Баланс, основанный на системе сдержек

²² См. о нем: Яковлев А. И. Фейсал: король-реформатор. М., 1999; Васильев А. М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М., 2010.

и противовесов, сыграл большую роль в стабилизации внутривнутриполитической жизни королевства.

Созданный в Джидде департамент иностранных дел (мудирият аш-шу'ун аль-хариджийя) ведал всеми внешними связями королевства вплоть до 1930 г., когда он был реорганизован в министерство иностранных дел — первое из всех, что были созданы в королевстве. Король продолжал лично уделять особое внимание этому министерству ввиду его значимости, а Фейсал бин Абдель Азиз бессменно руководил сначала департаментом, а затем министерством иностранных дел в качестве министра. По утверждению королевского советника Хайреддина аз-Заркали, Фейсал продолжал курировать внешнюю политику даже после того, как стал королем²³.

Таким образом, после завершения военной экспансии, длившейся практически четверть столетия, Ибн Сауд быстро перешел к формированию политической системы, базирующейся на институтах власти.

Несмотря на значительные изменения, происходившие в политической системе Саудовской Аравии в дальнейшем, многие заложенные Ибн Саудом механизмы управления сохранились до сих пор. При этом, если рассматривать созданную Ибн Саудом систему как один из вариантов моделей арабской государственности XX в., в ней можно выделить несколько типов элементов, соотносящихся соответственно с универсальными принципами госуправления, арабо-мусульманской, аравийской и специфически саудовской политическими культурами. Поскольку саудовские элементы по определению уникальны и не могут считаться составляющими более общей модели, попытаемся выделить остальные.

Универсальные элементы. При всем своеобразии государства Ибн Сауда, универсальные элементы в нем вполне очевидны — в приведенных выше документах советские дипломаты подчеркивают как раз эту «нормальность» саудовского государства, обнаруживаемую ими и в функциональном разделении административных полномочий, и в территориальной системе управления, и в самом процессе выстраивания системы на основе некоего аналога конституционного уложения. В целом, описываемые ими механизмы управления соответствуют логике вестфальского территориального государства со свойственным ему разделением административных полномочий между специализированными ведомствами, во-первых, выделением нескольких уровней административно-территориальной системы, во вторых, и формированием каналов обратной связи, в-третьих. Выстраивая подобный управленческий дизайн, король, вероятно, исходил из простого здравого смысла, а какие-то конкретные решения могли быть подсказаны ему иностранными советниками²⁴.

Впрочем, универсальные элементы относятся не только к политическому дизайну — они могут быть выделены и в самом процессе государствообразования.

Чтобы увидеть их, достаточно отвлечься от собственно саудовского опыта и сравнить его с совершенно иным. Так, Х. Ортега-и-Гассет начинает свое эссе «Бесхребетная Испания» с рассуждений о Моммзене и истоках римской государственности — единственной государственности, история которой, как отмечает испанский философ, явлена нам полностью: от своего зарождения до краха. Ортега-и-Гассет в исследовании истоков Рима, вслед за Моммзеном, утверждает, что «история любой нации, и прежде всего римской, представляет собой развитие системы присоединения»²⁵. Понятие присоединения и далее остается важнейшим для автора: «Мы наблюдаем не рост какого-то исходного ядра, а последовательное учреждение новой структуры, связи социальных единств, которые сложились как самостоятельные образования задолго до начала процесса. “Ядро” нации

²³ *Аз-Заркали Х.* Камус тараджум ар-риджал ва-н-ниса' мин ал-'араб ва-л-муста'рибин ва-д-мусташиркин. Т. 7. Бейрут, 2002. С. 369.

²⁴ *Yizraeli S.* The Remaking of Saudi Arabia. Tel Aviv, 1997. P. 39–40.

²⁵ *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 269–270.

вовсе не поглощало покоряемые общины или племена, а последние отнюдь не утрачивали своей самобытности, сложившегося жизненного уклада»²⁶.

Развивая этот тезис, он отмечает, что если понимать национальное единство как динамичную систему, то «в ней обязательно должны присутствовать как центробежные, так и центростремительные силы». Если центробежные силы сохраняются в системе просто вследствие путей ее формирования, то центростремительные формируются через «проект совместной жизни»: «Нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего»²⁷.

Для Ортеги-и-Гассета все эти рассуждения важны, так как они позволяют ему описать специфику формирования испанской государственности через объединение сначала Кастилии и Арагона, а затем и других государств полуострова.

Понятно и то, что в принципе предложенная им модель формирования государственно-сти с легкостью может быть обнаружена и в целом ряде иных случаев. Первые, приходящие на ум, — Русь, Германия, Италия. Несмотря на то что эти государства формировались в совершенно разные исторические эпохи, сам принцип генезиса единого образования через симбиотическое соединение нескольких сообществ во всех них представлен довольно ясно. Притом далеко не всегда подобный путь может вести к развитию федерализма.

Описанный принцип выражен и в истории Саудовской Аравии, проект которой, во-первых, основывался на идее воплощения салафитской «программы грядущего» (и в этом плане противостояние Неджда и Хиджаза было особенно значимым, ведь возглавлявшие Хиджаз Хашимиты также придерживались долгосрочной стратегии объединения всех арабов), а во-вторых, формировался через соединение друг с другом различных областей Аравии.

При знакомстве с документом Хакимова, где он характеризует государство Ибн Сауда как реальную унию, сама собой напрашивается аллюзия к иным известным униям — прежде всего польско-литовской и австро-венгерской. Принципиальное отличие саудовского варианта от европейских состояло в нескольких вещах. Во-первых, в европейских случаях речь шла либо об объединении нескольких более или менее гомологичных друг другу государств, либо, напротив, о децентрализации власти в рамках ранее единого государства, как в Австро-Венгрии. И в том и в другом случае составные части унии были схожи между собой в институциональном отношении и более или менее соответствовали друг другу по уровню развития и социально-экономическому укладу. Во-вторых, в Европе унии, сначала возникавшие как личные или династические и затем превращавшиеся в реальные, не формировались ради навязывания того или иного религиозного толка одним из участников другим. Наконец, в-третьих, если и был в европейских униях некий аналог поиска родоплеменного баланса, то касался он исключительно политических элит составных частей возникавшего государства, но никак не распространялся на все общество.

Это позволяет обратиться ко второму кластеру элементов политической системы Ибн Сауда — арабо-мусульманскому.

Арабо-мусульманские элементы. Если смотреть на формирование саудовской государственности в контексте арабо-мусульманской политической истории, то можно видеть, что в значительной степени оно повторяло путь, пройденный государством Мухаммада и праведных халифов, опыт которого уже в Средние века стал для исламской политической традиции эталонным. И дело здесь было не только в сознательном стремлении Ибн Сауда метафорически воспроизвести путь пророка, о чем упоминали советские дипломаты, но и в объективном совпадении целого ряда условий.

Напомним, что государство Мухаммада в период своего формирования прошло через три основных этапа.

²⁶ Там же. С. 277.

²⁷ Там же. С. 281.

Первый из них был связан с переселением пророка и его сподвижников мухаджиров из Мекки в Ясриб (Медину) в 622 г. Тогда между мусульманами и различными населявшими Ясриб родоплеменными группами был заключен договор, получивший в историографии название «Конституция Медины»²⁸. В сущности, этот документ — своеобразный общественный договор среди конкурировавших ранее между собой групп мединского населения — предполагал установление между ними баланса сил на основе общих правил поведения, которые всеми участниками соглашения рассматривались как справедливые. Это положило начало формированию представлений об умме как политико-правовой общности²⁹.

Вторым этапом формирования исламской государственности можно считать победу Мухаммада над Меккой, в результате которой произошло не просто объединение двух политических центров тогдашней Аравии, но и кооптация курайшитов в политическую элиту нового государства, наиболее ярким примером чего стало принятие ислама Абу Суфьяном, лидером курайшитов в 630 г. Его сын, Муавия, впоследствии станет сначала наместником Сирии, а затем основателем династии Омейядов.

Наконец, третьим этапом становится ар-рида — попытка ряда аравийских племен отколоться от исламской уммы после смерти пророка под предлогом того, что принесенная ими присяга (бай'а) не распространяется на его преемников. Завоевательные походы за пределы Аравийского полуострова, начавшиеся после пресечения этих попыток, стали не менее важным инструментом консолидации общины, чем само насильственное противостояние отступникам.

Таким образом, в ранней истории исламского государства, помимо уже упомянутых элементов объединения общин ради проекта общего будущего, мы обнаруживаем, что государство здесь формируется на основе баланса интересов родоплеменных групп, объединенных одной идеологией. Далее на протяжении всей истории арабо-мусульманской государственности то тут, то там встречается мало меняющаяся схема: религиозный проповедник вступает в союз с лидерами какого-то племени и вместе они создают государство. В иной версии того же сценария проповедник сам формирует вокруг себя группу сподвижников, которая начинает действовать как племя, при помощи насилия и религиозной идеи консолидирующее вокруг себя и другие племена.

Таковы истории появления великих арабо-мусульманских империй Фатимидов, Альморавидов, Альмохадов, государства Сенуситов в Киренаике и махдистов в Судане.

В истории формирования государства Ибн Сауда мы находим все те же мотивы — объединение Неджда становится неким аналогом установления власти мусульман в Медине, а воссоединение Неджда с Хиджазом — аналогом победы мусульман над мекканцами. При этом повторяется не только общая схема, отсылка к которой во многом легитимизировала предпринимавшиеся Ибн Саудом шаги в глазах его подданных. Повторяются, кроме того, и некоторые конкретные элементы системы.

Так, феномен ихванов, выглядящий уникальным в контексте новейшей истории региона, легко соотносится с мухаджирами и ансарами в Медине Мухаммада, еще более точно с мурабитун, создававшими империю Альморавидов³⁰, суданскими махдистами³¹ и киренаикскими Сенуситами³². Во всех случаях речь шла о формировании внутри племенного общества внеплеменной религиозной общности, основанной на идее восстановления истинной веры и выполнявшей функции агентов насилия.

²⁸ Большаков О.В. История Халифата: в 4-х т. Т. 1. М., 2002.

²⁹ См.: Нассар Н. Мафхум ал-умма байна ад-дин ва-т-тарих. Дираса фи мадлул ал-умма фи-т-турас ал-'арабий ал-исламий. Бейрут, 1992; Наумкин В.В. Мусульмане и арабы: две уммы // Восток (Oriens). 2022. № 1. С. 6—22.

³⁰ Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и типология. М., 1987.

³¹ Смирнов С.Р. Восстание махдистов в Судане. М.; Л., 1950.

³² Миронова Г.В., Егорин А.З. Сенуситы в истории Ливии. М., 2006.

Точно так же соотносится с ранней исламской историей и выстраивание политической системы при помощи образования новых поселений в стратегически важных центрах и переселение в них вчерашних бедуинов. Этот инструмент широко использовался во времена экспансии халифата — так возникли города, которые впоследствии стали его центрами: Куфа, Басра, Фустат, Кайруан и др.

Наконец, третий элемент связан с самой сущностью королевской власти, также вполне соотносившейся с представлениями, получившими распространение в исламской политической философии, начиная со Средних веков. Согласно им, важнейшей функцией правителя была защита ислама, понимавшаяся, с одной стороны, как обеспечение безопасности населения, а с другой — как соблюдение норм шариата на управляемой территории. В этом контексте вполне резонным кажется замечание советских дипломатов относительно того, что власть монарха ограничивалась здесь «нормами высокого шариата». Сочетается с этим и то, что одной из важнейших выделенных королем областей администрирования оказывается шариатская, в которую входит в том числе и вся судебная система королевства, как известно, в дальнейшем пользовавшаяся значительной автономией от королевской власти.

Аравийские элементы. Помимо универсальных и традиционных арабо-мусульманских элементов, в политической системе государства Ибн Сауда можно выделить и те, что представляются специфическими именно для аравийских монархий, схожесть общественного уклада которых предполагала и схожесть формировавшихся механизмов политической власти.

Таких элементов, как представляется, три.

Наиболее очевидный из них — это организация политической системы на основе родоплеменных отношений, когда стержнем политической системы становится определенная родоплеменная группа. В Королевстве Саудовская Аравия, само название которой включает в себя имя основателя правящей династии (Арабское королевство Сауда), этот принцип выражен наиболее полно из всех аравийских монархий. Его отражение в государственности Марокко и Иордании, в полных названиях которых также упоминаются правящие династии Алауитов и Хашимитов, связано с изначально аравийским происхождением этих династий и их родственной связью с пророком.

Другой, чуть менее очевидный элемент: государственность формируется через объединение подконтрольных тем или иным родоплеменным группам регионов, либо на основе компромисса, либо через подчинение. В обоих случаях речь идет о некоторой договоренности между ключевыми группами, контролирующими те или иные территории. В случае с Саудовской Аравией, несмотря на то что объединение королевства происходило через присоединение различных областей к Неджду, в каждом конкретном случае статус этих областей определялся особо на основании реального баланса сил. При этом, как показал Г.Г. Косач³³, несмотря на то что хиджазские элиты не были напрямую кооптированы в политическое руководство страны, в реальности они заняли доминирующее положение в целом ряде сфер государственной политики, в частности в дипломатии. В истории формирования ОАЭ подобные соглашения между правящими семействами эмиратов находят еще более ясное выражение, причем отказ от присоединения к федерации Катара и Бахрейна был связан как раз с невозможностью установления подобного баланса. Наконец, в султанате Оман современная государственность также возникает на основе соединения двух государственных образований — султаната Маскат и имамата Оман; а в Йемене — сначала через соединение государственных образований южной части страны в рамках Южного Йемена, а затем через соединение юга и севера.

В специфическом саудовском случае, где баланс сил устанавливался не через компромисс между региональными элитами, а через их подчинение дому Аль Сауд, сочетание

³³ Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М., 2008.

двух выделенных аравийских элементов — родоплеменной основы власти и многосоставности государства — привело к тому, что важнейшим институтом управления стало наместничество: большинство наследных принцев королевства в тот или иной период своей деятельности служили губернаторами ключевых провинций королевства. При этом символическая значимость провинции и место принца в неформальной иерархии правящего дома так или иначе соотносились друг с другом: трое из шести королей Саудовской Аравии до восшествия на престол служили наместниками (амирами) Мекки (Хиджаза), двое — Эр-Рияда.

Наконец, третьей чисто аравийской особенностью рассматриваемой модели можно считать формирование различных каналов обратной связи между правящей элитой и обществом через племенные институты с опорой на исламский принцип совещательности (шура). В более или менее модернизированной саудовской модели этот подход воплощается в появлении различных совещательных органов власти (маджлис ахли и др.) или легитимизацию тех или иных политических решений посредством обращений общественных представителей к монарху (делегации племен или коллективные письма), как это было с решением об объединении Неджда и Хиджаза.

* * *

Проведенный анализ позволяет сделать два существенных вывода.

Во-первых, сформированное Ибн Саудом государство сочетало в себе как традиционные, так и современные элементы. При этом если внешние наблюдатели были склонны воспринимать политическую систему королевства, акцентируя внимание на современных элементах, легко соотносившихся с известным им опытом существования вестфальских территориальных государств, то в глазах самого саудовского населения более важную роль играли элементы традиционные, которые соотносились как с исламской, так и с арабской (в аравийском ее варианте) политической традицией. Несмотря на дальнейшую эволюцию саудовской государственности и ее постепенную модернизацию при последующих правителях, сам принцип сочетания этих элементов в политической системе сохраняется по сей день. Вместе с тем на современном этапе развития, как представляется, система сталкивается в этом отношении с тремя ключевыми вызовами. Модернизирующееся общество должно сегодня в большей степени фокусироваться на современных элементах системы, в меньшей степени доверяя тем, что были подсказаны традицией. Однако отказ от традиционных элементов должен требовать их замены какими-то современными аналогами, что неизбежно будет способствовать ее временному ослаблению. При этом дополнительную неопределенность создает то, что сама вестфальская модель государственности сегодня переживает вполне понятный кризис и слепое ее заимствование вряд ли будет способствовать повышению эффективности системы.

Во-вторых, саудовский случай позволяет подтвердить существующие представления о специфическом формировании многосоставной государственности. Как и в вопросе об общих механизмах управления, здесь мы также обнаруживаем сочетание универсальных и специфических аравийских элементов. Принципиально важным при этом оказывается, что внутренняя гетерогенность многосоставного государства компенсируется, с одной стороны, неким проектом будущего (в случае с Саудовской Аравией начала XX в. — религиозным, а сегодня — «Видением 2030»), а с другой — возможностью достижения баланса сил между региональными элитами (разумеется, при сохранении центральной властью монополии на легитимное насилие). В случае с аравийскими монархиями этот баланс достигается через договоренности между родоплеменными группами, однако в иных регионах это, разумеется, может происходить иначе. Как показывает опыт не только Саудовской Аравии, но и других государств, вне зависимости от выбранной модели административно-территориального устройства, многосоставность государства остается важнейшей характеристикой его внутреннего устройства на протяжении чрезвычайно длительного времени и редко когда преодолевается.

Представляется, что значимость сделанных выводов выходит за пределы изучения специфичности саудовской государственности и может позволить по-новому посмотреть на общие перспективы государственности в условиях складывания нового миропорядка.

Библиография

- Большаков О.В.* История Халифата: в 4-х т. Т. 1. М., 2002.
- Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.). М., 1999.
- Васильев А.М.* Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М., 2010.
- Васильев А.М.* Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудилов в Аравии (1744/45–1818). М., 1967.
- Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и типология. М., 1987.
- Георгиев А.Г. (Аксененок А.Г.), Озолинг В.В.* Нефтяные монархии Аравии. М., 1983.
- Звягельская И.Д.* Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке — невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (2). С. 97–109.
- Косач Г.Г.* Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М., 2008.
- Кузнецов В.А., Салем В.* Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-naczi-v-arabskom-mire/> (дата обращения: 23.07.2023).
- Миронова Г.В., Егорин А.З.* Сенуситы в истории Ливии. М., 2006.
- Муса Р.* Реформы в Геджасе // Международная жизнь. 1928. № 1. С. 44–60.
- Наумкин В.В.* Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2. С. 27–43.
- Наумкин В.В.* Мусульмане и арабы: две уммы // Восток (Oriens). 2022. № 1. С. 6–22.
- Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 269–371.
- Смирнов С.Р.* Восстание махдистов в Судане. М.; Л., 1950.
- Труевцев К.М.* Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М., 2020.
- Яковлев А.И.* Фейсал: король-реформатор. М., 1999.
- Аз-Заркали Х.* Камус тараджум ар-риджал ва-н-ниса' мин ал-'араб ва-л-муста'рибин ва-д-мусташиркин. Т. 7. Бейрут, 2002. (На араб. яз.)
- Ар-Рейхани А.* Тарих Неджд аль-хадис ва-мульхакатих. Бейрут, 1928. (На араб. яз.)
- Иса А.* Аль-Му'джиза фаук ар-рималь. Бейрут, 1975. (На араб. яз.)
- Нассар Н.* Мафхум ал-умма байна ад-дин ва-т-тарих. Дираса фи мадлул ал-умма фи-т-турас ал-'арабий ал-исламий. Бейрут, 1992. (На араб. яз.)
- Kark R., Frantzman S.J.* Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. № 4. P. 487–510.
- Leatherdale C.* Britain and Saudi Arabia 1925–1939. The Imperial Oasis. London, 1983.
- Al-Mubarak F.A.* Nomad Settlements in Saudi Arabia: A Cultural Approach to Understanding Urbanization in Developing Countries // Journal of King Saud University. 1999. Vol. 11 (Special Issue). Architecture and Planning. P. 21–44.
- Nahedh M.* The Sedentarization of a Bedouin Community in Saudi Arabia: submitted in accordance with the requirements for the degree of Ph.D. Leeds, 1989.
- Redissi H.* Le Pacte de Nadjd. Ou comment l'islam sectaire est devenu l'islam. Paris, 2007.
- Robinson C.F.* 'Abd al-Malik. Oxford, 2005.
- Schwarz R., De Corral M.* States Do Not Just Fail and Collapse: Rethinking States in the Middle East // Democracy and Security. 2011. Vol. 7. № 3. P. 209–226.
- Todaro M.P., Smith S.C.* Economic Development. Harlow, 2009.
- Yizraeli S.* The Remaking of Saudi Arabia. Tel Aviv, 1997. P. 39–40.

References

- Bol'shakov O.V.* Istorii Khalifata [History of the Caliphate]: v 4-kh t. T. 1. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Georgiev A.G. (Aksenonok A.G.), Ozoling V.V.* Neftnyane monarkhii Aravii [Oil Monarchies of the Arabian Peninsula]. Moskva, 1983. (In Russ.)
- Iakovlev A.I.* Feisal: korol'-reformator [Faisal: The Reformer King]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Kosach G.G.* Saudovskii diplomaticheskii korpus: etapy evoliutsii i istochniki formirovaniia [The Saudi Diplomatic Corps: Stages of Evolution and Sources of Formation]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Kuznetsov V.A., Salem W.* Bez'alternativnaia khрупkost': sud'ba gosudarstva-natsii v arabskom mire [Alternativeless Fragility: Fate of the Nation-State in the Arab World] // Rossiia v global'noi politike [Russia

in Global Affairs]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-nacii-v-arabskom-mire/> (access date: 23.07.2023). (In Russ.)

Mironova G.V., Egorin A.Z. Senusity v istorii Livii [The Senussi in the History of Libya]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Musa R. Reformy v Gedzhase [Reforms in Hejaz] // *Mezhdunarodnaia zhizn'* [The International Affairs]. 1928. № 1. S. 44–60. (In Russ.)

Naumkin V.V. Krizis gosudarstv-natsii na Blizhnem Vostoke [Crisis of the Nation States in the Middle East] // *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends]. 2017. Vol. 15. № 2. S. 27–43. (In Russ.)

Naumkin V.V. Musul'mane i araby: dve ummy [The Muslims and the Arabs: Two Ummas] // *Vostok (Oriens)*. 2022. № 1. S. 6–22. (In Russ.)

Ortega y Gasset J. Beskhrebetnaya Ispaniya [Invertebrate Spain] // *Ortega y Gasset J.* Vosstanie mass [The Revolt of the Masses]. Moskva, 2002. S. 269–371. (In Russ.)

Smirnov S.R. Vosstanie makhdistov v Sudane [The Mahdi Uprising in Sudan]. Moskva; Leningrad, 1950. (In Russ.)

Truevitshev K.M. Globalizatsiia i arabskii mir: do i posle dvukh voln turbulentnosti [Globalization and the Arab World: Before and After the Two Waves of Turbulence]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Vasil'ev A.M. Istoriia Saudovskoi Aravii (1745 g. – konets XX v.). [History of Saudi Arabia (1745 – late 20th century)]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Vasil'ev A.M. Korol' Feisal: lichnost', epokha, vera [King Faisal: His Personality, Era and Faith]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Vasil'ev A.M. Puritane islama? Vakhkhabizm i pervoe gosudarstvo Saudidov v Aravii [The Puritans of Islam? Wahhabism and the First Saudi State in Arabia] (1744/45–1818). Moskva, 1967. (In Russ.)

Vidasova M.F. Sotsial'nye struktury dokolonial'nogo Magriba: Genezis i tipologiya [Social Structures of Pre-Colonial Maghreb: Genesis and Typology]. Moskva, 1987. (In Russ.)

Zviagel'skaia I.D. Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke – neynosimaia khрупkost' bytiia [Sovereignty and Statehood in the Middle East – The Unbearable Fragility of Being] // *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. 2017. № 10 (2). S. 97–109. (In Russ.)

Al Reyhani A. Tarikh Najd al hadis wa mulhakatih. Beirut, 1928. (In Arabic)

Al Zarkali H. Kamus taradzhum ar ridzhal va n nisa' min al 'arab va l musta'ribin va d mustashrikin. Vol. 7. Beirut, 2002. (In Arabic)

Isa A. Al Mu'jizah fawq al rimal. Beirut, 1975. (In Arabic)

Nassar N. Mafhoum al ummah beina al deen wa al tarikh. Dirasah fi madloul al ummah fi al turas al 'arabiy al islamiy. Beirut, 1992. (In Arabic)

Al-Mubarak F.A. Nomad Settlements in Saudi Arabia: A Cultural Approach to Understanding Urbanization in Developing Countries // *Journal of King Saud University*. 1999. Vol. 11 (Special Issue). Architecture and Planning. P. 21–44.

Kark R., Frantzman S.J. Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies // *Middle Eastern Studies*. 2012. Vol. 48. № 4. P. 487–510.

Leatherdale C. Britain and Saudi Arabia 1925–1939. The Imperial Oasis. London, 1983.

Nahedh M. The Sedentarization of a Bedouin Community in Saudi Arabia: submitted in accordance with the requirements for the degree of Ph.D. Leeds, 1989.

Redissi H. Le Pacte de Nadjd. Ou comment l'islam sectaire est devenu l'islam. Paris, 2007.

Robinson C.F. 'Abd al-Malik. Oxford, 2005.

Schwarz R., De Corral M. States Do Not Just Fail and Collapse: Rethinking States in the Middle East // *Democracy and Security*. 2011. Vol. 7. № 3. P. 209–226.

Todaro M.P., Smith S.C. Economic Development. Harlow, 2009.

Yizraeli S. The Remaking of Saudi Arabia. Tel Aviv, 1997.

© 2023 г. Л.В. ИВАНОВА

СОМАЛИЙСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ШТАТ ЭФИОПИИ. ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Иванова Любовь Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории (Москва, Россия).

E-mail: caashoru@mail.ru

Scoputs Author ID: 57219596463; ORCID: 0000-0002-2378-5598

Аннотация. Сомалийский региональный штат Эфиопии (Огаден) с 1994 г. уже на протяжении почти трех десятилетий демонстрирует возможность решения «вечных» пограничных проблем между двумя государствами, заявляющими права на одну территорию. В статье приводится экскурс в историческое прошлое Огадена и анализируются проблемы, связанные с существованием Сомалийского штата в составе Эфиопской федерации. Непростые взаимоотношения между этим регионом и современным эфиопским государством свидетельствуют о том, что этнический федерализм при отсутствии развитых демократических механизмов порождает целый ряд противоречий между различными народами, которые в условиях федеративной системы получают право или, по крайней мере, надежду на законное представительство в органах центральной власти. В нашей стране интерес исследователей к Огадену ограничивался периодом холодной войны, когда Эфиопия и Сомали пытались разрешить территориальные конфликты насильственным путем при военной поддержке СССР обеих сторон. В настоящее время большую актуальность представляют темы, связанные с изучением эффективности функционирования федеративной системы в Эфиопии как способа решения проблем межэтнического взаимодействия. Данная статья является одной из первых в отечественной африканистике попыток определить современные проблемы этого региона с целью их более детального последующего изучения.

Ключевые слова: Сомалийский штат, Сомали, Эфиопия, Огаден, сомалийско-эфиопские отношения, оромо, диаспора, межнациональные отношения, граница, приграничье, межэтнические отношения, национальные меньшинства, федерализм.

L.V. Ivanova

The Somali Regional State of Ethiopia: History and Prospects for Development

Lyubov Ivanova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: caashoru@mail.ru

Scoputs Author ID: 57219596463; ORCID: 0000-0002-2378-5598

Abstract. The Somali Regional State of Ethiopia, by its very existence, demonstrates an attempt to resolve territorial disputes in the Horn of Africa over the past two decades. Ethiopia and Somalia lay claim to the territory despite the fact that it is peripheral to both nations. Nevertheless, it is located at the centre of the Somali Peninsula, at the crossroads of trade routes from the hinterland of North East Africa to seaports, at the crossroads of Christian and Islamic civilisations. The

formation of the Somali Regional State was made possible after Ethiopia became a federal state in 1994, when the rights of ethnic Somalis living in the eastern part of the country were redefined. The article provides an overview of the historical background of the Ogaden and analyses the problems inherent in its being part of federal Ethiopia. The uneasy relationship between the region and the modern Ethiopian state demonstrates that ethnic federalism, in the absence of developed democratic mechanisms, generates a number of contradictions between different peoples who, under a federal system, are entitled to, or at least hope for, legitimate representation in the central government. The interest of Soviet and Russian scholars in the "Ogaden problem" was mostly limited to the Cold War period, when two states tried to resolve territorial disputes by waging war with both sides receiving military support from the Soviet Union. Nowadays the question of effectiveness of ethnic federalism within Ethiopia is more in the focus of research. In the article the author analyses the main stages of the creation of the Somali Regional State of Ethiopia and offers some ideas for future studies of the Region.

Keywords: Somali Region, Somalia, Ethiopia, Ogaden, Somali-Ethiopian relations, Oromo, diaspora, interethnic relations, borders, borderland, national minorities, federalism.

Сомалийский региональный штат, также известный как Западное Сомали или Пятый регион Эфиопии¹, – второй по величине из 11 регионов Эфиопии. Его площадь (около 350 тыс. кв. км) составляет примерно 30% территории страны. Он граничит с Джибути и непризнанным государством Сомалиленд на севере и северо-востоке, штатами Афар и Оромия на западе, Федеративной Республикой Сомали на востоке и юге, Кенией на юго-западе. Сомалийский штат состоит из девяти административных зон и 68 районов. Границы между районами определены условно, что время от времени становится причиной территориальных споров как внутри штатов, так и между ними, в частности между Сомали и Афар, где проживают представители клана исса, выступающие за принадлежность к Сомали. Старейшины исса отказываются признавать региональные соглашения, подписанные между двумя штатами. Причинами других конфликтов становятся требования различных этнических групп Эфиопии реализации конституционно определенного права на представительство в органах власти.

99% населения Огадена² составляют сомалийцы, или так называемые «эфиопские сомалийцы». Численность остальных этнических групп – амхара, оромо и других – крайне незначительна. От 40 до 50% жителей штата являются представителями сомалийского клана огаден. В связи с возвращением многих представителей сомалийской диаспоры на историческую родину в 2017 г. в Огадене ожидался значительный прирост населения, однако этого так и не произошло. Данные государственной статистики по демографии региона существенно разнятся. Так, согласно различным официальным источникам, в 2020 г. численность населения штата составляла от 5 до 16 млн человек. Возможно, это

¹ Название «Пятый регион» обусловлено официально утвержденным в 1994 г. порядком перечисления штатов в составе Федеративной Демократической Республики Эфиопия: 1) Тигрэ; 2) Афар; 3) Амхара; 4) Оромия; 5) Сомали; 6) Беншангул/Гумуз; 7) Южные народы; 8) Гамбела; 9) Харари. См.: *Muhammad H. The Ethiopian Federal System. The Formative Stage* / ed. D.H. Close. Addis Ababa, 2010. По другой версии, территория будущего штата стала именоваться «Пятым регионом» в контексте идеи «Великого Сомали», предполагавшей объединение пяти регионов, населенных преимущественно этническими сомалийцами: 1) бывшего Итальянского Сомали; 2) бывшего Британского Сомалиленда; 3) бывшего Французского Сомалиленда; 4) Северного пограничного округа Кении; 5) Огадена.

² Согласно распространенной среди сомалийцев версии, название «Огаден» происходит от слов «уга», которое на языке местного народа хараре означает «дорога», и «Аден» (портовый город в Йемене). Это указывает на расположение региона на пересечении древних караванных путей из области Харар в Восточной Африке в Йемен.

связано с тем, что в данных источниках велся учет лишь этнических сомалийцев, а также с путаницей с демографическими показателями Федеративной Республики Сомали и т.д.³

Традиционно местные жители занимаются кочевым скотоводством, однако в последние десятилетия развитие городской и сельскохозяйственной инфраструктуры привело к увеличению численности оседлого населения. В настоящее время в штате широко практикуется агропасторализм: в благоприятные с климатической точки зрения периоды жители занимаются земледелием⁴, при этом сохраняя поголовье скота, а в более засушливые — кочуют со стадами. В сухие сезоны большую важность для скотоводов-кочевников приобретают природные источники воды или вырытые в землю и зацементированные цистерны, контроль за которыми осуществляют местные кланы. С середины XX в. переход некоторых территорий в разряд культивируемых земель постепенно приводил к нарушению традиционных путей кочевков и изоляции пастбищ. Кроме того, как правило, под пастбища выделялись участки, малопригодные для иных целей. Как следствие, кочевники стремились вырыть большее число колодцев, что также способствовало изменению маршрутов и продолжительности сезонных миграций и истощению земель. Попытки эфиопских властей привести все население региона к оседлому образу жизни оказались недостаточно результативными по ряду причин. В условиях пустынных и полупустынных зон Северо-Восточной Африки в целом кочевое скотоводство представляется наиболее продуктивным и эффективным способом выживания местного населения. Как правило, кочевники игнорируют появление новых территориальных границ и избегают участия в официальных переписях населения, которые, по их мнению, ведут лишь к обложению новыми налогами или ограничению их передвижений.

На территории Сомалийского штата обнаружены запасы природного газа, нефти, соли и камеди. Регион поддерживает торговые связи с красноморскими портами Сомалиленда и Сомали, в особенности с Босасо и Берберой, а также городами на побережье Кении. Экономические отношения с Кенией и Сомали развиваются интенсивнее, чем с регионами Эфиопии, благодаря деятельности представителей сомалийской диаспоры, об участии которой в развитии Огадена речь пойдет ниже. На территории Сомалийского штата располагаются восемь лагерей беженцев и один транзитный центр, действуют три государственных (международных) и два частных аэропорта.

Сомалийцы считают территорию штата исконно своей, незаконно присвоенной в XIX в. соседней Эфиопией, а впоследствии — итальянскими и британскими колонизаторами. Согласно распространенной в Эфиопии точке зрения, регион является исторически амхарским (в XIV–XX вв. амхара являлись господствующим этносом эфиопского государства), хотя его население всегда тяготело к сепаратизму, что периодически приводило к восстаниям против центральной власти. При этом, несмотря на расположение в центре Африканского Рога, на стыке христианской и мусульманской цивилизаций, на пересечении транспортных путей из внутренних районов Северо-Восточной Африки к портам на побережье Красного моря, территория штата всегда оставалась периферийной как для Эфиопии, так и для Сомали.

Территория будущего Сомалийского штата в XII–XIV вв. являлась частью султаната Ифат, в XV–XVI вв. входила в состав султаната Адал. В XVII в. Огаден был присоединен к Харарскому эмирату, в XIX в. стал владением эфиопского императора Менелика II (1889–1913). Принадлежность Огадена Эфиопии оспаривалась в рассматриваемый период Италией, стремившейся расширить территории своих колоний в Восточной Африке. В 1899 г. национально-освободительную и антиколониальную борьбу в этом регионе возглавил религиозный лидер и глава движения дервишей Саид Мохаммед Абдилле Хасан.

³ Federal Democratic Republic of Ethiopia (Somali Regional State Government). World Bank report. March 11, 2020 // URL: <https://www.pefa.org/sites/pefa/files/2020-07/ET-Somali%20Region-Mar20-PFMPR-SN-Public%20with%20PEFA%20Check.pdf> (дата обращения: 28.08.2023).

⁴ Основной сельскохозяйственной культурой региона является сорго, вследствие его значительной устойчивости к засухе. В ирригационных областях бассейна реки Уэби возделывают кунжут и маис. Также выращивается кат (растение, содержащее амфетамин) и собираются ароматические смолы.

Несмотря на первоначальные успехи повстанцев, отряды под руководством С.М.А. Хасана к 1920 г. потерпели поражение от эфиопских, итальянских и британских войск. Конвенция об установлении границ между итальянскими колониальными владениями и Эфиопской империей была подписана 16 мая 1908 г. Демаркационная линия между Итальянским Сомали и Эфиопией была определена условно. Территории, расположенные в 180 милях от побережья, признавались принадлежавшими Италии, а внутренние районы, включая территорию Огадена, — Эфиопии. Границы региона при этом оставались неопределенными. Оговоренная в соглашении граница не была демаркирована на местности, и каждая из сторон понимала ее по-своему. Лишь в 1931 г. администрация Итальянского Сомали санкционировала установку пограничных столбов.

Во время итальянской оккупации Эфиопии в 1936 г. Огаден стал частью Итальянского Сомали, в 1943 г. перешел под контроль британской военной администрации. Эфиопия соглашалась признать в качестве границы демаркированную Лондоном «временную административную линию». Когда при определении границы обе стороны взяли за основу конвенцию 1908 г., они не смогли договориться относительно толкования установленной этим соглашением разделительной полосы и не сумели определить, под чьим суверенитетом находились те или иные племена, населявшие территорию региона, на момент подписания документа.

Власти Великобритании планировали присоединить Огаден (как и всю территорию Итальянского Сомали) к Британскому Сомалиленду с целью реализации идеи «Великого Сомали». Эта идея впервые была предложена британцами для более удобного администрирования колоний в Восточной Африке на Парижской мирной конференции, проходившей в 1946 г., когда английский министр иностранных дел Эрнест Бевин высказался в поддержку плана установления опеки над Огаденом, Британским и Итальянским Сомали как единой территорией. Великобритания представила меморандум, в одном из пунктов которого «предлагалось “изучить возможность” создания другого образования — “Объединенного Сомали”, включавшего не только Британское и Итальянское Сомали, но и Огаден. Целесообразность объединения аргументировалась необходимостью “обеспечить экономическое и этническое единство в интересах неназванного народа”»⁵. Осуществление этого проекта дало бы возможность Великобритании «занять почти монопольное положение во всем огромном районе Средиземного и Красного морей». При этом авторы британского меморандума сомневались относительно принятия другими странами — участницами конференции изложенного в нем плана. В документ была включена специальная оговорка, что если создание «Объединенного Сомали» будет признано нецелесообразным, «то британское предложение будет снято». Идея не встретила поддержки со стороны участников конференции, а министр иностранных дел СССР В.М. Молотов прямо обвинил Э. Бевина в «расширении Британской империи за счет Италии и Эфиопии и укреплении монополии Великобритании в Средиземном и Красном морях»⁶.

Согласно англо-эфиопскому договору 1942 г., Великобритания признавала суверенитет Эфиопии в Огадене, сохранив контроль над стратегически важным городом Джиджиги и районом Хауд, а также железной дорогой от города Дыре-Дауа до границ с Французским Сомалилендом⁷. И вновь пограничная линия не была четко зафиксирована. Как заметил в апреле 1960 г. советский посол в Эфиопии А. Будаков, «границы Огадена

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 5. Д. 33. Л. 38. Цит. по: Мазов С.В. СССР и судьба бывших итальянских колоний (1945–1950 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 3 (19). URL: <https://history.jes.su/issue.2013.3.8.3-19/?ysclid=lcplstr475935984083> (дата обращения: 09.01.2023).

⁶ Там же.

⁷ Официальное название колонии в 1896–1967 гг. — Французский берег Сомали. В 1967 г. Французский Сомалиленд приобрел статус заморского департамента (Французская территория афаров и исса), в 1977 г. — независимого государства (Джибути).

определяются не административными линиями, а местожительством самого племени огаден с учетом его сезонных перемещений»⁸.

В 1955 г. область Хауд (северная часть Огадена, богатая территориями, пригодными для пастбищ) была возвращена Британией Эфиопии. Это вызвало волну протестов со стороны сомалийцев, так как по утверждениям самих британских властей, согласно договорам, заключенным Лондоном с вождями местных племен в 1884–1886 гг., эта территория была признана сомалийской⁹. Ответом на «захватнические» действия Эфиопии стали формирование и активная деятельность в Огадене ряда политических организаций, таких как «Солдаты Аллаха», «Истинные сыны Огадена» и др., пытавшихся поднять местное население, в особенности мусульманское, на борьбу за объединение «Великого Сомали». Эти организации финансировались арабскими странами, в частности Египтом.

25 августа 1956 г. император Эфиопии Хайле Селассие I во время своей поездки в Огаден выступил с речью в городе Кэбри-Дэхар, в которой призвал сомалийцев изучать амхарский язык и стать частью «большой эфиопской семьи». В случае интеграции в Эфиопии жителям Огадена гарантировалась поддержка от императорского правительства, а каждый сомалиец, находившийся на территории страны более шести месяцев, автоматически становился ее гражданином. По мнению Хайле Селассие I, «исторически весь Африканский Рог и народы, его населяющие, находились в той или иной степени под влиянием Эфиопской империи, что делает их частью Эфиопии»¹⁰. Указывая на необходимость объединения всех этнических общин региона для достижения в Огадене экономического и социального благополучия, он дал новую «эфиопскую» интерпретацию идеи «Великого Сомали».

Стремясь превратить кочевников в земледельческое население с целью облегчения контроля над регионом, эфиопские власти использовали в качестве своеобразных «приманок» вырытые колодцы, пытаясь стимулировать возникновение вокруг них новых поселений и переход огаденцев к оседлому образу жизни. Одновременно с этим местные старейшины изучали амхарский язык, назначались администраторами и получали зарплату от эфиопского правительства.

Во второй половине 1950-х годов формируются политические движения и организации, стремящиеся к интеграции всех сомалийцев, вне зависимости от страны проживания. В 1958 г. возникла Лига Великого Сомали во главе с бывшим диссидентом, представителем Лиги сомалийской молодежи¹¹ Хаджи Мохаммадом Хуссейном. Организация ставила своей задачей добиться объединения всех сомалийских территорий. В августе 1959 г. было образовано Пансомалийское движение, лидером которого стал бывший вице-президент Правительственного совета Французского Сомали Махмуд Харби.

После провозглашения независимости в 1960 г. Сомали стало единственным государством, которое выступало против признания нерушимости колониальных границ в Африке, даже вопреки официальной позиции Организации африканского единства (ОАЕ), в состав которой страна вошла в 1963 г. Называя Эфиопию «черным колонизатором», власти Сомали требовали от Аддис-Абебы вернуть захваченные в XIX в. территории.

Согласно Конституции 1961 г., все сомалийцы, проживавшие за пределами страны, считались гражданами Сомали, а властям государств, на территории которых они находились, предлагалось предоставить им свободу определения собственного статуса и

⁸ Синицын С.Я. Миссия в Эфиопии. М., 2001. С. 124.

⁹ Цит. по: *Eshete T.* The root causes of political problem in the Ogaden, 1942–1960 // *Northeast African Studies*. 1991. Vol. 13. № 1. P. 22. Т. Эшете ссылается на документы региональной администрации штата Харари.

¹⁰ *Ibid.* P. 24.

¹¹ Созданный в 1943 г. Клуб сомалийской молодежи (в 1948 г. переименованный в Лигу сомалийской молодежи) стал первой политической партией в Сомали. Помимо реформ в сферах экономики и образования, борьбы против колониализма, одной из целей Лиги являлось создание «Великого Сомали».

государственной принадлежности. Это способствовало усилению и активизации сомалийских националистических групп в северном приграничном районе Британской Кении и Огадене. Как писал премьер-министр и будущий президент Сомали Абдирашид Али Шермарк в марте 1963 г. в письме руководителю Уганды Аполло Милтону Оботе, «простая истина заключается в том, что плохие границы делают плохих соседей, и этот вопрос о печальном наследстве колониализма после получения независимости нам, африканскому народу, придется разрешать в качестве первой предпосылки для региональных и более широких политических объединений»¹². На саммите глав независимых африканских государств 25 мая 1963 г. в Аддис-Абебе в ответ на заявление сомалийского президента Адена Абдуллы Османа о том, что «Эфиопия получила большую часть сомалийской территории без согласия народов, ее населяющих», и что «сомалийское правительство не претендует на чужие территории, однако просит принятия принципов самоопределения», эфиопский премьер-министр Аклилю Хабтэ Уольд ответил: «Исторически границы Эфиопии простирались от Красного моря до Индийского океана, включая земли между ними. И нет записей о сомалийском государстве или о сомалийской нации»¹³.

Положение Конституции 1961 г. «легальными и мирными способами добиваться объединения территорий, на которых проживают сомалийцы», все же выполнялось. Так, к 1964 г. были налажены воздушные и сухопутные транспортные связи между Сомали и Эфиопией, в том же году была открыта шоссейная дорога между городами Могадишо и Харгейса, проходившая через эфиопскую территорию. Тем не менее политика премьер-министра Мохамеда Хаджи Ибрагима Эгаля, направленная на установление мирных отношений с «вечным врагом сомалийцев», вызывала недовольство большей части населения страны, что стало одной из причин, приведших к военному перевороту 1969 г.

Первое правительство независимого Сомали во главе с А. Османом некоторое время поддерживало деятельность организации Освободительный фронт Огадена, выступавшей за присоединение региона к Сомалийской республике. Это стало одной из причин пограничного конфликта между двумя странами в 1964 г., поводом к которому послужило нападение сомалийских вооруженных отрядов на эфиопскую полицию в районе Джиджиги. Стороны обвиняли друг друга в инициировании боевых действий, вели активную военную пропаганду. Эскалацию конфликта удалось остановить при посредничестве суданского президента Ибрахима Аббуда. Начались обсуждения условий мирного соглашения. На первой сессии ОАЕ в июле 1964 г. в Каире была утверждена Декларация об уважении существующих границ африканских государств. ОАЕ приняла также предложенную Танзанией резолюцию о признании действительными границы стран континента к моменту достижения ими независимости. Это решение разбивало надежды на реализацию идеи объединения всех сомалийцев в рамках единого государства. С точки зрения сомалийской стороны, подобная позиция ОАЕ давала очевидные преимущества Эфиопии и в какой-то степени оправдывала ее территориальные захваты, совершенные еще в XIX в. Тем не менее после заключения соглашения с Эфиопией Сомали фактически прекратило оказывать помощь сепаратистскому движению в Огадене. В марте 1965 г. просьба Сомали создать комиссию ОАЕ для выяснения причин нестабильности в Огадене была отвергнута после возражений Эфиопии.

В 70-е годы XX в. Советский Союз, игравший в то время роль посредника между Сомали и Эфиопией, неоднократно предлагал в качестве решения конфликта между двумя государствами создание социалистической федерации на территории Африканского Рога. Следует отметить, что впервые идея объединения стран этого региона была выдвинута Великобританией в 1950 г. с целью упрощения контроля за колониальными владениями.

11 июля 1974 г. СССР заключил с Сомали договор о дружбе и сотрудничестве на 20 лет. Подписанием этого соглашения Сомали пыталось обеспечить военную и экономическую

¹² Письмо А.А. Шермарка премьер-министру Уганды А.М. Оботе // The Somali News, 3.III.1963.

¹³ OAU, The Addis Ababa Summit. Addis Ababa, 1963. P. 75–78.

поддержку своих территориальных претензий, в частности в отношении Огадена, проблема которого считалась «общенациональной». СССР, в свою очередь, стремился обеспечить свое влияние в странах Африканского Рога. Очевидно, что советская и сомалийская стороны по-разному интерпретировали некоторые формулировки договора, в том числе связанные с вопросами мирного воссоединения сомалийских территорий и военного сотрудничества, предусматривавшего исключительно оборонительные цели. Вопреки условиям соглашения, сомалийская сторона скрывала от СССР подготовку вооруженной агрессии в отношении Эфиопии. Обладая информацией об этом, Советский Союз не считал себя обязанным сообщать Сомали о поддержке эфиопской стороны в будущем конфликте¹⁴.

В январе 1977 г. президент Сомали Сияд Барре одновременно начал укреплять отношения с Китаем и устанавливать связи с арабскими странами. С 22 по 23 марта того же года в столице Йеменской Арабской Республики Сане проходила встреча лидеров арабских государств, на которой обсуждалась возможность создания в странах Красного моря зоны, свободной от влияния СССР и Израиля¹⁵. С. Барре поддержал эту идею и получил значительную экономическую помощь от Саудовской Аравии, в том числе на приобретение оружия, согласившись на прекращение военных контактов с Советским Союзом.

Политические изменения в странах Африканского Рога не могли не отразиться на ситуации вокруг Огадена. В 1974 г. в Эфиопии произошел государственный переворот, в результате которого император Хайле Селассие I был низложен, а верховная власть перешла к Временному военно-административному совету (краткое название «Дерг»). С 21 марта 1975 г. государство стало официально именоваться Социалистической Эфиопией. В 1977 г. во главе страны встал марксистский лидер Менгисту Хайле Мариам, подтвердивший готовность к строительству социализма. Одновременно с этим в июне 1977 г. была провозглашена независимость соседнего с Сомали Джибути, населенного преимущественно этническими сомалийцами. Для официального Могадишо это событие послужило своеобразным сигналом о возможности присоединения бывшего Французского Сомалиленда и придало решимости в очередной раз предпринять попытку объединения всех сомалийских земель. Учитывая произошедшие политические изменения в регионе, в феврале 1977 г. СССР предложил Сомали и Эфиопии создать федерацию, в которую кроме этих двух стран должны были войти также Джибути, Йеменская Арабская Республика и Народная Демократическая Республика Йемен. Однако, проигнорировав советские инициативы, сомалийские власти приняли решение о начале военной операции против Эфиопии. 23 июля 1977 г. войска Сомали вошли в Огаден. К середине сентября ими было захвачено около 90% территории региона. Если на военном фронте успех сомалийцев в 1977 г. не вызывал сомнений, на дипломатическом все обстояло иначе. Помощь со стороны арабских стран и США не соответствовала заявленной. Кроме того, Лига арабских государств не поддержала территориальные требования Сомали. На встрече лидеров стран ОАЕ, проходившей с 5 по 9 августа в столице Габона Либревиле, был подтвержден принцип нерушимости границ африканских государств. Организация встала на сторону Эфиопии, хотя и выступила за обоюдное прекращение боевых действий. ОАЕ также обратилась с призывом к неафриканским государствам воздержаться от вмешательства в сомалийско-эфиопский конфликт.

В том же году СССР прекратил поставки военной помощи Сомали и подписал Декларацию об основах дружественных взаимоотношений и сотрудничества с Эфиопией.

¹⁴ Подробнее об участии Советского Союза в сомалийско-эфиопском конфликте в Огадене см., например: *Иванова Л.В.* Роль СССР в сомалийско-эфиопском конфликте // *Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки* / под ред. А.Б. Давидсона. М., 2019. С. 318–341.

¹⁵ Telegram From the Embassy in the Yemen Arab Republic to the Department of State. Sana, November 7, 1977 // National Archives, RG 59, Central Foreign Policy File, D770413–1083. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v18/d235> (дата обращения: 09.01.2023).

Сомалийский президент С. Барре, в свою очередь, расторг договор о дружбе и сотрудничестве с СССР 1974 г.

Для Советского Союза Эфиопия представлялась значительно более привлекательной в качестве военно-политического партнера, чем Сомали. Превосходство с точки зрения территории, численности населения и природных богатств было на стороне Аддис-Абебы. Кроме того, Эфиопия была одним из инициаторов создания ОАЕ в 1963 г., в то время как Сомали часто именовали «проблемным ребенком Африки»¹⁶. После неудачи с организацией социалистической федерации в регионе Африканского Рога в марте 1977 г. СССР сделал выбор в пользу сотрудничества с Аддис-Абейбой. Этому во многом способствовал окончательный разрыв экономических и дипломатических отношений Эфиопии с США в конце апреля. Выдворенные из Сомали советские советники (как официально сообщалось) и кубинские военные направлялись в Аддис-Абебу. СССР увеличил объем помощи последней, и вскоре эфиопская армия смогла дать отпор сомалийской, которая до этого времени являлась одной из сильнейших на африканском континенте.

9 марта 1978 г. С. Барре заявил о прекращении военных действий на территории Огадена, и 15 марта сомалийские войска были полностью выведены из региона. Так окончилась очередная попытка Могадишо реализовать идею «Великого Сомали». Почти за сто лет до этого прозванный британцами «бешеным муллой» лидер движения дервишей Саид Мохаммед Абдилле Хасан так же, как С. Барре, сражался на земле Огадена против английской, итальянской и эфиопской колонизации и так же, как последний, проиграл войну, однако стал при этом национальным героем Сомали, в то время как Барре вошел в историю страны как диктатор, приведший государство к децентрализации и фактическому распаду (хотя некоторые исследователи называют период правления С. Барре «золотым веком» в истории Сомали¹⁷).

Создание Сомалийского регионального штата стало возможным после введения в 1991 г. в Эфиопии федеральной системы, в рамках которой были пересмотрены отношения между государством и этническими сомалийцами, проживающими на территории Огадена.

Смена политического режима и приход к власти в 1991 г. Революционно-демократического фронта эфиопских народов (РДФЭН) существенно изменили обстановку в стране. Согласно ст. 1 новой Конституции Эфиопии, вступившей в силу 21 августа 1995 г., входившие в состав федерации штаты получили право на разработку проекта региональной конституции, управление собственной территорией и природными ресурсами, контроль за налогообложением и взиманием пошлин, а также обеспечение надзора за соблюдением законов и создание полиции. Несмотря на то что четыре года спустя, в 1999 г., Сомалийский штат, по мнению некоторых исследователей, оставался одним из беднейших, наименее развитых и наиболее нестабильных в политическом отношении регионов Эфиопии, эта статья Конституции стала для жителей Огадена «поводом для праздника»¹⁸. Признав сомалийцев своими гражданами, Эфиопия впервые в истории гарантировала им равные с другими этническими группами права, по крайней мере, на ранних этапах введения федеративной системы.

Согласно другим статьям Конституции, этническая идентичность определялась как основной принцип государственной организации, политического представительства и предоставления гражданских прав. Новое правительство гарантировало всем этническим группам безусловное право на самоопределение в пределах территории их проживания. В 1995 г. была провозглашена Федеративная Демократическая Республика Эфиопия, состоявшая из девяти региональных этнических штатов и двух городов федерального

¹⁶ Wolde-Mariam M. Somalia: The problem child of Africa. Addis Ababa, 1977.

¹⁷ См., например: Полонский И. «Золотой век Сомали». Диктатура Сида Барре // URL: <https://s30116489994.mirtesen.ru/blog/43969936007/%C2%ABZolotoy-vek-Somali%C2%BB.-Diktatura-Sida-Barre?ysclid=llwux4998t410548756> (дата обращения: 09.01.2023).

¹⁸ Michaelson M. Ethnic Federalism in Ethiopia. Somali Regional State // Institute of Current World Affairs Letters. 1999. № 15. P. 1.

подчинения (Аддис-Абеба и Дыре-Дауа). Впоследствии были образованы еще два штата — Сиадама в 2020 г. и Регион народов юго-запада Эфиопии в 2021 г.

Еще в 1976 г. в Эфиопии было законодательно разрешено вещание на других языках, помимо амхарского. Конституция 1987 г. гарантировала право народов на самоопределение в рамках реализации программы национально-демократической революции, однако это право являлось исключительно декларативным. О провозглашении государственного суверенитета этнических сообществ и их территориальном отделении от Эфиопии не могло быть и речи. Амхарский язык продолжал оставаться единственным официальным языком страны. В 80–90-е годы XX в. начался процесс формирования общественных организаций на этнической основе, особую роль в котором играли представители студенческой молодежи. При этом центральное правительство продолжало игнорировать роль отдельных неамхарских этносов в истории и современной жизни Эфиопии, препятствуя формированию их национальной идентичности и попыткам политического обособления.

На конференции по проблемам административного устройства Эфиопской федерации, проходившей в Дыре-Дауа в 1992 г., вопрос о наименовании региона вызвал острые споры. Представители основанной в 1984 г. военно-политической организации «Фронт национального освобождения Огадена» (ФНОО), ведущую роль в которой играл клан огаден, выступали за закрепление за штатом названия «Огаденция», в то время как делегаты других племен, проживающих на его территории, высказывались против этого, так как, с их точки зрения, подобное решение означало бы признание преимущественного положения клана огаден. В конечном итоге, в 1994 г. было принято решение закрепить за регионом официальное наименование Эфиопский штат Сомали (с 2018 г. — Сомалийский региональный штат).

В 90-е годы XX в. обстановка в Огадене характеризовалась высоким уровнем насилия и агрессии, прежде всего по причине многолетнего противостояния сепаратистских движений, выступавших за отделение от Эфиопии и присоединение к Сомали, и центрального правительства. Одной из ключевых проблем региона являлся постоянный приток беженцев. После Огаденской войны 1977–1978 гг. на его территорию переселялись сомалийцы из других районов Эфиопии; в конце 80-х годов XX в. началась массовая миграция из Сомали, обусловленная начавшейся в 1988 г. гражданской войной. Большинство представителей этой волны беженцев или возвращались в свои дома, или оседали во временных лагерях.

Если до 1991 г. большинство жителей Огадена выражали солидарность и стремление к единству с Сомали, то после свержения режима С. Барре и фактического развала государства начался процесс политической переориентации эфиопских сомалийцев на Аддис-Абебу. Тем не менее представители ФНОО, победив на выборах в органы регионального управления в 1992 г. и получив около 80% мест в местном парламенте, проводили кланово-ориентированную политику, направленную на отделение от Эфиопии. На всеобщих выборах в Огадене в 1995 г. победу одержала основанная годом ранее проэфиопская партия «Эфиопско-сомалийская демократическая лига». Лидеры ФНОО, планировавшие проведение референдума по самоопределению штата, были арестованы федеральными органами безопасности Эфиопии, а их штаб-квартира закрыта. В 2006 г. многие оппозиционные члены организации вошли в Альянс за свободу и демократию, представлявший умеренные политические силы Эфиопии. Более радикальные представители ФНОО ушли в политическое подполье и начали сопротивление политике центральных властей, которое в 2007 г. вылилось в серьезные беспорядки, сопровождавшиеся убийствами гражданских лиц. Правительство Эфиопии стремилось прийти к компромиссу с повстанцами, обращаясь к ним с мирными инициативами через посредника, роль которого играла основанная в 1998 г. Народно-демократическая партия Сомали, представлявшая интересы северных сомалийских кланов, а также умеренных политических групп Огадена. Предтечей партии являлась упомянутая выше «Эфиопско-сомалийская демократическая лига». О роли этой организации в региональной политике может свидетельствовать тот факт, что первые шесть президентов Эфиопского

штата Сомали в период с 1994 по 1997 г. были ее представителями. Лига пользовалась широкой поддержкой РДФЭН. Со второй половины 90-х годов XX в. и до 2019 г. все главы этого региона состояли в Народно-демократической партии Сомали.

Конфликт в Огадене негативно отражался на всех сферах жизни местного населения. В 2007 г. эфиопское правительство наложило на штат торговое эмбарго, запрещавшее любое перемещение грузов в регионе и вдоль границы с Федеративной Республикой Сомали, в том числе караванную торговлю. В этом же году в результате теракта на праздничном мероприятии в Джиджиге был ранен президент Эфиопского штата Сомали А.Х. Мохаммед, а несколько присутствовавших гостей убиты. Следует отметить, что эфиопской стороной тщательно замалчивались преступления в отношении граждан страны сомалийского происхождения, совершенные в этот период. В 2008 г. правозащитная организация Human Rights Watch опубликовала доклад «Коллективное наказание» — перечень военных преступлений и преступлений против человечества, совершенных эфиопским правительством в Огадене¹⁹.

После разоружения членов ФНОО и ареста в августе 2018 г. убежденного националиста Абди Мохаммеда Омара (известного также как Абди Илей), с 2005 г. отвечавшего за вопросы безопасности в Эфиопском штате Сомали, а с 2010 по 2016 г. занимавшего пост регионального президента, обстановка в Огадене значительно стабилизировалась. В 2018 г. представителями эфиопского правительства и ФНОО было подписано соглашение, гарантирующее соблюдение Конституции 1995 г. и образование совместного комитета для дальнейшего обсуждения вопросов, связанных с конфликтными ситуациями в регионе. В том же году лидеры ФНОО провели демобилизацию участников своих военных формирований. В июне 2019 г. был создан совместный комитет правительства Сомалийского штата и ФНОО.

Джиджига (сомалийцы называют этот город Джигджига) получила статус региональной столицы Эфиопского штата Сомали в 1995 г., в период правления в регионе «Эфиопско-сомалийской демократической лиги».

Город является одним из исторических центров региона Огаден. Изначально это было место стоянки и отдыха на караванном пути между сомалийским портом Зейла и эфиопским городом Харар. В 1893 г. британский военный и путешественник полковник Харальд Джордж Карлос Суэйн описывал Джиджигу как «частоклад рядом с группой колодцев», а также упоминал о гарнизоне из 25 человек «внутри этого укрепления»²⁰. В 1900 г. британские колониальные войска сражались здесь с отрядами дервишей под предводительством «бешеного муллы» Саида Хасана²¹. Дервиши проиграли сражение, но продемонстрировали храбрость и решимость бороться против завоевателей. В 2013 г. по инициативе Народно-демократической партии Сомали в Джиджиге был установлен памятник С. Хасану, ставший своего рода маркером суверенного контроля над территорией штата (другой памятник «бешеному мулле» был установлен в Могадишо в период правления С. Барре и демонтирован в 1991 г., после его свержения).

Во время Огаденского кризиса 1977–1978 гг. занимавшая стратегически важное положение Джиджига стала ареной кровопролитных боев. В 1996 г. здесь состоялась мирная конференция по развитию, организованная региональной администрацией, в которой приняли участие представители эфиопских штатов и министры центрального правительства. В 2007 г. город подвергся атакам боевых отрядов ФНОО, приведшим к жертвам среди гражданского населения.

В 1991 г., спустя четыре года после официальной отмены правления режима Дерга на территории Эфиопии, Комитет образования страны санкционировал процесс

¹⁹ Collective Punishment: War Crimes and Crimes against Humanity in the Ogaden area of Ethiopia's Somali Regional State. Human Rights Watch Report. 2008 // URL: <https://www.hrw.org/reports/2008/ethiopia0608/ethiopia0608webwcover.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

²⁰ Swayne H.G.C. A Trip to Harar and Imé // The Geographical Journal. 1893. Vol. 2. № 3. P. 251.

²¹ Lewis I.M. A Modern History of the Somali. 4nd ed. Oxford, 2002. P. 71.

переименования огаденских школ, которые получали новые названия в честь известных общественных деятелей региона, жертв политических репрессий 1974–1987 гг.²² В частности, была переименована первая государственная школа в Джиджиге, основанная в 1930 г. и первоначально названная в честь Тэфэри Мэконнына (имя, данное при рождении будущему императору Хайле Селассие I), правившего в то время страной и таким образом обозначившего эфиопское присутствие в Огадене. Примечательно, что в этой и других подобных школах проходили обучение представители сформировавшейся в 1960-е годы сомалийской политической элиты, вынужденные покинуть регион во время Огаденской войны 1977–1978 гг. После 1991 г. новые власти Эфиопии стремились актуализировать в общественном сознании имена вождей и старейшин, которые правили регионом до эфиопского завоевания, таких как Уиль Уал, ставший впоследствии героем сомалийских народных сказок, лидеров антиколониальных движений и других в прошлом культовых для местного населения фигур. Начался процесс создания политических мифов, призванных, с одной стороны, сохранять баланс между центральной властью и местными политическими силами, а с другой — сыграть важную роль в конструировании новой коллективной идентичности жителей Огадена. Этот процесс не мог обойти стороной и столицу региона Джиджигу. В 1993 г. группой сомалийцев была демонтирована статуя известного эфиопского военачальника, героя Второй итало-эфиопской войны Афеверка Уольде Самаят, установленная в Джиджиге в период правления Дерга. Названный в его честь госпиталь был переименован. Городской дворец, получивший имя С. Хасана, стал центром регионального правительства, местом встреч и инаугураций. В частности, именно в этом здании происходила официальная церемония вступления в должность нового президента штата А.М. Омара в 2010 г.

В 2000-е годы начался процесс возвращения в Огаден, и в частности в Джиджигу, сомалийских беженцев, вынужденных покинуть регион в ходе войны 1977–1978 гг. и последующих конфликтов. Репатрианты стали требовать у властей Эфиопии восстановления прав на принадлежавшие им земли. Приток мигрантов способствовал росту и развитию Джиджиги. К началу 2020-х годов в городе проживало более 300 тыс. человек. Джиджига являлась одним из крупных центров нелегальной торговли катом²³. Жители города испытывали проблемы с питьевой водой, электричеством и высокими ценами на продукты питания.

Сомалийская диаспора является одной из самых многочисленных в мире. В Европе присутствие сомалийцев особенно заметно в скандинавских странах. В некоторых американских штатах, например в Миннесоте, выходцы из Сомали составляют крупнейшие общины представителей африканского континента. Будучи кочевниками по природе, в конце XX в. сомалийцы значительно расширили ареал миграций: от соседних с Сомали стран до всех континентов планеты.

В Огадене представители сомалийской диаспоры воспринимаются, с одной стороны, как инвесторы и источник дохода, а с другой — как сильные конкуренты на местном рынке. Наибольшую экономическую активность обычно проявляет первое поколение мигрантов, которое поддерживает регулярную связь с родиной и знакомо с преобладающей в странах Тропической Африки политикой кланового фаворитизма, в отличие от молодых сомалийских бизнесменов, родившихся и выросших в странах Запада в условиях иной модели организации деловых отношений. В 2012 г. членами диаспоры была создана Эфиопская сомалийская ассоциация по развитию для поддержки социальных инициатив, которая взаимодействует с местными партиями, в частности с Народно-демократической партией Сомали, вошедшей в 2019 г. в правящую в Эфиопии Партию процветания. Одной из сфер ее деятельности является образование. Во многом благодаря активности

²² Традиция наименования школ в честь знаменитых политических деятелей в Эфиопии известна с глубокой древности.

²³ *Berhane S. Rising from Ashes // Ethiopian Business Review. 2019. № 74. URL: <https://ethiopianbusinessreview.net/jigjiga/> (дата обращения: 09.01.2023).*

ассоциации Международная школа в Джиджиге имеет аккредитацию Кембриджского университета. Представители диаспоры, особенно после ряда поездок президента Эфиопского штата Сомали А.М. Омара в 2010–2016 гг. по странам проживания крупнейших сомалийских общин и его призывов к инвестированию в экономику региона, способствовали развитию гостиничного бизнеса, торговли, сельского хозяйства. На территории Сомалийского штата диаспора вовлечена в такие сферы деятельности, как торговля скотом, переработка мяса, продажа электроники, ката и стройматериалов. Бизнесмены — выходцы из сомалийских общин Европы и США — стараются работать в Огадене по официальным разрешениям, чтобы избежать возможной конфискации и иметь гарантии в условиях региональной нестабильности. Очевидно, что клановая структура сомалийского общества, предполагающая обязательную систему взаимопомощи, обеспечивает постоянный приток финансовых средств диаспоры. Помимо оказания экономической поддержки, представители сомалийских общин стран Запада, в том числе имеющие двойное гражданство, принимают активное участие в политической жизни Огадена.

Вопросы, связанные с легализацией экономической деятельности и реализацией потенциальных возможностей представителей сомалийских общин Эфиопии на территории Огадена, являются предметом будущих исследований.

Пересмотр колониальных границ африканских государств представляет собой неразрешимую проблему. С юридической точки зрения они признаются ОАЕ нерушимыми. При этом принимается во внимание несоответствие государственных рубежей этническим границам. Для населения стран континента демаркация этих рубежей может повлечь за собой ряд политических и экономических проблем, а также создание прецедента, который может привести к непредсказуемым последствиям.

Федеративный опыт Эфиопии позволяет на практике увидеть возможную модель разрешения этнических конфликтов, что свидетельствует о способности африканских государств самостоятельно решать стоящие перед ними сложные политические проблемы²⁴. Федеративное устройство, с одной стороны, способствовало осознанию этническими группами собственных политических, экономических и территориальных прав, а с другой — усиливало борьбу за расширение этих прав и свобод, а также их практическую реализацию.

Американский исследователь кенийского происхождения Али Мазруи считает, что федерализм в Эфиопии представляет собой «ретрайбализацию» страны, ее возвращение к племенному устройству²⁵. Специалист по современным политическим процессам в странах Африки, Ближнего Востока и на Балканах Марина Оттауэй придерживается мнения, что эфиопская федеративная модель усиливает этнические конфликты в большей степени, нежели смягчает разногласия между населяющими страну народами. Она полагает, что именно эта модель может привести к дезинтеграции государства²⁶. Собственно, данный процесс мы и наблюдаем на примере Сомалийского регионального штата.

Эфиопский этнический федерализм не является демократическим, о чем свидетельствуют проблемы взаимодействия центральной власти и правительства Огадена, а также политика ограничения прав и свобод сомалийского меньшинства в этом регионе. Первоначальное предоставление штатам права на отделение использовалось государством для привлечения к сотрудничеству различных этнических групп с целью последующего извлечения экономической и политической пользы. Однако, когда эта цель достигалась, начинался процесс ущемления прав субъектов федерации. В настоящее время традиционные органы власти в регионах распадаются, а институты представительной демократии еще не функционируют в полной мере. Создание административного аппарата и партий происходит по этническому принципу. Все это способствует усилению межнациональных

²⁴ Например, в Гане, Нигерии, Руанде и некоторых других странах Африки конституционно запрещены партии, основанные по этническому принципу.

²⁵ *Mazrui A. The Bondage of Boundaries // IBRU Boundary and Security Bulletin. 1994. № 4. P. 61–63.*

²⁶ *Ottaway M. Democratization and ethnic nationalism: African and Eastern European Experiences. Washington, 1994.*

конфликтов и оказывает разрушительное воздействие на процесс государственной консолидации, дестабилизируя политическую ситуацию в стране в целом. Неизбежно возникают вопросы, связанные с представительством этнических групп в органах региональной и центральной власти и необходимостью учитывать принцип пропорционального соотношения их численности и территории проживания при распределении власти и ресурсов²⁷. Изучение опыта построения отношений между государством и сомалийским этническим меньшинством в регионе Огаден федеративной Эфиопии может стать полезным для многих стран, тем более что эти отношения продолжают развиваться, и возникающие проблемы постоянно требуют новых решений.

Библиография / References

Иванова Л.В. Роль СССР в сомалийско-эфиопском конфликте // Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки / под ред. А.Б. Давидсона. М., 2019. С. 318–341.

Мазов С.В. СССР и судьба бывших итальянских колоний (1945–1950 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 3 (19). URL: <https://history.jes.su/issue.2013.3.8.3-19/?ysclid-lcp1str475935984083> (дата обращения: 09.01.2023).

Полонский И. «Золотой век Сомали». Диктатура Сидаа Барре // URL: <https://s30116489994.mirtesen.ru/blog/43969936007/%C2%ABZolotoy-vek-Somali%C2%BB.-Diktatura-Siada-Barre?ysclid-llwux4998t410548756> (дата обращения: 09.01.2023).

Синицын С.Я. Миссия в Эфиопии. М., 2001.

Ivanova L. V. Rol' SSSR v somalijsko-efiopskom konflikte [The Role of the USSR in the Somali-Ethiopian Conflict] // Afrika v sud'be Rossii. Rossiya v sud'be Afriki [Africa in the fate of Russia. Russia in the fate of Africa] / pod red. A.B. Davidsona. Moskva, 2019. P. 318–341. (In Russ.)

Mazov S. V. SSSR i sud' ba byvshih ital'ianskih kolonii (1945–1950 gg.) [The USSR and the the former Italian Colonies] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2013. № 3 (19). URL: <https://history.jes.su/issue.2013.3.8.3-19/?ysclid-lcp1str475935984083> (access date: 09.01.2023). (In Russ.)

Polonskii I. "Zolotoi vek Somali". Diktatura Siada Barre // URL: <https://s30116489994.mirtesen.ru/blog/43969936007/%C2%ABZolotoy-vek-Somali%C2%BB.-Diktatura-Siada-Barre?ysclid-llwux4998t410548756> (access date: 09.01.2023). (In Russ.)

Sinitin S. Ia. Missiia v Efiopii [The Mission in Ethiopia]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Ayele A. Revisiting Ethnic Politics and the Federal System's Conflict Management Capacity in Post-1995 // African Journal of Governance and Development. 2019. Vol. 8. № 1. P. 234–248.

Berhane S. Rising from Ashes // Ethiopian Business Review. 2019. № 74. URL: <https://ethiopianbusinessreview.net/jigjiga/> (дата обращения: 09.01.2023).

Collective Punishment: War Crimes and Crimes against Humanity in the Ogaden area of Ethiopia's Somali Regional State. Human Rights Watch Report. 2008 // URL: <https://www.hrw.org/reports/2008/ethiopia0608/ethiopia0608webcover.pdf> (access date: 09.01.2023).

Eshete T. The root causes of political problem in the Ogaden, 1942–1960 // Northeast African Studies. 1991. Vol. 13. № 1. P. 22–24.

Lewis I. M. A Modern History of the Somali. 4nd ed. Oxford, 2002.

Mazrui A. The Bondage of Boundaries // IBRU Boundary and Security Bulletin. 1994. № 4. P. 60–63.

Michaelson M. Ethnic Federalism in Ethiopia. Somali Regional State // Institute of Current World Affairs Letters. 1999. № 15. P. 1–16.

Muhammad H. The Ethiopian Federal System. The Formative Stage / ed. D.H. Close. Addis Ababa, 2010. OAU, The Addis Ababa Summit. Addis Ababa, 1963.

Ottaway M. Democratization and ethnic nationalism: African and Eastern European Experiences. Washington, 1994.

Pankhurst R. Economic History of Ethiopia. Addis Ababa, 1968.

Swayne H. G. C. A Trip to Harar and Imé // The Geographical Journal. 1893. Vol. 2. № 3. P. 250–252.

Wolde-Mariam M. Somalia: The problem child of Africa. Addis Ababa, 1977.

²⁷ *Ayele A.* Revisiting Ethnic Politics and the Federal System's Conflict Management Capacity in Post-1995 // African Journal of Governance and Development. 2019. Vol. 8. № 1. P. 236.

DOI: 10.31857/S013038640028932-3

© 2023 г. М.А. ЮСИМ

DE OFFICIO BONI REGIS APHORISMUS. К ПУБЛИКАЦИИ РУКОПИСИ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА «ПОЛИТИКА»

Юсим Марк Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: youssimm@mail.ru

Scopus Author ID: 57215208923; ORCID: 0000-0003-4040-5259

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 23-28-01089 «Как обустроить Россию: советы XVII в. — «Беседы о правлении» Юрия Крижанича (Politika). Исследование, перевод и публикация неизданной латинской части трактата».

Аннотация. Жизнь и творчество Юрия Крижанича (ок. 1618—1683), хорватского писателя-энциклопедиста, католического священника и пропагандиста славянской идеи, не обделены вниманием как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Едва ли не наибольшей популярностью в его обширном творческом наследии пользуется трактат «Беседы о правлении» (*Razgowory ob wladatelystwu*), известный в литературе под условным названием «Политика». Его текст, написанный частью на изобретенном автором «всеславянском» языке, частью на латыни, впервые был опубликован в 1859—1860 гг. П.А. Бессоновым не полностью (три пятых), а в 1965 г. вышло в свет переиздание первой трети рукописи с переводом на русский язык. В отечественной литературе оно рассматривается сегодня как публикация заверщенного трактата, хотя на протяжении полутора столетий не прекращались попытки ввести в научный оборот неизданную часть рукописи, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в виде цитат и отрывков с переводом. Не до конца проясненным остается также вопрос о целостности сочинения: является ли оно незавершенным единым трактатом или совокупностью черновиков разной тематики. В данной статье рассматривается и впервые публикуется текст и перевод латинской главки «Об обязанностях доброго царя», предвещающей всю рукопись и сохранившейся только в фотоконии. Этот отрывок в сжатой форме, в виде комментариев к истории библейского царя Соломона, воспроизводит главные идеи Ю. Крижанича относительно принципов доброго правления. Он иллюстрирует неоднозначность взглядов автора (неприязнь к чужеземцам, идеализация самодержавия, вместе с тем радикальная критика тирании), а также проливает свет на замысел всего произведения.

Ключевые слова: Юрий Крижанич, политические сочинения, просветители, политические представления, публикации, рукописи, Россия, Россия и Запад.

M.A. Youssim

De Officio Boni Regis Aphorismus: On the Publication of Juraj Krizanić's "Politics"

Mark Youssim, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: youssimm@mail.ru

Scopus Author ID: 57215208923; ORCID: 0000-0003-4040-5259

The article was prepared within the framework of the Russian Sciences Foundation project № 23-28-01089 "How to restructure Russia: counsels from XVII century. "Conversations on the rule" of Juraj Krizhanich (Politika). Reseach, publication and translation of the Latin part of the treatise".

Abstract. The life and work of the encyclopaedist, Catholic priest, propagandist of the Slavic idea, Croatian Juraj Križanić (c. 1618–1683) have received considerable attention in historiography. Almost the most popular in his vast creative legacy is the treatise “Razgowory ob wladatelistwu” (“Discourses on Government”), known in literature under its conventional name *Politika* (“Politics”). Its text, written partly in the “all-Slavonic” language invented by the author, partly in Latin, was initially published in 1859–1860 by P.A. Bessonov, who gave not complete edition (3/5). In 1965, the first third of the manuscript was republished and translated into Russian. At present, Russian historiography considers it as a complete edition of the entire treatise, although for a hundred and fifty years numerous attempts have been made to bring into scientific use the unpublished part of the manuscript, kept in the Russian State Archive of Ancient Documents, in the form of quotations and excerpts accompanied by a translation. This publication contains the original text and the first Russian translation of the Latin chapter “On the Duties of a Good King”, which precedes the entire manuscript and survives only in photocopy, as well as the analysis of it. In this fragment, Križanić’s basic ideas about the principles of good government are reproduced in a concise form as a commentary on the story of the biblical King Solomon. The text illustrates the ambiguity of its author’s views (dislike of foreigners, idealisation of autocracy, and, at the same time, radical criticism of tyranny) and sheds light on the intent of the whole work.

Keywords: Juraj Križanić, political writings, educators, political perceptions, publications, manuscripts, Russia, Russia and the West.

Жизнь и творчество Юрия Крижанича (ок. 1618–1683), хорватского писателя-энциклопедиста, католического священника и пропагандиста славянской идеи, не обделены вниманием как в отечественной, так и в зарубежной литературе¹. Едва ли не наибольшей популярностью в его обширном творческом наследии пользуется трактат «Беседы о правлении» (*Razgowory ob wladatelistwu*), известный в литературе под условным названием «Политика»². О сочинениях Крижанича ученые писали еще в XVIII в., что же

¹ Сочинения Крижанича остаются неизменно востребованными в качестве материала для научных публикаций по самым разным отраслям; назовем некоторые из них за последние пять лет: Дианова В.М. Идея славянского единства в воззрениях Юрия Крижанича и ее последующие сторонники // Вече. 2018. № 30. С. 68–79; Рыбас А.Е. «Незаметная мудрость» Юрия Крижанича. Попытка актуализации. Вече. 2018. № 30. С. 80–88; Шестопалов И.И. Долгое открытие: штрихи к истории находок рукописи «О превращении беседы» Юрия Крижанича // Румянцевские чтения — 2018: библиотеки и музеи как культурные и научные центры: историческая ретроспектива и взгляд в будущее. К 190-летию со времени основания Румянцевского музея. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 3. М., 2018. С. 258–265; Его же. Хорватский книжник в сибирской ссылке во второй половине XVII века. О «тобольской библиотеке» Юрия Крижанича // Сфера культуры. 2022. № 4 (10). С. 71–84; Черникова Т.В. Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. статей / отв. редактор С.И. Данченко. М., 2018. С. 7–28; Её же. Тайный католик-хорват Юрий Крижанич в Москве и Сибири // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы X Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2020. С. 85–92; Янин Е.П. Юрий Крижанич и его концепция рационального природопользования в России // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2018. № 7. С. 3–34; Мочалов Е.В. Юрий Крижанич как предшественник идеологии русского мира: к постановке проблемы // Социология. 2019. № 4. С. 218–227; Малинов А.В., Мильчарек М. Идея общеславянского языка: от Ю. Крижанича до В.И. Ламанского // Русин. 2019. Т. 56. С. 34–57; Шпалтаков В.П. Теория Юрия Крижанича и современность // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2019. № 2. С. 71–81; Киселева М. Проект миссии в Московию Юрия Крижанича и дело просвещения иеромонаха Симеона на царском дворе // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 4. С. 1117–1131; Одесский М.П. Между «славянской идеей» и московской картиной мира: случай Юрия Крижанича // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 50–61.

² Название *Razgowory ob wladatelistwu* находится в самой рукописи (судя по публикации П.А. Бессонова, на одной из первых страниц, ныне утерянной) и перевод «Беседы о правлении» наиболее точно передает его смысл, если ориентироваться на хорватский язык. В публикации русского перевода 1965 г. название самого текста также дается как «Беседы о правлении»: Крижанич Ю. Политика / подг. к печ. В.В. Зеленин; пер. и ком. А.Л. Гольдберга; под ред. акад. М.Н. Тихомирова. М., 1965. С. 679. В рукописи есть еще выражения «Политичны думы», «Владательски думы» (с. 302). Слово «Беседы» соотносится с наличием в тексте диалогов. Также см.: Мордухович Л.М. Новое издание

касается «Политики», то впервые ввел ее в научный оборот П.А. Бессонов (1827–1898), филолог-славист, издатель рукописных памятников. В частности, он опубликовал сначала в Приложениях к журналу «Русская беседа» за 1859 г., а затем отдельным изданием этот энциклопедический труд Крижанича о правлении под названием «Русское государство в половине XVII века...»³, но рукопись была переведена и опубликована не полностью, вышли только две части, подготовленные Бессоновым, которые соответствуют примерно трем пятым текста (463 страницы из 778). В первой части преобладает текст на избретенном Крижаничем общеславянском языке, его Бессонов только транскрибировал кириллицей, затем автор все чаще переходит на латынь, которая в изданиях 1859–1860 гг. снабжена русским переводом, сделанным самим П.А. Бессоновым.

В дальнейшем возникли планы завершить издание рукописи «Политики» вместе с недостающей третьей частью в рамках собрания сочинений Ю. Крижанича, начатого Императорским (Московским) обществом истории и древностей Российских (ОИДР)⁴. В ОИДР с инициативой такого издания выступил будущий академик А.А. Шахматов⁵. Параллельно подобный проект пытался осуществить сам П.А. Бессонов⁶, который не дождался осуществления своей идеи, а доведению до конца издания ОИДР помешал недостаток средств⁷ и впоследствии другие события бурной российской истории начала XX в. Судя по материалам, хранящимся в фонде одного из исследователей биографии и творчества Крижанича П.А. Белокурова (1862–1918), подготовка к изданию рукописи «Политики» велась членами ОИДР вплоть до 1918 г., и в ней участвовал филолог П.А. Лавров

«Политических дум» Ю. Крижанича // Советское славяноведение. 1967. № 6. С. 75–78. Название «Политика» восходит к XIX в., в частности к П.А. Бессонову, который сопоставил рукопись с похожими записями в каталоге библиотеки митрополита Сарского и Подонского Павла 1675 г., как полагает А.Л. Гольдберг, ошибочно. См.: *Бессонов П.А.* Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич Неблужский, Явканица, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке. (По вновь открытым сведениям об нем) // Православное обозрение. 1870. Вып. 1. С. 129–159; Вып. 2. С. 338–394; Вып. 4. С. 661–723; Вып. 5. С. 854–871; Вып. 11. С. 646–702; Вып. 12. С. 800–830; *Гольдберг А.Л.* Комментарий к переводу // Крижанич Ю. Политика. С. 703.

³ *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. (Приложение к № 1–6 «Русской беседы» за 1859 г.) / открыл и издал П. Бессонов; *Его же.* Русское государство в половине XVII в. Рукопись, открытая и изданная П.А. Бессоновым. Ч. I–II. М., 1859–1860.

⁴ *Крижанич Ю.* Собрание сочинений. Вып. 1–3. М., 1891–1892. «Политика» в это издание не вошла.

⁵ *Ишутин В.В.* Проект А.А. Шахматова об издании собрания сочинений Юрия Крижанича // Археографический ежегодник за 1984. М., 1986. С. 303–309; *Его же.* Изучение и издание произведений Юрия Крижанича в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ОИДР) в 19 в. // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae dissertationes slavicae. Slavistische Mitteilungen. Материалы и сообщения по славяноведению. Sectio linguistica XXII. Szeged, 1991. С. 113–123. См. также: *Воробьева И.Г., Штыков Н.В.* Письма А.А. Шахматова об издании сочинений Юрия Крижанича // Петербургские исследования. 2016. № 6. С. 271–281.

⁶ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 56. Д. 67. Представление П.А. Бессонова в ОИДР и письма об издании его трудов с планом. Бессонов еще в 1884 г. приступил к собственному изданию собрания сочинений Крижанича в шести томах, но дело ограничилось первыми двумя, содержавшими неоконченное «Жизнеописание» героя и переиздание почти без изменений первой части «Политики» («Русское государство в половине XVII в.»). Об этом «едва ли кому известном» издании сообщает С.А. Белокуров, у которого был его экземпляр: *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (по новым документам). Вып. 1–3. М., 1901–1909. С. 118 (нумерация выпусков сквозная, поэтому далее они не указываются). И. Голуб также упоминает это издание, первую часть которого он датирует 1882 г.: *Golub I.* Juraj Krizanič – tržitelj mudrosti // Prilozi. 1994. № 39–40. С. 26. К публикации собрания сочинений Ю. Крижанича по инициативе ОИДР П.А. Бессонов «отнесся несочувственно и пробовал даже удержать Общество от исполнения его». См.: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 125.

⁷ *Ишутин В.В.* Проект А.А. Шахматова... С. 308 и прим. 20.

(1856–1929)⁸, который занимался переписыванием «Политики» еще за 30 лет до этого⁹. Но и данная публикация не состоялась.

Позднее попытки изучения и публикации оставшейся части (две пятых) текста предпринимались неоднократно. Еще в 1912 г. историк политической мысли В.Е. Вальденберг (1871–1940) широко использовал в своей монографии «Государственные идеи Крижанича» цитаты из всей рукописи «Политики», включая ее неизданную часть, а затем неоднократно (в 1915 и 1934 гг.) предлагал вернуться к изданию полного собрания сочинений ученого, начиная именно с «Разговоров об владательстве»¹⁰. В 1950-е годы рукописью «Политики» занимались Л.М. Мордухович и А.Л. Гольдберг. Историк экономики Л.М. Мордухович издал несколько отрывков, назвав их отдельными трактатами (точнее, «нечто вроде трактатов»): «Беседа о клевете, о злословии, лести и пустой славе», «Вопросы казны», «О недопустимости растраты хлеба», «О рабстве»¹¹. Наконец, в 1965 г. тот текст, который в середине XIX в. был обнародован П.А. Бессоновым в первой части его монографического издания, около трети рукописи, вышел в переводе на русский язык, сделанном А.Л. Гольдбергом; он воспроизвел оригинальное написание латиницей (Бессонов, как было сказано выше, транслитерировал славянский язык кириллицей) и снабдил публикацию своими комментариями. Эта книга, палеографическое описание в которой выполнил В.В. Зеленин, а предисловие составил М.Н. Тихомиров, получила название «Политика» и стала широко распространенной, имела несколько переизданий, в результате сложилось мнение, что это, собственно, и есть завершённый трактат Ю. Крижанича, написанный в апреле 1663 – октябре 1664 г.¹² А.Л. Гольдберг придерживался мнения о том, что рассматриваемая рукопись является сборником относительно самостоятельных произведений, открывающимся отдельным и более или менее завершённым трактатом «Политика»¹³. Другие исследователи полагали, что весь текст представляет собой определенное единое целое и относится к незаконченному трактату¹⁴. Поэтому в одних случаях название «Политика» (как и «Беседы о правлении», «Политические думы» и т.п.) относят ко всей рукописи, а в других – только к ее первой трети. Впрочем, разногласия на этот счет не столь велики, поскольку с точки зрения содержания, времени и целей написания, внутреннего соотношения разделов рукописи ее общая связность не

⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 184. Д. 1410. Л. 294 с записью об отсылке рукописного текста П.А. Лаврову в Пермь 30 июня 1918 г. Там же верстка указателя к первой части «Политики» на всеславянском языке (л. 286–293).

⁹ Ишутин В.В. Проект А.А. Шахматова... С. 304.

¹⁰ Вальденберг В.Е. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912; Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Ф. 346. Оп. 1. Д. 43.

¹¹ Мордухович Л.М. Из рукописного наследия Ю. Крижанича // Исторический архив. 1958. № 1. С. 154–189, цитата на с. 155; *Его же*. Неопубликованный трактат Юрия Крижанича // Советское славяноведение. 1966. № 2. С. 66–70; *Его же*. Юрий Крижанич о «рабстве» // Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. 33. Л., 1979. С. 143–155. При этом сам Л.М. Мордухович полагал, что все эти «трактаты» являются частью чернового текста «Политики» в целом.

¹² На с. 728 рукописи имеются отсылки на 173 и 174 г., что соответствует 1665–1666 гг. и свидетельствует о продолжении работы над рукописью в это время. Ср.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 218; Мордухович Л.М. Из рукописного наследия Ю. Крижанича. С. 158. Примечательно, что на с. 721–730 располагается раздел «О причинах побед и поражений» (*De causis victoriarum et cladum*), из которого, очевидно, родилось следующее крупное сочинение Крижанича «О Промысле Божиим», носящее именно такой подзаголовок и написанное в мае 1666 – октябре 1667 г. См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 220.

¹³ «Можно предположить, что Крижанич, написав «Беседы о правлении», считал свою работу законченной и подготовил ее беловой список для отправки в Москву. Однако этому намерению не суждено было сбыться, и, не найдя способа отправить книгу московским властям, Крижанич, накопивший за время работы над «Беседами» немало мыслей о сущности и задачах государственной власти, о состоянии России и славянства и т.д., стал излагать эти мысли в новых сочинениях, приплетая все новые и новые тетради к рукописи «Бесед о правлении». См.: Гольдберг А.Л. Комментарии к переводу. Предисловие // Крижанич Ю. Политика. С. 702.

¹⁴ Мордухович Л.М. Юрий Крижанич о «рабстве» // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979. С. 142–143; *Его же*. Новое издание «Политических дум» Ю. Крижанича. С. 76. Ср.: Jagić V. Život i rad Jurja Križanića. Zagreb, 1917. S. 151, 281.

вызывает ни у кого сомнения, вопрос лишь в степени этой связности, особенно с точки зрения планов автора.

Затрудняет оценку степени завершенности трактата то, что Крижанич делал всевозможные поправки, зачеркивания, вставки и перестановки, которые первый издатель «Политики» П.А. Бессонов пытался учесть и, следуя примечаниям автора, продолжить ее редактирование. Как бы то ни было, навряд ли можно считать первую часть рукописи беловым текстом¹⁵. Возможно, Крижанич вначале собирался написать отдельный тщательно оформленный текст, но в дальнейшем стал вносить в него правку и перешел на стиль скорее черновика, так, например, он перестал подписывать сокращенные названия разделов на каждой странице¹⁶. При этом очевидно одно: завершив работу над условной первой частью, которая в имеющихся публикациях заканчивается, можно сказать, даже обрывается диалогом двух героев, Бориса и Хервоя, на 283-й странице, Крижанич продолжил ее, делая записи разного объема, в большей или меньшей степени соотносящиеся с содержанием предыдущих и явно черновых: здесь больше зачеркиваний, вставок и знаков переноса в другие места.

В 1985 г. коллективом авторов в составе А.Л. Гольдберга (1922–1982), Ю.П. Аввакумова, А.С. Белоненко и В.Г. Карцовника был издан еще один отрывок этой части рукописи под названием «Трактат о музыке»¹⁷. У Крижанича он озаглавлен «Политическая ересь 16» и является одним из очерков этой серии, которая, может быть, составляла ядро первоначального плана автора или была включена в него¹⁸. Об этом свидетельствует и замечание относительно будущей критической книги «О славянских делах», находящееся в п. 7 публикуемого ниже рукописного текста.

Таким образом, на сегодняшний день в том или ином виде опубликовано примерно две трети рукописи Ю. Крижанича, из которых переведена на русский язык половина, т.е. треть от всей рукописи, известная как трактат «Политика» (переводы на иностранные языки также ограничиваются в основном этой частью¹⁹).

Из высказываний самого Крижанича следует, что он собирался поднести свое сочинение царю, хотя непонятно, каким образом тот смог бы его прочитать. Может быть, Крижанич рассчитывал, что изобретенный им всеславянский язык будет понятен образованным русским; поэтому начальная часть писалась в основном на этом языке. Намерения ученого и католического священника с этой точки зрения объяснимы: находясь в ссылке, хотя и в приемлемых условиях, как бы на службе²⁰, он хотел, во-первых, вернуться в Москву, во-вторых, получить более ответственную «службу», и в-третьих, изложить свои, как

¹⁵ См. замечания к изданию 1965 г. в статье: *Мордухович Л.М.* Новое издание... С. 76–78. Беловые копии для Крижанича делали переписчики. Помимо всего прочего, навряд ли экземпляр, предназначенный для царя, был бы написан на латинице. П.А. Бессонов полагал, что ««Политики» явилось в Москву два экземпляра... Первый не дошел до нас, второй был у государя, но третьего — списка белового — мы также не имеем». *Бессонов П.А.* Указ. соч. С. 136.

¹⁶ *Зеленин В.В.* Рукопись «Политики» // Крижанич Ю. Политика. С. 695.

¹⁷ *Гольдберг А.Л., Аввакумов Ю.П., Белоненко А.С., Карцовник В.Г.* Трактат о музыке Юрия Крижанича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 356–410.

¹⁸ «Первоначально ученый задумал начать свой труд с «политических ересей»... Работая над произведением, он меняет план и помещает «Раздел о политических ересьях и тайнах» на с. 149 рукописи». См.: *Мордухович Л.М.* Юрий Крижанич о «рабстве». С. 143 (149, по-видимому, опечатка вместо 419). П.А. Бессонов, приступая к своему изданию, говорил о том, что разделы о ересьях, начинаясь условно со с. 293, равняются «целой книге» и составляют основное содержание второй половины рукописи. *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XVII века... // Русская беседа. 1859. Приложение к № 4. С. VII–VIII; к вып. 6. С. VII.

¹⁹ *Križanić J.* Politika ili Razgovori o vladalaštvu. Preveo s ruskog M. Malinar. Uvod V. Bogdanov. Zagreb, 1947; *Idem.* Politika. Preveli M. Malinar, R. Venturin. Uvodna studija A. Pažanin. Zagreb, 1997; Russian Statecraft: The Politika of Iurii Krizhanich / transl. and eds J.M. Letiche, B. Dmytryshyn. Oxford; New York, 1985; Gespräche über die Herrschaft (Politika, Auswahl) // Deutsche und Deutschland aus russischen Sicht / hrsg. v. D. Herrmann. Bd. I. XI–XVII Jahrhundert. München, 1988. S. 254–273.

²⁰ См.: *Пушкарёв Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984. С. 124, 151.

он, несомненно, считал, ценные и полезные для России и русского царя советы — идея, не оставлявшая его с давних пор²¹.

С известной долей преувеличения можно назвать поступки, вызванные к жизни этим последним мотивом, «синдромом советника», хотя речь не идет о каком-то болезненном состоянии. Но это определенное устойчивое побуждение к действиям, которые для самих подателей советов, особенно непрошенных, могут заканчиваться плачевно, поскольку сильные мира сего обычно не любят, когда их наставляют и поучают. Один из таких случаев описан П.Ю. Уваровым в статье о юристе Рауле Спифаме, который издавал от имени французского короля Генриха II законы и постановления, регламентирующие очень многие стороны жизни французского общества середины XVI в.²² Спифама могли признавать за безумца, хотя некоторые из его начинаний совпали с действительно осуществленными реформами²³. Вероятно, к числу непрошенных советников или советчиков можно отнести и старшего современника Спифама Никколò Макиавелли, который преподнес специально написанный им трактат «Государь» правителю Флоренции из семейства Медичи в расчете на то, что его оценят и примут на службу; правда, в тот момент его надежды не сбылись. В России из числа таких советчиков можно вспомнить Ивана Пересветова²⁴, обращавшегося к Ивану Грозному с челобитными по поводу своих невзгод и одновременно с предложениями, которые также отчасти были реализованы, скорее всего, независимо от подателя. В истории России можно найти немало таких примеров: если к советникам не прислушивались или они не рассчитывали, что к ним прислушаются, они иной раз становились революционерами (см. мою монографию: «Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти столетий»)²⁵. Но следует заметить, что, хотя авторы невестребованных рекомендаций оставались при жизни не у дел, их сочинения зачастую обеспечивали им посмертную славу, как случилось со всеми вышеназванными писателями, от Пересветова до Крижанича.

Юрию Крижаничу, согласно преобладающей сегодня точке зрения, не удалось представить царю свой труд, над которым он работал в пятнадцатилетней сибирской ссылке на протяжении почти четырех лет, с 1663 по 1666 г. Тем не менее он продолжал эту работу, дополняя текст все новыми очерками и набросками, которые во многих случаях являются перепевами уже намеченных тем. В рукописи имелись и начертания планов сочинения, и указатели к нему, которые, впрочем, в оригинале не сохранились. Как утверждает В.В. Зеленин, к первоначальным 39 тетрадам было приплетено еще две, в основном содержащие указатели²⁶. На первых двух листах имелся текст, который П.А. Бессонов счел «малозначащим» и исключил из своей публикации²⁷, — это и есть (если перевести заглавие буквально) «Афоризм об

²¹ Ученые XIX в. считали это намерение Крижанича навеянным западными нравами: См.: *Бессонов П.А.* Указ. соч. С. 360; *Маркевич А.* Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Историко-литературный очерк. Варшава, 1876. С. 82.

²² *Уваров П.Ю.* История и исторические источники в трактате Рауля Спифама *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata* // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени. М., 2019. С. 76–85.

²³ Там же. С. 76.

²⁴ Ср.: *Schneck S.* Political thinking in Moscow in the sixteenth and seventeenth centuries. *Peresvetov, Krizanic and the grammatisation of knowledge* // *Cahiers du monde russe*. 2005. № 1–2. Vol. 46. P. 327–336.

²⁵ Переиздание в составе: *Юсим М.А.* Макиавелли. Мораль. Политика. Фортуна. М., 2011. Итальянский перевод: *Youssim M.* La fortuna di Machiavelli in Russia. *Morale e politica durante cinque secoli*. Aracne; Roma, 2019.

²⁶ *Зеленин В.В.* Указ. соч. С. 695. Указания на число и порядок страниц рукописи у разных авторов (П.А. Бессонов, С.А. Белокуров, Л.М. Мордухович) разнятся. В описи стоит цифра 416 листов, повторенная и В.В. Зелениным, но имеющиеся на сегодня 778 страниц соответствуют 389 листам, с двумя пустыми — 391. 24 листа в начале утрачены, если их прибавить, получается 415 листов.

²⁷ См.: *Мордухович Л.М.* Из рукописного наследия Ю. Крижанича. С. 155. Сам Бессонов пишет следующее: «На 1-м и 2-м Юрий воспользовался лишними белыми листами и поместил отрывочную статью: *De officio boni Regis, Aphorismus*». См.: *Бессонов П.А.* Указ. соч. С. 357. Прим. 1. Ср.: С. 340–341.

обязанностях доброго царя». По содержанию он может претендовать на некое резюме всего труда Ю. Крижанича, посвященного тому, как правильно управлять государством, точнее монархией, которую он считал наилучшим государственным строем. Слово «афоризм» в данном случае можно перевести как «изречение», хотя в этом тексте находится не один афоризм или изречение, а несколько. Слово «царь» лучше всего подходит для русского перевода, сам Крижанич его использовал, несмотря на свою нелюбовь к нему ввиду его римского происхождения — Римскую империю и ее основателя он не жаловал²⁸. Он считал, что правильнее употреблять название «король», по его мнению, изначально славянское²⁹.

В целом, раздел, находившийся на первых страницах дошедшей до нас рукописи «Разговоров об владательству», представляется весьма значимым, и в данной статье предлагается его латинский текст и русский перевод. Сама рукопись, хранящаяся в РГАДА (фонд 381, Собрание Московской синодальной типографии, е.х. 1799), была названа по имени этого раздела, во всяком случае, на корешке переплетенного тома был помещен титул *De officio boni regis Aphorismus*; вероятно, это сделал известный книжник Сильвестр Медведев, к которому она попала после отъезда Крижанича из России в октябре 1677 г.³⁰ Любопытно, что на последней странице рукописи имеется частично стершаяся латинская цитата, записанная, по всей видимости, рукой Медведева³¹: *Maius malum est ex libero servum fieri quam nasci. Ambros*³² («Худшее зло будучи свободным сделаться рабом, чем родиться»); возможно, эта цитата-заметка навеяна размышлениями над судьбой Крижанича и его текстом³³. Впрочем, Крижанич признавал законным именно добровольный переход в рабство свободного человека³⁴ — если это запись Медведева, то он, видимо, не соглашается с тезисом автора трактата.

В оригинальной рукописи РГАДА текст «Афоризма» отсутствует; он еще был в наличии в начале прошлого века, когда его использовал В.Е. Вальденберг, также он воспроизводился в фото- и рукописной копиях, хранящихся в собрании П.А. Белокурова. Вероятно, этот текст вместе с указателями (Казала) был утерян после 1918 г., когда подготовка к публикации прервалась. Копии указателей сохранились в фонде А.А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук³⁵.

Таким образом, публикуемый здесь текст (в нем есть помарки и трудночитаемые места) транскрибирован с помощью вышеупомянутых фотокопий и рукописной копии.

²⁸ См.: *Крижанич Ю.* Политика. С. 630–633. В неизданной части рукописи этой теме посвящено несколько разделов, см.: *Гольдберг А.Л.* Предисловие. С. 702; *Мордухович М.Л.* Из рукописного наследия Ю. Крижанича. С. 155. Также см.: *Крижанич Ю.* Собрание сочинений. Вып. 2. М., 1892. (Толкование исторических пророчеств.)

²⁹ «Царь Иван поступил нехорошо и неправильно, когда пренебрег славянским именем “король”, подобающим высшему после бога правителю, и принял чужое, неподходящее, негодное и несвойственное высшей власти римское имя “ЦАРЬ (Cár)”». *Крижанич Ю.* Политика. С. 627. Ср.: Там же. С. 629: «Мы хотим изъять из нашего титула чужеземное слово “царь” и отныне [будем] именоваться славянским названием “король (Kral)”». Ср.: *Левочская А.С.* «Câr» и «Krâly»: Размышления Юрия Крижанича о монарших титулах // *Славяноведение*. 2010. № 5. С. 65–72.

³⁰ *Безсонов П.А.* Указ. соч. С. 340–341.

³¹ Почерк совпадает с владельческой записью «Полонолатинская о разделах». Ср.: Там же. С. 358.

³² Благодарю рецензента за указание на источник цитаты: *Ambrosiaster. Commentaria in Epistolam ad Galatas*. Migne Patrologia Latina. T. 17. Cap. V. Vers. 2. Цит. по: URL: [https://la.wikisource.org/wiki/Commentaria_in_Epistolam_ad_Galatas_\(Ambrosiaster_\(дата_обращения:_27.09.2023\)\)](https://la.wikisource.org/wiki/Commentaria_in_Epistolam_ad_Galatas_(Ambrosiaster_(дата_обращения:_27.09.2023))). В рукописи фраза уже полустерта, в статье Бессонова (*Безсонов П.А.* Указ. соч. С. 358) она разобрана неудачно и так же цитируется в статье: *Мордухович Л.М.* Из рукописного наследия Ю. Крижанича. С. 157–158.

³³ Раздел рукописи «Политическая ересь 7» опубликован под названием «О рабстве»: *Мордухович Л.М.* Юрий Крижанич о «рабстве». С. 143–155.

³⁴ См.: *Пушкарёв Л.Н.* Указ. соч. С. 164–165; *Мордухович Л.М.* Юрий Крижанич о «рабстве». С. 146 и приложение.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 2. е.х. 275.

Содержание данного раздела рукописи сводится главным образом к критике премудрого библейского царя Соломона; в других разделах его мысли и поступки иногда приводятся в качестве положительных или нейтральных примеров³⁶, но большей частью повторяющих те же критические оценки, которые находятся в «Афоризме»³⁷. Внушенной демоном Крижанич считает практику брать в жены чужестранок: враждебность к иностранцам является одним из лейтмотивов сочинений русского и славянского патриота, очень отрицательно относившегося к «чужебесию». Далее автор критикует чрезмерное налогообложение, стяжание золота и серебра и злоупотребление роскошью. Он перечисляет шесть пунктов кодекса доброго монарха, обеспечивающих любовь подданных, а затем несколько подробнее говорит о том, что царю следует не проявлять излишней щедрости, раздавать привилегии умеренно и убедить всех в том, что монархия есть самый лучший и необходимый для «нашего народа» (России) образ правления. Для чего Крижанич предлагает, как уже говорилось выше, написать книгу «О славянских делах» (*De rebus Sclavinicis*), в которой будут разобраны политические ереси и заблуждения русского народа, привнесенные чужестранцами. Это очень важное уточнение, которое может пролить свет на вопрос о замысле и этапах работы Ю. Крижанича над рукописью. Либо он изначально хотел так озаглавить весь свой труд, который впоследствии был назван им «Разговоры об владательстве», либо это название относится ко второй, отдельной книге, имеющей собственное вступление и посвященное именно критике заблуждений и ересей³⁸. По содержанию оно примерно соответствует продолжению рукописи, частично опубликованному П.А. Бессоновым (второй том его издания). Если первая треть, к которой сводят сегодня обычно содержание всего трактата «Политика», говорит о том, на чем, по мнению авторитетных писателей, зиждется благо государства (о богатстве, силе и мудрости)³⁹, то далее автор приступает к описанию недостатков, хотя многие мысли повторяются, как уже отмечено выше, во всех этих условных частях изначально, возможно, цельного труда. Ближе к середине начав раздел о политических ересьях, Крижанич приводит его план (с. 419–420), в котором есть загадочная отсылка к странице 802, по поводу чего П.А. Бессонов замечает: «А до этой страницы даже и не дошла рукопись»⁴⁰.

Когда же был написан «Афоризм»? Слова Крижанича о том, что книгу «О славянских делах» и о ересьях нужно написать, не противоречат тому, что она могла быть вчерне уже подготовлена в виде его набросков во второй и третьей условных частях рукописи⁴¹. В таком случае она могла быть задумана как продолжение или дополнение первой части о добром правлении или как вариант единого текста, который автор намеревался поднести

³⁶ В первой части рукописи повторяются примеры, связанные с накоплением золота и серебра, с мудростью и богатством. *Крижанич Ю.* Политика. С. 384, 455, 566.

³⁷ По поводу женитьбы на чужестранках, недопустимости завышения налогов и тиранства: Там же. С. 528, 577. Во 2-й части издания Бессонова о притеснении народа (с. 238), о пагубности наслаждений (с. 267, 315).

³⁸ В Оглавлении, приплетенным к рукописи позднее, все предисловия, включая то, с которого она начинается, помещены после 36 раздела, что соответствует началу 2-й части издания Бессонова. См. его предисловие: *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XVII века... // Русская беседа. 1859. Приложение к № 4. С. VI. Ср.: *Мордухович Л.М.* Новое издание... С. 75–76.

³⁹ В рукописи первый раздел этой части носит название *Ob Blagu* и в русском переводе так и озаглавлен (О благе, с. 377). Однако в оглавлении она называется «О богатстве» (с. 733), видимо, это один из предварительных вариантов перевода (ср.: с. 705); в издании П.А. Бессонова название «Об благу» прокомментировано так: «Благо здесь разумеется — деньги, общее — имущество» (с. 1). В подразделе предисловия, названном «Разделение сочинения», говорится о трех мирских благах: богатстве, силе и мудрости, а чуть ниже о «четырех столпах государства: о благочестии, богатстве, силе и мудрости». *Крижанич Ю.* Политика. С. 374.

⁴⁰ Русское государство в половине XVII в. Ч. I. С. 282. В реальности в рукописи было более 800 страниц, так как в начале ее были приплетены (как пишет В.В. Зеленин) указатели на 24 листах, имевшие отдельную пагинацию. Но мог ли автор в середине своей работы над рукописью иметь это в виду и точно указывать страницу?

⁴¹ Так же можно толковать и слова из п. 4 о том, что положение дел в России будет рассмотрено в другом месте.

царю. Над указателями он должен был работать по завершении труда или хотя бы в процессе его написания, для облегчения последующей редакции. Таким образом, «Афоризм» может относиться к поздней стадии работы над «Политикой», когда составлялись и указатели (в которых он не упомянут), хотя и то и другое в итоге было помещено в начале.

* * *

«Афоризм» занимал первые два листа рукописи, на втором листе (под цифрой 2) находились всего две фразы: утверждение о том, что демократия служит бедным к ущербу для богатых⁴². По всей вероятности, это обрывок другого раздела или продолжение после некоего разрыва этого же раздела о формах правления, которое заканчивается фразой о том, что олигархия служит богатым; общий вывод — ни то, ни другое (в отличие, надо полагать, от монархии) не имеет целью общего блага. Здесь же есть ссылка на книгу III, главу 7 и лист 117 какого-то неназванного труда, наиболее вероятно, что это «Комментарии к Политике Аристотеля»⁴³ Фома Аквинского, в III книге и VI (но не VII) главе которых есть следующий текст: «Олигархия же тяготеет к пользе для богатых. А демократия — к пользе для бедных; но из них ни одна не имеет в виду общей пользы» (*Oligarchia vero est tendens ad utilitatem divitum. Democratia vero ad utilitatem pauperum: nulla vero earum intendit ad utilitatem communem*). Следует еще заметить, что именно на этом разделе (*Lectio*) труда авторство Фомы заканчивается, и, как принято считать, следующие разделы написаны уже Петром Овернским⁴⁴. В публикации 1965 г. есть только одна цитата из сочинений Фомы Аквинского, идентифицированная А.Л. Гольдбергом по изданию XVII в.⁴⁵

В нижеследующих текстах звездочками отмечены отрывки, цитированные В.Е. Вальденбергом в его монографии⁴⁶. В скобках зачеркнутые и добавленные варианты.

De officio boni regis Aphorismus

1. Salomon celebratur ob sapientiam quae in eo fuit maxima: quia non per doctrinam acquisita, sed a Deo miraculose ei fuit infusa.

Verum tanta illa sapientia non ad bonum, sed ad (зач. malum) maxima mala, et ad contumeliam sui Creatoris sapientia abusus est⁴⁷: ita ut pauca de eo scripta sunt, quae debeant reges imitari et plura vero, quae debeant abominari ac devitare.

Taceo hic de ejus idololatria quae fuit postremus insaniae gradus

Io *Salomon abusus est sapientia: id est, abiecit sapientiam illam, quae ei erat a Deo infusa, et secutus est diaboli sapientiam in eo quod ducit uxores alienigenas, scilicet regis Egypti filiam (сверху et alias). Cogitabat enim: (iuxta demonis politicam:) sibi tanquam regi uxorem deberi regis filiam: et se non satis honoratum, nec satis nobilem regem fore, nisi haberet regiam filiam ad uxorem. Et (сверху non) curabat legem Dei quae prohibeat alienigenam duci uxorem* et praedicat⁴⁸: Certemini ne enim seducent corda vestra, ut colatis deos alienos: quod et contigit Salomoni.

⁴² На обороте этого листа (на фотокопии помечено как 3о) находился латинский текст, взятый П.А. Бессоновым в качестве эпиграфа к его изданию и помещенный с переводом на титульных листах первой и второй частей публикации: «Pro patrocinio gentis communis... В защиту народа и т.д.». См.: *Бессонов П.А.* Указ. соч. С. 357.

⁴³ В поздравлении царю Федору Алексеевичу по случаю его венчания на царство в июне 1676 г. Крижанич предлагал царю свои услуги для перевода самого текста «Политики» Аристотеля, см.: *Пушкарев Л.Н.* Указ. соч. С. 157–158. Там же о том, что в этом послании много цитат из «Книги премудрости Соломоновой».

⁴⁴ *Cranz E.* The publishing history of the Aristotle commentaries of Thomas Aquinas // *Traditio*. 1978. Vol. 34. P. 157.

⁴⁵ *Гольдберг А.Л.* Комментарии к переводу. С. 716 (прим. 6 к разд. 15).

⁴⁶ *Вальденберг В.Е.* Указ. соч. С. 70, 74, 131, 181, 252.

⁴⁷ *Сверху: Sapientiam a Deo sibi datam sprexit et sapientiam demonis secutus est.*

⁴⁸ Ср.: *Cassianus, Collationes*. P. 1, Coll. 8, Cap. XXI: *Filiam tuam non dabis filio eius uxorem, nec de filiabus eorum accipies filio tuo, qui seducent corda vestra, ut discedatis a Deo vestro, et sequamini deos*

20⁴⁹ Secundo Salomon abiecit veram ac divinam et secutus est humanam sapientiam, sed potius stultitiam in eo quod non secus quam saevissimus tyrannus a populo exigebat tributa; idque citra necessitatem, utpote cum nonnulla haberet bella: et quasi avarissimus mercator, aut crudelissimus faenerator omnem spem suam immersit in curam congregandi thesauri: et effecit, ut tanta esset copia ac vilitas argenti Ierosolimae, sicut est lapidum in plateis. (Свєрху: et ita merito deceptus est: quia dum crevit multitudo argenti, decrevit eique pretium, et factum est vile, quam aes). Etsi cogitavit legem Dei: quae praecipit, ne rex possideat auri atque argenti immensa pondera.

30⁵⁰ Tertia Salomonis stultitia fuit in eo quod in fabricatione domorum ac hortorum; in splendore vestium et omnis suppellectilis, in multitudine uxorum: et in omnibus aliis rebus quae ad voluptatem pertinent, nullum modum neque finem ponebat; et ita se totum tradebat voluptatibus, ut nullam de futura vita cogitationem habere videretur. Et suo exemplo suos proceres et totum populum ad id faciendum inducebat.

(2) (1o)

4. Consideratis breviter Salomonis stultitiis, quaeritur: Quod est ergo boni monarchae officium? Respondetur: Omissis nunc principiis universalibus, *Officium boni monarchae est Terram replere hominibus: 2 dispersos congregare 3. Seductos et alienatos ad fidem et amorem reducere 4. Discolos, licentiosos, maleficos et inobedientes punire, 5 Bonos praemiare, 6 Totius gentis in co/mmuni honorem conservare et non prostituere. Summa summarum; ita (rex debet) regnare; ut ab omnibus suae gentis hominibus ametur*.

Quomodo ista omnia observentur in Russia, alias videndum.

5. *Rex non potest esse liberalis multa donando ac profundendo; sed potius erit liberalis, si nihil avare eripiat a subditis. Nihil enim possit rex donare uni, quod non accipiat prius ab altero, aut a multis. Ac perinde melius est temperare sibi in donationibus et (non necessariis) splendoribus, quam vexare populum non necessariis exactionibus⁵¹.*

6. (Rex) debet dare varia privilegia suis proceribus aliisque meritis ordinibusque hominum. Verum non illo modo debent dari privilegia, quo data est apud Germanos et postea apud Lechos; ut scilicet subditi erripiant sibi dominatus et excutiant obedientiam, et gens tota decutiantur/?/ in faedam anarchiam.

/Зачеркнуто: Ita igitur debent dari privilegia/ Debent igitur dari privilegia per modum provisionis, non per modum iuris ita ut in potestate regis sit semper ea tollere aut mutare. Et ut illi quibus commissa sunt privilegia, nihil iuris sibi inde arrogant, sed recognoscant omnia tamquam gratiam regis datam usque ad regis beneplacitum. Et ut privilegiati nihil magis exinde sese elevent, aut superbiant: sed tantum, ut ceteri inferiores eos honorent (зач. honore) in debito honore*.

7. *Ad tranquillationem universae gentis nihil ita necessarium est, quam persuadere omnibus monarchiam non solum esse optimum regimen, sed etiam nostrae gentis absolute necessariam ad bonum ac felicem statum. Vide fol. 678. Haec (autem) persuasio fieri debet per librum cui titulus esse potest De rebus Sclavinicis. In eo varia tractari debent: de haeresibus politicis et de variis nostrae gentis deceptionibus, quibus decipimur ab alienigenis*.

(3) 2. Spectans ad commodum divitum: Democratia vero ad utilitatem egenorum cum iniuria divitum. Communem autem utilitatem nulla harum declinationum habet sibi propositam. L.3.c.7.f.117.

Афоризм (суждение) об обязанностях доброго царя

1. Соломона хвалят за отличавшую его превеликую мудрость, ибо он приобрел ее не учением, но она была чудесно вложена в него Богом.

Однако поскольку всю эту мудрость он использовал не во благо, но (во зло) на множество зол (в величайшее зло) и в поношение своего Творца⁵², то немногому из написанного о нем короли должны подражать, многого же должны гнушаться и избегать.

earum, ac serviatis eis. Цит. по: URL: <http://www.monumenta.ch/latein/text.php?table-Cassianus> (дата обращения: 23.03.2023). Кассиан, в свою очередь, частично цитирует Второзаконие (7:3–4).

⁴⁹ На поле: Spem totam misit in thesauros et ex rege factus tyrannus et mercator (est).

⁵⁰ На поле: Voluptatibus se immersit.

⁵¹ На поле: # Quid praestabilis est, ut tres, aut 5, aut 10 te laudentes benedicant, ob accepta ingenia munera, totus autem populus maledicat, an potius ut omnes benedicant et nemo maledicat?

⁵² Вставка: «Он презрел мудрость, данную ему Богом, и последовал демонской мудрости».

Умолчу здесь о его идолопоклонстве, которым он был проникнут в высшей степени.

Io /1./ Соломон злоупотребил мудростью, то есть отверг ту мудрость, которая была вложена в него Богом, и последовал за мудростью дьявола, тем что брал в жены чужестранок и дочь египетского царя. Он считал (согласно демонской политике), что ему, как царю, подобает взять в жены царскую дочь, и если его жена не будет царской дочерью, его царское звание будет недостаточно благородным и достойным. Он не соблюдал закон Божий, который запрещает брать в жены чужестранку и предписывает: старайтесь, чтобы не соблазняли сердца ваши к почитанию чужих богов, что и случилось с Соломоном⁵³.

2о⁵⁴ Во-вторых, Соломон отверг истинную и божественную мудрость и предпочел человеческую мудрость, а вернее глупость, поскольку, как настоящий свирепый тиран, взыскивал с народа налоги даже без необходимости, особенно когда вел войны; и как алчный купец или жестокий ростовщик все свои помыслы устремил на собирание сокровищ и добился того, что в Иерусалиме было столько дешевого серебра, сколько камней на площади. (Сверху — и тут он ожидаемо ошибся, ибо пока накапливалось множество серебра, снижалась его цена, и оно стало не дороже меди). Хотя он знал закон Божий, который предписывает, чтобы у короля не было огромного количества золота и серебра.

3о⁵⁵ Третья глупость Соломона состояла в том, что он не знал меры и границ в сооружении жилищ и садов, в роскоши одежд, всяческой утвари, множестве жен и всех прочих вещей, служащих наслаждению. Настолько он был предан наслаждениям, что, по-видимому, не имел никакого помышления о грядущей жизни, и своим примером склонял к тому же своих вельмож и весь народ.

4. Рассмотрев вкратце глупости Соломона, спросим: какова же обязанность благого монарха? Ответ (опустив пока общие принципы): *обязанность благого монарха состоит в том, чтобы наполнять землю людьми; 2) собирать рассеянных; 3) соблазненных и отверженных склонять к вере и любви; 4) наказывать строптивых, распущенных, дурных и непокорных; 5) награждать добрых; 6) хранить честь всего народа и не выставять ее на позор. Общий вывод: царь должен править так, чтобы все люди его любили*.

Как все это соблюдается в России, увидим в другой раз.

5. Царь не может быть щедрым, раздавая многие подарки и растрачивая средства; он скорее проявит щедрость, если не будет алчно обирать подданных. Ведь царь никому не может ничего подарить, не забрав этого прежде у другого или у многих. Также предпочтительнее ограничивать себя в дарениях и ненужной роскоши, чем терзать народ излишними поборами⁵⁶.

6. Царь должен наделять различными привилегиями своих приближенных и людей других сословий, если они того заслужили. Однако не следует раздавать привилегии так, как это делается у немцев и затем у поляков, то есть когда подданные становятся господами и перестают подчиняться, так что весь народ впадает в отвратительную анархию.

Итак, привилегии следует давать на время, а не по праву, так, чтобы у царя всегда была возможность отобрать их или изменить, и так, чтобы те, кому даны привилегии, не превратили их в свое право, но понимали, что все это получено по милости царя на то время, пока ему будет угодно. А также чтобы получившие привилегии не слишком возвысились и возгордились, но лишь настолько, чтобы все низшие почитали их должным образом.

7. Для успокоения всего народа ничто так не потребно, как убедить всех в том, что монархия не только наилучший образ правления, но и совершенно необходимый нашему

⁵³ Cassianus. Collationes. P. 1. Coll. 8. Cap. XXI. (См. выше прим. к латинскому тексту). Иерем. 5:19; Иисус Навин 24:23: «Итак, отвергните чужих богов, которые у вас, и обратите сердце свое к Господу Богу Израилеву».

⁵⁴ На поле: «Все свои надежды он возложил на сокровища и из царя сделался тираном и торговцем».

⁵⁵ На поле: «Он погрузился в наслаждения».

⁵⁶ На поле: «Что же предпочтительнее: когда трое или 5, или 10 тебя восхваляют и благословляют за полученные безмерные дары, а весь народ проклинает, или когда все благословляют и никто не проклинает?»

народу для благосостояния и счастья. См. л. 678⁵⁷. В этом же нужно убедить посредством книги, которая может называться «О славянских делах». В ней следует обсуждать разные предметы: о политических ересях и о различных заблуждениях нашего народа, навязанных нам чужеземцами.

(3) 2. Что касается выгод для богатых: демократия (действует) в пользу неимущих и обижает богатых. Общая же польза не является целью ни одного из этих уклонов. З.с.7.f.117.

Библиография

Безсонов П.А. Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич Неблюшский, Явканица, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке. (По вновь открытым сведениям об нем) // Православное обозрение. 1870. Вып. 1. С. 129–159; Вып. 2. С. 338–394; Вып. 4. С. 681–723; Вып. 5. С. 854–871; Вып. 11. С. 646–702; Вып. 12. С. 800–830.

Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России (по новым документам). Вып. 1–3. М., 1901–1909.

Вальденберг В.Е. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912.

Воробьева И.Г., Штыков Н.В. Письма А.А. Шахматова об издании сочинений Юрия Крижанича // Петербургские исследования. 2016. № 6. С. 271–281.

Гольдберг А.Л., Аввакумов Ю.П., Белоненко А.С., Карцовник В.Г. Трактат о музыке Юрия Крижанича // ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985. С. 356–410.

Ишутин В.В. Изучение и издание произведений Юрия Крижанича в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР) в 19 в. // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae dissertationes slavicae. Slavistische Mitteilungen. Материалы и сообщения по славяноведению. Sectio linguistica XXII. Szeged, 1991. С. 113–123.

Ишутин В.В. Проект А.А. Шахматова об издании собрания сочинений Юрия Крижанича // Археографический ежегодник за 1984. М., 1986. С. 303–309.

Крижанич Ю. Политика / подг. к печати В.В. Зеленин; пер. и комм. А.Л. Гольдберга; под ред. акад. М.Н. Тихомирова. М., 1965.

Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в. Рукопись, открытая и изданная П.А. Безсоновым. Ч. I–II. М., 1859–1860.

Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. (Приложение к № 1–6 «Русской беседы» за 1859 г.) / открыл и издал П. Безсонов.

Крижанич Ю. Собрание сочинений. Вып. 1–3. М., 1891–1892.

Левочская А.С. «Câg» и «Krâly»: Размышления Юрия Крижанича о монарших титулах // Славяноведение. 2010. № 5. С. 65–72.

Маркевич А. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Историко-литературный очерк. Варшава, 1876.

Мордухович Л.М. Из рукописного наследия Ю. Крижанича // Исторический архив. 1958. № 1. С. 154–189.

Мордухович Л.М. Неопубликованный трактат Юрия Крижанича // Советское славяноведение. 1966. № 2. С. 66–70.

Мордухович Л.М. Новое издание «Политических дум» Ю. Крижанича // Советское славяноведение. 1967. № 6. С. 75–78.

Мордухович Л.М. Юрий Крижанич о «рабстве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 33. Л., 1979. С. 143–155.

Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.

Уваров П.Ю. История и исторические источники в трактате Пауля Спифама Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени: материалы Международной научной конференции. Москва, 23–24 сентября 2019 г. М., 2019. С. 76–85.

Cranz E. The publishing history of the Aristotle commentaries of Thomas Aquinas // Traditio. 1978. Vol. 34. P. 157–192. *Gespräche über die Herrschaft (Politik, Auswahl) // Deutsche und Deutschland aus russischen Sicht / Hrsg. v. D. Herrmann. Bd. I. XI–XVII Jahrhundert. München, 1988. S. 254–273.*

Golub I. Juraj Kržanić – tražitelj mudrosti // Prilozi. 1994. № 39–40. S. 201–210.

Jagić V. Život i rad Jurja Kržanića. Zagreb, 1917.

Kržižanić J. Politika / preveli M. Malinar, R. Venturin. Uvodna studija A. Pažanin. Zagreb, 1997.

Kržižanić J. Politika ili Razgovori o vladalaštvu / preveo s ruskog M. Malinar. Uvod V. Bogdanov. Zagreb, 1947.

Russian Statecraft: The Politika of Iurii Krizhanich / transl. and eds J.M. Letiche, B. Dmytryshyn. Oxford; New York, 1985.

Schneck S. Political thinking in Moscow in the sixteenth and seventeenth centuries. Peresvetov, Krizanić and the grammatisation of knowledge // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46. № 1–2. P. 327–336.

⁵⁷ С. 678 относится к разделу «О пакостях (pakósth), чинимых русским». Речь там идет о том, что европейцы не признают титул русского царя.

References

- Belokurov S.A.* Yuriy Krizhanich v Rossii (po novym dokumentam) [Yuri Krizhanich in Russia (according to new documents)]. Vyp. 1–3. Moskva, 1901–1909. (In Russ.)
- Bezsonov P.A.* Katolicheskij svyashchennik serb (khorvat) Yuriy Krizhanich Neblyushskij, Yavkanitsa, revnitel' vossoedineniya tserkvej i vsego slavyanstva v XVII veke. (Po vnov' otkrytym svedeniyam ob nem) [Catholic Serbian (Croatian) priest Yuriy Krizhanich Neblyushskij, Javkanica, zealot of the reunification of the churches and the entire Slavic community in the 17th century. (According to newly discovered information about him)] // *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review]. 1870. Vyp. 1. S. 129–159; Vyp. 2. S. 338–394; Vyp. 4. S. 681–723; Vyp. 5. S. 854–871; Vyp. 11. S. 646–702; Vyp. 12. S. 800–830. (In Russ.)
- Gol'dberg A.L., Avakumov Yu.P., Belonenko A.S., Kartsovnik V.G.* Traktat o muzyke Yuriya Krizhanicha [Treatise on Music by Yuri Krizhanich] // *Trudy Obschestva drevnerusskoi literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1985. T. 38. S. 356–410. (In Russ.)
- Ishutin V.V.* Izuchenie i izdanie proizvedenij Yuriya Krizhanicha v Obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete (OIDR) v 19 v. [Study and publication of Yuri Krizhanich's works in the Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University (OIDR) in the 19th century] // *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae dissertationes slavicae. Slavistische Mitteilungen. Materialy i soobshcheniya po slavyanovedeniyu* [Materials and reports on Slavic studies]. Sectio linguistica XXII. Szeged, 1991. S. 113–123. (In Russ.)
- Ishutin V.V.* Proekt A.A. Shakhmatova ob izdanii sobraniya sochinenij Yuriya Krizhanicha [A.A. Shakhmatov's project on the publication of the collected works of Yuri Krizhanich] // *Arkheograficheskij ezhegodnik za 1984* [Archaeographic Yearbook for 1984]. Moskva, 1986. S. 303–309. (In Russ.)
- Krizhanich Yu.* Politika [Politics] / podgotovil k pečati V.V. Zelenin; pepoved i kommentarii A.L. Gol'dberga; pod red. akad. M.N. Tikhomirova. Moskva, 1965. (In Russ.)
- Krizhanich Yu.* Russkoe gosudarstvo v polovine XVII v. Rukopis', otkrytaya i izdannaya P. A. Bessonovym [The Russian State in the Half of the Seventeenth Century. Manuscript discovered and published by P.A. Bezsonov]. Ch. I–II. Moskva, 1859–1860. (In Russ.)
- Krizhanich Yu.* Russkoe gosudarstvo v polovine XVII veka. Rukopis' vremen tsarya Alekseya Mikhailovicha. (Prilozhenie k № 1–6 “Russkoi besedy” 1859 g.) [The Russian state in the half of the 17th century. Manuscript from the times of Tsar Alexei Mikhailovich. (Appendix to No. 1–6 of the “Russian Conversation” for 1859)] / otkryl i izdal P. Bezsonov. (In Russ.)
- Krizhanich Yu.* Sobranie sochinenii [Collected Works]. Vyp. 1–3. Moskva, 1891–1892. (In Russ.)
- Levochskaya A.S.* “Câr” i “Krâly”: Razmyshleniya Yuriya Krizhanicha o monarshih titulah [“Câr” and “Krâly”: Yuri Krizhanich's Reflections on Monarchical Titles] // *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. 2010. № 5. S. 65–72. (In Russ.)
- Markevich A.* Yuriy Krizhanich i ego literaturnaya deyatel'nost'. Istoriko-literaturnyj ocherk [Yuri Krizhanich and his literary activity. Historical and literary essay]. Warszawa, 1876. (In Russ.)
- Mordukhovich L.M.* Iz rukopisnogo nasledstva Yu. Krizhanicha [From the manuscript inheritance of Y. Krizhanich] // *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive]. 1958. № 1. S.154–189. (In Russ.)
- Mordukhovich L.M.* Neopublikovannyi traktat Yuriya Krizhanicha [Unpublished treatise by Yuri Krizhanich] // *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic Studies]. 1966. № 2. S. 66–70. (In Russ.)
- Mordukhovich L.M.* Novoe izdanie “Politicheskikh dum” Yu. Krizhanicha [New edition of “Political thoughts” by Y. Krizhanich] // *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic Studies]. 1967. № 6. S. 75–78. (In Russ.)
- Mordukhovich L.M.* Yuriy Krizhanich o “rabstve” [Yuri Krizhanich on “slavery”] // *Trudy Obschestva drevnerusskoi literatury* [Works of Department of Old Russian Literature]. T. 33. Leningrad, 1979. S. 143–155. (In Russ.)
- Pushkarev L.N.* Yuriy Krizhanich. Ocherk zhizni i tvorchestva [Yuri Krizhanich. Outline of life and work]. Moskva, 1984. (In Russ.)
- Uvarov P.Yu.* Istoriya i istoricheskie istochniki v traktate Raulya Spifama Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata [History and historical sources in Raoul Spifam's treatise Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata] // *Gvichchardini i Machiavelli u istokov istoricheskoi nauki Novogo vremeni. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Guicciardini and Machiavelli at the Origins of Modern Historical Science: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moskva, 23–24 sentyabrya 2019 g. Moskva, 2019. S. 76–85. (In Russ.)
- Val'denberg V.E.* Gosudarstvennye idei Krizhanicha [Krizhanich's ideas of state]. Sankt-Peterburg, 1912. (In Russ.)
- Vorob'yova I.G., Shtykov N.V.* Pis'ma A. A. Shakhmatova ob izdanii sochinenij Yuriya Krizhanicha [Letters by A.A. Shakhmatov on the publication of Yuri Krizhanich's works] // *Peterburgskie issledovaniya* [Peterburg's Studies]. 2016. № 6. S. 271–281. (In Russ.)
- Cranz E.* The publishing history of the Aristotle commentaries of Thomas Aquinas // *Traditio*. 1978. Vol. 34. P. 157–192.
- Gespräche über die Herrschaft (Politika, Auswahl)* // *Deutsche und Deutschland aus russischen Sicht* / Hrsg. v. D. Herrmann. Bd. I. XI–XVII Jahrhundert. München, 1988. S. 254–273.
- Golub I.* Juraj Krizanić – tražitelj mudrosti // *Prilozi*. 1994. № 39–40. S. 201–210.
- Jagić V.* Život i rad Jurja Krizanića. Zagreb, 1917.
- Krizanić J.* Politika / preveli M. Malinar, R. Venturin. Uvodna studija A. Pažanin. Zagreb, 1997.
- Krizanić J.* Politika ili Razgovori o vladalaštvu / preveo s ruskog M. Malinar. Uvod V. Bogdanov. Zagreb, 1947.
- Russian Statecraft: The Politika of Iurii Krizhanich* / transl. and eds J.M. Letiche, B. Dmytryshyn. Oxford; New York, 1985.
- Schneck S.* Political thinking in Moscow in the sixteenth and seventeenth centuries. *Peresvetov, Krizanić and the grammatisation of knowledge* // *Cahiers du monde russe*. 2005. Vol. 46. № 1–2. P. 327–336.

DOI: 10.31857/S013038640028933-4

© 2023 г. В.П. Любин

ЕЩЕ РАЗ О НЕУДАВШИХСЯ РЕВОЛЮЦИЯХ И РЕФОРМАХ

Рец. на книгу: [НЕ] ЗАКОНЧЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И РЕФОРМЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (опыт США и Европы). М.: ИВИ РАН, 2022. 231 с.

Любин Валерий Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9530-3968

V.P. Ljubin

ON FAILED REVOLUTIONS AND REFORMS ONCE AGAIN

Rec. ad op.: [IN]COMPLETE REVOLUTIONS AND REFORMS: POLITICAL PRACTICE AND HISTORICAL REALITY (THE EXPERIENCE OF THE USA AND EUROPE). Moscow: IVI RAS, 2022. 231 p.

Valerij Ljubin, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9530-3968

В рассматриваемой коллективной монографии затрагиваются темы весьма актуальной научной дискуссии о соотношении войн, революций и реформ. Авторы обращаются к опыту незаконченных революций и реформ в странах Европы и в США. Книга вышла под редакцией докторов исторических наук Е.Ю. Сергеева и Ар.А. Улуяна. Рецензентами выступили д.и.н. В.И. Дамье и к.и.н. А.Э. Титков.

«В сложившейся историографической традиции тема войн, революций и реформ занимает доминирующее положение. ...В этой связи особый интерес представляет реконструкция событий в нескольких странах, судьбы которых были тесно взаимосвязаны с происходившими в России социально-политическими трансформациями», отмечается в предисловии (с. 3). На основе общего понимания взаимообусловленности революций, реформ и войн составители объединили главы в три группы: в первой раскрывается сопряженность динамики социальных трансформаций в Финляндии, Германии и Великобритании, во второй — проблемы американской истории на основе мировых политических процессов, в третьей — речь идет о поиске новой модели реорганизации Австро-Венгерской империи в последний период ее существования.

Раздел «Российское измерение и российский фактор незаконченных революций» открывает глава к.и.н. Т.В. Андросовой (ИВИ РАН) «Финляндия 1918: от парламентской демократии к рабочей демократии». Автор сосредоточивает внимание на переменах позиции партии финских социал-демократов — СДПФ, обладавшей до начала революционных событий 1917 г. в Российской империи большинством в финском парламенте. «25–27 ноября состоялся чрезвычайный съезд СДПФ, на котором так и не удалось договориться: левые призывали к захвату власти, правые — сформировать коалиционное правительство (при условии, что социал-демократам принадлежало бы большинство мест). Лидер центристов Куусинен предложил сделать и то и другое одновременно — сформировать коалиционное правительство и совершить революцию» (с. 17). В результате в январе 1918 г. революционное крыло партии взяло верх над реформистами, 27 января было сформировано революционное правительство, под контролем которого оказался весь юг Финляндии. В применявшихся ими теоретических подходах финские социал-демократы руководствовались положениями К. Каутского и повторяли положения программы Итальянской социалисти-

ческой партии (которую автор ошибочно называет социал-демократической — такая появилась в Италии лишь в 1947 г.), в свою очередь заимствованных из Эрфуртской программы СДПГ 1891 г. Т.В. Андросова считает, что «отчасти можно говорить о привнесенном характере финляндской революции, обусловленном географической близостью Финляндии и России и прежде всего присутствием российских войск, число расквартированных военных достигало 100 тысяч» (с. 20). К началу Гражданской войны в стране численность вооруженных красногвардейцев составляла не более 1 тыс., правительственных войск под командованием К.Г. Маннергейма — около 5 тыс. человек. К началу немецкой интервенции в апреле 1918 г. «красные фактически были морально сломлены» (с. 25). Потерпевшая поражение «финляндская революция 1918 г. была рабочей революцией, свершившейся во имя идеальной буржуазной демократии, в которой рабочие должны были занять положение ведущего общественного класса, без экспроприации собственности и без установления диктатуры пролетариата» (с. 25). Последствия финские коммунисты указывали на теоретическую и тактическую слабость СДПФ и отсутствие единства в партийном руководстве, обусловившие поражение революции.

После нескольких теоретических пассажей о том, возможно ли профессиональным историкам обращаться к альтернативной истории, в главе «Младшая сестра Великой российской революции (Германия в 1918–1923 гг.)», принадлежащей перу д.и.н. А.В. Шубина (ИВИ РАН), дается сравнительно-исторический анализ двух революций — Великой российской 1917 г. и «ее младшей сестры» — Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. Сфокусировав внимание на 1917–1923 гг., автор замечает: «Присмотревшись к общему и особенному революций в России и Германии, начавшихся на излете Первой мировой войны, мы сможем лучше понимать развилки событий, а также то, что роднит и разделяет пути Германии и России на гораздо большем протяжении, чем 1917–1923 годы» (с. 30). На основе тогдашних теоретических подходов марксистской мысли «Германия была готова к переменам лучше России. На практике развитость капитализма обернулась большей прочностью» (с. 31). Справедливо указывается, что «у Германии и России была разная степень индустриализации», там завершался процесс перехода к индустриальному городскому обществу, а в России с ее 97 млн крестьянского населения, согласно переписи 1897 г., он находился на пике. В Германии из ее 56,3 млн населения в 1900 г. пролетариев и полупролетариев было 35 млн (67,5%), а в России жители городов в 1897 г. составляли 13,4% населения, в 1913 г. цифра пролетарских и полупролетарских слоев составляла 17 млн. В России революция произошла в связи с военными тяготами, но без военного поражения, в Германии и Австро-Венгрии она началась в связи с приближением военного поражения.

В числе других сравнений в данной главе не слишком правомерным выглядит сравнение Социал-демократической партии Германии, старейшей партии в Европе, в 2023 г. отметившей свое 160-летие, и уже тогда, в 1917–1923 гг., обладавшей разветвленными структурами, постепенно укоренившимися в обществе, с партией эсеров в России с «примкнувшим» к ней Керенским, которая подобными позициями в российском обществе не обладала, а русское крестьянство, от имени которого она пыталась выступать, в большинстве своем ее игнорировало. Но сравнительный анализ позиций верхних слоев общества и в Германии, и в России получился убедительным. Ошутим отход от прежних историографических подходов, когда со значительным перевесом над остальными моментами проявлялись лишь позиции нижних слоев общества, чьи волнения и выход на улицы и привели к революциям в России 1917 г. и в Германии 1918 г., а также попытки оседлать эти народные движения со стороны политических сил, что и удалось сделать российским большевикам и умеренным немецким социал-демократам. Современные политологи или сторонники модных ныне междисциплинарных подходов в общественных науках упрекнули бы автора еще и в недостаточном сравнении политической культуры в рассматриваемых странах.

«Россия в феврале 1917 — январе 1918 г. и Германия в ноябре 1918 — январе 1919 г. идут очень близкими путями, демонстрируя множество важных общих черт. Затем пути расходятся, но становятся параллельными на некотором расстоянии» (с. 56). С весны 1919 г. по истории Германии можно было бы изучать историю России, если бы там сохранилась власть Керенского и его преемников «с тем же политическим курсом — без Октябрьского переворота и разгона Учредительного собрания» (с. 56). И советский, и веймарский режимы в начале существования столкнулись с локальными очагами вооруженного сопротивления своей власти.

Заканчивается сравнительный анализ революций в двух странах размещением событий по некоей цифровой шкале, по которой читателю предлагается «рассмотреть общее и различное в процессе двух революций “сестер”» (с. 62). В целом подход автора к сравнительному историческому (а не навившему оскомину на рубеже XX–XXI вв. политологическому) освещению и анализу двух революций и их последствий для национальной, европейской и мировой истории довольно оригинальный и требующий продолжения дискуссии. Хотелось бы, чтобы сам автор или кто-либо из возможных оппонентов добавил к этой картине внутривнутриполитических сравнений еще и внешнеполитический аспект и успешное заключение в 1922 г. договора-сюрприза в Рапалло между двумя государствами, ставшими после Первой мировой войны и революций в них (как в западной литературе в начале XXI в. принято говорить в отношении некоторых других стран) «изгоями», но нашедшими общий язык и развивавшими

экономические и прочие необходимые по тем временам взаимовыгодные отношения.

В главе д.и.н. Е.Ю. Сергеева (ИВИ РАН) ««Письмо Зиновьева» британским коммунистам 1924 года: современный взгляд» подробно на основе свежих архивных находок автора и других историков анализируется история знаменитой «провокации» 1924 г., испортившей надолго отношения между СССР и Англией. Речь идет об инструктивном письме Коминтерна, направленном в Лондон с целью продвинуть «мировую революцию» на Британские острова, дискредитировать и свергнуть существующее правительство. Заключительный этап развития данного сюжета наступил в результате деятельности уже второй правительственной британской комиссии по расследованию происхождения «письма Зиновьева», образованной 12 ноября 1924 г. во главе с министром иностранных дел О. Чемберленом, пишет Е.Ю. Сергеев (с. 76). Согласно ее заявлению, «письмо Зиновьева» оказалось подлинным. Об этом англичане известили советское правительство. Дипломатические сообщения из Лондона вызвали у Г.В. Чичерина приступ паники, он заявил на заседании Политбюро партии, что на повестке дня военный конфликт с Британией. Г.Е. Зиновьев же все отрицал. Вместе с председателем ВЦСПС М.П. Томским, принявшим представителей английских тред-юнионов, они называли данный документ «фальшивкой». Далее автор представляет читателю реальную картину событий, основанную как на официальных, так и частных расследованиях на протяжении последующих десятилетий. Автор приходит к выводу, что эпизод с «посланием Коминтерна» 1924 г. впервые с такой ясностью обнаружил уровень воздействия спецслужб обеих стран на политиков и дипломатов в процессе принятия ими решений (с. 92).

Во введении к разделу «Американский опыт революции и американская политика в отношении российских революций» справедливо констатируется, что контакты между Кремлем и Белым домом на протяжении десятилетий определяют общий характер системы международных отношений (с. 93). В главе «Война, революция, интервенция: взгляд американских современников» к.и.н. М.М. Сиротинская (РГГУ) предприняла попытку на основе документальных источников — протоколов Конгресса США и американских газет из Библиотеки Конгресса — выявить восприятие американцами венгерского и других освободительных движений, связанных с революциями 1848 г. и их последствиями в странах Европейского континента. Реальной помощи европейским демократам не оказали, но вопрос о допустимости вмешательства США в дела Старого Света был впервые поставлен в середине XIX в., заключает автор (с. 116). Следующая глава «К вопросу об особенностях эволюции российско-американских отношений накануне Февральской революции 1917 г.», автор д.и.н. В.К. Шацилло (ИВИ РАН), анализирует сложные отношения двух

стран в начале XX в. Хотя во время Первой мировой войны экономические связи между государствами наладились, политические отношения «оставались холодными вплоть до падения царизма» (с. 117), в них явно прослеживался дефицит доверия. Мало кто в феврале 1917 г. мог предсказать, что «русский вопрос» станет одним из самых краеугольных в американской внешней политике (с. 128). В главе «Вудро Вильсон, союзники и идея “большого похода” против большевиков в 1918 г.» д.и.н. С.В. Листиков (ИВИ РАН) представляет разные подходы и разногласия союзников по Первой мировой войне по «русскому вопросу» в связи с планами лета-осени 1918 г. интервенции в Россию, объясняет причины отказа Вильсона от идеи насильственно свергнуть большевиков при вторжении иностранных армий.

В предисловии к разделу «Австро-Венгрия и Германия: Первая мировая война и несостоявшиеся реформы Централных империй» отмечается, что международный кризис, приведший к началу Первой мировой войны, вызывает долгие дискуссии среди историков о виновниках этой глобальной катастрофы, и историки-международники продолжают обсуждать последствия войны и причины недолговечности Версальско-Вашингтонского международного порядка (с. 153). К.и.н. А.С. Стыкалин (Институт славяноведения РАН) в главе «Национальная политика в Венгрии эпохи австро-венгерского дуализма и эволюция политической линии румынского национального движения в Трансильвании в канун эпохи войн и революций» отмечает, что создание двуединой монархии в 1867 г. привело к устранению автономии Трансильвании и нанесло удар по румынскому национальному движению края. После гибели сторонника реформирования Австро-Венгерской империи, наследника престола Франца-Фердинанда, местные румынские политики надеялись, что Бухарест присоединит Трансильванию к королевской Румынии (с. 155–189). В следующей главе «В тылу Австро-Венгерской империи: поиск нового государственного устройства и социальной реальности» д.и.н. С.А. Романенко (ИНИОН РАН) обращается к сложному периоду национального самоопределения словенцев, хорватов и сербов в ходе Первой мировой войны, когда в южнославянских землях усилились дезинтеграционные процессы и начался поиск новых форм социальной реальности (с. 190–207). В завершающей книгу главе «Первая мировая война в судьбах Германии и Австро-Венгрии (1914–1919 гг.): некоторые дискуссионные вопросы» к.и.н. И.А. Кукушкина (ИВИ РАН) пытается, как и А.В. Шубин, провести сравнительный анализ, в данном случае влияния войны на Германию и Австро-Венгрию, и считает, что при имевшейся системе международных союзов война была неизбежна. По ее мнению, идущему вразрез с мэйнстримом в прежних и недавних трудах историков

Первой мировой войны¹, поиски виновников развязывания войны являются бесперспективными, так как в каждой из стран-участниц была как «партия войны», так и ее противники. Завершивший войну Версальский мир привел Гитлера к власти, а планету ко Второй мировой войне, справедливо констатирует автор (с. 208).

¹ См., например: Первая мировая война: современная историография / отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М., 2014.

Монография, несомненно, вызовет интерес как специалистов в области международных отношений и региональной истории, так и широкого круга читателей, не равнодушных к истории России и ее западных соседей.

Библиография / References

Первая мировая война: современная историография / отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М., 2014.

Pervaaia mirovaia voina: sovremennaa istoriografiia [The Second World War: the modern historiography] / ed. V.P. Ljubin, M.M. Mints. Moskva, 2014. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640028934-5

© 2023 г. Л.Я. Прокопенко

НОВОЕ СЛОВО В ИСТОРИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ФЕНОМЕНА НАЦИИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ

Рец. на книгу: Д.М. Бондаренко. ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ НАЦИИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 400 с.

Прокопенко Любовь Ярославовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия).

E-mail: skole60@mail.ru

Scopus Author ID: 57210842534; ORCID: 0000-0002-1121-8828

L.Ya. Prokopenko

NEW IDEAS IN THE HISTORICAL ANALYSIS OF THE NATION PHENOMENON IN THE POST-COLONIAL COUNTRIES OF ASIA AND AFRICA

Rec. ad. op.: D.M. Bondarenko. POST-COLONIAL NATIONS IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT. Moscow: LRC Publishing House, 2022. 400 s.

Lyubov Prokopenko, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: skole60@mail.ru

Scopus Author ID: 57210842534; ORCID: 0000-0002-1121-8828

Монография заместителя директора Института Африки РАН члена-корр. РАН Д.М. Бондаренко «Постколониальные нации в историко-культурном контексте», посвящена исследованию феномена нации сквозь призму историко-культурного подхода.

Структура и организация текста этого фундаментального научного труда отвечает самым высоким требованиям. Автор системно и на высоком теоретическом уровне представляет широкий спектр теоретико-концептуальных оснований изучения и интерпретаций наиболее распространенных классификаций и типологий теорий наций и национализма. Исследуются различные парадигмы в из-

учении (в том числе альтернативные), институты, структуры и факторы развития нации в Старом и Новом Свете. При этом подача материала позволяет в логично обоснованном порядке проследить проблемы становления и развития наций в странах Азии и Африки, в том числе на междисциплинарном уровне. Монографию отличает строгая логичность, аргументированность и хороший литературный язык. Четкость подачи материала свидетельствует о глубоком владении автором темой, которой он занимается длительное время, о чем свидетельствует внушительный перечень его работ в списке литературы.

В первой главе Д.М. Бондаренко детально анализирует феномен нации в эпоху модерна. Во второй главе показано, как колониальный и постколониальный историко-культурный контекст влияют на процесс формирования и характер наций в странах Азии и Африки. Автор справедливо уделил большое внимание теме исторической памяти. Он отмечает, что «в процессе конструирования нации посредством исторической памяти ее официальный дискурс приходит во взаимодействие с народным дискурсом или дискурсами исторической памяти, которые концептуализируют нацию через свое осмысление прошлого страны» (с. 136). При этом автор размышляет о причинах и возможностях манипуляции историей, отмечая двойственность роли исторического прошлого в постколониальном мире, в том числе в процессе формирования наций (с. 110).

Уделено внимание роли политических элит и политических кланов в складывании наций. Автор особо акцентирует внимание на роли интеллигенции, разделяя мнение, что «модель нации-государства, выработанная интеллектуалами, не оставляет... массам выбора, кроме подчинения намеченному проекту» (с. 143)¹.

Анализируя суть национального единства в странах Африки, Д.М. Бондаренко отмечает его особенности, например отличия поликультурности Замбии и Уганды от поликультурности Танзании. В первых, как и в большинстве африканских постколониальных государств, не было автохтонной объединяющей культурной платформы. А в Танзании она существовала в виде автохтонного языка и культуры суахили.

Автор уделяет внимание проблеме сепаратизма, который в ряде стран мира, в том числе на Африканском континенте, становится (вопреки мнению, что в эпоху глобализации значение подлинного или мнимого национализма как фактора подъема сепаратистских настроений снижается) «одной из главных движущих сил многих политических процессов»². В частности, рассматривается проблема Баротселенда (западная провинция в Замбии), связанная с неоднократными требованиями народа лози (баротсе) автономии.

В третьей главе автор на примере целого ряда стран Азии и Африки показал, что в современных условиях транснационализации «нация не только изначально, но чаще всего и ныне мыслится в прямой связи с национальным государством; национальное государство на сегодняшний день остается основным уровнем ее существования» (с. 149). Д.М. Бондаренко аргументированно доказывает это на обширном фактическом материале и многочисленных научных работах. Автор приводит опыт строительства нации в различных развивающихся азиатских государствах и странах Африки, напри-

мер в Мозамбике, Нигерии, Гвинеи, Конго. Но детально рассматривает эту тему на примере трех государств континента — Танзании, Замбии и Уганды. Лидеры этих стран, которых называют «отцами нации», были авторами собственных идеологий и концепций, например уджамаа (Джулиус Ньерере в Танзании), «замбийский гуманизм» (Кеннет Каунда в Замбии), ставших основой для развития этих стран. Но в Уганде такого «отца нации» не оказалось, на что автор обращает внимание.

Затронута также тема роли религии (прежде всего христианства) в сложении нации. Особое внимание справедливо акцентируется на ее использовании некоторыми африканскими лидерами в политических целях, например провозглашение идеи христианской нации в Замбии в начале 1990-х годов.

Четвертая глава посвящена формированию наций в постколониальных странах на современном этапе. Главный посыл заключается в том, что в постколониальное время суть феномена нации меняется в сторону многокультурности в противоположность классической концепции нации как сообщества людей одной культуры.

Автор монографии справедливо отмечает, что в ряде стран континента «государство... совершенно по-доколониальному ... персонифицируется его главой, который ... оказывается символом, живым воплощением, ... вместилищем души нации и гарантом благополучия каждого гражданина» (с. 98). Действительно, в развивающихся странах, где существовала/существует власть тоталитарного и авторитарного типа, широко распространена идея уподобления общества семье, в которой лидер страны становится «отцом нации». Во многом это связано с сохраняющимися элементами архаичности традиционного общества, когда человек воспринимает мир через призму родственных отношений. На это указывал автор и в других своих работах³. Таким образом, субъективное восприятие лидера страны в качестве «отца нации» (во многих случаях и в определенные временные отрезки совершенно справедливое) приводило к тому, что он становился символом и инструментом национального единения — крайне важный фактор в условиях полиэтничности африканских стран.

Еще одно достоинство монографии заключается в том, что представленные методологические парадигмы являются результатом скрупулезного и глубокого анализа Д.М. Бондаренко огромного массива классических и современных отечественных и зарубежных научных работ (со многими из них российский читатель может ознакомиться впервые) по историографии стран Азии и Африки. При этом автор

¹ Мирзеханов В.С. Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. М., 2001. С. 18.

² Денисова Т.С. Заключение // Сепаратизм в Африке южнее Сахары. М., 2021. С. 223.

³ См. например: Bondarenko D.M. Kinship, Territoriality and the Early State Lower Limit // Social Evolution and History. 2008. Vol. 7. № 1. P. 27–28; Бондаренко Д.М. Государство и идеология родства // Политическая антропология традиционных и современных обществ / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток, 2012. С. 31.

ссылается на обширное число работ исследователей, которые внесли вклад в разработку данной научной темы, и перечисляет их во внушительном списке литературы. Это выделяет монографию Д.М. Бондаренко также и в плане научной этики.

Д.М. Бондаренко, как представляется, достиг поставленной в монографии цели показать, что «в сегодняшних условиях доколониальное и колониальное историческое наследие может быть не только препятствием, но и преимуществом при формировании такого ключевого для существования и развития любых современных стран явления, как нация» (с. 13). Автору удалось решить поставленную методологическую задачу: как разворачивающаяся в пространстве истории сложная диалектика единства культуры человечества и многообразия образующих ее отдельных культур, общего и особенного в каждой культуре находит выражение в прошлом, настоящем и будущем феномена нации.

Один из главных выводов автора — «основной тенденцией эволюции феномена нации в наше постколониальное время является изменение его сути» (с. 266). Справедливо также замечание, что в африканских странах «очень важным препятствием на пути подлинной демократизации и сложения наций» является «в целом низкий образовательный уровень населения» (с. 100).

Следует отметить, что теоретические выводы автора подкреплены его неоднократными полевыми исследованиями в странах Африки. В книге приводятся также примеры, как иногда теоретические обоснования глубинных причин некоторых аспектов политического процесса в африканских странах на уровне обычных избирателей интерпретируются и озвучиваются очень лаконично и даже приземленно (с. 100).

Несомненным достоинством и отличительной чертой монографии Д.М. Бондаренко являются авторские, во многом уникальные фотографии, сделанные им во время полевых исследований в шести странах Африки, в других постколониальных странах, во время чтения лекций в университетах стран континента. Такие фото украшают и со вкусом оформленную обложку его новой книги.

Замечания имеют скорее рекомендательный характер. Возможно, глубокий академический анализ следовало бы дополнить материалом о гендерной составляющей многогранной и многоликой африканской культуры. Проблема взаимосвязи традиций предков и ценностей западной цивилизации, все шире распространяющихся в Африке, — актуальная тема для африканского общества. В современных странах континента развивается процесс повышения роли женщин в обществе. В условиях политической либерализации значительно возросла роль супруги главы государства, а сам институт «первой леди» постепенно становится реальностью политической жизни. Все это прямым или косвенным образом отражается на сложении или развитии наций.

Было бы полезно упомянуть книгу экономиста профессора Брауновского университета Огеда Галора «Путь человечества. Истоки богатства и неравенства»⁴, в которой в том числе рассмотрены проблемы развития современных азиатских и африканских стран. Правда, эта книга вышла практически одновременно с монографией Д.М. Бондаренко.

Без преувеличения можно сказать, что публикация монографии Д.М. Бондаренко — значимое, этапное событие и, вне всякого сомнения, весомый вклад в российскую историографию. Отечественные ученые, исследователи и читатели получили не только сведения о степени разработанности данной темы, но и обширный библиографический материал о работах отечественных и зарубежных авторов.

На формирование наций в постколониальных обществах, прежде всего в Африке, в значительной мере влияют этнические противоречия и конфликты, коррупция, тенденции авторитаризма и борьба элит. Как показали события последних лет, отражаются на этом процессе также эпидемии и пандемии различных болезней.

Монография в равной мере представляет интерес для специалистов (историков, политологов, социологов, культурологов), аспирантов и студентов, занимающихся изучением Азии и Африки, а также для широкого круга читателей, которых интересует история развивающихся стран. Книга с интересом будет встречена в странах Африки, где, вероятно, ныне работают многие бывшие студенты и аспиранты Д.М. Бондаренко, выпущенные им за годы деятельности в Российском государственном гуманитарном университете и университете «Высшая школа экономики».

Библиография / References

- Бондаренко Д.М. Государство и идеология родства // Политическая антропология традиционных и современных обществ / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток, 2012. С. 30–41.
- Галор О. Путь человечества. Истоки богатства и неравенства. М., 2022.
- Денисова Т.С. Заключение // Сепаратизм в Африке южнее Сахары. М., 2021. С. 218–223.
- Мирзаханов В.С. Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. М., 2001.
- Bondarenko D.M. Gosudarstvo i ideologia rodstva [State and Ideology of Kinship] // Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv [Political Anthropology of Traditional and Modern Societies] / ed. N.N. Kradin. Vladivostok, 2012. S. 30–41. (In Russ.)
- Denisova T.S. Zaklyucheniye [Conclusion] // Separatizm v Afrike iuzhnee Sahary [Separatism in in sub-Saharan Africa]. Moskva, 2021. S. 218–223. (In Russ.)
- Galor O. Put' chelovechestva. Istoki bogatstva i neravenstva [The Journey of Humanity. The Origins of Wealth and Inequality]. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Mirzexanov V.S. Intellektualy, vlast' i obshchestvo v Chernoi Afrike [Intellectuals, Power, and Society in Black Africa]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Bondarenko D.M. Kinship, Territoriality and the Early State Lower Limit // Social Evolution and History. 2008. Vol. 7. № 1. P. 19–53.

⁴ Галор О. Путь человечества. Истоки богатства и неравенства. М., 2022.

DOI: 10.31857/S013038640026001-9

© 2023 г. Е.А. Гуськов, Е.П. Барина

«ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ»: ИМПЕРИИ И ИМПЕРИАЛИЗМ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ (ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ)

Гуськов Евгений Александрович — кандидат исторических наук, доцент Московского городского педагогического университета (Москва, Россия).

E-mail: megistos@yandex.ru

Scopus Author ID: 57763842400; Researcher ID: ABB-9152-2021; ORCID: 0000-0002-0841-6938

Барина Екатерина Петровна — профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия).

E-mail: rfnz25@yandex.ru

Scopus Author ID: 57210285860; Researcher ID: J-1269-2017; ORCID: 0000-0002-2514-9421

E.A. Guskov, E.P. Barinova

“THE ART OF MANAGEMENT”: EMPIRES AND IMPERIALISM IN HISTORY AND MODERNITY. DISCOURSES AND PRACTICES

Evgeniy Guskov, Moscow City University (Moscow, Russia).

E-mail: megistos@yandex.ru

Scopus Author ID: 57763842400; Researcher ID: ABB-9152-2021; ORCID: 0000-0002-0841-6938

Ekaterina Barinova, Samara National Research University (Samara, Russia).

E-mail: rfnz25@yandex.ru

Scopus Author ID: 57210285860; Researcher ID: J-1269-2017; ORCID: 0000-0002-2514-9421

18–19 мая 2023 г. в Самарском филиале Московского городского педагогического университета (МГПУ) состоялась III Всероссийская научно-практическая конференция «Политические институты, политическая культура и социальные практики от античных держав до глобальных империй», посвященная памяти известного историка-новиста проф. С.Б. Семёнова (1954–2018)¹. Конференция прошла в очном и онлайн-форматах, объединила более 60 участников из Самары, Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Орла, Рязани, Саратова, Арзамаса, Нижневартовска и других городов. Форум стал площадкой обсуждения международных отношений в контексте проблемной тематики конференции — «Искусство управления»: империи и империализм в истории и современности (дискурсы и практики). Выступления были посвящены анализу таких вопросов, как политическая и экономическая интеграция и де-

зинтеграция, измерения имперского пространства в общественном сознании и культуре, трансферы колониального порядка, стратегии взаимодействия и механизмы конфликтов.

На пленарном заседании конференции коллеги, друзья и ученики С.Б. Семёнова по традиции поделились воспоминаниями о его жизни и научном творчестве². Все доклады пленарного заседания были посвящены проблемам британской истории, последовательно охватив временные срезы от XVIII до XXI в. Д.и.н., проф. Т.Л. Лабутина (Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН) рассмотрела оценки ранними просветителями колониальной и в целом внешней политики Англии в начале XVIII в., остановившись подробнее на предложенной Д. Дефо идее «равновесия сил», по сей день сохраняющей свою актуальность. Англия оказалась в центре внимания и д.и.н., проф. А.Б. Соколова (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского), отметившего,

¹ Материалы I и II конференций, посвященных памяти С.Б. Семёнова: Исследования зарубежной истории. Мемориал имени С.Б. Семёнова / под ред. Е.П. Бариновой, Е.А. Гуськова. Вып. 1. Самара, 2019; Исследования зарубежной истории: сборник статей / под ред. Е.П. Бариновой, Е.А. Гуськова. Вып. 2. Самара, 2021.

² Семёнов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995; *Его же*. Консульство и империя Наполеона Бонапарта. Самара, 1997; *Его же*. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

что политическая карикатура способствовала становлению гражданского общества. Критика не монархии как таковой, а носителей короны, стереотипов в понимании «английской конституции» расширили рамки дозволенного в общественных отношениях. Наряду с трансформацией образования, тюремной системы, трудовых отношений карикатура духом «бунтарства» создавала предпосылки для политических реформ середины XIX в. В центре внимания д.и.н., проф. Е.Ю. Сергеева (ИВИ РАН) оказался феномен так называемых «военных тревог» в отношениях между Россией/СССР и Великобританией. По его мнению, «военная тревога» 1923 г. представляла британской элите удобный прецедент, на который было возможно сослаться во время сложного процесса налаживания двустороннего сотрудничества. В свою очередь, советская пропаганда использовала события 1923 г. для разжигания англофобии среди населения при любом обострении международной ситуации в межвоенный период. Доклад к.филос.н. Е.В. Ананьевой (Институт Европы РАН) был посвящен современным процессам, протекающим в Соединенном Королевстве после брежневизма. Она отметила эрозию политической культуры Британии и кризис парламентаризма после референдума о членстве Британии в ЕС (2016) ввиду раскола в обществе и внутри политического класса. Противостояние сторонников и противников членства Соединенного Королевства в ЕС привело к параличу парламента в период правления Т. Мэй, усилению исполнительной власти в ущерб законодательной и судебной в период правления Б. Джонсона и Л. Трасс, расколу в Консервативной партии, особенно проявившемуся в правление Р. Сунака. Внешняя политика правящей Консервативной партии под знаком концепции «Глобальная Британия» отмечена «фантомными болями» имперского прошлого.

В рамках конференции работало пять секций, относящихся к разным историческим эпохам — от античности до современности.

В секции «Первые империи: политические и социальные практики античных держав» было представлено 10 докладов. К.и.н., доц. Ю.Н. Кузьмин (Самарский филиал МГПУ), модератор секции, открыл ее работу рассказом о А.И. Попове (1953–2022), видном специалисте по Великой армии Наполеона и Отечественной войне 1812 г., который в начале научной карьеры был антиковедом и преподавал в течение многих лет историю древнего мира в высших учебных заведениях Куйбышева (Самары).

Несколько докладов было посвящено Афинскому государству. А.А. Бутов (Саратовский национальный исследовательский государственный университет (СНИГУ) им. Н.Г. Чернышевского) рассмотрел деятельность Фемистокла — политика, заложившего основы военно-морской мощи Афин. По мнению к.и.н., доц. О.М. Макаровой (Самарский национальный исследовательский университет (СНИУ) им. академика С.П. Королева), «декрет Клияния» (*IG I³ 34*), играющий важную роль в понимании финансовой политики Афинской архэ, вопреки наиболее

распространенным датировкам, может относиться к более позднему времени. К.и.н. Д.В. Зайцев (Российская академия народного хозяйства и государственной службы) показал, что представленная в современном антиковедении точка зрения об Эретрии, как о могущественном полисе с сильным флотом, не находит подтверждения в источниках. К.С. Лазарева (СНИГУ) проанализировала статус и полномочия персидского военачальника Мегабаза во время его кампаний во Фракии, а также степень ахеменидского проникновения в северо-восточные Балканы и организации здесь сатрапии.

Вопросу взаимодействия греческого Причерноморья с Римской республикой был посвящен второй доклад Ю.Н. Кузьмина. На примере фанагорийского посла Гедика, умершего и похороненного в Риме в конце 60-х годов I в. до н.э., он рассмотрел взаимосвязь внутривосточной борьбы между сторонниками и противниками Помпея с положением дел на Востоке.

«Римская часть» секции была представлена четырьмя докладами. Т.А. Долгова (СНИГУ) отметила, что деятельность Катона Младшего, шедшая вразрез с реальной политикой, способствовала началу в 49 г. до н.э. нового этапа гражданских войн, гибели самого Катона, а в дальнейшем и трансформации Римской республики в империю.

К.и.н. А.Ю. Маркелов (Самарский филиал МГПУ) проанализировал причины изменения в 6 г. н.э. статуса провинции Корсика и Сардиния с «народной» на «императорскую». По его мнению, причиной были не активизация набегов горных племен на территории земледельческого населения и пиратство жителей Сардинии, а необходимость во время разразившегося в Риме голода прямого контроля со стороны императора Августа над этим островом, бывшим важным источником зерна для Италии. М.Н. Растегаева (СНИГУ), рассмотрев нарративные, эпиграфические и археологические источники, показала уязвимость теории об участии Ольвии в римско-боспорской войне в 40-х годах I в. н.э.

Доклад к.и.н. М.А. Ведешкина (ИВИ РАН) был посвящен принципам выбора наставников для наследников престола в поздней Римской империи. Императоры-отцы подыскивали своим сыновьям учителей из представителей региональных элит, в поддержке которых они были заинтересованы на тот момент. В теории это должно было привести к тому, что по вступлении на престол новый государь будет разделять социально-политические и культурные идеалы этих привилегированных слоев и уделять особое внимание их интересам.

В секции «Обретение империи: европейская политическая культура в эпоху Средневековья и раннего Нового времени», модератор д.и.н., проф. Л.Н. Чернова (СНИГУ), было представлено 13 докладов, 3 из которых — в дистанционном формате.

Тематика выступлений охватывала широкий спектр проблем, связанных с различными моделями организации и функционирования власти и общества, политических и социальных институтов, механизмов

формирования и сохранения/кризиса идентичности на значительном историческом пространстве. В центре внимания докладчиков были как политические и социальные структуры (сообщества), так и персоналии: князя Рюриковичи (к.и.н., доц. А.С. Фогель, Медицинский университет «Реавиз»), лондонский ремесленник XV в. Ральф Холланд (Л.Н. Чернова), приближенный к первому Тюдору епископ Ричард Фокс (к.и.н., доц. А.А. Бельер, СНИУ), герцог Монмут, в 1685 г. предпринявший неудачную попытку свергнуть Якова II (к.и.н., доц. Д.О. Гордиенко, СНИУ), нидерландский дипломат и государственный деятель второй половины XVII в. Ханс Виллем Бентинк (П.Ю. Князев, МГУ), французский государственный и церковный деятель второй половины XVIII в. Ломен де Бриенн (к.и.н., доц. Е.А. Куцева, Самарский государственный социально-педагогический университет, СГСПУ).

Вопросы народного менталитета французов в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени и групповой идентичности католиков в елизаветинской Англии были подняты в докладах соответственно к.и.н. М.В. Кузьминой (ИВИ РАН) и А.Д. Денисовой (СНИУ). К.и.н. К.Н. Станков (ИВИ РАН) рассказал о сложной политической игре на Брауншвейгском конгрессе 1714 г. и о проблемах, с которыми столкнулся глава российской миссии Б.И. Куракин. Кризису идентичности Британской империи после Семилетней войны был посвящен доклад к.и.н., доц. Е.А. Макаровой (МГУ), в то время как кризису лояльности английских колоний в Северной Америке посвятил свое выступление к.и.н. Е.П. Макаров (Самарский государственный технический университет, СамГТУ). К.и.н., доц. И.Ю. Хрулёва (МГУ) рассказала о соперничестве англиканской и пуританской церквей во время христианизации индейцев в Новой Англии. В центре внимания д.и.н., доц. С.Е. Киясова (СНИГУ) оказалась масонская реформация в США в последней четверти XVIII в. Разнообразие и богатство представленного докладчиками материала позволило проследить сложный путь становления и эволюции европейской политической культуры, важным вектором которой стало обретение империи.

В секции «Интеграционные проекты европейских держав и идея империи в эпоху Нового времени», модератор Т.Л. Лабутина, выступления отличались страноведческим разнообразием, включали историю таких стран, как Великобритания, США, Франция, Финляндия (от начала XIX в. до 1917 г.).

Так, к.и.н. М.А. Ковалёв (Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых) остановился на проблеме дебатов в парламенте Великобритании по поводу введения военного положения в Ирландии в 1803 г. К.и.н. Е.О. Науменкова (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского) рассказала о представлениях российских путешественников, содержащихся в траvelогах, о жизни в Лондоне во второй половине XIX в. Она пришла к выводу, что, несмотря на англomанию, распространенную в России, столица Британии не стала для них

любимым местом в отличие от Парижа и Берлина. К.экон.н. Т.В. Андросова (ИВИ РАН) проследила историю Великого княжества Финляндского на протяжении столетия (1809–1917). Два доклада — д.и.н., доц. Д.И. Шмелёва (Казанский федеральный университет) и д.и.н., проф. Т.Н. Гелла (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) — были посвящены изучению имперской идеи во Франции в XIX в. К.и.н. Н.И. Осипов (Самарский кадетский корпус МВД России) остановился на рассмотрении антирабовладельческих дебатов в Конгрессе США в 1848–1849 гг. О детях-мигрантах из Англии, переселенных в Канаду, рассказала к.и.н., доц. О.В. Яблонская (Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского). Заключительный доклад к.и.н., доц. М.В. Жолудова (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина) был посвящен анализу форм и особенностей развития Либеральной партии Великобритании.

В секции «От империй к сверхдержavam: международные отношения в эпоху Старого мирового порядка (1856–1956 гг.)», модератор Е.Ю. Сергеев, обсуждались вопросы международных отношений и функционирования глобальных империй в период их максимального расцвета и заката. В сообщении д.и.н., проф. В.К. Шаццло (ИВИ РАН) был представлен анализ геополитических последствий международных кризисов в Латинской Америке конца XIX — начала XX в., прежде всего британо-американского соперничества вокруг Венесуэлы в конце XIX в. По мнению докладчика, именно оно парадоксальным образом способствовало дальнейшему сближению обеих держав накануне Первой мировой войны. Сообщение к.и.н. Н.С. Иванова (ИВИ РАН) раскрыло особенности так называемой «неформальной» британской империи, которая на протяжении XX в. существовала в Латинской Америке.

Выступление д.и.н., проф. О.А. Чернова (СГСПУ) было посвящено проблеме взаимодействия, временами сложного и противоречивого, между центром и среднеазиатскими окраинами Российской империи на примере деятельности генерал-губернатора Туркестана Н.О. Розенбаха. К.и.н., доц. Я.А. Голубинов (СНИУ) поднял вопрос о так называемой «войне профессоров», т.е. соперничестве экспертов по обе стороны фронта, по поводу Галиции. Эксперты доказывали естественную связь территории Галиции с Российской империей и проблемы экономического освоения тех славянских земель, которые были присоединены к России в ходе боевых действий.

В свою очередь к.и.н., доц. Ю.А. Жерлева (СНИУ) осветила проблемы демобилизации российской армии в 1917–1918 гг., выделив три этапа этого процесса. Выступление д.и.н., проф. Е.Ю. Семеновой (СамГТУ) содержало важный для понимания психологии войны анализ образов союзных России держав на страницах периодической печати в 1914–1917 гг. К.и.н. А.Б. Ларин (ИВИ РАН) привлек внимание аудитории к истории трансфера российской государственности на территорию Ирана в 1917–1921 гг.

Научный доклад д.и.н., доц. С.Г. Малкина (СГ-СПУ) затронул дискуссионные, малоизученные вопросы взаимодействия военных и гражданских властей Великобритании как в метрополии, так и в особенности на территории колониальной периферии в межвоенный период 1919–1939 гг.

Тематически пятая секция — «После империй: политические процессы XX–XXI вв.», модератор Е.В. Ананьева — охватила в первую очередь процессы распада глобальных империй, попытки переформатирования их государственности, а также отношение к этому их населения.

Методологическим аспектам научного исследования имперского сознания посвятил выступление к.и.н., доц. И.В. Степанов (Самарский государственный медицинский университет). Доклад посвящен анализу критики «имперского мировоззрения» в постпозитивистской концепции К. Поппера и постструктуралистской концепции Ж. Делёза. По мнению докладчика, под «имперским мировоззрением» они понимают структурирование картины мира, которое отличается иерархичностью, системностью и экспансионизмом. Однако критическая составляющая их концепций в значительной степени носит произвольный характер и не имеет никакого теоретического обоснования преимуществ плюралистического мировоззрения над имперским.

В докладе к.и.н. В.Ю. Быстрыкова (СГСПУ) рассмотрена проблема определения места России в цивилизационных процессах, проанализированы стремления стран восточной Евразии создать транспортные коридоры для развития экономики, а также внешнеполитического сотрудничества на континенте. К.и.н. И.А. Кукушкина (ИВИ РАН) остановилась на трансформации государственного устройства побежденной Австрии в 1918–1920 гг. К.и.н. Я.А. Левин (СамГТУ) представил анализ мероприятий ФБР, направленных на противодействие фашистским организациям в годы Второй мировой войны, особенно после вступления Соединенных Штатов в войну. По его мнению, контрразведывательная деятельность ФБР на данном направлении имела очевидную политическую окраску и была связана с борьбой администрации президента Ф.Д. Рузвельта с критикой справа.

Два доклада затронули последствия имперского прошлого на примерах двух непохожих внешне стран: Британии и Турции. Д.А. Афанасьева (СНИУ) представила критический обзор существующих подходов к классификации городских мемориальных объектов Северной Ирландии, созданных в период конфликта 1969–1998 гг., уделив особое внимание памятникам, выпадающим по различным причинам из предложенных исследователями категорий. В качестве способа преодоления существующих методологических проблем она предложила разработку многоуровневой гипертекстовой системы, которая позволила бы отобразить единство политических, социальных, культурных процессов, commemorative практик, характерных для общества Северной Ирландии в период конфликта. М.М. Гумеров (Самарский филиал МГПУ) проа-

нализировал политику современной Турции, направленную на распространение собственного влияния посредством «мягкой силы» не только на территории бывших колоний, но и в регионах, прежде не входивших в сферу ее имперского влияния.

Обращает на себя внимание многоплановость тем исследований (политическая, парламентская и партийная история, история идей, культурология, иматология). Доклады участников конференции отличались актуальностью, глубиной теоретического анализа и междисциплинарностью подходов. Участники конференции подчеркнули необходимость продолжения дальнейшего обсуждения исследования социально-политических институтов как в европейской, так и российской истории, развития научного диалога представителей различных исторических школ, поддержки научной активности молодых ученых. IV конференция «Политические институты, политическая культура и социальные практики от античных держав до глобальных империй» намечена на май 2025 г.

Библиография

Исследования зарубежной истории. Мемориал имени С.Б. Семёнова / под ред. Е.П. Бариновой, Е.А. Гуськова. Вып. 1. Самара, 2019.

Исследования зарубежной истории: сборник статей / под ред. Е.П. Бариновой, Е.А. Гуськова. Вып. 2. Самара, 2021.

Семёнов С.Б. Консульство и империя Наполеона Бонапарта. Самара, 1997.

Семёнов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995.

Семёнов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

References

Issledovaniia zarubezhnoi istorii. Memorial imeni S.B. Semyonova [Studies of foreign history. Memorial named after S.B. Semenov] / pod red. E.P. Barinovi, E.A. Gus'kova. Vyp. 1. Samara, 2019. (In Russ.)

Issledovaniia zarubezhnoi istorii: sbornik statei [Studies of foreign history: a collection of articles] / pod red. E.P. Barinovi, E.A. Gus'kova. Vyp. 2. Samara, 2021. (In Russ.)

Semenov S.B. Konsul'stvo i imperiia Napoleona Bonaparta [The Consulate and the Empire of Napoleon Bonaparte]. Samara, 1997. (In Russ.)

Semenov S.B. Politicheskie vzgliady angliiskikh radikalov XVIII veka [Political views of the English radicals of the 18th century]. Samara, 1995. (In Russ.)

Semenov S.B. Radikal'noe dvizhenie i bor'ba za parlamentskuiu reformu v Anglii vo vtoroi polovine XVIII veka [The radical movement and the struggle for parliamentary reform in England in the second half of the 18th century]. Samara, 2008. (In Russ.)

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ» В 2023 году

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Ардашикова А.Н., Коняшкина Т.А. «Становясь видимыми»: гражданское общество современного Ирана в фокусе гендерной полемики

№ 1

Долгов Б.В. Гражданское общество на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны» и общественно-политических трансформаций конца 2010-х – начала 2020-х годов

№ 1

Зайцев В.Н. Молодежь в социально-политическом ландшафте Ирана эпохи модернизации (XX–XXI века)

№ 1

Кузнецов В.А. Алжир: политическое участие в условиях трансформации режима после 2019 года

№ 1

Мелкумян Е.С. Эволюция гражданского общества в Кувейте (1961–2020)

№ 1

Орлов В.В. Гражданский протест и исламская партийность в Марокко: опыт «арабской весны»

№ 1

Сапронова М.А. Электоральный процесс в арабских странах (2011–2021): специфика, итоги, политическая активность и роль молодежи

№ 1

Серебров С.Н. ИмPLICITное гражданское общество и реформаторство в Йемене: уроки XX века

№ 1

Шильков П.В. Государство и гражданское общество в Турции: взаимодействие, подчинение, сдерживание (2000–2010-е годы)

№ 1

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Ведюшкин В.А. Новый и Старый Свет глазами первооткрывателя: «Сумма географии» Мартина Фернандеса де Энсисо

№ 4

Галкова Д.А. Плоды древнего или нового знания? Географические открытия в комментарии Генриха Зальмута к трактату Гвидо Панчиоли «О древних и новых изобретениях» (1602)

№ 4

Дмитриева О.В. «Различные путешествия» Р. Хаклюйта (1582) и поиски англичанами северо-западного прохода в Азию

№ 4

Кривушин И.В. Проблема происхождения американских индейцев в европейской исторической мысли XVI века

№ 4

Кудрявцев О.Ф. Географические открытия на востоке Европы и их влияние на самосознание ренессансной эпохи

№ 4

Окунева О.В. «Бразилия» или «Страна красного дерева»? Визуальные метафоры как способ обозначения португальской Америки в нарративных и иконографических источниках XVI века

№ 4

Окунева О.В. «Бразилия» или «Страна красного дерева»? Визуальные метафоры как способ обозначения португальской Америки в нарративных и иконографических источниках XVI века

№ 4

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Ватлин А.Ю., Невский С.И., Турыгин А.А. Вильгельм II и система власти в Германии в конце XIX – начале XX века

№ 3

Видничук А.О. Женская преступность в России XVIII века: постановка проблемы

№ 2

Гордон А.В. Теория революции П.А. Кропоткина

№ 4

Занин С.В. Становление науки публичного права в Европе XVII–XVIII веков

№ 5

Керимова-Колджаева Т. (Азербайджан). Формирование и создание Академии наук Азербайджанской ССР (1920–1945) в трудах азербайджанских и зарубежных ученых

№ 3

Козлов Д.В. Джеймс Харрингтон и его восприятие истории – от нарратива к теории

№ 6

Кудеярова Н.Ю. Социальные и демографические предпосылки массовой миграции в Италии и Испании в XIX веке

№ 1

Малкин С.Г. Малые войны великих держав: Ч.Э. Коллвелл и Российская империя в компаративном измерении

№ 2

Петрунина О.Е. Герои и антигерои 1940-х годов: маятниковые колебания греческой историографии

№ 3

Репина Л.П. «Политическая анатомия» и идея общественного богатства от Уильяма Петти до Адама Смита

№ 6

Филимонова М.А. Томас Джефферсон и реформа виргинского уголовного законодательства

№ 1

Филитов А.М. Проблема наказания нацистских преступников в послевоенной Германии: история и историография

№ 5

НОВОЕ ВРЕМЯ

Алентьева Т.В. Коррупционные скандалы в период президентства У.С. Гранта

№ 2

Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831)

№ 1

Заиченко О.В. Разоблачение «второго Коцебу»: предистория одного шпионского скандала 1831 года

№ 5

Кудрявцева Е.П. Босфорская экспедиция русского флота в 1833 году

№ 5

Лабутина Т.Л. Россия в войне за чужие интересы: переговоры британских и российских дипломатов о субсидных конвенциях 1747 года

№ 3

Лазарева А.В. Дипломатическая деятельность советников немецких князей в годы Тридцатилетней войны (1618–1648)

№ 2

Митрофанов А.А. Наполеон Бонапарт, генерал Жан-Батист Журдан и проблема бандитизма в Пьемонте (1800–1802)

№ 5

Петров А.Ю., Троицкая Л.М. Начало борьбы за Орегон: последняя треть XVIII – первая четверть XIX века

№ 3

Петрова М.А. Легитимация великого князя Петра Федоровича как герцога Гольштейн-Готторпского в Священной Римской империи

Плавинская Н.Ю. Понятие «общественное благо» в реформаторских проектах Екатерины II

Стерхов Д.В. Военно-патриотическая мобилизация в Пруссии в период Освободительных войн 1813–1815 годов

Тихонова А.В. Швейцарская колония Шабо (Шабаг): путь к экономическому успеху

Ткаченко Д.С. «Мы прибыли на этот берег открыто и не маскируясь...»: дело шхуны «Виксен». По материалам следствия и британской периодической печати конца 1830-х годов

Хорошева А.О. Российское посольство в Брюсселе о политике Леопольда I в период австро-итало-французской войны 1859 года

Черкасов П.П. Рождение Третьей республики во Франции глазами русского дипломата (сентябрь 1870 года – май 1871 года)

XX ВЕК

Артамошин С.В. Навстречу Рапалло: перспектива германо-советского сближения в консервативной публицистике Мёллера ван ден Брука

Безугольный А.Ю. Московские музеи накануне и в начальный период Великой Отечественной войны: организация, структура, эвакуация

Безугольный А.Ю. «Мягкая сила» Сталина: институт Уполномоченного по иностранным воинским формированиям в СССР в годы Великой Отечественной войны

Бухарин М.Д. Советская историческая наука и внешнеполитическая динамика в конце 1930-х – 1940-е годы: линия Мишулина

Володин Д.А. Правительство Малруни и проблема суверенитета Канады в Арктике в 1980-е годы

Груздинская В.С., Сак К.В. Комиссия историков СССР и ЧССР: специфика создания и деятельности в 1960-е годы

Дамье В.В. Генуэзская конференция 1922 года глазами российских анархистов

Жангиев Д.Р. Два образа Младотурецкой революции: общественная реакция в Бейруте и Дамаске на революционные события 1908 года в Османской империи

Заводюк С.Ю., Занин С.В. Интеграция СССР в международную патентно-лицензионную систему в контексте международного технологического сотрудничества (1950-е – начало 1970-х годов)

Зорин А.В. Ян Масарик в американской дипломатической переписке, 1945–1948 годы

Иванов Н.С. Доктрина Монро и англо-американское соперничество в Латинской Америке (XIX – начало XX века)

Ивниязева В.В. Американское направление франкистской дипломатии в годы Гражданской войны в Испании, 1936–1939 годы (к вопросу о статусе представителя Ф. Франко в США Х.Ф. де Карденаса)

№ 6 № 4

Козлов Д.Ю. Офицерский корпус британского флота в наблюдениях и оценках российских представителей при Гранд Флите (1914–1918)

№ 5 № 1

Ларин А.Б. «Записка» консула в Басре К.В. Иванова: постановка вопроса об изучении Востока в российском МИД начала XX века

№ 2 № 6

Левин Я.А. Противодействие ФБР немецким и японским националистическим организациям в США (1941–1945)

№ 1 № 6

Магадеев И.Э. Берлин – Куба: взаимосвязь кризисов холодной войны в стратегических оценках сверхдержав (1961–1962)

№ 6 № 6

Мазов С.В. Военная помощь СССР федеральному правительству во время гражданской войны в Нигерии (1967–1970)

№ 6 № 4

Матвеева Н.И. КНДР и Куба на начальном этапе двусторонних отношений (1960–1965): границы «социалистической солидарности»

№ 2 № 5

Мирзаханов В.С., Ланник Л.В. Ликвидация батумской подсистемы международных отношений и ее исторические последствия, сентябрь–ноябрь 1918 года

№ 3 № 1

Михайленко В.И. «В воздухе пахнет новым Мюнхеном» (итальянские документы о подготовке международной конференции в конце августа 1939 года)

№ 3 № 4

Наумкин В.В., Скороспелов П.П. «Силам социализма выгодно, чтобы американцы крепче завязли в Юго-Восточной Азии»: Президиум ЦК КПСС и определение стратегической линии СССР во Второй индокитайской войне в 1965 году

№ 5 № 3

Павлов А.Ю. Граф де Люберсак: миссия в России, 1916–1919 годы

№ 3 № 2

Павлов А.Ю. Поддержка флотом наступления армии на Кавказском фронте в 1916 году

№ 2 № 5

Посадский А.В., Ланник Л.В. «Саратовский ключ» к кампании 1918 года

№ 3 № 3

Сергеев Е.Ю. Воздействие антиколониальных движений Среднего Востока на советско-британские отношения 1920-х годов

№ 2 № 5

Сорокин А.Н. Теория кризисов СССР канцлера ФРГ Аденауэра

№ 1 № 5

Трофимова О.Е. Исторические особенности развития экономики Швейцарии до начала 2000-х годов

№ 1 № 1

Францев А.П., Лебедев В.В. Сравнительный анализ проектов аграрных реформ в советской оккупационной зоне Германии и Северной Кореи (1945–1946)

№ 2 № 4

Чернега В.Н. «Атлантическая» и «европеистская» тенденции в Четвертой и Пятой республиках во Франции (1946–2022)

№ 5 № 1

Чернега В.Н. Эволюция франко-германских отношений в 1949–2022 годах: от германской проблемы до франко-германского тандема и идеи «державы Европы»

Шубин А.В. Женевская конференция 1954 года: кто выиграл?

Шубин А.В. Формирование политики «единого фронта» Коминтерна на фоне советской внешней политики 1921–1922 годов

Щелчков А.А. «Сендеро Луминосо» в Перу: террор и есть революция

Щелчков А.А. Чилийская революция и СССР: взгляд на Сальвадора Альенде из кабинетов ЦК КПСС

Юнгблюд В.Т., Зорин А.В. Февральский кризис 1948 года в Чехословакии в материалах американских спецслужб

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Жидкова А.В. Между системой и оппозицией: эволюция электорального облика «Национального объединения», 2017–2022 годы

Иванова Л.В. Сомалийский региональный штат Эфиопии. История и перспективы развития

Науменко Т.В., Тимахов К.В. Саудовская Аравия и Египет: два столпа Ближнего Востока

Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Королевство Саудовская Аравия: к определению модели арабской государственности

Наумов А.О., Демин Д.В. Позиция Российской Федерации в отношении «бульдозерной революции» в Сербии 2000 году

Шахалилов Ш.Ш. Политический ислам: от истории к современности

ПУБЛИКАЦИИ

Беглов А.Л., Фадеев И.А. Американские представители в СССР и судьба советской религиозной политики в начале Великой Отечественной войны. Из корреспонденции отца Леопольда Брауна 1941 года

Юсим М.А. De officio boni regis Aphorismus. К публикации рукописи Юрия Крижанича «Политика»

СООБЩЕНИЯ

Арабаджян А.З. Противоречия между Кубой и СССР после Карибского кризиса: от международной политики до политической экономии

Зайцева Д.В. Жан-Ламбер Тальен и его путь в политике

Зеленина Г.С. «Отвратительный сионизм, Израиль – не решение вопроса». Диалектика советского и национального в еврейских эго-документах 1970–1980-х годов

Лихарев Д.В. Артур Джейкоб Мардер – певец британской морской мощи

Согрин В.В. Почему в США нет социализма № 5
Чернов О.А. Н.В. Чарыков и Ф.Ф. Мартенс: карьеры двух дипломатов № 3

РЕЦЕНЗИИ

Балезин А.С. Путь в африканистику французской женщины (С. Coquery-Vidrovitch. Le choix de l'Afrique. Les combats d'une pionnière de l'histoire africaine. Paris, 2021) № 1

Ганин А.В. Красная армия и национальный вопрос (А.Ю. Безутольный. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М., 2021) № 1

Гладышев А.В. Роскошь безделья и трудовые будни губернаторов (А.В. Чудинов. Французские губернаторы в России. История одной семьи. М., 2022) № 4

Даценко П.А. Был ли Германский союз препятствием на пути к национальному единству? (М. Kreutzmann. Föderative Ordnung und nationale Integration im Deutschen Bund 1816–1848. Göttingen, 2022) № 5

Ерохин В.Н. Историческая имагология и понимание межкультурных коммуникаций («Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2021) № 3

Иерусалимский Ю.Ю., Иерусалимская С.Ю. Исторические уроки северо-восточного направления геополитики Петра I: политический, социальный и социокультурный аспекты (А.Ю. Петров. Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана. Рязань, 2022) № 3

Ипатов А.М. «Что русскому хорошо, то немцу – смерть?» (В.С. Дударев. Бисмарк и Россия. 1851–1871 гг. СПб., 2021) № 3

Калинин А.А. Политическое лидерство в эпоху социальных сетей: новая коллективная монография российских ученых-международников (Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада. Монография: к 80-летию факультета международных отношений / под ред. Л.С. Окуневой. М., 2022) № 4

Козлова А.А. Индия – путь к независимости и диалогу с Россией (В.П. Кашин. Индия. Независимость, раздел и диалог с Россией / отв. ред. Т.Л. Шаумян. М., 2022) № 3

Копелев Д.Н. Княгиня Ливен, или беседа с живыми людьми (Н.П. Таньшина. Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб., 2021) № 5

Короленков А.В. Новые книги о Тридцатилетней войне (А.Ю. Прокопьев. Тридцатилетняя Война. СПб., 2020; Vor 400 Jahren. Der Dreißigjährige Krieg / Hrsg. R. Rebitch, L. Höbelt, E.A. Schmidl. № 3

Innsbruck, 2019)

Любин В.П. Еще раз о неудавшихся революциях и реформах ([He] законченные революции и реформы: политическая практика и историческая реальность (опыт США и Европы). М., 2022)

Петелин Б.В. «Новая дипломатическая история» в отношениях Западного и России (Дипломатия и дипломаты: из истории международных отношений стран Запада и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2022)

Попов А.А. Между ФРГ и СССР: торговля как фактор экономических реформ в ГДР в 1950–1970-е годы (Б.В. Яблоков. СССР и ГДР. Экономическая дипломатия в условиях «Новой экономической системы». М., 2021)

Прокопенко Л.Я. Новое слово в историческом анализе феномена нации в постколониальных странах Азии и Африки (Д.М. Бондаренко. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М., 2022)

Родин Д.В. Великобритания в «балканском лабиринте» накануне Первой мировой войны (О.И. Агансон. В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. СПб., 2022)

Туминская О.А. Музеологическая мысль. Истоки (В.Г. Ананьев. Институт истории искусств как центр музееведческой мысли Петрограда – Ленинграда конца 1910-х – 1920-х гг. СПб., 2021)

Фадеева Т.М. Realpolitik: диалог по обе стороны Атлантики (M. Specter. The Atlantic Realists: Empire and International Thought Between Germany and the United States.

№ 2 Stanford (Cal.), 2022)

№ 6 **Хрулёва И.Ю.** Экономические причины возникновения холодной войны (К.В. Минкова. Экономические истоки холодной войны: советско-американские экономические отношения в 1943–1947 гг. СПб., 2021)

№ 5 **Черноперов В.Л.** Германская история XX века в отражении российской исторической памяти (Б.Л. Хавкин, К.Б. Божик. Российское зеркало германской истории. XX век. М., 2021)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

№ 3 **Богдашкин А.А., Теплухин В.В.** Конференция в Воронеже по проблемам фашизма и антифашизма

№ 6 **Вашкау Н.Э., Хавкин Б.Л.** Россия и Германия в судьбах российских историков. Конференция в Липецке к 90-летию со дня рождения А.И. Борозняка

№ 2 **Гуськов Е.А., Баринаева Е.П.** «Искусство управления»: империи и империализм в истории и современности (дискурсы и практики)

№ 2 **Конюшихина Н.Л.** Международная научная конференция «Великие географические открытия и культура Возрождения»

№ 2 **Лазарев А.В., Боркунов Н.В.** Всероссийская научная конференция африканистов

№ 2 **Фомин А.М.** На грани и за гранью войны. Конференция на историческом факультете МГУ

Памяти ушедших

Мусатов В.Л. (1941–2023)

№ 5

№ 2

№ 2

№ 3

№ 3

№ 6

№ 5

№ 2

№ 2

№ 5

INDEX OF MATERIALS PUBLISHED IN THE JOURNAL “MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY” IN 2023

CIVIL SOCIETY IN THE NEAR AND MIDDLE EAST IN ITS HISTORICAL AND POLITICAL DIMENSIONS

- Ardashnikova A.N., Konyashkina T.A.** “Beco-ming Visible”: Civil Society of Modern Iran in the Focus of Gender Discussion № 1
- Dolgov B.V.** Civil Society in the Middle East During the Arab Spring and Socio-Political Transformations of the Late 2010s and Early 2020s № 1
- Kuznetsov V.A.** Algeria: Political Participation During the Transformation of Political Regime after 2019 № 1
- Melkumyan E.S.** Evolution of Civil Society in Kuwait (1961–2020) № 1
- Orlov V.V.** Civil Protest and Islamic Partisanship in Morocco: Experience of the “Arab Spring” № 1
- Sapronova M.A.** Electoral Process in Arab Countries (2011–2021): Specifics, Results, Political Activity and the Role of Youth № 1
- Serebrov S.N.** Implicit Civil Society and Reform in Yemen: Lessons from the Twentieth Century № 1
- Shlykov P.V.** State and Civil Society in Turkey: Interaction, Submission, Containment (the 2000s and 2010s) № 1
- Zaytsev V.N.** Young People in Iranian Socio-Political Landscape of the Modernization Era: 20th–21st Centuries № 1

THE AGE OF DISCOVERIES AND RENAISSANCE CULTURE

- Dmitrieva O.V.** Richard Hakluyt’s “Diverse Voyages” (1582) and England’s Search for the Northwest Passage № 4
- Galkova D.A.** Are They Fruits of Ancient or Modern Knowledge? Geographical Discoveries in the Commentary of Heinrich Salmuth to the Treatise of Guido Panciroli “Rerum Memorabilium” (1602) № 4
- Krivushin I.V.** The Origins of American Indians in the European Historical Thought of the Sixteenth Century № 4
- Kudryavtsev O.F.** The Geographical Discoveries in the East of Europe and Their Influence on the Self-Consciousness of the Renaissance Culture № 4
- Okuneva O.V.** “Land of Brazil” as “Land of Dyewood”: Visual Metaphors as a Means of Representing Portuguese America in Sixteenth-Century Narratives and Iconographic Sources № 4
- Samotovinskij D.V.** “Our World Has Just Discovered Another World”: How the Discovery of the New World Influenced the Historical Consciousness of the Sixteenth-Century French Humanists № 4
- Vedyushkin V.A.** The New and Old World through the Eyes of a Discoverer: “The Sum of Geography” by Martín Fernández de Enciso № 4

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

- Filimonova M.A.** Thomas Jefferson and the Reform of the Virginia Criminal Law № 1
- Filitov A.M.** The Problem of Punishment for Nazi Criminals in the Post-War Germany: History and Historiography № 5
- Gordon A.V.** Pyotr Kropotkin’s Theory of Revolution № 4
- Kerimova-Kodjaeva T.** (Azerbaijan). Formation and Creation of the Academy of Sciences of the Azerbaijani SSR (1920–1945) in the Works of Azerbaijani and International Scholars № 3

- Kozlov D.V.** James Harrington and His Perception of History: From Narrative to Theory № 6
- Kudeyarova N.Yu.** Social and Demographic Prerequisites for Mass Migration in Italy and Spain in the XIX Century № 1
- Malkin S.G.** Small Wars of the Great Powers: Charles Edward Callwell and the Russian Empire in Comparative Perspective № 2
- Petrutina O.E.** Heroes and Anti-Heroes of the 1940s: Pendulous Swings in Greek Historiography № 3
- Repina L.P.** “Political Anatomy” and the Idea of Public Wealth from William Petty to Adam Smith № 6
- Vatlin A.Yu., Nevskiy S.I., Turygin A.A.** Wilhelm II and the Power System in Germany in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries № 3
- Vidnichuk A.O.** Female Criminality in Eighteenth-Century Russia: Formulating a Research Problem № 2
- Zanin S.V.** Making of the Science of Public Law in Europe № 5

MODERN HISTORY

- Alentieva T.V.** Corruption Scandals During the Presidency of Ulysses Grant № 2
- Cherkasov P.P.** The Birth of the Third Republic in France Through the Eyes of a Russian Diplomat, September 1870 – May 1871 № 6
- Khorosheva A.O.** Russian Embassy in Brussels on the Policy of Leopold I During the Franco-Austrian War, 1859 № 6
- Kudriavtseva E.P.** The 1833 Bosphorus Expedition of the Russian Fleet № 5
- Labutina T.L.** Russia in War for Foreign Interests: Negotiations Between British and Russian Diplomats on the Subsidy Conventions of 1747 № 3
- Lazareva A.V.** Diplomatic Activities of Councillors to the German Princes During the Thirty Years’ War, 1618–1648 № 2
- Mitrofanov A.A.** Napoleon Bonaparte, General Jean-Baptiste Jourdan, and the Problem of Banditry in Piedmont, 1800–1802 № 5
- Petrov A.Yu., Troitskaia L.M.** The Struggle for Oregon in the Last Third of the Eighteenth – First Quarter of the Nineteenth Century № 3
- Petrova M.A.** Legitimation of Grand Duke Peter Fedorovich as Duke of Holstein-Gottorp in the Holy Roman Empire № 6
- Plavinskaia N.Yu.** The Concept of the Public Good in the Reform Projects of Catherine II № 6
- Sterkhov D.V.** Military and Patriotic Mobilisation in Prussia During the Liberation Wars of 1813–1815 № 5
- Tikhonova A.V.** Swiss Colony Shabo (Shabag): The Way to Economic Success № 2
- Tkachenko D.S.** “We Arrived Openly and Without any Disguise on this Coast...”: The Schooner “Vixen” Case in the Investigation Papers and British Press of the Late 1830s № 1
- Zaichenko O.V.** “Russian Spy” Schweitzer: An Attempt at Biography Reconstruction. Agent of the High Military Secret Police in Warsaw (1819–1831) № 1
- Zaichenko O.V.** The Unmasking of the “Second Kotzebue”: Background to a Spy Scandal, 1831 № 5

20th CENTURY

- Artamoshin S.V.** Towards Rapallo: The Prospect of German-Soviet Rapprochement in the Conservative

- Opinion Journalism of Moeller van den Bruck
Bezugolny A.Yu. Moscow Museums on the Eve and in the Initial Period of the Great Patriotic War: Organization, Structure, Evacuation
Bezugolny A.Yu. Stalin's "Soft Power": Activities of the Commissioner for Foreign Military Formations in the USSR During the Great Patriotic War
Bukharin M.D. Soviet Historical Science and Foreign Policy Dynamics in the Late 1930s and 1940s: The Mishulin Line
Chernega V.N. "Atlantist" and "Europeanist" Trends in the Fourth and Fifth Republics in France (1946–2022)
Chernega V.N. The Evolution of Franco-German Relations in 1949–2022: From the German Problem to the Franco-German Tandem and the Idea of the "Power of Europe"
Damier V.V. The Genoa Conference of 1922 Through the Eyes of Russian Anarchists
Frantsev A.P., Lebedev V.V. Comparative Analysis of Agrarian Reforms in Soviet Occupation Zone of Germany and North Korea (1945–1946)
Gruzdinskaya V.S., Sak K.V. The USSR – Czechoslovakia Commission of Historians: Particularities of Creation and Activities in the 1960s
Inviyaeva V.V. Francoist Diplomacy in the United States During the Spanish Civil War 1936–1939: On the Question of the Status of the Francoist Representative to the United States Juan Francisco de Cardenas
Ivanov N.S. The Monroe Doctrine and Anglo-American Rivalry in Latin America, 19th – early 20th centuries
Kozlov D.Yu. The Officer Corps of the British Navy in the Observations and Assessments of Russian Representatives to the Grand Fleet, 1914–1918
Larin A.B. The "Note" of the Consul in Basra K.V. Ivanov: Problem Statement of the Study of the East in the Russian Foreign Ministry of the Early XX Century
Levin Y.A. The FBI's Counteraction to German and Japanese Nationalist Organizations in the United States (1941–1945)
Magadeev I.Ed. Berlin – Cuba: The Interrelationship of the Cold War Crises in the Strategic Assessments of the Superpowers 1961–1962
Matveeva N.I. The DPRK and Cuba in the Initial Period of Bilateral Relations, 1960–1965: The Limits of "Socialist Solidarity"
Mazov S.V. USSR Military Assistance to the Federal Government During the Nigerian Civil War (1967–1970)
Mikhaylenko V.I. "The Idea of New Munich is in the Air": Italian Documents on Preparations for an International Conference in Late August 1939
Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. The Dismantling of the Batum Subsystem of International Relations and Its Historical Consequences, September–November 1918
Naumkin V.V., Skorospelov P.P. "It Is Favorable To the Forces of Socialism to Keep the Americans in Southeast Asia Longer": The Presidium of the CPSU Central Committee in the Determination of the Strategic Line of the USSR in the Second Indochina War of 1965
Pavlov A.Yu. Count de Lubersac: Mission in Russia, 1916–1919
Pavlov A.Yu. Fleet Support to the Army Offensive on the Caucasus Front in 1916
Posadsky A.V., Lannik L.V. "Saratov Key" to the 1918 Campaign
Schelchkov A.A. The Chilean Revolution and the USSR: A Look at Salvador Allende from the Offices of the CPSU Central Committee
Schelchkov A.A. Sendero Luminoso in Peru: Terror is Revolution
Sergeev E.Yu. The Impact of Anti-Colonial Movements in the Middle East upon the Soviet-British Relations in the 1920s
Shubin A.V. The 1954 Geneva Conference: Who Won?
Shubin A.V. The Formation of the "United Front" Policy of the Comintern and Soviet Foreign Policy of 1921–1922
Sorokin A.N. Chancellor Adenauer's Theory of Crises of the USSR
Trofimova O.E. The Historical and Political Peculiarities of the Swiss Economic Development until the early 2000s
Volodin D.A. The Mulroney Government and the Problem of Sovereignty of Canada in the Arctic in 1980s
Yungblud V.T., Zorin A.V. The February Crisis of 1948 in Czechoslovakia in the American Intelligence Materials
Zavodyuk S.Yu., Zanin S.V. Integration of the USSR into the International Patent-Licensing System in the Context of International Technological Cooperation (1950s – early 1970s)
Zhantiev D.R. Two Images of the Young Turk Revolution: Public Reaction in Beirut and Damascus to the Revolutionary Events of 1908 in the Ottoman Empire
Zorin A.V. Jan Masaryk in American Diplomatic Correspondence, 1945–1948
- CONTEMPORARY HISTORY**
Ivanova L.V. The Somali Regional State of Ethiopia: History and Prospects for Development
Naumenko T.V., Timakhov K.V. Saudi Arabia and Egypt: Two Pillars of the Middle East
Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. Kingdom of Saudi Arabia: Defining the Model of Arab Statehood
Naumov A.O., Demin D.V. The Position of the Russian Federation Regarding the "Bulldozer Revolution" in Serbia in 2000
Shahalilov Sh.Sh. Political Islam: from History to Modernity
Zhidkova A.V. Between the System and the Opposition: The Evolution of the Electoral Portrait of the National Rally, 2017–2022
- ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS**
Beglov A.L., Fadayev I.A. American Representatives to the USSR and the Fate of Soviet Religious Policy at the Beginning of the Great Patriotic War: From Father Leopold Braun's Correspondence of 1941
Youssim M.A. De Officio Boni Regis Aphorismus: On the Publication of Juraj Križanić's "Politics"
- MESSAGES**
Arabadzhyan A.Z. Tensions Between Cuba and the USSR After the Cuban Missile Crisis: From International Politics to Political Economy
Chernov O.A. Nikolay Charykov and Friedrich

Martens: The Careers of Two Diplomats
Likharev D.V. Arthur Jacob Marder: A Glorifier of the British Sea Power
Sogrin V.V. Why There Is No Socialism in the USA
Zaytseva D.V. Jean-Lambert Tallien and His Political Path
Zelenina G.S. “Abhorrent Zionism, Israel are not the Solution”: Dialectics of the Soviet and the National in Ego-Documents of the 1970s–80s

REVIEWS

Balezin A.S. The Journey of a French Woman to African Studies (C. Coquery-Vidrovitch. Le choix de l’Afrique. Les combats d’une pionnière de l’histoire africaine. Paris, 2021)

Chernoperov V.L. German History of the Twentieth Century in the Reflection of Russian Historical Memory (B.L. Khavkin, K.B. Bozhik. The Russian Mirror of German History. XX Century. Moscow, 2021)

Datsenko P.A. Was the German Confederation an Obstacle to National Unity? (M. Kreutzmann. Föderative Ordnung und nationale Integration im Deutschen Bund 1816–1848. Göttingen, 2022)

Fadeeva T.M. Realpolitik: Dialogue on Both Sides of the Atlantic (M. Specter. The Atlantic Realists: Empire and International Thought between Germany and the United States. Stanford (Cal.), 2022)

Ganin A.V. The Red Army and the National Question (A.Y. Bezugolny. The National Composition of the Red Army. 1918–1945. Historical and Statistical Research. Moscow, 2021)

Gladyshev A.V. The Luxury of Idleness and Everyday Work of Tutors (A.V. Chudinov. French Tutors in Russia. The History of a Family. Moscow, 2022)

Ierusalimskiy Yu.Yu., Ierusalimskaya S.Yu. Historical Lessons of the North-Eastern Geopolitics of Peter the Great: Political, Social, and Socio-Cultural Aspects (A.Yu. Petrov. Petrovskaya Age and Development of the Northern Part of the Pacific Ocean. Ryazan, 2022)

Ipatov A.M. “What is Good for a Russian, is Death for a German?” (V.S. Dudarev. Bismarck and Russia 1851–1871. Saint-Petersburg, 2021)

Kalinin A.A. Political Leadership in the Age of Social Networks: A New Collective Monograph of Russian Scholars in International Relations (Leader Against the Background of the Era. Traditions and Innovations of Modern Political Leadership in Western Countries. Monograph: to the 80th anniversary of the Faculty of International Relations / ed. L.S. Okuneva. Moscow, 2022)

Khruleva I.Yu. Economic Causes of the Cold War (K.V. Minkova. Economic Origins of the Cold War: Soviet-American Economic Relations in 1943–1947. Saint-Petersburg, 2021)

Kopelev D.N. Princess Lieven, or a Conversation with Living People (N.P. Tanshina. Princess Lieven. Untitled Queen of European Diplomacy. Saint-Petersburg, 2021)

Korolenkov A.V. New Books on the Thirty Years’ War (A.Ju. Prokopjev. The Thirty Year’s War. Saint-Petersburg, 2020; Vor 400 Jahren. Der Dreißigjährige Krieg / Hrsg. R. Rebisch, L. Hobelt, E.A. Schmidl. Innsbruck, 2019)

Kozlova A.A. India – The Path to Independence

№ 3 and Dialogue with Russia (V.P. Kashin. India. Independence, Partition and Dialogue with Russia / ed. T.L. Shaumyan. Moscow, 2022)

№ 3 № 3
 № 5 **Ljubin V.P.** On Failed Revolutions and Reforms Once Again ([In]complete Revolutions and Reforms: Political Practice and Historical Reality (The Experience of the USA and Europe). Moscow, 2022)

№ 5 № 6
 № 5 **Petelin B.V.** A “New Diplomatic History” in the Relations Between the West and Russia (Diplomacy and Diplomats: from the History of International Relations between Western Countries and Russia / ed. T.L. Labutina. Saint-Petersburg, 2022)

№ 1 № 5
 № 2 **Popov A.A.** Between West Germany and the USSR: Trade as a Factor of Economic Reform in the GDR in the 1950s–1970s (B.V. Yablokov. USSR and GDR. Economic Diplomacy in the Conditions of the “New Economic System”. Moscow, 2021)

№ 2 № 3
 № 5 **Prokopenko L.Ya.** New Ideas in the Historical Analysis of the Nation Phenomenon in the Post-Colonial Countries of Asia and Africa (D.M. Bondarenko. Post-Colonial Nations in the Historical and Cultural Context. Moscow, 2022)

№ 5 № 6
 № 5 **Rodin D.V.** Great Britain in the “Balkan Labyrinth” on the Eve of the Great War (O.I. Aganson. In Search of Equilibrium: Great Britain and the “Balkan Labyrinth”, 1903–1914. Saint-Petersburg, 2022)

№ 1 № 2
 № 4 **Tuminskaya O.A.** Museological Thought: the Origins (V.G. Ananyev. Institute of Art History as a Center of Museological Thought of Petrograd – Leningrad of the Late 1910s–1920s. Saint-Petersburg, 2021)

№ 4 № 2
 № 3 **Yerokhin V.N.** Historical Imagology and Understanding of Intercultural Communications (“Own” / “Others” / “Alien”: From the History of Interaction and Confrontation Between the West, the East and Russia / ed. T.L. Labutina. Saint-Petersburg, 2021)

ACADEMIC LIFE

№ 3 **Bogdashkin A.A., Teplukhin V.V.** Conference in Voronezh on the Problems of Fascism And Anti-Fascism

№ 3 № 3
 № 2 **Fomin A.M.** On the Brink and Beyond the Brink of War: A Conference at the Faculty of History of Moscow State University

№ 4 № 2
 № 4 **Guskov E.A., Barinova E.P.** “The Art of Management”: Empires and Imperialism in History and Modernity. Discourses and Practices
 № 6 **Konyushikhina N.L.** International Conference “Great Geographical Discoveries and the Culture of Renaissance”

№ 2 № 5
 № 5 **Lazarev A.V., Borkunov N.V.** All-Russian Conference of Africanists

№ 5 № 2
 № 5 **Vashkau N.E., Khavkin B.L.** Russia and Germany in the Fates of Russian Historians. Conference in Lipetsk Marking the 90th Anniversary of the Birth of Alexander Boroznyak

№ 2 № 3
 № 2 *In Memoriam*
 Musatov V.L. (1941–2023)

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта — 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200—230 слов) и ключевые слова (до 5—9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10—15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Д.А. Саноян

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 11.12.2023 г.
Дата выхода в свет: 25.12.2023 г.
Тираж 265 экз.

70•100¹/₁₆
Зак. 11/6а.

Уч.-изд. л. 23.4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

18+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22
ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110133 от 04.02.1993

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1